

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

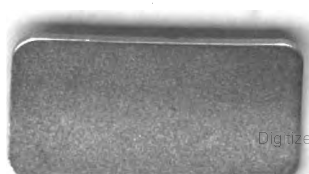
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

*QG
Batunli

ИСТОРІЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ.

Ц.

ИСТОРІЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ
ВЪ РОССІИ
ВЪ НАЧАЛЪ ХVІІ ВѢКА.

Д. БУТУРЛИНА.

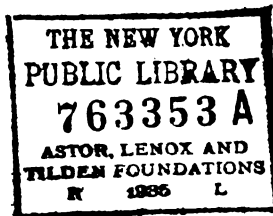
Т

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Бородина и К°.

=
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Пе-
тербургъ, 22 Января 1841 года

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ВЪ
ВЪ
ВЪ

КНИГА ТРЕТІЯ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

(1606—1608.)

Убіеніе Лжедимишріа не возспановило спокойствія Россіи! Предназначеніе Опретьева на гибель своего опечества было споль непреодолимо, что самая смершь его не сполько не прекрашила возбужденныхъ имъ неуспройствъ, но даже подала поводъ къ усугубленію зла. Правда, препергънныя бѣдствія испощали Государство, но по крайней мѣрѣ оспавляли неприкосновеннымъ его цѣлость; напротивъ того, гомовящееся междуособіе угрожало Россіи уничтоженіемъ ея самобытностіи.

Rolan JAN 18 1935

Одна самодержавная власть, сосредоточенная в руках мощного Государя, подкрепляемого единодушною преданностию первѣйшихъ сословій, могла обуздать порождающуюся крамолу и обезопасить несчастное отечество. Но какой нравственной силы можно было ожидать отъ Шуйскаго, пріѣвшаго державу Царскую не по неоспоримому праву наследства, не по обдуманному выбору всей земли, а единственно въ слѣдствіе шумныхъ восклицаній преданныхъ ему жищелей одной столицы? Прочіе Русскіе города оскорблялись присвоеннымъ Москвою преимуществомъ — располагать престоломъ, и неблагопріятствовали назначенному ею Государю. Должно также замѣтить, что въ отдаленности отъ столицы еще многіе благоговѣли предъ памятью Лжедимитрія. Безпутныя дѣйствія, коими въ глазахъ Москвичей онъ отличалъ себя въ самозванствѣ, въ пренебреженіи православія и народныхъ обычаевъ, оставались часто по шрудности сообщеній безъизвѣстными для большаго числа иногородцевъ, такъ что въ уздахъ многіе жалѣли о его участи и воспламенялись ненавистью къ новому Государю, котораго почитали гнуснымъ и взрломнымъ Царубійцею.

Кромѣ сихъ спихій раздора и междоусобій, предождали для Царя Василья Ивановича и другія важныя затрудненія и заботы. Истощенная рассто-

чистельностию Лжедмитрія казна была недоста-
пючна для необходимѣйшихъ издержекъ. Знапные
Болре, негодовавшіе за вынужденіе ихъ согласія на
воцареніе Шуйскаго, гоповились къ вреднымъ для
правительства кознямъ, душею коихъ былъ гну-
сный Князь Василій Васильевичъ Голыцынъ, мечтав-
шій самъ о престолѣ, по мнѣнію его, вѣроломно
Шуйскимъ похищенномъ. Но всего опаснѣе пред-
ставлялась для Царя еще непрекращенная борь-
ба между помѣщиками, силившимися удержати
преимущества, дарованныя имъ законами Годунова,
и крестьянами, домогавшимися возвращенія пре-
жней свободы перехода. Удовлетворить ихъ и
другихъ было дѣломъ невозможнымъ. Василій Ива-
новичъ, по примѣру Царя Бориса, почелъ выгод-
нѣйшимъ принять споруоу помѣщиковъ. Но ша-
кимъ образомъ, стараясь привлечь къ себѣ воен-
ныхъ людей, онъ неминуемо долженъ былъ, какъ
и Борисъ, жестоко вооружить противъ себя мно-
гочисленныхъ крестьянъ.

Предусмотрительный Василій, достигнувшій
вступленіемъ на престолъ предмета своего често-
любія, чувствовалъ вмѣстѣ и всю шагость бре-
мени, имъ на себя возложеннаго. Онъ зналъ, что без-
численные препяпствія ожидали его на предсто-
щемъ ему поприщѣ, но надѣялся ошвратить ихъ
дѣйствиемъ строгой умѣренности и расцепливаго

благоразумія. Въ исторіи народовъ встрѣчаются несчастныя времена, въ кои все обращается во вредъ Правителямъ, и самая ихъ осторожность, принимая видъ безсилія, низпадаетъ и поощряетъ крамолу.

Мы видѣли, что Василій, желая угодить Болрамъ и всему народу, въ самый день своего воцаренія торжественно далъ клятвенное обѣщаніе, обуздывающее клевету и ограждающее личность и право собственности всѣхъ и каждого. Съ другой стороны, имѣя въ виду извѣстную ему всеобщую ненависть къ брату его, Князю Дмитрію Ивановичу, онъ не вывелъ ни его, ни другаго брата своего, Князя Ивана, изъ среды прочихъ подданныхъ своихъ, и оба они остались на прежнихъ мѣстахъ въ Боярской Думѣ, уступая первенство Князю Мстиславскому, а Князь Иванъ даже и многимъ другимъ Болрамъ. Но и то и другое дѣйствіе, вмѣсто того, чтобы умножить число Царскихъ приверженцевъ, имѣли вредное вліяніе на общее мнѣніе. Говорили, что Василій покупалъ Царство снисхожденіями, несовѣстными съ достоинствомъ законнаго Государя, что ограниченіемъ своей власти онъ, вопреки старинныхъ обычаевъ, ослаблялъ силу самодержавія именно въ такое трудное время, когда правительству спользу было явиться крѣпкимъ, и наконецъ, что,

Никоновская
Автопись.

не приблизивъ своихъ родныхъ къ престолу, онъ явно признавался, что самъ мало имѣлъ права на оный.

Не смотря на сіи полки, Василій не только оставался въ предѣлахъ умеренности, имѣя себѣ предначертанныхъ, но даже тщательнѣе соблюдалъ данное имъ, при составленіи заговора противъ Разстриги, Князьямъ Годицыну и Куракину Дневникъ Марини. общіе никому не мстить за прежнія вины, и управляя Государствомъ общимъ совѣтомъ. Такимъ образомъ Бояре сдѣлались равносильными Царю и правительствомъ, лишеное единства воли, утратило вмѣстѣ съ тѣмъ и власть, необходимую для общаго блага. Съ другой стороны водворилась безнаказанность, поощрительная для однихъ преступниковъ. Никто изъ злѣйшихъ сподвижниковъ Самозванца не былъ казненъ, и даже весьма малое число изъ нихъ были удалены. Такимъ образомъ первый сановный измѣнникъ въ пользу Отрепьева, Бояринъ Князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосальскій и Казначей Афанасій Власевъ, были отправлены на воеводства: первый въ Корелу, а другой въ Уфу; также Бояринъ Михайло Салпыковъ получилъ начальство въ Ивангородѣ, а Бояринъ Богданъ Бѣльскій посланъ на службу въ Казань. Но ни который изъ шрехъ Бояръ не лишился своего знатнаго сана. Все выказывало безсиліе правленія, предвѣщавшаго развитіе новыхъ крамоль. Послужной списокъ старинныхъ чиновниковъ.

Духовенство оставалось еще безъ главы. По повелѣнію Царя находившіеся въ Москвѣ Россій-

Записки къ
Сибирской
Исторіи слу-
жація.

скіе Епископы собрались 25 Мая для назначенія Паптріарха. Единогласный выборъ ихъ палъ на Мишрополита Казанскаго Ермогена, сославшаго Лжедимитріемъ за непреклонную его приверженность къ уставамъ истинной церкви. Никто не могъ имѣть богѣе права на первосвященническое мѣсто, какъ сей неустранимый мученикъ православія.

Столяровъ
Хронографъ.

Но несомнѣнная добродѣтель сего ученаго и величаваго Пасныря нѣсколько затмѣвалась нѣкоторыми недоспашками. Чуждаясь всякой снисходительности, онъ излишнею строгостію приводилъ въ опчаяніе прибѣгающихъ къ его милосердію. Съ другой стороны онъ оказывался доступнымъ для наущниковъ, которые часто успѣвали даже его ссорить съ Царемъ. Такимъ образомъ, не смотря на благія намѣренія свои, онъ успевалъ новымъ перниемъ стезю, по коей предназначено было слѣдовать Государю. Впрочемъ, мы увидимъ, что когда опасности, угрожающія престолу, усугубились, то Ермогенъ явился во всемъ блескѣ своей священики и крѣпкимъ словомъ своимъ будетъ опсѣивать по возможности гибнущаго Царя.

Рукопись
Филарета.

1-го Іюня новый Государь вѣнчался на Царство въ Успенскомъ соборѣ; священнодѣйствовалъ Исидоръ, Мишрополитъ Новгородскій, за отсутствіемъ

емъ еще не прибывшаго въ Москву Патриарха:

Церковные обряды были соблюдены во всей почтении, но безъ всякой пышности. Василий, косто Чинъ въвча-
нїя на царство
Царя Васи-
лїя.
природная бережливость часшо доходила до скупости, не хотѣлъ испощать скудную казну свою издержками, по мнѣнію его, бесполезными. Но не должно было считатьъ бесполезнымъ, что могло придашь достойное величіе первому изъ Государственныхъ шоржесствъ! Въ особенности Василию шѣмъ нужнѣе было явить себя во всемъ блескѣ Царскаго величія, что наружность его не имѣла величавости. Люди, привыкшіе къ роскоши Разширги, смотрѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на малорослаго, слѣповашаго, угрюмаго снарца, бѣдно принимающаго славный вѣнецъ Мономаха.

Между шѣмъ разные неблагопрїятные для Царя вѣсти распространялись въ шцолицѣ. Иные шептали, что Димитрій еще разъ избавился ошъ Маржереть.
своихъ губителѣй и находнтся въ живыхъ; другіе увѣрали, что Бояре ищущъ случая вручить державу шому, кшо по знатности своей имѣлъ на шную болѣе права, чѣмъ Василий. Но знатнѣе Шуйскаго въ Россїи могли только почитаться Князь Мстиславскій и зять его слѣпой Инокъ Стефанъ, бывшій Царь Сямеонъ. Василий рѣшила ся сослать еще далѣе Стефана, жившаго въ Ки-

Грамота Царя Василья Кирилловича Монастырь; его отправили въ Соловецкую Обитель. Мстиславскаго же не пронули. Опасался ли Царь возбудить противъ себя негодованіе Боярской Думы, гдѣ Мстиславскій былъ первенствующимъ лицомъ, или не полагалъ ли онъ, что сей вельможа, котораго онъ зналъ хорошо, самъ искренно отвергнетъ всякіе чесполобивые ковы, сплешасмые въ его пользу?

Маржеретъ, Беръ, и выписки изъ посольства Князя Волконскаго.

Слухи о Димитріѣ еще болѣе тревожили Царя. Первый поводъ къ онымъ подалъ Михайло Молчановъ, одинъ изъ убійць Царя Осодора Борисовича. Злодѣй, спрашась заслуженнаго имъ наказанія, въ то самое утро, какъ погибъ Лжедимитрій, вывелъ изъ Царской конюшни прехъ Турецкихъ лошадей и бѣжалъ изъ Москвы въ сопровожденіи двухъ Поляковъ. Невзвѣспно съ какого умысла, онъ на пупи спалъ выдавать себя за убійцаго самозванца; можетъ быть, видя, что сельскіе жители жалѣли о Димитріѣ, онъ надѣялся подъ его именемъ найти болѣе удобности къ своему проѣзду. Какъ бы то ни было, прибывъ въ Серпуховъ, онъ далъ горсть денегъ одной Нѣмкѣ, вдовѣ, у которой обѣдалъ, и сказалъ ей, что она угощала Царя Димитрія, вмѣсто ксого по опибкѣ Москвитяне убили другаго челоуѣка, и что Димитрій скоро ворошится съ сильною рашью. Бѣглецы, переправляясь чрезъ

Оку, близь Серпухова, дали перевозчику шесть злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и также увѣрили его, что онъ перевезъ Димитрія, Царя Всероссійскаго. Потомъ, продолжая слѣдованіе свое до Польскихъ предѣловъ, вездѣ по дорогѣ разглашали о мнимомъ спасеніи Димитрія.

Нелѣпость новаго лжесвидѣтельства была очевидна. Самозванецъ былъ убитъ не ночью, а днемъ, не тайно, а всенародно, въ глазахъ Бояръ, Московскихъ обывателей и самихъ иностранныхъ спражекъ его; при дня тѣло его позорно лежало на площади. Не представлялось ни малѣйшей возможности сомнѣваться о его смерти. Не смотря на то, не только въ уѣздахъ, но и въ самой столицѣ молва о его спасеніи распространялась. Нѣкоторые дѣйствительно вѣрили по безразсудному легкомыслію, подкрѣпляемому врожденнымъ пристрастіемъ къ чудесному; но еще болѣе наплось припворспвующихъ, конхъ вся вѣра заключалась въ тайной надеждѣ на новый предлогъ къ своевольству и мятежамъ.

Царь, желая разувѣришь слабоумныхъ и удержавъ злонамѣренныхъ, рѣшился въ борьбѣ своей съ лѣвию Димитрія опираться на важномъ свидѣтельствѣ православної церкви. По повелѣнію его Филаретъ, Митрополитъ Ростовскій, Феодосій,

Рукопись Филарета и Никоновская лѣтопись.

Епископъ Асшраханскій, Архимандриты Спасскій и Андроновскій и Боаре: Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Пешръ Никитъевичъ Шеремешевъ и Андрей Александровичъ и Григорій Федоровичъ Нагіе, отправились въ Угличъ для вырытія тѣла Царевича Димитрія и привезенія онаго въ Москву. По вскрытіи гроба, тѣло оказалось неплѣннымъ, и Россійская церковь сопричала къ лику святымъ невинно закланнаго царственнаго младенца. 3 Іюня мощи ввезены были въ Москву; Царь встрѣшилъ ихъ съ иконами и крестами за воротами Бѣлаго Города, при многочисленномъ спеченіи народа, и принявъ раку, понесъ ее на плечахъ своихъ до Архангельскаго собора. Тамъ между полпившихся набожныхъ Москвитянъ явилась Царица Инокія Марѳа и, внявъ предъ цѣлою Россію въ томъ, что *страха и прельщенія ради* потворствовала Самозванцу, торжественно просила Царя велѣть отпустить ей грѣхъ, тяготящій ея совѣсть. Василій объявилъ ей прощеніе въ уваженіе памяти ея супруга, Царя Іоанна Васильевича, и сына, новаго Угодника. Извѣстительныя о томъ грамоты разосланы были во весь города. Василій воспользовался симъ случаемъ, чтобы повсемѣстно огласить преступныя замыслы Самозванца противъ благовѣрія и Русской народности. Къ грамотамъ при-

ложены были списокъ съ записи, данной Отрепьевымъ Мнишку въ Самборъ, и извлеченія изъ переписки его съ Римскимъ дворомъ и духовенствомъ *. Изобличая такимъ образомъ Лжедмитрія въ намереніи раздробить Государство въ пользу всегдашнихъ враговъ Россіи, и замѣнивъ въ ней православіе Папскимъ лжевѣріемъ, Василій надѣялся посеять сильное отвращеніе къ нему во всѣхъ Русскихъ сердцахъ. Но въ мятежныя времена часто гнусныя спрасси берутъ верхъ надъ очевидностію убѣжденія! Самое проклятіе, по повелѣнію Царя провозглашаемое во всѣхъ церквахъ памяти Григорія Отрепьева, какъ злѣйшаго ерешка, мало дѣйствовало на людей, коихъ личныя выгоды согласовались съ шоржесствомъ самозванства.

Среди сихъ заботъ, Василій занимался еще отвращеніемъ пагубныхъ слѣдствій предугадываемаго озлобленія Короля Польскаго, за убіеніе споль многихъ изъ его подданныхъ. Въ несчастномъ положеніи, въ коемъ находилась Россія, трудно бы ей было съ успѣхомъ вспять открывшую войну съ Польшею. Царь, спараясь ослабить негодованіе Поляковъ, принималъ всѣ благоразумныя мѣры для охраненія ихъ жизни и

* Смотри Приложенія № 1.

Дневникъ
Пословъ.

свободы. Марину отпустили на домъ къ отцу ея. Всѣхъ жолнеровъ и просполодниковъ Польскихъ отправили безвредно за границу, отобравъ однако отъ нихъ оружіе и лошадей. Оставили въ

Дневникъ
Марины.

Москвѣ только около 300 челядинцевъ для прислуги семейству Мнишковъ и прочимъ знатнымъ Панамъ, коимъ неоспорочно было бы позволено возвратиться въ Польшу прежде полученія успокоительныхъ извѣстій о дальнѣйшихъ видахъ Польскаго Правительства.

Дневникъ По-
словъ, Дове-
сенія ихъ въ
рукописяхъ
Пулавской
библіотеки
и Паерле.

Жолнеры отправились въ походъ 23 Мая, а чешыре дня спустя Польскіе Послы приглашены были во дворець, гдѣ вмѣсто прежняго блеска и великолѣпія видѣли скудость и уныніе; не было ни шѣлохранищелей, ни сирѣльцовъ, ни богатоубранныхъ чиновниковъ. Послы, введенные въ золотую палату, нашли тамъ сидящихъ Бояръ: Князя Мстиславскаго, Князей Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, Князя Трубецкаго, Романова, Князей Василья, Ивана и Андрея Голицыныхъ, Михайлу Нагаго и Окольничаго Ташищева. За ними споло еще много менѣе знатныхъ чиновниковъ. Когда и Послы съѣли, то Князь Мстиславскій прочелъ слѣдующую бумагу: *Въ недавнемъ времени, какъ намъ и вамъ извѣстно, по смерти блаженной памяти Царя Іоанна Васильевича, нашего Государя, остались два сына: одинъ Царь Θεодоръ,*

христомлюбивый, богугодный, счастливо, покойно и въ изобилии всякъхъ благъ царствовалъ надъ нами; другой, Царевичъ Дмитрій Ивановичъ, въ младенческихъ лѣтахъ получилъ себѣ въ удѣлъ городъ Угличъ съ иными городами и волостями. Ему довелась смерть по умыслу Царя Бориса, бывшаго Правителемъ при Царѣ Θεодорѣ, и имѣвшаго уже намѣреніе завладѣть Московскимъ Царствомъ, ибо Царь Θεодоръ былъ бездѣтенъ. Послѣ кончины Царя Θεодора содѣлался Царемъ въ цѣломъ Государствѣ Царь Борисъ, къ которому Король вашъ Сигизмундъ присылалъ Великихъ своихъ Пословъ Пана Льва Сапѣгу, Канцлера Великаго Княжества Литовскаго, съ товарищи. Сии заключили между обоими Государями и Государствами двадцатилѣтній миръ, утвержденный присягою съ обѣихъ сторонъ. Потомъ, по бѣсовскому наущенію, Гришко Богдановъ Отрепьевъ, чернецъ, дяконъ, воръ, за чернокнижество приговоренный къ наказанію святыми соборными отцами, бѣжалъ въ землю Короля, вашего Государя, и тамъ принявъ имя Царевича Дмитрія Ивановича, представился Сигизмунду, Королю вашему. Мы, Думные Бояре, услышавъ, что тотъ воръ въ Литвѣ, послали къ Литовскимъ Сенаторамъ съ письмомъ нашимъ Смирнаго Отрепьева, роднаго дядю того вора, дабы уличить его и доказать Сенаторамъ вашимъ, что онъ не есть

тотъ, за кого себя выдаетъ. О томъ же Патріархъ и Епископы наши посылали и писали Архіепископамъ и Епископамъ вашимъ. Но Король вашъ Сигизмундъ и Паны рады его, отвергнувъ наши извѣстія и забывъ утвержденныя присягою условія, которыми постановлено до истеченія срока договора ни помогать никакому непріятелю ни деньгами, ни людьми, повѣрили тому вору, дали ему и деньги и людей, и отправили Пана Юрѣя, воеводу Сендомирскаго, съ многомысленнымъ войскомъ въ предѣлы Московскаго Государства. Когда же воръ пришелъ съ Польскими людьми въ Стверскую землю, то неслышенная чернь повѣрила тотчасъ ему и сдала ему многіе города, связавъ начальствующихъ тамъ воеводъ. Наконецъ по изволенію Божію умеръ Царь Борисъ; воръ же, при помощи вашего Короля и вашихъ людей, овладѣлъ столицею и цѣлымъ Царствомъ, и хотѣлъ встѣхъ насъ людей знатнаго рода истребить, а вѣру нашу хрстіанскую уничтожить. Пришедшіе съ воеводою Сендомирскимъ жолнеры дѣлали Русскимъ людямъ всякія обиды и даже отнимали женъ у мужей. Царица и Великая Княгиня, мать истиннаго Дмитрія, хотя сначала отъ страха и признала Самозванца за своего сына, но потомъ объявила намъ, что онъ воръ. И мы, не стерпѣвъ долге надъ собою такого вора, убили его. Чернь же, раздраженная претерпѣнными

отъ васъ оскорбленіями, бросилась на вашихъ людей безъ нашего вѣдома, и слѣдствіемъ того было великое кровопролитіе. Вся же смута сія произошла отъ Короля вашего, отъ Пановъ рады его и отъ васъ, что вы нарушили крестное цѣлованіе и мирное постановленіе. Теперь же, по милости Божіей, съ согласія всѣхъ чиновъ, Духовенства, Бояръ и всѣхъ людей содѣлался Московскимъ Царемъ всея Россіи, Василій Ивановичъ, который, какъ милосердый и мудрый Государь, жалеть о такомъ разлитіи христіанской крови, и приказалъ всѣхъ вашихъ низшаго состоянія людей, здѣсь еще не въ маломъ количествѣ оставшихся въ живыхъ, отправить со всѣмъ имуществомъ ихъ въ Литовскіе предѣлы. Все сіе мы вамъ Посламъ объявляемъ, дабы вы усмотрѣли неправду Короля вашего Государя и Государствъ его, и что вы дѣйствуете не по христіански.

По окончаніи чтенія, послы опопыли въ спору и посовѣтовались между собою. Послѣ чего Панъ Гонсѣвскій, лучше своего поварища знавшій Русскій языкъ, отвѣчалъ по Русски въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Выслушавъ читанную вами рѣчь, просимъ сообщитъ ее намъ письменю, и тогда будемъ также на бумагѣ пространно отвѣчать. Теперь же довольствуемся въ кратицѣ сказать вамъ слѣдующее:

Часть II.

2

Извѣстно было и въ Государствѣ Короля Пана нашего, что послѣ Великаго Государя вашего, Юанна Васильевича, остался еще сынъ Дмитрій, въ младенческихъ лѣтахъ и что ему Угличъ данъ былъ въ удѣлъ. Потомъ слышно было и то, что его сугубилъ Борисъ, и о томъ наши Поляки, какъ люди христіанскіе, весьма соболъзновали. Послѣ того тотъ, кого вы не признаете Дмитріемъ, пришедъ изъ Москвы въ Государство Короля Его Милости, доказывалъ многими вѣроятія заслуживающими доводами и признаками на тѣль, что онъ истинный Дмитрій Ивановичъ, Господомъ Богомъ чудесно спасенный отъ жестокости Бориса, присовокупляя, что Борисъ коварно и тайно извелъ Великаго Государя своего Феодора Ивановича и дитя, которое Царь сей и мѣлъ отъ жены своей, а его Борисовой сестры, и что Борисъ сильно угнетаетъ Московское Государство, разорлетъ и истребляетъ знатныя дома, и вась Думныхъ Болръ и васьхъ вельможныхъ людей держитъ въ такой неволѣ, что вамъ не остается ни малѣйшаго способа къ спасенію. Мы не сомнѣвались о злостныхъ дѣйствіяхъ Бориса, потому что слышали объ нихъ и отъ другихъ людей вашего народа. Вы сами часто, разговаривая съ нами, также отзывались объ немъ, да и теперъ въ гитанной намъ рѣчи свидѣтельствуете о свирѣпствѣ и вѣроломности Бориса, послѣдовавшаго на жизнь природнаго своего Пана.

Впроче́мъ, ни Король, Его Милость, ни подданные Короля, Его Милости, сначала не повѣрили словамъ пришельца, и долгое время оставался онъ у насъ въ пренебреженіи, пока не собрались къ нему изъ разныхъ городовъ нѣсколько людей изъ Московскаго народа, которые единогласно признавали его за истиннаго Царевича Дмитрія Ивановича. Когда же съ силами людьми онъ предсталъ предъ Королемъ, Его Милостью, то и тутъ Король не убѣдился еще, чтобы онъ былъ настоящимъ Царевичемъ Дмитріемъ; но съ другой стороны, вспоминая о непостижимости судебъ Божіихъ, и находя много примѣровъ въ Исторіи, что Королевскія и Царскія дѣти, на жизнь коихъ злые люди посягали для похищенія ихъ престола, были охраняемы отъ Господа Бога чудесною Его силою, и возстановляемы на принадлежащій имъ престолъ, и также принимая въ соображеніе извѣстно ему лукавство Борисово и злобу его, доказанную тѣсными и продолжительными задержаніемъ Королевскихъ Пословъ, Король изволилъ разсудить, что нѣтъ причины пресирать мнѣшаго Дмитрія, ни заключать его въ темницу. Однако, уважая клятвенные договоры между Государей и Государствъ, которые Король, Его Милость, какъ набожный христіанскій Государь, свято наблюдаетъ со всѣми сосѣдами своими, онъ не сталъ приближаться за Дмитрія вступать въ войну съ вами, и представилъ

все дѣло воля Божіей, полагал, что если онъ не обманщикъ и дѣйствительно Божій промыслъ чудеснымъ образомъ спасъ его отъ смерти, то что тотъ же промыслъ возвратитъ ему престолъ его прародителей. Король не отправилъ съ нимъ Гетмановъ своихъ, ни Короннаго, ни Литовскаго, чрезъ коихъ обыкновенно Король, Его Милость, и Рѣчь Посполитая ведутъ войну съ неприятелемъ, и также войскъ своихъ съ нимъ не посылалъ. И тотъ Царевичъ въ нашемя Государствѣ почитался не столько за Царевича, сколько за нищаго, и многіе богоблзливые люди давали ему милостыню Христа ради, какъ и вы, будучи христіанскимъ народомъ, также поступаете съ бѣдными. Другіе же, изъ коихъ и Панъ Воевода Сендомирскій, человекъ прядушный, повѣривъ, что онъ истинный Царевичъ, согласились по просьбѣ его и окружавшихъ его Москалей, слѣдовать за нимъ въ маломъ числѣ до Московскоѣ границы. Онъ и бывшая съ нимъ Москва увѣряли, что ихъ за границу Московскіе люди радостно примутъ съ хлѣбомъ и солью и сами сдадутъ ему города, какъ природному Государю своему. Если же бы не такъ случилось, то Панъ Воевода съ Поляками веротился бы съ границы, дабы не нарушить существующаго договора. Когда же такимъ образомъ подошли къ Московскоѣ границѣ, то Московскіе люди выходили еще за границу, встрѣчая его, какъ онъ предсказы-

валъ, съ хлѣбомъ и солью. Муромскъ и Черниговъ сдались ему добровольно, и отъ того наиболее утвердилась между Поляками вѣра, что онъ истинный Димитрій. Хотя же и получены были письма отъ имени Думныхъ Бояръ къ Панамъ Сенаторамъ Литовскимъ, и отъ имени Духовенства вашего къ Духовенству Коронному, но Москва, находившаяся при томъ, кого признавала за своего Царевича, извѣстила, что тѣ письма посланы были самими Борисомъ, безъ вѣдома васъ Думныхъ Бояръ и вашего Духовенства. По сему Король, Его Милость, и Паны Сенаторы, не пособляя и не мѣшая ни въ чемъ ни той ни другой сторонѣ, оставались въ наблюденіи, ожидая окончанія дѣла отъ правосудія Божія. Когда же нѣкоторые Москаки стали упорствовать въ Новгородкѣ Сѣверскомъ и Борисъ, увѣдомляя Короля чрезъ Послика Огарева, что человекъ сей не Димитрій, а называется, какъ и вы теперь удостоверяете, Отрепьевымъ, наполнялъ о мирноиъ постановленіи, то Король, не желая нарушать договора послѣ такового отзыва Бориса, приказалъ послать строгіе свои Универсалы къ Пану Воеводѣ Сендомирскому и къ прочимъ Полякамъ, подѣ Новгородкомъ стоявшимъ, чтобы они долѣе не оставались при семъ человекѣ, и тотъ часъ же возвратились въ Польшу. Тогда остались только при немъ вѣщи Донскіе Козаки,

нѣкоторая часть Запорожцевъ и другіе Московскіе люди *. Но и послѣ отъѣзда Пана Воеводы Сандомирскаго многіе города, отложившись отъ Бориса, признали Царевича за своего Государя. По смерти же Бориса, оставившей васъ безъ Государя, Король, Его Милость, ожидалъ, что вы, пользуясь свободою и не претерпѣвая болѣе принужденія ни отъ Бориса, ни отъ противной стороны, доставите ему Королю достовѣрное свидѣніе о прямой истинѣ. Но тутъ все ваше лучшее Московское войско, стоявшее подъ Кромами, Князя, Воеводы, знатные люди, Дворяне, передались Царевичу добровольно, поклонились ему, какъ своему Государю, и повели его сюда въ столицу. Вы, Боляре, хотя Димитрій еще далеко былъ отъ столицы, жену Борисову и сына его посадили въ темницу, а сами съ, какъ Князь Мстиславскій, такъ и Князь Шуйскій и прочіе, выѣхали къ нему на встрѣчу за 30 миль отъ Москвы, и, признавъ его за своего Го-

* Примѣчаніе. Тутъ Гонсѣвскій скрываетъ истину. Много Поляковъ осталось еще при Самозванцѣ, да и Мнишекъ съ товарищами возвратился въ Польшу не изъ послушанія къ Королевскому приказу, а въ слѣдствіе возмущенія Шлихты. Это доказывается тѣмъ, что обѣщаніе послать Универсалы дано Огареву въ Варшавѣ въ первыхъ числахъ Февраля, то есть когда уже тамъ должны были знать объ оставленіи Мнишкомъ Ажедимитрія, ибо Воевода выѣхалъ изъ лагеря Разстриги 4-го Января.

сударя, присягнули ему. Проводя же сюда его въ столицу, въ же его короновали. Затѣмъ ваши посланники въ бытность своего у насъ, да и вы сами здѣсь не преставали говорить, что невозможное дѣло, чтобы наши люди посадили его на Московскій престолъ, но что вы сами приняли его добровольно. Потомъ онъ прислалъ къ намъ посланникомъ Леонася Власьева, знатнаго Московскаго чиновника, который уже отъ Бориса посылаемъ былъ къ Королю, Его Милости, къ Цесарю и въ другія мѣста. Посланникъ сей, имѣя при себѣ многихъ Московскихъ Дворянъ, вручилъ Королю, Его Милости, письма за здѣшнюю Московскою печатью, благодарилъ за хлѣбъ соль и все доброжелательство, которыми Дмитрій пользовался въ областяхъ Короля, Его Милости, и, свидѣтельствуя о желаніи его, чтобы вѣчная дружба существовала между Королемъ и Рѣчью Посполитою и имъ и Московскимъ Государствомъ, просилъ дабы Король, Его Милость, дозволилъ Пану Воеводѣ Сендомирскому выдать за него дочь свою. Король, Его Милость, какъ Государь христіанскій и набожный, желая, чтобы его Государство и Московское взаимно укрѣпились противъ враговъ святаго креста, и послѣ таковыхъ вашихъ завѣреній не сомнѣвался болѣе о родѣ его, охотно далъ свое соизволеніе на бракъ. Леонасій обручился съ дочерью Пана Сендомирскаго

Воеводы именовъ того, о комъ въ утверждали, что онъ былъ истинный *Димитрій*. Тотъ же *Авдасій* и другіе посланные отсюда изъ *Москвы*, отъ него и отъ вась, благодарили Пана Воеводу *Сендомирскаго* за оказанное ему въ ильгнн Воеводы доброжелательство. Потомъ Панъ Воевода привезъ дочь свою сюда; Король же, Его Милость, отправилъ посольство на свадьбу и для постановленія вѣчнаго союза. *Московскіе* знатнѣйшіе Сенаторы, Князь *Василій Мосальскій* и *Михайло Нагій* съ немалою свитою, встрѣтили Пана Воеводу и дочь его на границѣ и проводили до столицы. Въ *Бояре* еще въ палаткахъ за городомъ поздравили ее и приняли какъ свою Государыню. Послѣ того съ общаго согласія, она была торжественно коронована *Патріархомъ* и *Владыками* вашими по вашему обряду. Насъ *Пословъ* также встрѣтили передъ *Смоленскомъ*, и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, приставы провожали насъ до самой столицы. *Посольство* мы отправляли торжественно и съ вами бывали на совѣщаніяхъ. Вы намъ вовсе не говорили, чтобы онъ не былъ истиннымъ *Димитріемъ*. Нынѣ же, убивъ его, одружъ, вопреки вашихъ рѣчей и клятвъ, сами себя противорѣчите и несправедливое нареканіе наводите на *Короля*, Его Милость. Все остается на вашей отвѣтственности; мы же ничего не возвраща-

жаемъ противъ его убійства, потому что и жалеть объ немъ не имьемъ причины. Сами вы видѣли, какъ онъ принялъ меня, Старосту Велижскаго, когда я былъ у него въ первый разъ посланникомъ отъ Короля, Его Милости, и теперь насъ обоихъ, и до какой стѣси онъ дошелъ, требуя новыхъ титуловъ, упуская Короля, Его Милость, называть Королемъ, и отказываясь отъ принятія Королевскихъ писемъ. Мы только тому не можемъ надивиться, что вы, Думные Бояре, люди (какъ полагаемъ) разумные, позволяете себѣ въ сихъ дѣлахъ самими себѣ противурѣчить и безвинно упрекать Короля, Его Милость. Того же сообразить и разсудить не хотите, что тотъ чело-вѣкъ, который именовался истиннымъ Димитриемъ, и котораго вы называете ложнымъ, былъ природный Москвитянинъ, и что не наши о немъ свидѣтельствовали, а ваши Москали, встрѣчал его передъ границею съ хлѣбомъ и солью; Москва сдавала города; Москва ввела его въ столицу, присягла ему на подданство и короновала его своимъ Государемъ. Сказать однимъ словомъ: Москва начала, Москва и совершила, и вы никого въ томъ упрекать не въ правѣ. Мы только о томъ стѣнуемъ и сокрушаемся, что побито столь много знатныхъ людей Короля, Его Милости, которые о томъ чело-вѣкѣ съ вами никакой ссоры не имѣли, на упо-

минаемой вами войны не были, жизнь его не оберегали, (ибо охранение себя они вверили вашим людям), о убийстве его не знали, и под ругательство договоров оставались на своих квартирах. Кровь их разлита, а великое и мужество разграблено. Мы смгло все бы сіе отдали на судъ жестокайшаго врага Короля, Его Милости, и Ръчи Посполитой, и твердо увърены, что всякой благо-разумный человекъ посудитъ, что вина вся ваша. Мы полагаемъ, что съ нашей стороны договоръ ни въ чемъ не нарушенъ. Что касается до пролитія крови братьевъ нашихъ, въ чемъ вы обвиняете чернь, мы надѣемся, что будетъ учинена расправа и виновные получатъ достойное наказаніе, тогда слѣдовать будетъ намъ, принимая ваши извѣщенія, отнести несчастный случай сей къ грѣху и Божиему поущенію, а вамъ Пана Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и прочими людьми Короля, Его Милости, отпустить съ ильнїемъ ихъ, при насъ Послахъ, въ Государство Короля, Его Милости, и о томъ совѣтуемъ вамъ битъ челомъ своему нынѣшнему Государю, для собственной вашей пользы и спокойствія. Мы также, воротясь къ Королю, Его Милости, будемъ стараться, чтобы не разрывать мира до постановленнаго срока.

Выслушавъ все сіе съ величайшимъ вниманїемъ, Бояре еще сидѣли нѣсколько времени, въ молчанїи

поглядывая другъ на друга. Казалось все довольны были рвѣчью Гонсвѣскаго. Наконецъ вспалъ Тапищевъ, подошелъ къ Князьямъ Мстиславскому и Шуйскимъ, посовѣщовался съ ними и, возвращаясь на свое мѣсто, спалъ говорить почти тоже, что читалъ Мстиславскій, присовокупляя только, что за неправды Полаковъ Богъ караетъ ихъ междоусобными раздорами и навѣщаетъ по Ханомъ Ташарскимъ, по Карломъ Шведскимъ, и что самъ Сигизмундъ трепещетъ за жизнь свою, среди подданныхъ. На сіе Гонсвѣскій возразилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *О домашнихъ раздорахъ, о коихъ упоминаете, мы ничего не знаемъ и не въришь сему извѣстію. Правда, будучи народомъ вольнымъ, мы привыкли говорить вольно. Но чтобы жизнь Короля, нашего Государя, находилась въ опасности среди подданныхъ его, это сказки пустыя и для самаго слуха нашего отвратительныя. Честный народъ нашъ всегда хранилъ вѣрность своимъ Государямъ и теперь хранитъ ее Королю, Его Милости, Пану набожному, мужественному и счастливо надъ нами царствующему. Прошлогоднею осенью Татары ворвались было въ Королевскую Украину, но будучи поражены въ двухъ битвахъ и потерявъ много людей, вынуждены были со стыдомъ оставить владѣнія Короля, Его Милости. Уповаемъ на Бога, что и нынѣ врагъ не будетъ*

имѣть больше успѣха, ибо и въ прежнія времена, когда онъ переступалъ границу нашу, то всегда были отражася Королевскими войсками и никогда не уходилъ безъ урона. Татары никогда не могутъ ворваться далеко во владѣнія Королевскія, и хотя иногда вторгаются, какъ разбойники, въ Украину, но всегда встрѣчаютъ Королевское войско. У насъ не по вашему! Давно ли, при Иоаннѣ Васильевичѣ, они сожгли сей столичный городъ! А при Феодорѣ Ивановичѣ также дымили валъ подъ стѣнами Москвы и опустошили ваше Государство. Вы напоминаете о Каролосѣ: какъ разбойникъ, онъ нападаетъ съ моря на Луфляндскую землю, а когда приспѣваютъ войски Короля, Его Милости, то онъ обратно уходитъ въ море. Когда же случалось ему сражаться, то всегда слабые отряды Королевскіе обращали въ бѣгство многочисленныя войска его. Вамъ самимъ, по сосѣдству съ владѣніями Короля, Его Милости, все сіе достаточно извѣстно. Весьма удивительно намъ, что вы свои дѣла превозносите до небесъ, а насъ ставите ниже земли. Не худо бы вамъ вспомнить, съ какою надмѣнностію Леонасій говорилъ отъ имени Бориса Королевскимъ Посламъ, и какъ скромно отвѣчалъ ему Панъ Канцлеръ Литовскій. Что же стало съ гордымъ Борисомъ? Вы сами знаете. А Король, Государь нашъ, какъ болящійся Бога, счастливо царствуетъ надъ нами, и онъ и Государство

его находятся въ безопасности. Оттого, лучше было бы вамъ и на дѣль и въ рѣчахъ поступать съ нами по братски, а не стращать насъ. Ибо сами вы знаете, что мы не упреекаемъ васъ въ домашнихъ вашихъ нестройствахъ, и не охотники грозить, но что за то и вашихъ угрозъ не боимся.

Бояре весьма негодовали на Тапищева, что безъ нужды подалъ поводъ къ новымъ обоюднымъ укорамъ. Желая обходительнѣе окончить переговоры, Мстиславскій, Шуйскіе и самъ Тапищевъ спали ласковѣе обращаться съ Послами, и говорили имъ: *Все сдѣлалось по грѣхамъ нашимъ. Этотъ воръ обманулъ и васъ и насъ. Указывая же на Царицына роднаго брата, Михайла Нагаго, прибавляли: Спросите его сами, и онъ вамъ скажетъ, что тотъ не былъ Дмитрій. Настоящій Дмитрій похороненъ въ Углицѣ. Митрополитъ Федоръ Никитинъ съ Архіереемъ отправился туда, и привезетъ сюда тѣло его. Слова ваши объ отпускѣ васъ и всѣхъ Поляковъ донесемъ Великому Государю нашему, а нѣмлинною рѣчь нашу доставимъ вамъ на бумагѣ. Когда же узнаемъ Государскую волю, дадимъ вамъ отвѣтъ.*

Послы радостно возвратились на свой дворъ въ надеждѣ скорого отпуска. Но тщетно они при дня ожидали онаго. Напрошивъ 30 Мая приставы ихъ, Князь Волконскій и дьякъ Ива-

новъ объявили, что Царь рѣшился послать ихъ самихъ посланниками въ Польшу, и вмѣсто ихъ назначаешь присавами Князя Ивана Боряшискаго и дьяка Доросея Брохню. Назначеніе новыхъ присавовъ смутило Пословъ, ибо легко было понять намѣреніе Русскаго Правительсва, не выпускашь ихъ изъ рукъ своихъ на неопредѣленное время. Для отвращенія сего, они написали Боярамъ, что дальнѣйшее задержаніе ихъ можетъ породить въ Польшѣ сомнѣніе на счетъ ихъ безопасности, и побудить Поляковъ къ началію военныхъ дѣйствій, а пошому для блага обѣихъ Государствъ они настаивающъ о скорѣйшемъ отправленіи своемъ *.

Василій напрошивъ того не хотѣлъ отпустить Пословъ и знашныхъ Поляковъ, пока не увѣришь въ миролюбивыхъ расположеніяхъ Польскаго двора. Задержанные Аманашы, принадлежа по родству къ сильнѣйшимъ въ Польшѣ домамъ, дѣйствительно могли имѣть вліяніе на рѣшеніе мамошняго правительсва. Справедливо можно было предполагать, что для выручки ихъ Рѣчь Посполитая окажетъ снисхожденіе и податливосшь въ сношеніяхъ своихъ съ новымъ Царемъ.

5-го Іюня Ташищевъ и дьякъ Василій Телеп-

* Смотри Приложенія № II.

невѣ пріѣхали къ Посламъ съ Боярскимъ обвиненіемъ. Тапищевъ, снова обвиняя Короля и Рѣчь Посполитую, въ подкрѣпленіе своихъ упрековъ и въ доказательство готовности Поляковъ способствовать раздробленію Государства и разоренію православія, показалъ списокъ съ Самборской записи, по коей Самозванецъ опдавалъ Маринъ Новгородъ и Псковъ, и письма Короля, Легаша и Кардинала Малагриды, въ которыхъ Король самъ величался шѣмъ, что посредствомъ Поляковъ своихъ посаждалъ Аждамшарія на Московскомъ преспольтѣ, а Легашъ и Малагрида убѣждали Самозванца спронтъ въ Москвѣ Римскіе коснѣлы и сшаратся о исполненіи даннаго имъ кляпвеннаго обшцанія, касательно распространенія Папешства въ Россіи. Въ заключеніе Тапищевъ объявлялъ отъ имени Бояръ, что послѣ шаковыхъ непріязненныхъ поступковъ, невозможно оппустить ни Пословъ, ни прочихъ Пемковъ, пока отправаемый въ Польшу посланникъ не возвратится съ удовлетворительными объясненіями.

Олесницкій отвѣчалъ: *Слышавъ рѣчь Князя Мстиславскаго, мы уже объявили, можно ли притискивать всю вину Королю и народу Польскому? Больше разсуждать о семъ предметѣ считаемъ излишнимъ. Что же касается до заключеннаго прежнимъ вашимъ Государемъ съ Воеводою Сендолицемъ*

скимъ договора, мы думаемъ, что напрасно о семъ напоминаете: болѣе себя стыдите, чѣмъ намъ вредите. Панъ Воевода, увѣряясь на свидѣтельство вашихъ же Московскихъ людей, рѣшился выдать за Дмитрія дочь свою; согласившись же на бракъ, онъ долженъ былъ устроить какъ можно выгоднѣе участь дочери своей. Потому и вовсе не удивительно, что онъ выпросилъ у покойника такія условія, но исполненіе завистло отъ васъ. Когда Панъ Воевода прѣѣхалъ сюда, покойникъ совѣтовался со вѣсьми вами, Думными Боярами, какое назначить содержаніе супругъ своей, на случай если бы, по воля Божіей, онъ скончался прежде нея. Вы сами дали ей болѣе, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, ибо согласились признать ее за наследственную Государыню себя и всему Московскому Государству, и еще до коронаціи вы Думные Бояре со вѣсьми знатнѣйшими людьми присягнули ей на вѣрность подданства. Что касается до письма Легата и Кардинала, то и тутъ не чему удивляться: это не новость. И прежде, при заключеніи договоровъ на вѣчный миръ между нашими и вашими народами, въ числѣ прочихъ условій поставляемо было о дозволеніи Русскимъ служить въ Польшу и Литву, вступать тамъ въ бракъ, приобретать имѣнія, въ оныхъ ставить Рускія церкви и свободно исправлять свою вѣру; равнолѣтно и наши люди, слу-

жащие въ Москвѣ, имѣли право приобрести маетности и въ оныхъ, а также и въ городахъ, имѣть Римскіе костелы и отправлять богослуженіе по своему обряду. Святой отецъ Папа Римскій, какъ намѣстникъ Святаго Апостола Петра, обязанный заботиться о размноженіи хвалы и славы Божіей, желалъ включить сіе въ наши условія для упроченія вѣчной дружбы между нами и вами, и дабы отъ того поганская рука ослабѣла, а христіанская укрѣпилась. Въ разсужденіи же того, что сказано въ письмѣ Короля, Его Милости, что будто бы бывший вашъ Государь посаженъ былъ на престолъ по милости Короля и помощію его людей, то вы же сами черезъ Князя Татевя, Авонася Власьева и другихъ посланниковъ, къ Королю отправляемыхъ, приписывали сію честь Королю, Его Милости, и за то благодарили его. За тѣмъ не пристойно было Королю противурѣчить вамъ и следовательно должно было отзываться о семъ согласно волѣ и мнѣнію вашему. Что же вы однажды признали пріятнымъ и выгоднымъ, того самимъ вамъ вновь осуждать не годится. Стыдитесь, Михайло, противурѣчить самимъ себя! Все дѣло шло, какъ мы недавно объяснили Боярѣмъ. Вы сами начали, вы и совершили. Насъ, Пословъ Короля, Его Милости, никакой причины не имѣете здѣсь задерживать. Если останется здѣсь по

вашему принужденію, то останемся въ видѣ плѣнныхъ. А плѣнять Посланниковъ не водится не только въ христіанскихъ, но даже и въ поганскихъ Государствахъ.

Тапищевъ еще говорилъ и спорилъ нѣсколько времени, и между прочимъ сказалъ: *Мы получили извѣстіе, что въ Польшѣ и Литвѣ происходятъ великіе раздоры между Сенатомъ и Народомъ, что Царь Крыльскій съ многочисленнымъ войскомъ вторгнулся въ Королевскія владѣнія, что самъ Король выступилъ противъ него въ походъ, и что война идетъ и въ Лифляндіи.* Послы ошвѣчали: *Кому что нравится, тотъ и мечтаетъ о томъ!* Наконецъ Тапищевъ съ поваричемъ опкланялись, и повѣхали съ донесеніемъ къ Царю.

Послы чрезмѣрно огорчались задержаніемъ ихъ въ Москвѣ; въ особенноти грустилъ Олесницкій, который по ошвѣздѣ Тапищева упалъ даже въ обморокъ. На другой день они писали Боярамъ, жалуясь на сдѣланное имъ принужденіе. Бояре ошвѣчали, что присланный къ Царю Іоанну Васильевичу Посломъ Липовскій Канцлеръ Сапѣга, не заславъ сего Государя въ живыхъ, не рѣшился опправить посольство свое передъ наследникомъ его Федоромъ Ивановичемъ, а ожидалъ отъ Короля своего Стефана новаго наспавленія. Послы возразили, что полтъ случай нельзя было примѣ-

нитъ къ настоящему, потому что извѣстіе о смерти Іоанна зашло еще Сапѣгу въ Можайскъ и сдѣдственно прежде представленія имъ вѣришельной грамоты, и что опшого единственно Сапѣга не хотѣлъ вѣхать въ Москву безъ разрѣшенія Короля.

Окончателныя объясненія Пословъ съ Боярами происходили 10-го Іюня. Послы, призванные въ Боярскую Думу, жаловались на безчестіе, причиняемое Королю и Рѣчи Посполишой задержаніемъ ихъ Пословъ и прочихъ Поляковъ. Бояре рѣшишельно объявили, что Царская воля есть всѣмъ имъ оставашся въ Москвѣ, до возвращенія опправляемаго къ Королю Посланника и до тѣхъ поръ, пока не возстановится желаемое согласіе между обѣими Государствами. Нѣсколько дней спустя Князь Волконскій и Дьякъ Ивановъ выѣхали изъ Москвы въ Краковъ, съ порученіемъ объявить Дѣла Польскія. Сигизмунду о возшествіи на престолъ Царя Василія Ивановича и жаловашся на данное Опрепьсу вспомошествованіе, вопреки существующихъ договоровъ.

Но преждевременно Царь опасался войны съ Королемъ. Раздоры, о коихъ Бояре по слухамъ говорили Посламъ, дѣйствительше волновали Польшу, и Сигизмундъ находился виъ возможности предпринять что либо противъ Россіи. Василию суж-

дно было претерпѣвать первыя бѣдствія своего царствованія не отъ вѣшнихъ, а отъ внутреннихъ враговъ. Грозныя тучи надвигались уже, какъ при Борисѣ, съ Южныхъ областей Государства.

Терскіе Козаки, которые по приглашенію Разсриги взяли Волгою Аже-Петра къ Москвѣ, на-

Грамота Царя Василья Ивановича, въ Соль-Вычегодскую отъ 19 Октября 1607. — Столяровъ Христографъ. — Никоновская Лѣтопись.

ходились уже у Вязовыхъ горъ, въ четырнадцатипи верстахъ выше Свіяжска, когда получили извѣстіе о убіеніи Опретьева. Они немедленно поплыли назадъ, но имъ преденяло проѣхать по близости Казани, гдѣ Царскіе воеводы, имѣя при себѣ довольно войскъ, могли основать ихъ. Во избѣжаніе сего, они прибѣгнули къ хитрости. Подѣхавъ къ Казани, они пристали къ нагорному берегу и послали въ городъ сорокъ лучшихъ Козаковъ, съ порученіемъ донести воеводамъ, что они готовы цѣловать крестъ Царю Василю, а Аже-Петра выдать. Воеводы повѣрили и честно отпустили посланныхъ, а сами не оспереглись. Козаки, пользуясь ихъ оплошностію, въ слѣдующую ночь тихо ушли вдоль нагорнаго берега, и потомъ безпрепятственно продолжая плаваніе внизъ по Волгѣ мимо Самары и Саранова, достигли устья рѣчки Комышанки. На пути они не преславали злодѣйствованъ, разоряя прибрежныя мѣста и предавая смерти всѣхъ встрѣчаемыхъ ими служивыхъ людей. Изъ высшихъ чиновниковъ они

убили воеводу Оедора Акинѳіева и вѣхавшаго въ Персію посланникомъ Князя Иваца Петровича Ромодановскаго. Изъ Камышанки они перевозокли суда свои въ Иловлю, а сею рѣкою спустились до Дона, гдѣ и оспановились зимовать.

На Югозападныхъ предѣлахъ Государства мятежъ водворялся еще въ опаснѣйшемъ видѣ для Правительства. Главнымъ зачинщикомъ оного оказался одинъ изъ первѣйшихъ Царскихъ чиновниковъ. Во время возстанія Москвы просивъ Разсприги, находящійся въ числѣ его Царедворцевъ, Князь Григорій Петровичъ Шаховскій, успѣлъ похищать Государственную печать; имѣя такимъ образомъ въ рукахъ важное орудіе для возбужденія новыхъ смуть, онъ рѣшился воспользоваться онымъ въ удовлетвореніе власполюбія своего. Но не въ сполицѣ могъ онъ надѣяннся присупитъ съ успѣхомъ къ исполненію своего злодѣйскаго предпріятія. Ему должно было дѣйствовать первоначально въ шакой странѣ, гдѣ еще читилось имя Димитрія и гдѣ по шапкому расположенію умовъ не трудно было ему найши многочисленныхъ сподвижниковъ. Сѣверская земля вполне удовлетворяла симъ условіямъ, ибо шамъ не преспавали еще бусевать неисповыя спрасши бродягъ. Лукавый Шаховскій успѣлъ свискать довѣренность Царя и выхлопшалъ себѣ воеводское мѣсто въ Пупивѣ.

Беръ.

Разряды. Прїѣхавъ въ сей главный городъ въ Сѣверин, онъ созвалъ обывателей и объявилъ имъ, что Димитрій живъ и укрывается ошъ убійць, жаждущихъ его крови, что Василій ожесточенъ противъ Сѣверянъ за оказанное ими усердіе Димитрію и что онъ въ наказаніе готовишь имъ учаспъ подобную Палицынъ. той, кошорая поспигада Новгородъ, разгромленный свирѣиспвомъ Іоанна Грознаго. Онъ убѣждалъ ихъ, для собспвеннаго спасенія своего, вооружишься за Димитрія. Подспрекаемыя имъ Пупивляне взбунповались вровишь Василія и ихъ примѣру послѣдовали города: Муромекъ, Черниговъ, Сшародубъ и Никоновская Лѣтопись. Новгородъ-Сѣверскій. Въ Черниговѣ начальникомъ былъ ошъ самый Болринъ Князь Андрей Теллшевскій, кошорый не хощѣлъ учаспвовашъ въ измѣнѣ цѣлаго войска подѣ Кромами, но заспращенный испазаніями, комми Самозванецъ наказалъ его вѣрность къ Царю Θεодору, онъ не походилъ уже на себя! Пренняя пвердость его успушила мѣсто малодушію и онъ не шолько не стварался обуздывашъ бунповщиковъ, но даже согласился бышь однимъ изъ главнѣйшихъ ихъ начальниковъ.

Впрочемъ крамола дѣйспвовала не въ однѣхъ опдаленныхъ обласпяхъ Государспва. Царь Василій имѣлъ въ Москвѣ многочисленныхъ приверженцевъ, но проотивники его бодрсповали и шамъ и въ шайнѣ успроивали ковы свои по наущенію недовольныхъ

Бояръ. Волненіе огласилось новымъ воззваніемъ къ народному самоуправству. Ночью на воровпахъ мно-^{Маржеретъ и}гихъ Вельможъ и Иностранцевъ нашли подпись, ^{Дневникъ} что Царь повелѣваетъ народу разграбить дома сихъ измѣнниковъ. Чернь, всегда лакомая къ добычѣ, уже съ радостію собиралась на разбой; Царскіе чиновники не безъ труда ее умирили. Нѣсколько дней прошло спокойно; но 15 Іюня, когда Василій шелъ къ обѣднѣ, Московскіе обыватели спали снова спешась на дворцовую площадь, приглашенные именемъ Царя, который будто бы желаетъ говорить съ народомъ. Царь изумился и приказалъ изслѣдовать, кто дерзнулъ безъ его вѣдома дѣйствовать его именемъ? Самъ же, не прогаясь съ мѣста, со слезами укорялъ въ коварствѣ окружающихъ его Царедворцевъ: *« Не сами « ли сами, говорилъ онъ, я избранъ на Цар- « ство? Если я вамъ негоденъ, то можно и безъ « смуть избавиться меня. Я самъ готовъ сложить « съ главы моей Царскій вѣнецъ. Тупъ онъ бинуть посохъ, снялъ шапку и примолвилъ: Если такъ, « выбирайте кого хотите! »* Всѣ молчали. Тогда Царь, взявъ обратно посохъ, воскликнулъ: *« Мнѣ надо- « ть эти козни: то хотите меня умертвить, « то грозите смертию Вельможамъ и Иноземцамъ; « по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если « признаете меня Царемъ, требую казни виновныхъ! »*

Слушавши отвѣчали съ покорностію, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, готовы умереть за него и сами просятъ наказанъ преступниковъ. Обывавшей распустили по домамъ, но пяперыхъ мучителей схватили. Правительство вѣрило существованію заговора, имѣющаго цѣлію возвестъ на престолъ Князя Мстиславскаго, но учиненный розыскъ совершенно оправдалъ Вельможу. Только нѣкоторое подозрѣніе пало на сродника его, Боярина Петра Никитъевича Шереметева, котораго удалили изъ столицы, назначивъ его главнымъ начальникомъ во Псковъ. Пойманные пяшь злоумышленниковъ были всенародно

Псковская
Исторія.

Маржереть. наказаны кнутомъ и сосланы.

Между шѣмъ Князь Шаховскій неусыпно спарался о успроеніи мяшжническаго ополченія въ Пупивль. Распоряжаясь именемъ убиваго Самозванца, онъ искалъ средства облегчить свои дѣйствія, и хотѣлъ предспавить народу новаго Лжедимитрія. Въ семъ намѣреніи онъ вошелъ въ сношеніе съ Молчановымъ, который пробравшись до Самбора, продолжалъ и тамъ выдавать себя за Царя съ согласія Марининой мапери, находившей полезнымъ для своей дочери распроспранять слухъ о спасеніи ея супруга. Шаховскій звалъ Молчанова въ Пупивль и обѣщаль ему подданство всей Сѣверской земли. Но Молчановъ былъ только смѣль

на безопасное злодѣйство. Онъ не опважился выступить на поприще, гдѣ могъ встрѣтить угрожающую гибель, шѣмъ болѣе, что дѣйствительно онъ ни сколько не походилъ на Разспригу. Онъ былъ смуглъ лицомъ, бороду подспригалъ и имѣлъ усы довольно густые, носъ покляпый и черные курчавые волосы; у Опреньева же напрошивъ пого лице было блѣое, носъ широкій и волосы русые, а усовъ и бороды онъ вовсе не имѣлъ. Только у того и у другаго было по бородавкѣ на лицѣ. Но у Молчанова бородавка находилась на щекѣ, а у Разсприги возлѣ носа. Къ тому же весьма многіе въ Москвѣ лично знали Молчанова. Явившись въ Россіи казался ему опаснымъ. Но чтобъ не опказаться совершенно опъ выгоду, представляемыхъ ему гоповносию Сѣверянъ признавъ его за своего Государя, онъ разсудилъ послать вмѣсто себя въ Пупивль человека опважнаго, который обѣщался мѣрами звѣрскими, но глубокообдуманными, дасть рѣшишельный оборотъ замышляемымъ въ пользу Самозванца военнымъ дѣйствіямъ.

Сей человекъ былъ Иванъ Болотниковъ. Онъ родился холопомъ Князя Андрея Теляшевскаго. Въ молодости увезенный Татарамъ и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ работалъ на галерѣ. Получивъ свободу, при помощи Нѣмцевъ, онъ опправился въ Венецію. Тутъ узналъ онъ о не-

Грамота Царя Василья Пермскому Воеводѣ Князю Вяземскому изъ Москвы отъ 9 Декабря 1609. — Беръ.

успройсвахъ, терзающихъ Россію и чувствуя въ себѣ безспрашіе и способности необыкновенныя, кои въ смущенныя времена часно доспавляютъ знаменитоспъ даже людямъ низкаго сословія, онъ рѣшился искашь личнаго счастія въ бѣдспвіяхъ опечеспва. Но пробираясь черезъ Польшу, онъ былъ захваченъ и представленъ Молчанову, копсраго въ разговорахъ своихъ легко убѣдилъ, что никто лучше его не постигалъ, какими вѣрными средствами можно испровергнутъ законную власшь въ Россіи. Болошниковъ, одаренный опъ природы шонкимъ и смѣпливымъ умомъ, хошя еще въ молодоспи опспавилъ опечеспво, зналъ швердо внушпеннее положеніе Россіи и понималъ, что для упроченія Самозванспва оно должно непремѣнно оперешься на опспвленіи многосуднѣйшаго сословія въ Россіи. Основываясь на семъ началѣ, онъ смѣло предлагалъ, опспложивъ всякую умѣренноспъ, спсарашься возбудишь мяшежъ въ холопяхъ и креспьянахъ, и пользуясь ихъ еспеспвенною алчноспію, ихъ ненавистію къ господамъ, порожденною нововведеннымъ, порабощеніемъ, вызвать ихъ безнаказанно на грабежъ и убійсшво. Злодѣйскій замыслъ прельспилъ Молчанова; онъ съ радоспію принялъ обѣщаніе Болошникова въ вѣрноспи, подарилъ ему шубу, саблю и 30 червонныхъ, и опсправилъ его въ Пупивль съ писемомъ, въ коемъ убѣждалъ Кня-

зя Шаховскаго вѣришь ему начальство надъ собирающимся войскомъ. Шаховскій тѣмъ охотно согласился исполнить желаніе Самозванца, что самъ не полагалъ себя способнымъ къ военному дѣлу и не имѣлъ при себѣ ни одного опытнаго полководца.

Царь Василій съ своей стороны занимался изысканіемъ средствъ къ усмиренію мятежа, который хотя не весьма быстро, но постоянно распространялся въ Россіи. Города Кромь и Елецъ прислали къ бунтовщикамъ, коихъ подмешныя письма явились даже на Московскихъ улицахъ. Въ письмахъ сихъ упрекали Московскихъ жителей въ неблагодарности къ Димитрію, укрывшемуся отъ нихъ ударовъ, и угрожали возвращеніемъ его, для наказанія Столицы, не позже 1-го Сентября. Очевидно, что злодѣи имѣли тайныхъ сообщниковъ въ самой Москвѣ. Созвали всѣхъ Дьяковъ и сличали руки ихъ съ почеркомъ писемъ, но не могли открыть виновнаго. Маржеретъ.

Правительство, вынужденное оправлять безнаказанными скрыпныхъ враговъ, намѣревалось по крайней мѣрѣ управиться съ явными. Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Воропынский и Спольникъ Князь Юрій Никишичъ Трубецкій получили приказаніе собрать войско и съ онымъ слѣдовать за Оку. Но обращаясь къ наспунаательнымъ дѣйст- Дневникъ Маринны.

Дневникъ
Марины.

віямъ, Царь нѣсколько сомнѣвался въ успѣхъ оныхъ и не упускалъ также и приготовленія къ оборонѣ. По повелѣнію его 21 Іюля успашили пушками Кремлевскія стѣны и разобрали сплошной мостъ, ведущій къ Кремлю. Вскорѣ потомъ почили благоразумнымъ удалимъ изъ Москвы задержанныхъ Поляковъ. Въ столицѣ оставили только однихъ Пословъ. Мнишекъ съ дочерью, сыномъ, братомъ и племянникомъ и съ Панами Запорскимъ и Дворжицкимъ отправлены были въ Ярославль; Князь Вишневецкій въ Козпрому; Хорунжій Тарло, супруга его, Панъ Павелъ Тарло и мать его Спароспина Сохачевская въ Тверь; наконецъ двое Спадницкихъ, Нѣмоевскій, Вольскій и Корышко въ Ростовъ.

Не обнажая еще меча, Василій хотѣлъ испытать средства увѣщаній и силою духовной власти усовѣститъ бунповщиковъ. Въ семъ намѣреніи, онъ послалъ въ Сѣверскую землю Пафнутія, Митрополита Крушицкаго, съ Архимандритами и Игуменами. Но Сѣверяне не хотѣли слушать Священнаго. Столь же бесполезною оказалась посылка въ Елецъ Боярина Григорія Ѳедоровича Нагаго, которому поручено было отвезти шуда увѣщательную грамоту сестры его Царицы Марѣы и образъ свяаго Царевича Димитрія, дабы

разувѣривъ блуждающихъ*, Ельчане не менѣ Св-веряны упорствовали противъ истины.

Оспавалось прибѣгнушь къ оружію. Въ междуособіяхъ первая встрѣча часто рѣшаетъ участь войны. Но Царскіе воеводы не поняли важности начальной неудачи; они какъ будто накупились на пораженіе безразсудными своими распоряженіями. Въспомо того, чтобы дѣйствовать въ совокупности для нанесенія рѣшительнаго удара, они не только раздѣлили свои силы, но приблизили къ непріятелю именно слабѣйшую часть оныхъ. Князь Воронинскій, оставя одинъ изъ трехъ полковъ своихъ въ Орлѣ, подъ начальствомъ Князя Ивана Михайловича Боряшинскаго, самъ съ двумя прочими полками, сославляющими главный отрядъ, обложилъ Елецъ, послѣ удачнаго сраженія противъ жишней, силвишихся не допуская его къ городу; Спольникъ же Князь Трубецкій* съ пятью тыся-

Николовская
Лѣтопись. —
Беръ.—Дев-
някъ Марини
и Разряды.

* Смотри Приложеніа № III.

* *Примчаніе.* Тутъ встрѣчаемъ разительный примѣръ, что старѣйшинство по мѣстничеству имѣло преимущество надъ старѣйшинствомъ по чинамъ. Хотя въ отрядѣ, подъ Кромами, находились Бояре Князь Борисъ Лыковъ и Михайло Нагій, но главное начальство имѣлъ Стольникъ Князь Трубецкій, и Бояре, не смотря на важность занимаемаго ими сана, безпрекословно подчинялись малозначущему чиновнику, единственно потому, что по мѣстничеству онъ считался выше ихъ.

нымъ войскомъ осадилъ Кромь. Болошниковъ не преминулъ воспользоваться сею ошибкою. Набралъ 12,000 человекъ въ Пушнѣвъ, онъ быстро двинулся съ ними къ Кромамъ и подъ симъ городомъ, разбивъ на голову Трубецкаго, отбросилъ его на Орелъ. Пушнѣвцы ругались надъ плѣнными, называя Царя Василія въ насмѣшку *шубникомъ*, а ихъ самихъ цареубійцами, нѣкопорыхъ изъ нихъ ушопили, а другихъ избили плѣшми до полусмерти и дерзко оппустили въ Москву.

Послѣдствія Кромскаго сраженія были ужасны. Казалось, что полкъ Боряшинскаго, усиленный остатками Трубецкаго, могъ бы еще удержаться въ Орлѣ. Но находящіеся въ семъ войскѣ служивые люди Новгородскіе, Псковскіе, Великолуцкіе, Торопецкіе и Замосковныхъ мѣстъ, видя въ жипеляхъ Орла и прочихъ Украинскихъ городовъ несомнѣнную склонность къ Самозванцу, до такой степени упали духомъ, что оставили постыдно хоругви свои, и разошлись по домамъ, не смотря на увѣщаніе Воеводъ, кои, обезсиленные ихъ бѣгствомъ, нашлись вынужденными опспустить къ Калугѣ. Робость часто бываетъ прилипчива. Князь Воропынскій, при первомъ извѣстіи о происшествіяхъ подъ Кромами и въ Орлѣ, также смущился и въролпно опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Москвы, поспѣшно снялъ осаду Ельца и направилъ

Никоновская
Лѣтопись.

свои войска на столицу; но погубный примѣръ рашныхъ людей Боряпинскаго и Трубецкаго подѣйствовалъ и на его войновъ, кошорые на пуши по большей часпи разбрелись. Такимъ образомъ остались обнаженными обширныя обласпи, гдѣ общая нелюбовь къ Правительству гоповила уже измѣну. Въ самомъ дѣлѣ лишь только Царское войско исчезло, то бунтъ распроспранился повсемѣстно. Многіе города спѣшили ошложиться ошъ Царя на зло Москвы, избравшей его безъ ихъ вѣдома; Воевода Григорій Сунбуловъ и Дворянинъ Прокопій Ляпуновъ возмушили Рязань съ пригородами, а Епифанскій, сынъ Боярскій, Истома Пашковъ, то же учинилъ въ Туль, Вѣневъ и Каширѣ. Во всѣхъ сихъ городахъ Дворяне и Дѣши Боярскіе ополчались за Димитрія и намѣревались содѣйствовать Болошникову въ предпріятіяхъ его прошивъ столицы. Неучаствующій въ измѣнѣ Рязанскій Намѣстникъ, Бояринъ Князь Черкасскій, былъ схваченъ и ошправленъ въ Путивль.

Столяровъ
Хронографъ.

Болошниковъ съ своей стороны, подвигаясь къ Москвѣ, разсѣвалъ повсюду возмушительныя воззванія, приманивалъ къ себѣ чернь и старался направлять всѣ спраспи ея на уничтоженіе всѣхъ общественныхъ преимуществъ въ Россіи. Крестьянъ и холопей онъ подспрекалъ на умерщвление господъ, обѣщалъ имъ въ награду женъ, вошчины

Два грамоты
Ростовскаго

Митрополита
Филарета къ
Протопопу
Устюжскаго
собора, изъ
Ростова отъ
30 Ноября
1606.

и помѣспля прежнихъ ихъ владѣльцевъ; всѣмъ про-
сполюдинамъ указывалъ на грабежъ купцовъ и тор-
говыхъ людей, какъ на вѣрнѣйшее средство къ
обогащенію. Тѣхъ, кои особенно ошличились бы
на семъ злодѣйскомъ поприщѣ, онъ обѣщалъ воз-
весити на списень Дьяковъ, Воеводъ, Окольнічихъ
и даже Бояръ. Со всѣхъ сторонъ безнравственныхъ
толпы, напишанныя духомъ злобы, корыстни и
властлюбія спекались подъ кровавыя его знамена.
Города, прельщенные или зашращенные, безъ со-
противленія отворяли ворота свои его позорнымъ
сводвижникамъ, которые вездѣ ознаменовывали вла-
дычествомъ свое убійствомъ знатнѣйшихъ гражданъ,
расхищеніемъ богатѣйшихъ домовъ, обещаніемъ
женъ и дѣвицъ и предаіемъ люптѣйшимъ мукамъ
пѣхъ, коихъ почитали врагами своими. Сихъ не-
счастливыхъ разспрѣливали, кидали съ башень и
мостовъ, вѣшали за ноги и распинали на стѣнахъ.
Даже нѣкоторые злодѣи, опивергнувъ врожденнос въ
Русскихъ сердцахъ благоговѣніе къ святынь, обди-
рали иконы и позорили церкви. Въ непродолжителъ-
номъ времени содѣлались жершвою бува: Орелъ,
Мценскъ, Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ, Козельскъ,
Мещовскъ, Калуга, Алексинъ, Мало-Ярославецъ, Ме-
дынъ, Боровскъ, Вязьма, Можайскъ, Руза, Погоръ-
лос-Городище, Зубцовъ, Ржевъ, Спарица, Волоко-
ламскъ и Іосифовъ Монастырь. Измѣна не проникла

Столяровъ
Хронографъ и
Никоновская
Лѣтопись.

полюкѣ въ крѣпкій Смоленскѣ, охраняемый вѣрными
Спрѣльцами, коими начальствовалъ Бояринъ Князь
Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Также удержались въ
должномъ повиновеніи сосѣдственные къ Смолен-
ску города Дорогобужъ и Серпейскъ. Но съ другой
спороны Мордва возмутилась въ увѣздахъ Арзамас-
скомъ и Алапырскомъ, и неисповствовала въ
соединеніи съ господскими холопами и крестьянами.
Бунтовщики утѣпили въ Алапырѣ Воеводу Ждана
Степановича Сабурова, и общими силами, подѣ
предводительствомъ Ивана Доможирова и Мордов-
скихъ спаршинъ Москова и Воркадина, приспустили
къ Нижнему-Новугороду, гдѣ жили пребыли вѣр-
ными Царю Василю. Напротивъ того въ Свѣяжскѣ
провозгласили Димитрія и чернь начинала волно-
вашься даже и за Волгою въ Вяшской землѣ. На-
конецъ знашнѣйшій сановникъ, Окольнічій Князь Иванъ
Димитріевичъ Хворостининъ, начальствуя въ Аспра-
хани, вошелъ также въ единомысліе съ Шахов-
скимъ. Напрасно бывший при немъ Дьякъ Аѳанасій
Карповъ старался воздержашь его отъ измѣны,
при помощи нѣкопторыхъ благонамѣренныхъ Аспра-
ханцевъ. Карпова умертвили такъ какъ и всѣхъ
людей, пребывшихъ вѣрными своему долгу, и Ас-
прахань признала Димитрія своимъ Государемъ.

Царская гра-
мота въ Пермь
Великую отъ
9 Декабря и
Патріарха
Ермогена
Митрополи-
ту Казанско-
му Ефрему
отъ 22 Декаб-
ря 1606.

Грамота Кня-
зя Хворости-
нина къ На-
гайскому
Князю Иш-
тереку.
Никоновска
Лѣтопись.

Царь, пораженный неожиданною вѣсью о бѣг-
шѣхъ Воеводѣ изъ подѣ Кромъ и Ельца, не пола-

Часть II.

4

Розряды.

галъ однакожь, чптобы полки ихъ уже вовсе несуществовали, а мыслилъ, что нужно только ихъ ободрить подкрѣпленіемъ. Въ семъ предубѣжденіи онъ на-скоро выслалъ изъ Москвы новое войско подъ предводительствомъ брата своего, Князя Ивана Ивановича Шуйскаго, коему предписалъ идти на встрѣчу Борятинскому и Трубецкому и въ совокупности съ ними опразнить враговъ. Другіе два опрѣда также хопя и были посланы изъ Москвы, одинъ съ Бояриномъ Княземъ Владиміромъ Васильевичемъ Кольцовымъ-Мосальскимъ въ Серпуховъ, другой съ Княземъ Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ въ Каширу, но жипели сего послѣдняго города, уже передавшіеся мятежникамъ, не впустили къ себѣ Мезецкаго. Съ другой стороны Князь Шуйскій, 23 Сентября, разбилъ мятежническій опрѣдъ на усшь Угры. Маловажная удача сія осталась бесполезною. Присоединившееся къ Князю Шуйскому войско Трубецкаго и Борятинскаго уже было такъ малоллюдно, что Шуйскій не почелъ возможнымъ не только осадить измѣнившуюся Калугу, но даже безопасно оставаться въ краю, совершенно преданномъ мятежу и пошому рѣшился возвратиться въ Москву.

Вскорѣ послѣ того Болотниковъ, усмеленный дружинами Пашкова и Рязанцевъ, переправился за Оку и подспунилъ подъ Коломну. Городъ, за

Николовская
Лѣтопись.

щищаемый опрадомъ Московскихъ стрѣльцевъ, былъ взятъ присупомъ и разграбленъ. Болотниковъ присоединилъ пѣвннхъ стрѣльцевъ къ своему войску и направился съ онымъ на Москву.

Царь успѣшно собравъ сколько могъ рашныхъ людей въ столицѣ, выслалъ ихъ прошивъ бунповщиковъ, по двумъ направлѣнїямъ: Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ съ частїю войска выступилъ по Серпуховской дорогѣ, для поддержанїя опступающаго по оной Князя Мосальскаго; главныя же силы, подъ предводительствомъ Князя Мстиславскаго, пошли на Коломну. Мяшежническія шайки, переправившіяся за Оку въ Серпуховъ, дошлигали уже Лопасни, но шущъ были разбиты Княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ, который опогнавъ ихъ, обратился на соединенїе съ Княземъ Мстиславскимъ. По несчастїю, за сей маловажной удачей слѣдовало сильное пораженїе. Главное Царское войско, совокупясь съ Скопинымъ въ Домодѣдовѣ, двинулось на встрѣчу Болотникова и сойдясь съ нимъ въ 70 верстахъ отъ Москвы при селѣ Троицкомъ, вспуило въ гибельный для себя бой. Московскїя дружины обратили шылъ, оставя въ рукахъ бунповщиковъ много дворянъ и спольниковъ, кои были опосланы въ Путивль. Болотниковъ по слѣдамъ бѣгущихъ приближился къ Москвѣ, и въ концѣ Октябрия мѣсяца расположился станомъ въ селѣ

Розряды.

Никоновская
Лѣтопись и
Латухивская
степенная
книга.

Коломенскомъ, откуда спарался возмущить споллицу подмстными письмами и пайными происками своихъ единомышленниковъ.

Царь Василій находился въ опаснѣйшемъ положеніи. Онъ имѣлъ при себѣ малое число ратныхъ людей, да и тѣхъ Троицкое пораженіе приводило въ крайнее уныніе. Знатная часть Государства уже была въ рукахъ злодѣевъ. Къ довершенію бѣдшвіа, моровое повѣтріе царствовало въ Новгородѣ. Только со стороны Ярославля оставался еще свободный путь для доставленія въ Москву съѣстныхъ припасовъ, въ коихъ уже начинали ощущать недостатковъ, такъ что цѣна на мѣру хлѣба, дошолъ продаваемой по 1-му грошу, возвысилась до 4-хъ грошей.

Царств.

Среди сполъ гореспныхъ зашощъ, Царь обязанъ былъ первымъ ушѣшеніемъ преданности Духовенства. Правда, нѣкоторые священники въ городахъ и селахъ передались мяшежникамъ, но высшіе сановники церкви вездѣ оказывались доспойными славныхъ предшешвенниковъ своихъ, коихъ Русская Испорія всегда показываетъ на споронѣ законности и народности. Болѣе прочихъ Свяшителей имѣли случай опмичиться Ефремъ Мишрополишъ Казанскій и Феоклиспъ Архіепископъ Тверскій. Ефремъ не сполько успѣлъ помочь Царскимъ Воеводамъ воздержать Казань опъ учаспіа въ буншѣ,

но еще сильно дѣйствовало духовнымъ оружіемъ прошивъ Свіажскихъ измѣнниковъ, ошлучилъ ихъ опшъ церкви и запрешилъ городскимъ Священникамъ принимашъ опшъ нихъ въ Храмы всякія приношенія. Подвигъ Преосвященнаго Тверскаго былъ еще замѣчательнѣе. Злодѣйскія шайки, возмутившія уже весь Тверскій увздъ, подступили подъ самую Тверь, которая, не имѣя воиновъ для обороны, казалась для нихъ вѣрною добычею. Но Феоклиспъ собралъ приказныхъ людей, Дѣшей Боярскихъ своего Архіерейскаго двора и всѣхъ гражданъ, и воспламенивъ ихъ Паспырскимъ своимъ назиданіемъ, выслалъ прошивъ враговъ. Тверишяне, хопя непривычные къ бою, сразились храбро, одолѣли бунтовщиковъ и поимѣнили многихъ изъ нихъ, которыхъ и опправили въ Москву.

Феоклиспъ вполне заслужилъ признательность опечества, первый доказавъ, что можно побѣдитъ злодѣевъ. Въ междоусобныхъ войнахъ малѣйшія удачи или неудачи важны по послѣдствіямъ. Такъ и бой подъ Тверью, хопя самъ по себѣ довольно незначительный, однако имѣлъ спасительнѣйшее вліяніе на общій ходъ дѣлъ. Жители городовъ: Сшарицы, Ржева, Зубцова и Погорѣлаго-Городица, поддавшіеся мятежникамъ единспвенно опшъ сшраха, ободрились и, глядя на Тверишянъ, снова обрашались къ послушанію Царю Василю.

Грамота
Патріарха къ
Митрополиту
Казанскому
изъ Москвы
отъ 22 Дека-
бря 1606.

Грамота
Митрополита
Ростовскаго
къ Устюж-
скому Про-
топопу, изъ
Ростова отъ
30 Ноября
1606.

Такимъ образомъ возстановилось сообщеніе Москвы съ Смоленскомъ, гдѣ Бояринъ Князь Куракинъ уже готовилъ помощь для столицы. По приказанію его Дворяне, Дѣти Боярскіе и всякіе служивые люди Смоленска, Серпейска, Дорогобужа и Вязьмы, составили рать, которая двинулась къ Можайску подѣ предводителствомъ Дворянина Григорія Михайловича Полшева. Для очищенія ему пути, Царь

Столяровъ
Хронографъ.

Розряды.

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Устюжскому Протопопу отъ 30 Ноября 1606.

выслалъ къ нему на встрѣчу опряды по двумъ направленіямъ: Князя Мезецкаго въ Можайскъ, а Окольниковаго Ивана Федоровича Крюкъ-Колычева въ Волоколамскъ. Колычевъ выгналъ бунтовщиковъ какъ изъ Волоколамска, такъ и изъ Юсифова Монопыря. Колычевъ, Мезецкій и Полшевъ соединились въ Можайскъ и составили довольно сильное ополченіе, къ которому Царь прислалъ повелѣніе прибыть въ Москву къ 29 Ноября.

Между тѣмъ какъ Царская спорова усиливалась, мятежническая ослабѣвала. Въ Коломенскомъ спанѣ не было единомыслія: Сунбуловъ, Ляпуновъ, Пашковъ и бывшіе съ ними Дворяне и Дѣти Боярскіе спыдились злодѣйскихъ подвиговъ гнусныхъ поварихей своихъ и съ сокрушеніемъ видѣли себя въ необходимости подчиняться Болошникову, котораго дѣйствія явно клонились не только къ низверженію одною только Москвою избраннаго Царя, но еще болѣе къ уничтоженію правъ и

преимуществомъ помѣщиковъ и къ испребленію всѣхъ высшихъ сословій въ Государствѣ. Естественна ли было людямъ, принадлежащимъ къ симъ сословіямъ, содѣйствовать къ достиженію такой цѣли? Должно было ежеминутно ожидать разлученія ихъ съ Болошниковымъ. Пашковъ еще колебался, но опшважный Ляпуновъ скоро рѣшился. Сей Дворянинъ, опшличавшійся осаниспою наружноспію и умомъ пылкимъ и предприимчивымъ, былъ честолюбивъ и заносчивъ, но искренно любилъ опечесство. Пользуясь полною довѣренностію Рязанцевъ, ему не шрудно было убѣдитъ ихъ, что непроспшпшело жершвоватъ собспвенными выгодами и благоденспвіемъ Россіи въ удовлетвореніе хопя опчаспи справедливаго, но по крайней мѣрѣ вовсе несвоевременнаго негодованія на Москву, и что лучше признатъ Царя Московскаго, чѣмъ участвоватъ въ совершенномъ разореніи Государспва, замышляемомъ жестокосердымъ Болошниковымъ. Въ слѣдспвіе сего, 15 Ноября, Ляпуновъ опшѣхалъ въ

Кобержицкій.

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Устюжскому Протопопу отъ 30 Ноября 1606.

Москву не шолько съ Сунбуловымъ и всѣми Рязанцами, но онъ привелъ еще съ собою взяспыхъ въ Коломнѣ спрѣльцевъ, коихъ Болошниковъ пропшпвъ воли ихъ заспавилъ слѣдовать за собою. Обрадованный Царь не усумнился проспшпшъ всѣмъ прешнія вины ихъ, и принялъ ихъ какъ расканвающихся чадъ. Это благоразумное милосердіе при-

влекло новыхъ перемещчиковъ изъ Коломенскаго сшана; многіе изъ нихъ, удерживаемые дошолъ однимъ опасеніемъ подвергнувшись Царскому гнѣву, спѣшили воспользоваться его опеческими распо-ложеніями.

Но Болотниковъ еще не унывалъ. До тѣхъ поръ онъ оставался въ наблюдательномъ положеніи передъ столицей, пошому что надѣялся покорить ее лестию или голодомъ, и что между шѣмъ число войскъ его замѣчательно умножалось. Но перемѣнившіяся обстояшества засшавили его также перемѣнить образъ дѣйствій своихъ. Не только силы его болѣе не умножались, но даже ежедневно слабѣли; дальнѣйшее спостояніе способствовало бы только къ новымъ побѣгамъ. Съ другой стороны необходимо было ему предупредить прибытіе въ Москву Кочичева, Мезецкаго и Полшева. По симъ причинамъ онъ рѣшился учинить поискъ на столицу, и 26 Ноября послалъ половину войска своего за Москву рѣку, для нападенія на пригородную Гонную Рогожскую слободу. Опрядъ проходя по близости Симонова Монаштыря, бесполезно пы-пался склонить его къ сдачѣ; не только находящіяся тамъ на спражѣ Московскіе воины, но даже и сами монахи вооружились и отбили непріятеля.

Латухинская
стѣпенная
книга.

Грамота Мит-
рополита Ро-
стовскаго къ

Между шѣмъ высланное изъ Москвы войско для обороны Рогожской слободы, не дождавшись на-

паденія буншовщиковъ, вышло къ нимъ на встрѣчу ^{Устюжскому} и сразилось съ ними въ разспояніи одной вершпы ^{Протопопу} отъ 30 Нояб-
ря 1606. ^{ра 1606.}
опъ слободы. Буншовщики были опрокинушы и
прогнаны за рѣку, ошавя въ рукахъ побѣдителей
значительное число плѣнныхъ.

Три дни спустя, Колычевъ, Мезецкій и Пол-
шевъ прибыли къ Москвѣ; войско ихъ расположи-
лось у Дѣвичьяго Монастыря и послушило подѣ
начальство Князя Ивана Шуйскаго. Въ то же
время и Московскіе *Сидельцы* * вышли въ поле ^{Никоновская}
и спали лагеремъ у Данилова Монастыря. Царь ^{Автопись.}
назначилъ главнымъ предводителемъ надъ ними ^{Розряды.}
Князя Михайлу Васильевича Скопина-Шуйскаго,
двадцатилѣтняго юношу, уже оплывшагося въ
спычкѣ близъ Лопасни. Выборъ сего вождя за-
служивалъ всеобщее одобреніе. Скопинъ пріятною
наружностью и ласковою обходительностью при-
влекалъ къ себѣ всѣ сердца. Съ умомъ проница-
тельнымъ и зрымъ не по лѣпамъ, онъ соеди-
нялъ рѣдкое великодушіе, истинную доброшу и
пламенное усердіе къ опеческву. Въ дѣлахъ и
личныхъ сношеніяхъ онъ умѣлъ убѣждать про-
тивниковъ безъ оскорбленія ихъ самолюбія, а на
рашномъ полѣ являлся полководцемъ опважнымъ

* *Примѣчаніе.* Гарнизоны городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ
въ Автописяхъ называются *Сидельцами*.

и распорядительнымъ. Русскіе съ любовію слѣдили за возрастающею знаменитостію его и утѣшались надеждою, что ему обязаны будутъ избавленіемъ опечесыва.

Царь, готовясь къ рѣшительному дѣйствію, оцѣнить коего завистля участь его престола и самого Государства, не упускалъ однакоже изъ вида, что успѣхъ былъ сомнителенъ по причинѣ извѣстной упорности бунтовщиковъ, и что по священной обязанности, на немъ лежащей, ему слѣдовало всецѣло стараться объ упрежденіи пролитія Русской крови. По симъ уваженіямъ, Василій послалъ еще увѣщанъ къ покорности Болонникова, общая ему богатыя милости. Но Болонниковъ ошвѣчалъ, что поклявшись не щадить живота своего для успѣха предпринимаемаго дѣла, онъ не нарушитъ своей присяги.

Беръ.

Розряды.

Послѣ такого ошзыва нечего было медлить: 2-го Декабря Князь Скопинъ и Иванъ Шуйскій пошли къ Коломенскому. Болонниковъ, не допуская ихъ до своего спана, встрѣтился съ ними у деревни Кошловъ. Завязалась жестокая битва, съ самаго начала коей Пашковъ, уже не охотно оставившійся при Болонниковѣ, положилъ оружіе, со всеми находящимися еще въ мятежническомъ войскѣ Дворянами и Дѣтьми Боярскими. Не смотря на сіе опложеніе, оставшіеся при Болонниковѣ холо-

Няковская
Летопись.

ня, крестьяне и Козаки сражались упорно, но были разбиты на голову. Потерпѣвъ великій уронъ убитыми и пѣвными, они побѣжали наконецъ по направленію къ Серпухову. Но Козаки съ Атаманомъ своимъ Дмиіріємъ Беззубцовымъ не пошли за Болошниковымъ, а зашли въ укрѣпленномъ селеніи Заборья. Царскіе Воеводы, преслѣдовавшіе бѣгущихъ, подступили къ Заборью, и Козаки сдались безъ сопротивленія.

Самъ Болошниковъ продолжалъ отступленіе свое до Серпухова, но жители сего города, не желая разделять его несчастной судьбины, не согласились впустишь его къ себѣ. Онъ вынужденнымъ нашелся перейти Оку и искать убѣжища въ Калугѣ, съ оставшимися при немъ 10,000 человекъ. Другіе бѣглецы заняли Тулу.

Сполъ сильное поражение бунтовщиковъ казалось утверждало престолю за Васиіемъ. Въ порывѣ радости своей, онъ приказалъ шоржеспивовашъ побѣду во всемъ Государствѣ молебствіями и прехдневнымъ колокольнымъ звономъ. Заслуги Воеводъ не оспались безъ награжденія: Князь Скопинъ-Шуйскій и Колычевъ возведены въ Бояре, а Полшевъ пожалованъ въ Думные Дворяне. Передавшіеся съ Папковымъ помѣщики и Беззубцева Козаки получили прощеніе; но взявшихъ съ бою пѣвныхъ всѣхъ пощипили.

По несчастію, Васиій, ослѣпленный блиспа-

Латухинская
степенная
книга.

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Устюжскому Протопопу изъ Ростова, отъ 8 Декабря 1606.

Послужной списокъ старинныхъ чиновъ.
Никоновская
Летопись.

шельнымъ успѣхомъ, не поспигъ, что при извѣстной швердоспи Болошникова и ожесточеніи преданной ему черни, конечное испребленіе враговъ шребовало еще важныхъ усилій. Въроашно увлекаясь желаніемъ не подвергать войско изнуреніямъ зимняго похода, онъ счелъ доспапочнымъ дѣйствовать за Окою лишь одними опрядами. Начальники оныхъ получили повелѣніе слѣдовать:

Никоновская
Лѣтопись и
Столяровъ
Хронографъ.

Думный Дворянинъ Артемій Васильевичъ Измайловъ подъ Козельскъ, Князь Никиша Андреевичъ Хованскій подъ Калугу, Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Воропынскій подъ Алексинъ, Князь Андрей Васильевичъ Хилковъ подъ Вѣнезь и Князь Иванъ Андреевичъ Хованскій подъ Михайловъ. Шестый опрядъ, подъ начальствомъ Боярина Князя Ивана Ивановича Шуйскаго, оспавался въ Серпуховѣ въ подкрѣпленіе прочимъ пѣши. Въспѣ съ пѣмъ, приказано Воеводамъ Григорію Григорьевичу Пушкину и Сергѣю Григорьевичу Адаурову съ служивыми людьми городовъ Суздаля, Владиміра и Мурома ипши на усмиреніе Мордвы и избавленіе Нижняго Новагорода, а Боярину Федору Ивановичу Шеремешеву съ Низовою ратью поручено спарашья покорить Аспрахань.

Болошниковъ, рѣшившійся упорно опспавивать Калугу, принималъ все нужныя мѣры къ оборонѣ, и приказалъ обвестъ городъ шыномъ и

двойнымъ рвомъ. Опрядъ Князя Никиты Хованскаго былъ слишкомъ слабъ, чшобы осмѣлишься что либо предириняшь прошивъ укрѣпленнаго мѣста, защищаемаго сильнымъ и опважнымъ войскомъ. Царь далъ повелѣніе брату своему, Князю Шуйскому, деннущься изъ Серпухова и, соединившись съ Хованскимъ, приступишь къ Калугѣ. Въ исполненіе сего, Шуйскій обложилъ городъ сей 30 Декабря.

Беръ.

Никововская
Лѣтопись.

Беръ.

Прочіе опряды дѣйствовали неудачно. Измайловъ и Князь Хилковъ бесполезно осаждали: первый Козельскъ, а вшорой Вѣневь. Михайловцы, при помощи полученныхъ подкрѣпленій изъ Украинскихъ буншу преданныхъ городовъ, опразили Князя Ивана Хованскаго, и привудили его опступишь въ Переславль-Рязанскій. Царь смѣнилъ его и поручилъ начальство надъ его опрядомъ Боярину Князю Борису Михайловичу Лыкову и Прокопію Ляпунову. Князь Воропынскій хопя и занялъ безпрепятственно Алексинъ, но опшуда слѣдуя подъ Тулу онъ прешерпѣлъ сильное пораженіе. Въ Тулѣ укрывались мнѣжество бѣглецовъ Коломенскаго спана. Они высыпали, подъ предводительствомъ измѣнившаго Боярина Князя Андрея Андреевича Теляшевскаго, на встрѣчу Воропынскому, и разсѣяли его опрядъ, шакъ что онъ съ шрудомъ могъ возвращишь въ Алексинъ.

Никововская
Лѣтопись.

Аспрахань также не поддавалась подступившему подъ нее Боярину Шереметеву, который не смотря на ревностную помощь Ногайскаго Князя Иштерека и всей его орды, не полагая

Окружная
Царская Грамота
изъ Москвы отъ 26
Мая 1607.
Никоновская
Автопись.

себя въ состояніи силою взять городъ, укрѣпился на островѣ Балчикѣ и оставался тамъ въ наблюдательномъ положеніи. Князь Хворостининъ безпокоилъ его частыми нападеніями на его укрѣпленія. Онъ отбивался, но не безъ урона. Тѣ изъ его воиновъ, которые въ сихъ сраженіяхъ попадались въ плѣнъ, были отводимы въ Аспрахань и тамъ предаваемы мучительной смерти. Къ довершенію бѣдспвій, преперпѣваемыхъ его войскомъ, открылась въ ономъ сильная болѣзнь цыгга, которая причинила великую смертность.

Только Воеводы Пушкинъ и Ададуровъ съ успѣхомъ исполнили данное имъ порученіе. Мя-

Столяровъ
Хронографъ
и Грамота
Патріарха къ
Казанскому
Митрополиту
отъ 22 Де-
кабря 1606.

тежники, осаждавшіе Нижній, извѣстившись о походѣ ихъ къ Арзамасу, пришли въ робость и, снявъ осаду, разсѣялись. Воеводы заняли безъ сопротивленія Арзамасъ и Алаштырь. Городъ Свияжскъ, видя вокругъ себя возстановленіе законной власпи, добровольно возвратился въ подданство Царя Василья. Такимъ образомъ, водворивъ совершенно спокойствіе въ Мордовской земли, Пушкинъ и Ададуровъ спѣшили исполнить полученное ими повелѣніе обратиться съ Алаштыря къ

Рязанскимъ мѣшамъ на помощь находящимся шамъ
отпрядамъ.

Но всѣ сїи дѣйствїя оказывались второсте-
пенными въ сравненїи съ главнымъ дѣломъ, осадою
Калуги. Князь Шуйскїй не успѣвалъ въ оной и
всѣ усилїя его уничтожались спойкосшію Болош-
никова, Царь наконецъ убѣдился, что мяшежь не
укропится пока не истребятъ главу онаго; въ
свѣдствїе сего онъ выслалъ подъ Калугу, сколько
было еще при немъ въ Москвѣ, рапныхъ людей Никоновская
Лытопись.
и поручилъ начальство надъ осаждающимъ вой-
скомъ Боярамъ Князьямъ Мстиславскому, Скопину-
Шуйскому и Ташеву.

Тѣмъ нужнѣе было для Царя поспѣшишь
ушущенїемъ бунта, что полученныя имъ извѣ-
стія изъ Польши оказывались не совсѣмъ благо-
приятными. Злоба на Русскихъ за убїенїе Само-
званцевыхъ гостей была во всѣхъ сердцахъ Поль-
скихъ. Король и вся Рѣчь Посполитая не скрыва-
ли непрїязненныхъ расположенїй своихъ и вѣро-
ятно объявили бы уже войну Россїи, если бы
Сигизмундъ не вынужденъ былъ обратишь оружія
на собственныя подданныя своихъ. Жебржидов-
скїй, Воевода Краковскїй, и Князь Янушъ Радзи-
виль, Подчашїй Липовскїй, пиная личныя неудо-
вольствїя противъ Короля, обвиняли его въ на-
рушенїи Шляхетскихъ правъ, въ намѣренїи свѣ-

Для Поль-
скія.

лапсья самодержавнымъ и успѣли вызвать на *Рокошъ* * довольно число Шляхтичей. Но Король съ войскомъ своимъ разсѣялъ *Рокошанъ*. За мѣшапельства сіи весьма замедлили прїѣздъ Посланниковъ Русскихъ Князя Волконскаго и Иванова, которые, прибывъ на Польскій рубежъ 16 Іюля, достигли Кракова только 16 Декабря. Въ проѣздъ ихъ чрезъ Польшу они испытали великія оскорбленія. Вездъ ихъ ругали, называли измѣнниками, а въ Минскѣ даже кидали въ нихъ камнями и грязью. Въ Краковѣ они хотя были допущены къ Королю, но подарковъ ни опгъ нихъ не приняли, ни имъ не дали. Въ переговорахъ съ Польскими Панами, Волконскій прѣбывалъ удовлетворенія за кровопролитіе и расхищеніе Царской казны, причиненныя появленіемъ подосланнаго опгъ Польши Лжедимишрїя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что Царь желаетъ не нарушать существующаго съ Польшею мира, и для того опвергнулъ даже предложенія Короля Шведскаго, который обѣщалъ уступить ему нѣсколько городовъ въ Лифляндіи, съ тѣмъ чтобы онъ ему помогалъ прошивъ Поляковъ. Паны опвѣчали, что

* *Примѣчаніе.* *Рокошемъ* называлось въ Польшѣ возстаніе противъ Короля, въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаемое Государственными постановленіями.

Ажедишипрія не Поляки подослали, а сами Русскіе приняли, и что слѣдственно не Царь имѣеть право на удовлетвореніе, а Король за удержаніе его Пословъ и за претерпѣнныя бѣдствія и убытки его подданными во время убійства Самозванца. Впрочемъ и они говорили также, что Польша не нарушитъ мирнаго договора, если Россія будетъ свято соблюдать постановленія онаго. Но все ограничилось словесными объясненіями, хотя Волконскій и домогался получить письменный отвѣтъ на свои предшавленія. Онъ съ своей стороны опъказался опъездить къ Царю Королевскую грамоту, коей содержаніе было ему неизвѣстно, и напомнилъ при семъ случаѣ, что онъ не гонецъ, а Посланникъ. Тогда Король приказалъ ему ѣхать къ Царю съ поклономъ и съ обѣщаніемъ, что въ скорости будетъ присланъ въ Москву Королевскій Посланникъ. Волконскій и Ивановъ, возвратясь въ Москву 13 Февраля 1607 года, извѣстили Царя, что ему должно оспергаться Польшою, гдѣ общее желаніе было при первомъ удобномъ случаѣ опърышно воевать противъ Россіи.

Между шѣмъ Мещиславскій съ товарищами сильно приспуналъ къ Калугѣ. Не только спѣ-Никоновская
Лѣтопись. нобитныя орудія и мортиры громили городъ, но Мещиславскій приказалъ еще подвонить къ оспрогу огромный деревянный примешъ въ намѣреніи за-
Часть II.

жечь оный, паче чюобы выдохъ съ приметкомъ, сгорѣть и оспрогъ. Но Болотниковъ бодрствовалъ. Онъ сдѣлалъ жестокою вылазку со всеми находящимися при немъ людьми, и самъ съелъ приметку прежде нежели успѣли его довести до оспрога.

Вскорѣ послѣ этого Царскіе Воеводы навѣспились, что изъ Пушквы идетъ войско на помощь Калугѣ. Въ самое даль, спараніемъ Кнзя Шаховскаго, отважнѣйшіе изъ Свѣрскихъ удамцевъ собрались на выручку Болотникова, подъ предводительствомъ Кнзя Василія Мосальскаго. Замѣчательно, что хопя возставшая чернь въ особенности являлась грозною для высшихъ сословій, она охотно подчинялась именитымъ людямъ и находила честолюбцевъ, господныхъ изъ личныхъ видовъ жертвовать пользами своихъ собратій. Мосальскій сперва двинулся на выручку Вьнеза, и подъ симъ городомъ разбилъ осаждающаго оный Кнзя Хилкова, который ушелъ въ Камширу. Совершивъ подвигъ сей, Мосальскій обратился на Калугу, слѣдуя по Бѣлевской дорогѣ. Мстиславскій выслалъ къ нему на встрѣчу сильный отрядъ, подъ вачальствомъ Боярина Ивана Никишича Романова. Обѣ стороны сошлись на рѣчкѣ Выриѣ. Упорное сраженіе продолжалось цѣлые сутки и кончилось пораженіемъ бунтовщиковъ. Самъ Мосальскій былъ убитъ. Остатки Свѣрскіе бѣдо

Степенная
книга.

Николовская
Лѣтопись.

такъ велико, что многие изъ нихъ даже побѣжденные не сдавались и не бѣжали, а поджигали подъ собою пороховыя боченки и летѣли на воздухъ. Романовъ возвратился подъ Калугу съ побѣдою и получилъ золотой въ награжденіе оупъ Розряды. Царя. Но твердость защитниковъ Калуги не колебалась.

Чрезвычайное упорство бунтовщиковъ убедило наконецъ Царя, что надежда его на близкое окончаніе междоусобія была неосновательна и что безъ новыхъ усилій не управиться ему съ опшчанными злодѣями. Готовясь къ онымъ, онъ старался всеми возможными мѣрами укрѣпить власть свою, ослабленную разномысліемъ подданныхъ. Для сего казалось ему нужнымъ явиться себя въ глазахъ Русскаго народа настоящимъ преемникомъ законнаго престола Годуновыхъ. Справедливо увѣренный въ содѣйствіи духовенства, онъ склонилъ его торжественно огласить, что церковь, не смотря на пресупрестія, кои Борисъ очистилъ себя пущь къ престолу, признаетъ неоспоримымъ право его на оный, освященное народнымъ избраніемъ и что за шѣмъ нарушеніе присяги, данной ему и сѣму его, ошгачаетъ цѣлую Россію грѣхомъ, требующимъ разрѣшенія духовной власти. Дабы придать болѣе важности замышляемому дѣйствію, положили вызвать въ столицу преж-

няго Патриарха Іова. Знаменитый слѣпецъ прибылъ изъ Спарицы въ Москву 14 Февраля 1607 года. Нѣсколько дней проведено еще въ совѣщаніяхъ. Наконецъ 20 Февраля, въ восемь часовъ утра, по приглашенію Патриарха Ермогена, гости и торговые и черные люди собрались въ Успенскомъ Соборѣ. Тамъ, кон не помѣстившись въ самомъ храмѣ, снали около онаго. Всѣ съ умилениемъ смотрѣли на Іова, смиренно сполышаго возлѣ Патриаршаго мѣста, заняпаго Ермогеномъ. По совершеніи молебствія, ошправленнаго Ермогеномъ, гости и торговые люди поднесли Іову отъ имени всего народа челобитную, въ коей, принося покаяніе въ нарушеніи данной Годуновымъ клятвѣ и въ выдачѣ законнаго Царя Осодора Борисовича съ семействомъ его въ руки нечесливаго Самозванца, просили ошпустишь всѣмъ прегрѣшенія сіи и испросить на все Государство благословеніе Всевышняго. Архидіаконъ чинпалъ челобитную сію на амвонѣ, послѣ чего ему же ведѣно прочешъ прощальную грамошу, писанную отъ имени обѣихъ Патриарховъ, прощающихъ и разрѣшающихъ кляшвопреспупленіе Россіянъ въ сей вѣкъ и въ будущій*.

По окончаніи чщенія, пронупые слушатели бросались къ стопамъ Іова, испрашивая его благослове-

* Смотри Приложенія № IV и V.

ніа. Почтешный спарець, увѣщавая ихъ, говорилъ имъ: *Чада духовная! въ сихъ клятвахъ и крестнаго цѣлованія преступленіи, надѣясь на щедроты Божія, прощаемъ васъ и разрѣшаемъ соборны, да примите благословеніе Господне на главахъ вашихъ; опредѣ же молю васъ, да не покуситесь такова творити, еже крестное цѣлованіе въ чьихъ преступаніи; велика бо сіа заповѣдь, еже цѣловати честный и животворящій крестъ, на немъ же Владыко нашъ Христосъ Богъ волею срастиваяся, хотя насъ избавити отъ мучительства діавола; и вы, клявсѣ и цѣловавъ тотъ же животворящій крестъ непоодиново, да спали въ преступленіе. Въ обѣщаніи на будущее время съ вѣрностію соблюдать дающую присягу. — Іовъ, по совершеніи духовнаго подвига, оиъ коего ожидали шѣснѣйшаго союза между Государемъ и народомъ, возвратился въ Спаричу, гдѣ скоро попомъ скончался.*

Исторія Рос-
сійской Іе-
рархіи.

Впрочемъ долговременная опытность Царя Василія указывала ему, что дѣйствіе живѣйшаго нравственнаго побужденія скоро остываетъ въ сердцахъ человѣческихъ, когда не согласуется съ вещеснвенными выгодами лицъ, и что полько доставленіе такого рода выгодъ, въ смутные времена, укрѣпляетъ преданность въ сподвижникахъ. Въ семъ убѣжденіи, оиъ разсудилъ, что благоразуміе пребовало оиъ него заботиться объ удовле-

напореніи нуждъ помѣщиковъ, составляющихъ надежнѣйшую опору колеблющейся державы его, и что хотя бы сіе клонялось къ явному вреду и огорченію крѣпостныхъ людей ихъ, ему ничего было жалѣнь о снѣхъ злѣйшихъ прошивникахъ его власти. Главнѣйшею же нуждою помѣщиковъ было въ это время упроченіе ихъ крѣпостнаго права надъ холопами и крестьянами. Царь, желая угодить имъ, но не смѣя двѣшествовать одинъ, въ особенно-сти когда дѣло шло о столь важномъ предметѣ, созвалъ высшея Духовенство и Вельможъ и разсуждалъ съ ними, что хотя запрещеніе перехода крестьянъ можно вначалѣ началомъ общечеловѣчныхъ бѣдъснѣй, но что оныя усугублялись еще допущенными Царемъ Борисомъ частными изъаніями оныхъ сего запрещенія, ибо навлекая нѣкоторую сомнительность на права помѣщиковъ и обязанности крестьянъ, взяшійя сіи пуще прежняго пошрясли общее спокойствіе; что въ снѣхъ обстоятель-ствахъ для возстановленія желаемаго порядка непремѣнно должно было или вовсе запрещити переходъ или по предмету объявити оный совершенно свободнымъ; но что въ послѣднемъ случаѣ помѣщики, лишаась крѣпостнаго права, послѣ пятнадцатилѣтняго законнаго пользованія онымъ, пошерняютъ важное разспройство въ своемъ быту, въ негованіи своемъ ошказушя оныя службы, и

тогда беззащитное правительство не будешь
жить никакой возможности противустать оло-
чавшимся на него врагамъ, а Государство неиз-
менно подпадетъ подъ власть злодѣйскихъ вра-
говъ общественаго порядка; что съдѣшвенно
оказывалась необходимость въ принятіи стро-
гихъ мѣръ къ конечному утвержденію крѣпост-
наго права помѣщиковъ. По снѣгъ уваженіямъ, съ
общаго согласія издали соборную грамоту, кою
опубликовали извѣстія оныя запрещенія перехода и
предписывалось по прежнему всямъ крестьянамъ
оставаться за тѣми владѣльцами, за конми они
были вложены по переписнымъ книгамъ 1593
года. Къ прекращенію побѣговъ, подговорщиковъ
подвергали шорговой казни и штрафамъ, кон на-
лагался также и на пріемщиковъ. Кромѣ этого,
прежняя пятнадцатилѣтняя давность на ошнысканіе бѣ-
лыхъ была продолжена до пятнадцати лѣтъ.
Сильно обуздывая такимъ образомъ бродяжниче-
ство, новый законъ заботился также и объ ограж-
деніи непорочности нравовъ отъ злоупотребле-
нія помѣщичьей власти. Устанавливалось, что если
господинъ не дозволитъ вступить въ бракъ ра-
бамъ своимъ, мужчинамъ послѣ 20 лѣтъ, а дѣв-
камъ послѣ 18 и вдовамъ болѣе двухъ лѣтъ по-
слѣ смерти мужей ихъ, то такимъ крѣпостнымъ
не только предоспаивалась свобода, но даже ко-

шорый изъ нихъ и обѣжишь, унеся что съ собою, то и шущь суда не давайъ ва нихъ господину ихъ *.

Столярковъ
Хронографъ.

Между пѣмъ военныя дѣйсвія продолжались безуспѣшно для Царскихъ войскъ, не смотря на итькошорыя часшныя удачи. Такъ напримѣръ, выступившій изъ Каширы Князь Хилковъ осадилъ буншовщиковъ, заставшихъ въ Серебряныхъ Прудахъ въ ошрогѣ. Когда же прибыли пакже подъ Серебряные Пруды шедшіе изъ Мордовской земли Пушкинъ и Адауровъ и соединились съ Хилковымъ, то Царскіе Воеводы сильно подшунили подъ ошрогъ. Бой продолжался цѣлый день: буншовщики, ожидавшіе скорой помощи, защищались храбро, и шолько около полуночи вида свое изнеможение, сдали ошрогъ. Въ слѣдующій день показался ошрядъ, шедшій изъ Украйны на выручку ихъ, подъ начальствомъ Князя Ивана Даниловича Мосальскаго да Лишвинина Ивана Споровскаго, но мяпешники, вспрѣченныя Царскимъ войскомъ въ 6 верспахъ отъ Серебряныхъ Прудовъ, претерпѣли сильное поражение и поперяли много убишными и пѣнными; въ числѣ сихъ послѣднихъ находились и сами начальники Князь Мосальскій и Споровскій. Нѣскольکو времени спустя Хилковъ, Пушкинъ и Адауровъ

* Смотри Приложенія № VI.

учинили несчастный поискъ на Дѣдилово. Засѣвшіе шамъ буншовщивки не только ошравили ихъ, но даже совершенно разбили. Адауровъ былъ убитъ и множество Царскихъ воиновъ пошонуло въ рѣкѣ Шашѣ. Побѣжденные бѣжали до самой Каширы.

Болопниковъ продолжалъ ошчаянно оборонять Калугу, и беспрестанными вылазками сильно прерожилъ осаждающихъ. Царь, видя въ немъ жившворную душу мяшежа, покусился на дѣло гнусное. Московскій лекаръ Фидлеръ, уроженецъ Кенигсбергскій, предложилъ свои услуги на ошправленіе Болопникова, но шакъ какъ ему не вѣриал; какъ извѣстному хвасшуну и обманщиму, шо онъ далъ на себя слѣдующую кляшву: *Во имя Прешвѣтой и Прешлавной Троицы, во имя Прешвѣтаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Свѣтаго, я Фридрихъ Фидлеръ даю сію кляшву въ томя, што хочу погубить ядомъ врага Царю Василью Иванову и всему Царству Русскому, Ивана Болотникова; если же не исполню и обману моего Государя, да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отринетъ меня навѣки отъ своего милосердія единородный сынъ Божій Иисусъ Христосъ, кровь свою за насъ проліавшій; да не будетъ подкрѣплять душу мою сила Св. Духа; да покинутъ меня все Ангелы, Христіанъ охрощающіе. Пусть обратятся во вредъ мнѣ стш-*

Беръ.

аки міръ овоо, созданныя на пользу человека; пусть земля произведетъ мѣл живодъ; да будутъ земля произрастити мѣл отравого, а не пашего; да овладѣеть пыломъ и думего моею діаволъ. Если даже духовный отецъ разрѣшитъ мѣл отъ клятвы, которую исполнить я раздумать бы, да будетъ такое разрѣшеніе недѣйствительно. Но тытъ! Я сдержу овоо слово и силья лдомъ погублю Ивана Болотникова, уповаю на Божію помощь и Са. Евангеліе. Василій, сею спрашно нечестивого присягою убѣжденный въ искренности намѣренія Фидлера, приказалъ данъ ему копя и 100 палеровъ, и обѣщалъ ему, если онъ сдержитъ слово свое, 100 душъ крестьянъ и 300 палеровъ ежегоднаго оклада. Но Фидлеръ, по прибытіи своемъ въ Калугу, открылъ все Болотникову и вручилъ ему оаный лдъ. Такимъ образомъ Царь, безъ всякой пользы, обезславилъ себя дѣйствіемъ поспыднымъ.

Впрочемъ Болотниковъ съ безпокойствомъ усматривалъ истощеніе жизненныхъ припасовъ въ Калугѣ. Уже осажденные вынужденными находились пиашься конскимъ мясомъ. Въ снхъ обстоятельствѣхъ начальникъ ихъ писалъ къ Князю Шаховскому въ Пушкыль, убѣдительно прося у него помощи. Шаховскій зналъ, что для успѣха общаго ихъ дѣла необходимо итпши выручать Болотни-

Столяровъ
Хронографъ.

кова, но онъ самъ находился въ затруднительномъ положеніи. Даже спрощенные Сиверске начинали охладѣнѣть въ предвѣстии своей къ шкиному Димитрію, котораго прибытія напрасно ожидали столько долгое время, и онъ ихъ нельзя было надѣяться дальнѣйшихъ услій, если Самозванецъ самъ не рѣшился присутствовать своимъ восславленнымъ утасующее ихъ къ нему усердіе. Но всъ старанія Шаховскаго, чтобы склонить Молчанова къ прїѣзду въ Пушнѣль, не могли побѣдить его робости и онъ никакъ не отважился оставить Самбора. Наконецъ, Шаховскій убѣдившись, что ему нечего ожидать отъ малодушнанаго злодѣя, обратился къ Аже-Петру и послалъ звать его къ себѣ въ Пушнѣль.

Берг.

Грамота Царя Василѣя въ Солъ-Вычегодскую отъ 19 Октября 1607.

По открытіи весны, Аже-Петръ оставивъ берега Дона, направился съ Терскими сподвижниками своими вверхъ по Донцу. Посланный отъ Шаховскаго нашелъ его еще на Донцѣ, но уже во сна сорока версахъ отъ устья сей рѣки. Аже-Петръ охотно принялъ сдѣланное ему предложеніе итти въ Пушнѣль, дабы дѣйствовать за одно съ приверженцами Ажедимитріа; онъ продолжалъ путь свой Донцемъ до Борисъ-города, а оттуда, проходя черезъ Осколь, прибылъ въ Пушнѣль съ 10,000 человекъ своего собственнаго войска, оставляя кровавые слѣды своего шествія. Волонниковъ былъ

Берг.

жестокосердъ не по нраву, а по расчету, и попому самъ никого не терзалъ, а только допускалъ и поощрлялъ къ несправедливостямъ своихъ поварницъ, когда ему казалось полезнымъ вовлекать ихъ въ пресупленія. Наврошивъ того Лже-Петръ, по врожденнымъ звѣрскимъ склонностямъ, самъ наслаждался несправедливостями и убійствами. Изъ числа чиновныхъ людей прицали ошъ него мучительную смершь Воеводы: Борисгородскій, Бояринъ Михайло Богдановичъ Сабуровъ и Князь Юрій Примковъ-Росиловскій, Оскольскій Манивъ Бупурлинь, Бѣлогородскій Князь Петръ Ивановичъ Буйносовъ, Путивльскій Князь Андрей Бахшеаровъ; плѣненные Болотниковымъ и опосланные имъ въ Путивль, Бояринъ Князь Василій Кандаруковичъ Черкасскій и Окольникіе Алексѣй Романовичъ Плещевъ и Ефимъ Варфоломеевичъ Бупурлинь. Развратность Лже-Петра равнялась его свирѣпству. Онъ взялъ къ себѣ въ наложницы дочь казеннаго имъ Князя Бахшеарова.

Никоновская
Лѣтопись и
Розряды.

Между штемъ Шаховскій прилежно заботился о усиленіи приведеннаго Лже-Петромъ войска, не только новымъ наборомъ Сѣверянъ, но еще и внѣшнею помощію. По приглашенію его, опрядъ Запорожцевъ прибылъ въ Путивль, въ надеждѣ имѣти участіе въ предполагаемыхъ грабительствахъ. Когда такимъ образомъ составилось значительное опол-

ченіе, Лже-Петръ, въ сопровожденіи самого Шаховскаго; выпунилъ къ Тулу, выслалъ передъ собою два отряда. Одному, подъ начальствомъ Князя Михайлы Долгорукова, поручено было принудить Измайлова къ сильнѣю осадѣ Козельска. Другому же отряду повелѣно стѣпавшъ въ Тулу на усиленіе Князя Теляшевскаго, коему предписывалось немедленно по прибытіи оного слѣдовать къ Калугѣ на выручку Болошниковъ.

Въ исполненіе сего Теляшевскій выпунилъ изъ Тулы 4-го Мая, но дабы въ случаѣ неудачи не быше опрѣзаннымъ отъ Сѣверской земли, онъ пошелъ прямо на Калугу, а направился сперва въ Бѣлову, въ намѣреніи предварительно всякому на- оскупанельному дѣйствію обезопасить оскупанеліе свое на Пупивль. Князь Мстиславскій, извѣстивъ о его походѣ, выслалъ противъ него Болрина Князя Бориса Пешровича Ташева и Князя Андрея Черкаскаго съ 17,000 человекъ. Обѣ рати ополкнулись на Пчельнѣ и сразились немедленно. Не успѣвъ битвы осталася на споронѣ мяшежниковъ. Начальники Князя Ташевъ и Черкасскій и многіе воины были убиты; остальные бѣжали въ смятеніи главнаго войска подѣ Калугою и распространили въ ономъ смятеніе и ужасъ. Пользуясь оными, Болошниковъ на другой день сдѣлалъ сильную вылазку. Тогда разгромъ сдѣлался всеобщимъ. Царскіе воины

Беръ. — Ни-
ковская Лѣ-
топись. — Сто-
ляръ Хро-
нографъ. —
Латухинская
степенная
книга и Ка-
рамзинъ.

въ безмалочистнѣ послѣдннго сража бѣжали къ Березску, оставивъ орудїа, старшды и припасы. Другіе даже предались непрїателю. Если вѣрнн нѣкоторыя свидѣтельства, нншнмъ образомъ перешло въ ряды мятежниковъ до 15,000 человекъ, изъ коихъ около ста. Ннмцень съ начальникомъ своимъ Гансбергомъ. Изъ счастїю, всегда доблестннмъ Кнзю Шуйскїю-Саловнъ и прещеннмъ Истома Пашковъ, котораго Царь назначилъ Анжнатовъ Казацкнмъ, пребыли еще вѣрными долгу и чести. Оба они успѣли одушевлнть своимъ мужествомъ нѣкоторыхъ воиновъ и съ помощїю ихъ удерживали ннпоръ Болонннкова, дабы обезопаснть блугннхъ; наконецъ сами въ порядкѣ отходили къ Серпухову, куда привезли съ собою и нѣсколько спасеннхъ ими нншевъ.

Подъ Козельскомъ честь Царскаго оружіа была сохрннена. Воевода Измайловъ съ успѣхомъ опрнзаль вандевнѣ опрнзды Кнзю Долгорукова, и пошло

Никоновская
Лѣтопись.

тогда снялъ осаду Козельска, когда навѣстннла о несчастннхъ событїяхъ подъ Калугою. Отступая въ Мещовскъ, онъ забралъ съ собою весь осадннй орудь, не оставлнл ничего въ добычу непрїателю, и ннмъ заслужилъ милость Царя, который

Послужный
списокъ.

пожаловалъ его въ Окольникнн.

Пока Кнзю Мстнславскїю собнрали въ Боровскъ разсѣянные полки свои, торжествующїй Ва-

любовно оставилъ Калугу и соединился въ Тулу съ Лже-Петромъ, въ намѣреніи дѣйствовать совокупными силами.

Беръ.

Москва была въ тревогѣ. Снова гибель висѣла надъ столицей и Государствомъ. Смущеніе было всеобщее, но Царь ободрилъ всѣхъ своею рѣшимостию. Не скрывая чрезвычайности угрожающей бѣды, онъ объявилъ, что настало время вѣрнымъ побѣдить или умереть, что онъ первый подаетъ примѣръ, выступя въ походъ на злодѣевъ, но что онъ пребудетъ и онъ всѣхъ дружнаго содѣйствія. Повсюду разослали указы, чтобы подь смертною казнію всѣ служивые люди и дворянныя собирались подь Царскія знамена. Имѣнія Духовенства не освобождались онъ присылки ратниковъ, и даже самимъ инокамъ предписывалось бытъ въ готовности приняться за оружіе по первому вызову. Кроме того повсѣлялось въ обязанность монастырямъ снабжать жизненными припасами столицу и войско. Патриархъ и высшее Духовенство, въ ревности своей къ возстановленію Государственнаго усиройства, не только соглашались на всѣ пожертвованія, но еще старались подкрѣпить Царскія усилія духовнымъ оружіемъ. По повелѣнію ихъ во всѣхъ храмахъ провозгласили проклятіе надъ Божонниковымъ и самозванцами и оплучили онъ церкви всѣхъ ихъ сообщниковъ.

Дневникъ
Маринъ.

Порывъ былъ всеобщій и внезапный. Можно полагать, что дѣйствовало не столько усердіе не мало уважаемому Царю, сколько убѣжденіе пошляковъ, что дѣло шло о собственномъ ихъ существованіи. Ополченіе образовалось столь неожиданно, что уже 21 Мая, Василій могъ выступить въ поле. Москву онъ приказалъ брату своему Князю Дмитрію и другимъ двумъ Боярямъ Князьямъ Одоевскому и Трубецкому. Всѣхъ прочихъ Бояръ, Околицкихъ и Дворянъ. Царь взялъ съ собою. Изъ столицы войско направилось двумя пу-

Никоновская
Летопись.

шьями. Бояринъ Князь Андрей Васильевичъ Голицынъ, съ частію оваро, слѣдовалъ къ Каширь на соединеніе къ идущему шуда же изъ Рязани Болрину Князю Лькову. Самъ Царь съ главными силами пошелъ къ Серпухову, куда также имѣлъ повелѣніе прибыть и Князь Мстиславскій изъ Боровска.

Едва Царь выѣхалъ изъ Москвы, какъ получилъ утѣшительное донесеніе, что Князь Хворостининъ и бунтующіе Аспраханцы, раскаявшись въ своихъ злодѣаніяхъ, вошли въ сношеніе съ Бояриномъ

Окружная
Грамота Цар-
ская, изъ
Москвы отъ
26 Мая 1607.

Шереметьевымъ и 19 Мая снова покорились Царю. Василій спѣшилъ огласить сію радостную вѣсть для ободренія собирающихся на Оку войскъ своихъ. Впрочемъ покорность Аспраханцевъ была не надежна: они не хотѣли впускать къ себѣ Шереметева, который по прежнему осматривался на Баль-

чинъ. Такимъ образомъ въ городѣ не искоренилось своевольство, печальнымъ слѣдствіемъ кого было скорое возобновеніе прежнихъ смутъ.

Лже-Петръ, Шаховскій и Болотниковъ, сосредоточившіе все войска свои въ Туль, послали съ общаго совѣща къ Серпухову, вѣроятно для удержанія переправы на Окъ, Князя Теляшевскаго съ 30,000 Пупивлянь, Ельчанъ и Козаковъ Донскихъ, Терскихъ, Волжскихъ и Яицкихъ. Но Теляшевскій, извѣстившійся на пути о прибытіи Царя въ Серпуховъ, обратился на Каширу. Князья Голицынъ и Лыковъ спѣшили донести о томъ Царю, ко-

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Протопопу Сольвычегодскому изъ Ростова отъ 1 Іюня 1607.— Столяровъ Хронографъ и Никоновская Лѣтопись.

ропый послалъ къ нимъ на подкрѣпленіе нѣсколько сотенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ имъ итти на вратовъ. Обѣ стороны сошлись на берегахъ Восми въ 17 верстахъ отъ Каширы. Упорное сраженіе началось 5 Іюня съ разсвѣтомъ, и продолжалось четыре часа съ перемѣннымъ счастьемъ. Сперва бунновщики стали одолевать, но Голицынъ и Лыковъ, одушевляясь великодушнымъ отчаяніемъ, развѣзжали по полкамъ своимъ и кричали опшпуняющимъ: *Гдѣ суть намъ бѣжати? лучше намъ здѣсь померети другъ за друга единомушно встѣмъ!* Войны ихъ успыдились дальнѣйшаго опшпуненія и оивѣчали: *Пудобаетъ самъ нагинати, а намъ помирати!* Тогда Воляре, призвавъ въ помощь Бога, бросаясь въ Сѣчу; за нимъ устремилось все воин-

ство. Машежники дрогнули въ свою очередь. Изъ нихъ, около 1,700 удалѣйшихъ Козаковъ перешли рѣчку и засѣли въ буеракахъ, ограждаясь повозками своими. Прочіе, побросавъ орудія, набашы, знамена и коней, бѣжали къ Тулѣ и были преслѣдуемы на разстояніи 40 верстѣ. Кромѣ убитыхъ и разсѣянныхъ они потеряли 5,000 пѣвннхъ, и Тяляшевскій ворошился въ Тулу съ весьма немногими людьми. Оставшіеся въ буеракахъ Козаки не хотѣли сдаваться и отстрѣливались изъ ружей еще два дня; наконецъ, когда у нихъ не стало пороху, Царскіе воины спѣшившись пошли на нихъ. Рязанцы первые спустились въ буераки подѣ предводительствомъ Ѳедора Булгакова и Прокопа Ляпунова. Сопрошивленіе Козаковъ, лишенныхъ способовъ къ оборонѣ и подавленныхъ многолюдствомъ нападающихъ, было почти ничтожно. Всѣ они были вырѣзаны за исключеніемъ семи человекъ, коимъ даровали жизнь по просьбѣ нѣкоторыхъ Нижегородскихъ и Арзамасскихъ помѣщиковъ, ими также спасенныхъ отъ лютой смерти, во время разбойничества ихъ на Волгѣ съ Лже-Петромъ.

Василій, обрадованный сполнѣ знапною побѣдою, долге не медлилъ дѣйствовать рѣшительно. Самъ оставаясь еще въ Серпуховѣ, онъ выслалъ за Оку трехполкное войско подѣ главнымъ начальствомъ Князя Скопина-Шуйскаго, который въ сорока вер-

спяхъ опъ Тулы соединясь съ Каширскимъ полкомъ Князей Голицына и Лыкова, продолжалъ слѣдованіе свое къ сему городу. Непрiяшель, въ намъренiи прешащствовашъ обложенію Тулы, расположилъ сильный опрядъ въ полуторы вершпы опъ города на шопкой рѣчкѣ Воронежъ, въ крѣпкомъ мѣстѣ между болошомъ и лѣсомъ. Но опрядъ сей не могъ оспановитъ воиновъ Скопина, копорые 12 Іюня, не смошра на сильное сопропивленіе, переправились за Воронежю и вшоппали мяшежниковъ въ Тулу. Въ запальчивости бшпы, человекъ десять изъ Московскаго войска ворвались даже въ самый городъ и шамъ были убиты.

Царскіе Восводы оспановились подъ Тулою, въ ожиданiи прибытія самого Царя, копорый нѣсколько дней спушя выступилъ изъ Серпухова съ оспальнымъ войскомъ и 28 Іюня прибылъ подъ Алексинъ. Городъ сей сдался на другой день, а 30 числа Царь, прибывъ подъ Тулу, приказалъ начашъ осаду. Князь Андрей Голицынъ съ Каширскимъ полкомъ спалъ на Каширской дорогѣ на Черлепой горѣ, пришыкая лѣвымъ крыломъ своимъ къ опряду Князя Петра Араслановича Урусова, расположенному на рѣчкѣ Тулкѣ и соспоящсму изъ Чувашъ, Черемисъ и Ташаръ Казанскихъ, Романовскихъ и Арзамасскихъ; на лѣвой споронѣ Упы находился спанъ главнаго войска; позади онаго Царь прика-

Столяровъ
Хронографъ.

Грамота Царская
Князю
Дмитрію
Шуйскому
изъ Алексина
отъ 29 Іюня
1607.

Столяровъ
Хронографъ.

заль разбишь свои шашры въ двухъ верстахъ отъ города. Большая часть осадныхъ орудій выставлена была за шурми на Крапивневской дорогѣ, но въ кошорыя изъ нихъ помѣщены были и со стороны Каширской дороги по близости рѣки Уны.

Успѣхи, ознаменовавшіе первыя дѣйствія Царскихъ войскъ, имѣли вліяніе и на нѣкоторыя окрестные города. Сапожокъ и Ряжскъ снова покорились Царю. Кромѣ того пріѣхали къ нему съ повинною изъ Михайлова тамошніе Лже-Петра Воеводы Князь Федоръ Засѣкинъ и Левъ Фустовъ съ нѣсколькими спрѣвѣцкими головами, да изъ Брянска Окольниковъ Князь Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукой и Елизарій Безобразовъ, и съ ними многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе Сѣверской земли.

Василій, не почитая возможнымъ вѣдѣспѣ съ осадю Тулы предпринять такую же и Калуги, упорствующей въ мнѣжѣ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ отрѣзать сообщеніе Калужанъ съ бунтующимъ краемъ. Въ этомъ намѣреніи онъ послалъ на лѣвую сторону Оки два отряда подъ начальствомъ Князя Трѣпьяка Семенова и Князя Василія Мосальскаго. Семеновъ успѣшно исполнилъ порученіе свое и очистилъ отъ непріятеля города Дихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ; Мосальскій съ своей стороны осадилъ Козельскъ.

Царская Грамота Князю Дмитрію Шуйскому изъ Алексина отъ 29 Іюня 1607.

Никоновская Лѣтопись.

Главное дѣло, осада Тулы шла медленно, хотя число осаждающихъ проспиралось до 100,000 человекъ. Въ городѣ находилось до 20,000 отважныхъ злодѣевъ, коими предводительствовали Лже-Пепиръ, Князь Шаховскій, Князь Теляшевскій, какой-то Кохановскій, и что всего важнѣе, неустрашимый Болотниковъ, готовившійся явить новые опыты уже имъ въ Калугѣ оказаннаго удалства. Ободряемые его примѣромъ мятежники дѣлали ежедневно по три и по чепыре вылазки, дрались отчаянно и всегда отбивали многократные приступы Царскихъ войскъ.

Беръ.

Столяровъ
Хронографъ.

Беръ.

Однакожь, не смотря на храбрость осажденныхъ, Шаховскій и Болотниковъ предусматривали, что имъ наконецъ не удержаться въ Тулѣ и что рано или поздно Царь возьметъ сей городъ, если не будетъ имъ сильной помощи извнѣ. Но откуда можно было имъ ожидать сей помощи, какъ не отъ новаго порыва Стверскихъ людей, возбужденныхъ явленіемъ Димитрія, къ коему слѣвая ихъ приверженность все еще сохранялась? Самая бодрость защитниковъ Тулы основывалась единственно на увѣреніяхъ Шаховскаго о скоромъ прибытіи Димитрія. Въ сихъ обиспопьятельстввахъ начальники мятежниковъ поручили бывшему при нихъ Запорожскому Апаману, Ивану Заруцкому, ѣхать въ Польшу для точнаго развѣданія будетъ ли или нѣтъ

Молчановъ въ Россію? Но Заруцкій довхалъ до Спародуба и не только далѣе не продолжалъ своего пуши, но даже и не писалъ въ Тулу. Не имѣя опъ него ни какого извѣстія, Шаховскій послалъ еще въ Польшу Козака, копорый, достигнувъ до своего назначенія, увѣдомилъ друзей Воеводы Сендомирскаго. что если они не попоропятся выслать въ Россію какого нибудь Димитрія, то Шуйскій неминуемо, воспоржествуетъ; а съ шѣмъ вмѣстѣ исчезнетъ для Марины и ея опца всякая возможность къ возвращенію утраченнаго ихъ величія. Мнишковы приверженцы усердно принялись за дѣло.

До тѣхъ поръ Поляки оставались въ бездѣйствіи не попому, чтообы угасло въ сердцахъ ихъ желаніе мстить Россіи за убійствѣ въ Москвѣ соопеченниковъ, но единственнѣ по причинѣ внутренихъ раздоровъ, перзавшихъ собственнѣ ихъ опеченство. Жебржидовскій и Раздвиль снова возбудили прошивъ Короля *Рокошъ* сильнѣе прежняго, и даже объявили престолъ Польскій празднымъ. Обѣ спорны выснушили въ полѣ въ Іюнь мѣсяцѣ. Въ рѣшипельной битвѣ подѣ Гусовымъ, Король опспался побѣдипелемъ и *Рокошане* разбѣались. Хошя Жебржидовскій, нашедшій убѣжище въ крѣпости Замоспье, еще не покораляся Королю, но должно было ожидать, что и онъ не замедлитъ прекратитъ бесполезное сопрошивленіе. Съ окончаніемъ

междоусобія многіе изъ молодежи Польской оспавались въ праздности. Друзья Мнишека разсудили, что не спрудно будетъ склонить ихъ на помощь всякому, кто согласится принять на себя имя Лжедимитрія. Но не споль легко было въ скорости найти челоуѣка способнаго къ роли Самозванца. Примѣръ Молчанова въ особености показывалъ, что ошважность должна была составлять первое достоинство избираемаго лица. Въ семь убѣжденіи, одинъ изъ сподвижниковъ Ошрепьева, Полякъ Мѣховецкій, не гонясь за вѣроподобіемъ, рѣшился назвать Димитріемъ подговореннаго имъ юношу, котораго хотя чертами лица отнюдь не походилъ на Ошрепьева, но не менѣе его оказывался дерзновеннымъ и предпримчивымъ. Сей новый обманщикъ, по имени Иванъ, былъ родомъ изъ Россіи, но жительства имѣлъ въ Бѣлорусскомъ городѣ Соколѣ и занималъ мѣсто учителя при дѣтяхъ одного священника*. Онъ зналъ хорошо по Русски и по Польш-

Беръ.

* *Примѣчаніе.* Такъ Беръ и Петрей объясняютъ его происхожденіе. Въ Россіи и въ Польшѣ носились также слухи, что онъ былъ Жидъ, но молва сія основывалась единственно на томъ, что его видали въ походное время читавшаго въ ставкѣ своей Талмулъ и книги Раввиновъ. Никоновская Лѣтопись признаетъ, что настоящее происхожденіе втораго Лжедимитрія покрыто неизвѣстностію, а Палицынъ, называя его Поповскимъ сыномъ Матвѣемъ Веревкинымъ, очевидно ошибается, смѣшивая его съ Стародубцемъ Веревкинымъ, возбудившимъ своихъ согражданъ въ его пользу.

ски, твердо помнилъ Кругъ церковный и даже разумѣлъ по Еврейски. Впрочемъ, кромѣ неуспрашимости въ бояхъ и спойкости въ исполненіи при-
мѣныхъ предначертаній, онъ отличался нѣсколько
Кобержиц- гнуснѣйшими пороками, былъ грубъ въ обхожденіи,
кѣй. свирѣпъ и корыстолюбивъ, и предавался постыд-
нѣйшему распутству. Мѣховецкій передалъ ему
Масквничъ. всѣ подробности о походеніяхъ Опрепьева, и
такимъ образомъ наспрошилъ его по возможности,
опсправилъ въ Свародубъ, а самъ между тѣмъ
занялся на границѣ набираниемъ войска изъ воль-
нонаемной шляхты и разной сволочи.

Никоновская
Автопись.

Въ первыхъ числахъ Сентября явились въ Свародубъ два незнакомца, изъ коихъ одинъ назывался Андреемъ Андреевымъ Нагимъ, а другой Московскимъ Подъячимъ Алешкою Рукинымъ. Они говорили, что посланы онъ Царя Димитрія, укрывавшагося онъ своихъ измѣнниковъ, чтобы развѣдать о расположеніи къ нему Свародубцевъ. Услышавъ сіе, Свародубцы единодушно завопили: *Всѣ мы ему ради. Скажите намъ, гдѣ онъ нынѣ и мы съ вами пойдѣмъ къ нему головами.* Тогда Рукинъ объявилъ всенародно, что Димитрій находится въ Свародубъ, но не смотря на всѣ убѣжденія исперпѣливыхъ жителей, отказался указать его. Припворное упорство свое онъ довелъ даже до того, что спали его пытать; будно не стерпя

мучительства, онъ наконецъ объявилъ, что подъ именемъ Нагаго скрывается самъ Димитрій, чудно спасенный отъ измѣны Московскихъ жиптелей, кощорые будпо бы вмѣсто его убили какого-то Нѣмца, по имени Арцыкарлуса. Спародубцы безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, безъ малѣйшаго доказательства, повѣрили голословной баснѣ, и увлеченные примѣромъ и совѣсами одного изъ своихъ согражданъ, Гаврилы Веревкина, поверглись за нимвъ къ стопамъ мнимаго Димитрія и клялись жипть и умереть за него. Зазвонили во всѣ колокола и весь городъ былъ въ радостномъ волненіи. Заруцкій, еще находившійся въ Спародубѣ, спѣшилъ также къ Самозванцу, и хошя съ перваго взгляда замѣнилъ, что онъ обманщикъ, однако не усумнился признашь его за царствовавшего въ Москвѣ Димитрія, коего впрочемъ самъ не видывалъ. Заруцкій, предобренный содѣлашья злодѣяніями своими однимъ изъ ужаснѣйшихъ орудій гнѣва Божія надъ несчастною Россією, былъ Русскимъ по происхожденію, а Полякомъ по подданству. Онъ родился въ Червонной Россіи въ городѣ Тарнополь, но въ самой юности оставивъ Польшу, разбойничалъ сперва вмѣстѣ съ Крымскими Ташарами, а пошомъ съ Донскими Козаками, коихъ успѣлъ привязать къ себѣ отважноштію, необузданною никакими нравственными понятіями. Онъ никогда

Грамота Тушинскаго вора въ Смоленскъ изъ Орла отъ 14/21 Апрѣля 1608.

Беръ.

Плещкій.

въ Москвѣ не бывалъ и съ Опрещевымъ нигдѣ не встрѣчался.

Мѣховецкій, выжидавшій по близости Стародуба какой пріемъ сдѣланъ тамъ будетъ имъ созданному Самозванцу, скоро получилъ извѣстіе о во-

Письмо Хар- спортъ, произведенномъ его появленіемъ, почему
лецкаго къ онъ въ прошъ же день вспунилъ въ Стародубъ съ
своему пріа- 5,000 Поляковъ, изъ конхъ впрочемъ только не-
телионъ Ост- роклудова, 5,000 Поляковъ, изъ конхъ впрочемъ только не-
отъ 9/10 Ок- отъ 9/10 Ок- таября 1607. таября 1607. многие были порядочно вооружены.

Къ сему, споль худо снаряженному войску, хопя и присоединились въ скоромъ времени нѣсколько тысячъ Сѣверянъ, но все ополченіе не соспавляло еще чего нибудь шакого, съ чѣмъ можно бы надѣяться одолѣти огромныя силы, собранныя Царемъ Василюмъ подъ Тулою. Не смотря на то, Самозванецъ рѣшился выступить въ поле, чпобъ отъ бездѣйствія не охладилось къ нему усердіе народное. Онъ также счипалъ и на возбужденіе измѣны въ Царскихъ воннахъ обворожипельнымъ вліяніемъ имени Димитрія. Въ семъ предположеніи онъ дерзнулъ посласть къ Царю Василю съ требованіемъ уступить ему пресшоль безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Сіе негѣпое предложеніе привезено подъ Тулу однимъ сыномъ Боярскимъ, копорый по слабоумію свосму до шакой степенни вдался въ обманъ, чшо искалъ только случая кровію своєю запечашлѣвъ вѣрносшь свою шому, кого

Никонвская
Автопись.

почишалъ законнымъ Государемъ. Безумецъ упрекалъ въ глаза Царя Василя въ похищеніи престола у природнаго своего Государя. Разгнѣванный Царь повелѣлъ его пытать огнемъ, но онъ посреди мученій говорилъ шѣ же рѣчи, и далъ себя жечь до самой смерти, не оказывая ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости защищаемаго имъ дѣла.

Столь дивное испуленіе въ пользу обманщика, изумляя Царя, убѣждало его въ великости новой бѣды, угрожающей бурному его царствованію. Получаемыя извѣстія изъ Сѣверской земли ежедневно умножали его безпокойство. Еще Самозванецъ не выспуналъ изъ Спародуба, какъ уже города Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій и Пупивль, увлеченные одними присланными отъ него грамотами, признали его за своего Государя. Брянскъ готовился также послѣдовать сему примѣру. Въ сихъ обшпояпельствахъ надлежало бы немедленно высласть противъ Вора достапочное войско для искорененія его, прежде нежели онъ успѣлъ усилився, но Царь не посмѣлъ ослабить себя подѣ Тулою, изъ опасенія, чшобы шѣмъ не выпустишь изъ рукъ заключенныхъ тамъ злодѣевъ, коихъ по извѣстному ихъ испуленію не безъ основанія почиталъ вреднѣйшими изъ своихъ враговъ. И шакъ онъ рѣшился до паденія Тулы дѣйствовать противъ Лже-Ошрепьева шолько опрядами. Такъ какъ Воръ

изъ Стародуба шель къ Брянску, шо Василій предписалъ Мещовскому Воеводѣ Сунбулову, послать на-скоро распоропныхъ воиновъ, для провѣданія о непріятельскихъ обращеніяхъ и для наказанія Брянчанъ за ихъ шашкосць. Въ шо же время высланные самимъ Царемъ изъ подъ Тулы опряды овладѣли городами Двдиловымъ, Елифанью, Крапивною и Одоевымъ, и шѣмъ заслонили осаждающее войско опгъ спороны Украйны.

Истониась о мятежахъ и Розряды.

Сунбуловъ, въ исполненіе полученнаго имъ повелѣнія, назначилъ для поиска 250 лучшихъ конныхъ воиновъ и предоставилъ имъ самимъ избрать себѣ начальника. Выборъ ихъ палъ на Брянскаго урожевца, Голову Елизара Безобразова, который быстро двинулся къ Брянску и вспунилъ въ сей городъ безпрепятшвенно, попому что большая часть жителей, опшюдь не ожидая набѣга, вышли на срѣшеніе Вору, уже находящемуся въ недалнемъ распояніи. Безобразовъ успѣшилъ сечь городъ и возвратишья въ Мещовскъ. Самозванецъ послалъ за нимъ погоню, но не могли догнать его, попому что онъ имѣлъ предосторожнось запастись перемѣнными лошадами.

Письмо Харлецака къ своему пріятелю изъ Оскудева отъ 7го Октября 1607.

Лже-Опрепьсѣвъ, оспановясь спаномъ подъ Свинскимъ Монастыремъ, занялся устройствомъ выжженнаго Брянска. Наконецъ 29 Сентября онъ оправи.тъ пѣхопу свою съ обозомъ въ Карачевъ,

куда и самъ прибылъ съ конницею иъсколько дней спуся. Но и тушь недолго оспавался и двинулся на выручку Козельска. Напрасно осаждавшій сей Никоновская Лвтопись. городъ Князь Мосальскій хошълъ удержашься подъ ошымъ съ имѣющимися при немъ 8,000 воиновъ. Разбитый Ворожъ, онъ привужденъ былъ съ урономъ отспупинь къ Мещовску. Можно было опасаться, что злодѣй скоро найдешъ средспиво подашъ помощь и самой Туль, но по счаспю участь сего мяшежническаго гнѣзда была уже рѣшена.

Исторія Польская Лявгника.

Долгое время Тульская осада продолжалась безспѣшно. Царскіе войны скучали, упали духомъ. Открылись важныя побѣги. Начальникъ Ташаръ, Никоновская Лвтопись. Князь Урусовъ, измѣня данной присягѣ, отпѣхалъ въ Крымъ съ многими Мурзами. Самъ Царь недоумѣвалъ къ какимъ средспивамъ прибѣгнушь для одолгнія упорства осажденныхъ. Когда такимъ образомъ успѣхъ предпріяшя дѣлался уже сомнительнымъ, явился къ Василю Муромскій сынъ Болрскій Оома Суминъ Кровковъ и обвщался попопшь Тулу, если ему дадутъ нужное число работниковъ. Сначала Царь и Бояре осмѣивали его выдумку, но онъ объявилъ, что готовъ принять казнь, если не исполнитъ своего обвщанія. Видя швердую его увѣренность въ своемъ хипродѣльшѣ, рѣшились допустить его къ попышкѣ. По указанію его стали прудить рѣку Упу въ трехъ вер-

сплахъ ниже города. Площина, успроенная изъ д-
ревьевъ и соломы, поспепенно возвышалась земля-
ною насыпью. Всякій воинъ изъ Царскаго спана
обязанъ былъ принесть ежедневно по одному кълку
съ землею. Вода въ рѣкѣ начала значипельно при-
бывашь. Тогда, убѣдаясь въ возможности успѣха,
принялись за дѣло съ большимъ раченіемъ. Царь
приказалъ выслать въ помощь Крѣвкову всѣхъ
мельниковъ съ окольныхъ мѣспѣ. Въ непродолжи-
пельномъ времени наводненіе сдѣлалось ужаснымъ.
Вода не только обступила весь городъ, но даже
проникла въ оный, шакъ что по улицамъ вѣзли
на плотахъ. Престѣклось всякое сообщеніе города
съ окреспными селеніями и вмѣспѣ съ шѣмъ сдѣ-
лалось невозможнымъ для осажденныхъ получашь
подвозы, кои доселѣ, не смопря на обложеніе,
часпо успѣвали проходитьъ въ городъ иногда шай-
но, а иногда и опкрыто, подѣ покровишельствомъ
удачныхъ вылазокъ. Къ довершенію ихъ гореспнаго
положенія, большая часпѣ сущеспвующихъ въ
Филаретъ въ городѣ хлѣбныхъ и соленыхъ складовъ, были по-
Беръ. шоплены и размышы. Цѣна ржаной муки возвыси-
лась непомѣрно: за бочку плапили по 24 рубля
(80 вынѣшнихъ серебряныхъ). Жипели, доведенные
до крайности, вѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей
и даже сперьву и воловьи кожи. Но и сін отвра-
шищельные способы продовольспвія испоцались.

Буншовщники, нуждою укрощенные, спали толпами выходили изъ Тулы въ Царскій спань. Такимъ образомъ съ повинною являлись ежедневно по 100, по 200 и даже по 300 человекъ. Самъ отважный Болошниковъ наконецъ убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, и рѣшился съ общаго совѣща съ Князьями Теляшевскимъ и Шаховскимъ войти въ переговоры о сдачѣ города. Въ слѣдствіе сего онъ извѣстилъ Царя, что Тула готова покориться и даже выдать Аже-Пепра съ пѣмъ, чтобы прочимъ осажденнымъ даровано было помилованіе, но что Тульскіе защитники ошнудь не положашъ оружія безусловно, и скорѣе съядяшъ другъ друга, чѣмъ добровольно подвергнуться казни. Василій, встревоженный приближеніемъ Ажедмитрія, хорошо зналъ, что непреклонность была бы неумѣстна, и пошому общалъ пощадить покоряющихся.

Столярковъ
Хротограевъ.

Беръ и Ок-
ружная Цар-
ская Грамота
изъ Тулы отъ
13 Октября
1607.

10 Октября Бояринъ Крюкъ-Колычевъ занялъ Тулу опрядомъ Московскихъ войскъ. Болошниковъ выѣхалъ изъ города въ задніе вороша, гдѣ наводненіе не было такъ сильно; подѣхавъ къ Царской спавкѣ, онъ слѣзъ съ коня, упалъ къ ногамъ Василія и, положивъ обнаженную саблю себѣ на шею, сказалъ: *Я исполнилъ обѣтъ свой; служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Дмитріемъ въ Польшѣ, справедливо или нѣтъ не знаю, ибо самъ*

и Царя прежде никогда не видывалъ. Я не измѣнилъ своей клятвы, но онъ выдалъ меня; теперь я въ твоей власти! Если хочешь головы моей, вѣли отпустить ее сею облею. Но если оставишь мнѣ жизнь, послужу тебѣ столь же вѣрно, какъ и тому, кто не поддерживалъ меня. Но сомнительно, чинобы было во власти самого Царя оставить жизнь Болошникову. Тысячи обстоятельствъ, въ коихъ находился Василій, поставляли его въ зависимость отъ Бояръ и помѣщиковъ, которые не допустили бы его къ помилованію опаснаго ихъ врага, если бы Царь дѣйствительно и желалъ не нарушать своего обѣщанія. Болошникова отправили въ Москву съ прочими главными начальниками мятежниковъ, и съ 52 Нѣмцами, взятыми въ Туль, въ числѣ коихъ находился и богохульный Фидлеръ. По прибытіи ихъ въ столицу, Лже-Петра повѣсили подѣ Даниловымъ Монастыремъ на Серпуховской дорогѣ. Болошникова же опослали въ Каргополь и тамъ ушопили. Подобная участь постигла и Козацкаго Атамана Федора Нагибу. Нѣмцевъ сослали въ Сибирь, и тамъ Фидлеръ угрызеніями совѣсти доведенъ былъ до того, что самая наружность его сдѣлалась дикообразною. Но чиновные преступники нашли защитниковъ между обратными своими вельможами и были пощажены. Соблазнить безнаказанности для нихъ былъ доведенъ

Столяровъ
Хронографъ.

Никоновская
Лѣтопись.

Беръ.

до такой степени, что Князь Теляшевскій, поразившій высокій санъ свой приняишемъ начальства надъ бунповщиками, не только не лишился свободы, но даже сохранилъ и боярство. Самого Карамзинъ. Князя Шаховскаго, котораго Лѣтописецъ справедливо именуешь *всей крови заводникомъ*, довольствовались сослать въ Каменную Пустынь на Николовская Лѣтопись. Кубенскомъ озерѣ.

Всѣмъ о покореніи Тулы побудила Лжедимитрія поспѣшно опшшупишь въ Трубочевскѣ. Нѣмъ сомнѣнія, что слѣдовало бы Царю, съ имѣющимися при немъ въ сборѣ значительными силами, итти за злодѣемъ, дабы уничтоженіемъ его истребишь послѣдній плевелъ мятежа въ Государствѣ. Но не должно упускать изъ вида, что самъ Василій, по спеченію печальныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его избраніе и послѣдствіи онаго, пользовался только властію ограниченою, и потому часто находился въ необходимости воздерживаться отъ выгоднѣйшихъ предпріяишій единственно изъ угожденія къ своимъ приверженцамъ. Такъ и въ этомъ случаѣ помѣщики, упомянутые пятнадцатинедѣльнымъ столніемъ подъ Тулою, желали опдохновенія, и Царь не почелъ возможнымъ опказать имъ. Правда, возвращаясь самъ въ Москву, онъ приказалъ было Князю Скопину и Ивану Никишевичу Романову съ главною рашью итти изъ

Росряды.

Тулы на Пчельну, для удержаваія Лжедимитрія, то
когда пришла вѣсть объ отступленіи Самозванца
изъ Козельска, то распустили все войско до перваго
зимняго пуши, оставивъ шюлько въ полѣ наблюда-
тельный отрядъ подъ Калугою; да кромѣ того
опѣ Царя поручено было Григорію Сунбулову изъ
Никоновская Беръ. Мещовска сдѣлать поискъ на Брянскъ. Сунбуловъ
Лвтописъ. занялъ Брянскъ безпрепятственно. Василій, желая
удержать за собою сей городъ, послалъ туда на
воеводство Боярина Князя Михайла Федоровича Ка-
шнина, да Андрея Никитъевича Ржевскаго, которые
укрѣпились, прикрывъ вѣрвное имъ мѣсто ва-
ломъ, обнесеннымъ твердымъ шыномъ.—Такъ какъ
для успокоенія умовъ полагали полезнымъ прида-
вать сколь можно болѣе важности покоренію
Тулы, то Царь имѣлъ торжественный въѣздъ въ
столицу 31 Октября. Василій сидѣлъ одинъ въ
колесницѣ, обипой краснымъ сукномъ и запря-
женной четырью бѣлыми лошадьми. Его сопро-
вождали Бояре и другіе чиновники, числомъ до
2000, все верхомъ. У Кремлевскаго моста, буду-
чи встрѣченъ оставшимися въ Москвѣ Боярами,
опѣ сѣвъ съ колесницы и съ ними пошелъ пѣш-
комъ въ крѣпость. При всѣхъ церквахъ звонили
въ колокола.

Въ столицѣ уже ожидали Царя посланники,
вновь прибывшіе изъ Польши. Король Сигизмундъ

предѣ престола, Рокшанами ему причисляемыхъ,
 желая до удобнѣйшаго времени усмирить Россію,
 и поному рѣшился, въ исполненіе давнаго имъ
 обещанія Князю Волковскому, отправивъ въ Мо-
 скву для переговоровъ Спанислава Вишовскаго и
 Князя Друцкаго-Соколинскаго, со свитною, изъ 314 Дѣла Поль-
скія.
 человекъ состоящую. Посланники прибыли въ Смо-
 ленскъ еще въ первыхъ числахъ Августа; но по
 причинамъ досрочныхъ общоимельщевъ ихъ везли такъ
 медленно, что они доѣхали до Москвы не прежде
 12-го Октября. Допущенные къ Царю 13 Ноября,
 они поднесли ему подарки, поздравляли его отъ
 имени Короля съ возшествіемъ на престолъ и
 объявили, что имѣютъ приказаніе войти въ сно-
 шеніе съ Боярами о важныхъ дѣлахъ и требовать
 какъ отпуска въ Польшу прежнихъ Пословъ, Во-
 еводы Сандомирскаго, дочери его и вѣхъ задержан-
 ныхъ Поляковъ, такъ и вознагражденія за понесен-
 ные убытки сами особами и прибывшими подъ
 покровительствомъ ихъ иноземными купцами. Царь
 назначилъ для переговоровъ съ Посланниками Бо-
 яръ Князя Ивана Михайловича Воротынскаго
 и Ивана Федоровича Кольчева, Думнаго Дворянина
 Василія Борисовича Суккина и Думныхъ Дѣловъ
 Василія Гелешева и Андрея Иванова. Но при
 первомъ приступѣ возникло между уполномоченны-
 ми юбныхъ сторонъ важное несогласіе, препятству-

еще успешному ходу переговоров, Вышковский и Соколинский не иначе соглашались приниматься за дело, как при содействии Олесницкого и Гонсевского. Русские, напрошивъ того, не желали, чтобы новые Послы вошли въ сношеніе съ прежними, коимъ слишкомъ извѣстно было печальное положеніе Государства. Упорство было одинаковое съ обихъ споровъ.

Между тѣмъ извѣстія въ столицѣ, получасмыя изъ-за Оки, были не весьма благопріятными. Бездѣйствіе Царскихъ войскъ снова ободряло мятежниковъ, мгновенно смущенныхъ паденіемъ Тулы. Не только дальніе Сѣверскіе города не покорялись Царской власти, но даже и Калуга не сдавалась. Тамъ начальствовалъ Полякъ Скопницкій и обыватели слѣпо вѣрили сему иноплеменнику, укрѣплявшему ихъ въ упорствѣ прошивъ Царя. Василий предложилъ Беззубцева Козакамъ, взятымъ въ плѣнъ въ прошломъ году въ Заборѣ послѣ пораженія Болотникова подъ Москвою, ипши заслуживать вину свою подъ Калугою. Козаки поклялись служить вѣрно и въ числѣ 4,000 отправлены въ Калужскій станъ. Но прибытіе ихъ было полезнымъ для однихъ враговъ. Царь, отпуская Ашамана Беззубцева, далъ ему порученіе объявить Калужскимъ жителямъ, что они получаютъ прощеніе, если сдадутся добровольно. Калужане отвѣчали, что и не

Беръ.

помышляютъ о сдачѣ, а знаютъ одного Царя Димитрія, который не замедлитъ выручить ихъ. Въ доказательство своей рѣшимости, они сдѣлали сильную вылазку.

Между тѣмъ какъ въ городѣ единодушно говорили къ оборонѣ, въ станѣ осаждающихъ напротивъ того возникали опасныя крамолы. Царь поступилъ неосторожно, повѣривъ раскаянію закоснѣлыхъ злодѣевъ. Козаки, имѣя снова оружіе въ рукахъ, жаждали только случая обратиться къ прежнему своему ремеслу и не скрывали болѣе измѣнническихъ намѣреній. Устрашенные ихъ наглостію, Царскіе Воеводы обратились поспѣшно къ Москвѣ съ прочими войсками, оставивъ въ станѣ много пороху и съѣстныхъ припасовъ. На другой день Козаки извѣстили Калужанъ объ опусуленіи Воеводъ и просили, чѣмъ ихъ привяли въ городъ. Но начальствующій въ ономъ Скопницкій не довѣрялъ имъ, и принимая ихъ предложеніе за военную хитрость, отказалъ отворить имъ ворота крѣпости. Тогда Козаки рѣшились идти къ Лжедимитрію и въ семь намѣреній переправились за Оку ниже Калуги. Въ скоромъ времени и Калужане убѣдились, что станъ покинутъ. Они спѣшили захватить всѣ оставленные тамъ запасы и послали къ Козакамъ съ просьбою возвратиться въ Калугу. Но Козаки, обидясь первымъ отказомъ,

продолжали путь свой, кромѣ 100 изъ нихъ, конхъ Калужане успѣли уговорить.

Самъ Самозванецъ не долго оставался въ бездѣйствіи. Онъ получилъ новое подрѣзненіе изъ Польши, хотя не многолюдное, ибо оно состояло Нѣмцевичъ. только изъ 200 воиновъ, но не менѣе того важное по чрезвычайнымъ способностямъ вождя ихъ Полковника Лисовскаго. Опечаленный наѣздивикъ, вынужденный оставить отечество, гдѣ по судебному приговору осужденъ былъ на смертную казнь, отличался не только отважною предпримчивостію, но и замѣчательнымъ искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ. По совѣту его Самозванецъ рѣшился воспользоваться распущеніемъ главнаго Царскаго войска, чтобы снова дѣйствовать наступательно. Выступивъ изъ Трубчевска, онъ осадилъ Брянскъ, въ надеждѣ скоро овладѣть симъ вновь укрѣпленнымъ замкомъ, но шамонніе Воеводы, Бояринъ Князь Кашинъ и Ржевскій, изготовились на опчаявную оборону, не смотря на скудость имѣющихся при нихъ запасовъ.

Никоновская
Лѣтопись.

Когда такимъ образомъ междоусобіе опять сильно разгарилось въ Сѣверской области, на другомъ краю Государства въ Приволжскихъ степяхъ возникали новыя неуспройствва. Язва самозванства сдѣлалась споль неимоверно приличивою, что оппекуду являлись новыя шайки грабительскы, при-

кравашшихся имевемъ какого либудь Царевича, выдуманнаго самими ими безъ малѣйшаго правдоподобія. Такъ, почти въ одно время, огласились Грамота Тушинскаго воина въ Смоленскъ изъ Орла, отъ 14/21 Апрѣля 1608. десяти новыхъ Самозванцевъ, изъ коихъ два, признанные спротивными и върломными Астраханцами, назывались: одинъ Царевичемъ Августомъ, Иваномъ Ивановичемъ, сыномъ Царя Ивана Васильевича отъ четвертой супруги его Анны Алексеевны Колшовской, копорая никогда не имѣла дѣшей и находилась еще въ живыхъ въ Тихвинскомъ Монастырѣ, гдѣ была посприжена повелѣніемъ супруга своего по крапковременномъ съ нимъ сожитіемъ; другой Царевичемъ Лаврентіемъ Ивановичемъ, сыномъ бездѣино умершаго Царевича Ивана Ивановича, старшаго брата Царя Федора Ивановича*. Прочіе восемь оказались въ разныхъ юршахъ Козацкихъ, именовались Царевичами Федоромъ, Клеменшиемъ, Савельемъ, Семеномъ, Васильемъ, Ерофеемъ, Гавриломъ и Марпыномъ и выдавали себя

* *Примѣчаніе.* Никоновская Лѣтопись упоминаетъ еще о третьемъ Астраханскомъ Самозванцѣ Осиновикѣ, самими Козаками повѣщенномъ на Волгѣ. Но такъ какъ въ грамотѣ Лжедимитрія, писанной въ Смоленскѣ, гдѣ подробно изчислены всѣ въ то время явившіеся Самозванцы, ни слова нѣтъ объ Осиновикѣ, то вѣроятно сіе прозваніе относится къ которому либо изъ восьми Юртовскихъ Самозванцевъ, кромѣ Лже-Федора, коего кончина несообразна съ указаніемъ Лѣтописи.

Никоновская за сыновей Царя Федора Ивановича. Вся эти
Лытопесь.
обманщики не имѣли ни малѣйшей образованности, и
ибо принадлежали къ низшимъ сословіямъ и по
большой части выходили изъ дворовыхъ людей и
крестьянъ.

Не смотря на то, Астраханцы до такой степе-
ни пристрастились къ Царевичу Августу Ивану,
что набрали для него рать, съ коею онъ напра-
вился вверхъ по Волгѣ. Хотя Бояринъ Шереме-
шевъ все еще стоялъ близъ Астрахани на Баль-
чикѣ, однакожь онъ не прошивился движенію мя-
шежниковъ вѣроятно потому, что воины его не
преславали еще бороться съ удручающею ихъ
болѣзнію. Августъ Иванъ подступилъ подъ Сара-
товъ и сильно нападалъ на сей городъ. Но за-
щипавшіе оный Воеводы Замятня Ивановичъ Са-
буровъ и Владиміръ Аничковъ, съ находящимися
при нихъ ратными людьми Низовыхъ городовъ,
оборонялись пакъ мужественно, что съ большимъ
урономъ отбили обманщика, котораго принужденъ
былъ воротиться въ Астрахань.

Стояровъ
Хронографъ.

Объявившіеся между Козаковъ Самозванцы не
имѣли даже временнаго успѣха. Они находили по-
слѣдовавшея только потому, что давали предлогъ
къ разбойничествамъ, прикрытымъ мимо поли-
тическими видами. Но когда Козаки узнали, что
новый Лжедмитрій съ значительными силами

воюють въ Свѣрской землѣ, по они условились дѣйствовать подѣ именемъ уже извѣстнымъ; нѣсколько тысячъ изъ нихъ отправились подѣ Брянскъ и привезли съ собою Аже-Федора. Ажедимириѣй Никомовская
Львовская. не пощадили себѣ подобнаго: злодѣй шоржесиву-ющей предалъ смерти злодѣя беззащитнаго. Остальные семь Юршовскихъ Самозванцевъ равномерно скоро исчезли, не оставивъ въ нашихъ Лѣтописяхъ ни малѣйшаго слѣда своего существованія.

Между тѣмъ Царь Василій, получивъ донесеніе объ утѣсненіи Брянска, послѣшилъ принять мѣры для поданія помощи осажденнымъ. Посланное для сего предмета войско находилось подѣ начальствомъ Боярина Князя Ивана Семеновича Куракина, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно также Князю Василю Федоровичу Лишвину-Мосальскому двинуться изъ Мещовска къ Брянску, и составлять передовую дружину Князя Куракина.

Осажденные находились уже въ крайности. Доведенные голодомъ до необходимости питаться лошадинымъ мясомъ, они въ изнуреніи своемъ вынуждены еще были ежедневно съ боя добывать себѣ воду и дрова. Вся надежда ихъ основывалась на вышнюю помощь. Въ самомъ дѣлѣ, 15 Декабря, Князь Мосальскій явился подѣ Брянскомъ, по его еще опдѣляла ошъ замка рѣка Десна, кошорая

по идущему по ней льду казалась непроходимымъ препятствіемъ. Осажденные, обманутые въ надеждѣ своей на помощь, изъясляли горестно свою жалобными восклицаніями и слезно просили пришедшихъ поварницъ не осмѣливать ихъ на вѣрную погибель. Тронутые ихъ оплаченіемъ, воины Мосальскаго возопиша единогласно, что лучше всѣмъ умереть, чѣмъ быть свидѣтелями конечнаго истребленія брашій своихъ. Подъ вліяніемъ великодушнаго порыва, они рѣшились на подвигъ геройскій и бросившись въ рѣку, поплыли къ городу, разгребая осиливавшій ихъ ледъ, подъ выспрѣлами ождавшихъ ихъ на противоположномъ берегу Поляковъ и буншовщиковъ. Брянскіе сидѣльцы, для облегченія своихъ набавителей, сдѣлали вылазку въ пылъ неприащелю, копорыи, опасаясь быть послѣдованнымъ между двумя снѣгами, опустунилъ на малое разстояніе и шѣмъ далъ возможность плывшимъ выныти безвозбранно на берегъ. Лѣтписцы съ удивленіемъ замѣчаютъ, что дерзновенное сіе предпріятіе совершилось съ такою неожиданною удачею, что при переправѣ ни одинъ человекъ и ни одна лошадь не погибли. Мосальскій, соединившись съ Брянчанами, смѣло ударилъ на враговъ, много превосходящихъ его числомъ, вытѣснилъ пѣхоту ихъ шанцевъ, и рѣшиительно опбилъ Самозванца отъ города. Когда такимъ образомъ горестно храбрыхъ

войною скоро оканчивала дѣло, приспѣвъ и Князь Куракинъ, который, осилившись на правомъ берегу Десны, наусупротивъ Брянска, укрѣпилъ станъ свой. Въ ночи съдѣлался сильный морозъ. Рѣка спала и сообщеніе между обѣими берегами учинилось свободнымъ. Куракинъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы снабдить Брянскъ всеми нужными запасами для выдержанія продолжительной осады *.

Самозванецъ, желая вознаградишь пошерпѣнную имъ неудачу, самъ перешелъ Десну и напалъ на Куракина. Сраженіе было упорное, но безъ рѣшительнаго перевѣса ни для той ни для другой стороны. Однако Князь Куракинъ, принимая въ соображеніе, что бесполезно было бы ему подвергаться новому бою для удержанія занимаемаго имъ спана подъ Брянскомъ, когда сей городъ дослѣдочно уже былъ обезопасенъ изобильнымъ снабженіемъ всѣ-

* *Примѣчаніе.* Царь, весьма довольный славною защитою Брянска, наградилъ Князя Кашина и Ржевскаго шубами и кубками. Но Ржевскій жаловался, что получилъ шубу хуже данной Кашину, хотя онъ одинъ заправлялъ всѣмъ въ Брянскѣ, а Кашинъ былъ только именемъ Воевода. Ему отвѣчали, что его нельзя было сравнить съ Кашинымъ, который былъ Бояриномъ и по мѣстничеству стоялъ выше его. Ржевскій, ссылая старѣйшинство Кашина надъ собою, не переставалъ утверждать, что служба его была такъ велика, а служба Кашина такъ ничтожна, что не справедливо ему опредѣлять меньшую награду.

ми по потребнымъ припасами, опшпуниль вмѣстѣ съ Мосальскимъ въ Карачевъ. Самозванецъ сѣдывалъ за ними, но видя, что они укрѣпились въ Карачевъ онъ не рѣшился открытою силою выгнать ихъ опшпуда, прошелъ мимо и расположился въ Орлѣ.

Царь, желая остановить его стремленіе, послалъ 8 Января 1608 года брата своего, Князя Дмитрія Шуйскаго, собрать трехполковое войско въ Алексинѣ. Въ большомъ полку при Князѣ Дмитріи находились еще Бояринъ Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и Князь Григорій Конспанпиновичъ Волконскій; начальниками передоваго полка были Бояре Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михайло Александровичъ Нагій; наконецъ спорожевой полкъ составляли вонны бывшіе подъ Брянскомъ и приведенные изъ Карачева Князьями Куракинымъ и Мосальскимъ. По послѣднему пупи Князь Дмитрій изъ Алексина перешелъ въ Болховъ.

Обѣ спороны довольно спокойно зимовали, Самозванецъ въ Орлѣ, а Царскіе Восводы въ Болховѣ. Выпавшіе глубокіе снѣга, сопровождаемые жестокимъ морозомъ, препятствовали важнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Происходили только мелочныя дѣла между кормовщиками.

Царь Василій, среди тяжкихъ и печальныхъ

заботы, обременявшихъ его, не оспаривая намеренія вступить въ супружество съ помолвленною имъ еще при Лжедмитріи, Княжною Маріею Буйносовою, но до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго свободнаго времени, чтобы заняться евадьбою. Наконецъ, пользуясь временнымъ отдохновеніемъ и прекращеніемъ зимою военныхъ дѣйствій, онъ вѣнчался съ Княжною Маріею 17 Января. При этомъ случаѣ не было особенныхъ церемоній, копорыя въ самомъ дѣлѣ не согласовались бы съ трудными обстоятельствомъ тогдашняго времени.

Розряды.

Между тѣмъ Самозванецъ все болѣе и болѣе усиливался. Къ нему изъ Польши спекались не одни бездомовные выпязи, но даже знатнѣйшіе Паны не гнушались принимать участіе въ предпріятіи, представляющемъ лестную приманку для ихъ тщеславія и корысполюбія. Такимъ образомъ прибыли въ Орель, одинъ за другимъ, Самуилъ Тишкевичъ съ 700 человекъ конницы и 200 пѣхоты, Вишовскій съ 800 конницы и 400 пѣхоты, Велегловскій съ 12-ю хоругвями, 4-ю рошами Рудницкаго, Хруцинскаго, Казимірскаго и Михалинскаго, старшій Тишкевичъ, и Тупальскій съ 400 коней, Князь Романъ Наримуншовичъ Рожинскій съ 1,000 коней, Зборовскій и Спадницкій съ 1,600 коней, Млоцкій, Вплавовскій, Рудскій,

Низцевичъ.

Орликовскій, Копчинскій, Мадальнискій, Гаювскій и многіе другіе. Всего на-все собралось подъ знаменами вора 7,000 Полковъ шиборнаго войска. Кроме того при немъ также находилось 3,000 Козаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, и довольное количество Русскихъ людей.

Дневникъ
Сапѣги.

Изъ всѣхъ Пановъ, окружавшихъ Самозванца, никого знатнѣе не было Князя Рожинскаго, которій попому починялъ себя въ правѣ домогаться главнаго начальства. Мѣховецкій, уже признанный Гепманомъ войска, принужденъ былъ уступить ему сіе званіе. Но онъ рѣшился на сіе не безъ внутренней досады, которая часно выражалась нескромнымъ противорѣчіемъ Рожинскому. Однакоже вражда его противъ Гепмана имѣла для него пагубныя послѣдствія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, гордый Князь, въ порывѣ гнѣва, возбужденнаго новыми противорѣчіями Мѣховецкаго, убилъ его въ самой спавкѣ Самозванца.

Но открытіи весны съ обихъ споромъ спали готовиться къ походу: Самозванецъ, уповавши сколько же на измѣну, сколько и на открытую силу, рассылалъ повсюду грамоты, въ коихъ онъ противъ всякаго вѣроятія старался убѣждать, что онъ попомъ же самый Димитрій, котораго полагали убитымъ на Москвѣ, и которому

всѣ повинны вѣкорились, какъ истинному сыну Царя Іоанна Васильевича *. Возвращеніе, писанное съ нѣкоторымъ жаромъ и обещающее всемъ милосердивое прощеніе, могло только впрочемъ имѣть вредное дѣйствіе при успѣхѣ оружія машежниковъ. И такъ все зависѣло отъ того, какой обороной примутъ рязанскія дѣла. Первый поискъ учиненъ былъ Царскими Воеводами, начальствовавшими въ Переславль-Рязанскомъ, Княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ и Прокопѣемъ Пепровичемъ Аяпуновымъ, которые подступили подъ Пронскъ въ намѣреніи овладѣть симъ городомъ, измѣнившимъ Царю. Пронскіе жители защищались храбро, но не могли отстоять острога, въ коемъ всѣ дома были выжжены. Самыи городъ уже едва держался; но по несчастію, Аяпуновъ былъ раненъ въ ногу. Рязанцы, довѣрившіе только ему одному, потеряли духъ и, покинувъ почти оконченное предпріятіе, возвратились въ Переславль.

Стояровъ
Хронографъ.

Между тѣмъ и Князь Димитрій Шуйскій выступилъ изъ Болхова въ намѣреніи выгнать Самозванца изъ Орла. Но въ Царскомъ войскѣ уже замышлялась измѣна. При ономъ находилась довольно значительная Нѣмецкая дружина, коей начальники Ротмистръ Бартольдъ Ламдорфъ, Пе-

Веръ.

* Смотри Приложенія № VII.

ручикъ Юхимъ Берхъ и Прапорщикъ Георгъ фонъ Ааленъ, 17 Апрѣля послали сказать Самозванцу, чшобы онъ смѣло шелъ на Шуйскаго, а что они при первомъ сраженіи перейдутъ къ нему со всеми Нѣмцами. Самозванецъ и Рожинскій, полагаясь на ихъ обѣщаніе, немедленно собрались въ походъ и пошли на Князя Димитрія, коего встрѣшили 23 Апрѣля, на половинѣ дороги отъ Орла къ Болхову, близъ селенія Каменки. Завязалось жаркое дѣло. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, робкій не только при исполненіи преступныхъ замысловъ, но и на ратномъ полѣ, *ужасеся вельми*, по словамъ Лѣтописца, и обратился шылъ со ввѣреннымъ ему передовымъ полкомъ, котораго, опрокинувшись на большой полкъ, смялъ его. Поляки сильно напирая, жестоко стѣкли бѣгущихъ и гибель цѣлаго войска была бы неизбѣжна, если бы Князь Куракинъ съ спорожевымъ полкомъ не поспѣшилъ на помощь малодушнымъ товарищамъ своимъ. Рѣшишельно ударивъ на Поляковъ, онъ оспановилъ стремленіе ихъ и прикрылъ общее отступленіе, при вѣрномъ содѣйствіи самыхъ пѣхъ Нѣмцевъ, на предательство коихъ полагался непріятель. По счастью измѣнившіе начальники были такъ пьяны, что забыли позаботиться объ исполненіи злодѣйскаго умысла своего и подчиненные ихъ, не подозрѣвая ничего и не получая

Книга степевная.

Беръ.

никакого приказанія, по собственному побужденію вошли въ бой, дрались честно и храбро и побили много Поляковъ. Оправившееся Царское войско остановилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста сраженія.

На другой день Поляки и мяшежники продолжали наступать. Битва возобновилась, но безъ ^{Никоновская} значительныхъ усилій ни съ той ни съ другой ^{Лытопись.} спороны. Роживскій, нѣсколько смущенный на канунъ преперпѣннымъ Поляками урономъ, не отваживался на рѣшительное нападеніе и вѣроятно Царское войско удержалось бы въ занимаемомъ имъ мѣстѣ, ежели бы Князь Шуйскій и товарищи его, не доверяя собственнымъ силамъ своимъ, не спали преждевременно готовиться къ опшупленію и не отпустили назадъ къ Болхову пушечный свой снарядъ. Гепманъ, извѣстившійся о семъ обстоятельстве чрезъ перебѣжавшаго къ Самозванцу Коширскаго Боярскаго сына Никиты Лихарева, не усумнился болѣе дружно ударить на Царскіе полки, которые, встревоженные робкими распоряженіями своихъ начальниковъ, не выдержали напора и побѣжали въ разсыпную. Тогда опрезвившійся уже Ламсдорфъ почелъ удобнымъ ^{Беръ.} править въ дѣйствіе свою измѣну. Опредѣля въ опперону своихъ всадниковъ, онъ хотѣлъ вступить къ Самозванцу съ распущенными знаменами.

Но Нѣмцы имѣли женъ и дѣтей своихъ въ Москвѣ: спрашася за нихъ, они по большою части отказались участвовашь въ предательствѣ и перскакали въ слѣдъ за опшсупающими Царскими войнами. При Ламсдорфѣ оспалось не болѣе 200 человекъ, копорые всѣ, вмѣсто ожидаемаго ими награжденія, были изрублены съ гнуснымъ начальникомъ своимъ Запорожскими Козаками, исполнявшими въ точности приказаніе, данное Рожинскимъ при вспуленіи въ сраженіе, ошнюдь не щадить Нѣмцевъ, коими онъ полагалъ себя обманутымъ.

Никоновская
Лѣтопись.

Живо преслѣдуя разбѣжныхъ, непріятель насигъ и ошбилъ планувшіяся къ Болхову пушки.

The Russian
Imperator.

Царскіе Воеводы, оспаливъ въ Болховѣ 5,000 человекъ, сами съ прочимъ войскомъ спѣшили безоглядно къ сшолицѣ.

Никоновская
Лѣтопись.

Самозванецъ немедленно подспунилъ къ Болхову, гдѣ и не помышляли оборониться. Часть заставшихъ въ семъ городѣ воиновъ разбѣжалась; за шѣмъ оспавшіяся, не полагая уже себя въ сошояніи прошившяся, отворили ворота Вору, копорому и присягнули по примѣру начальника своего Князя Третьяка Федоровича Сенцова.

Вышедъ изъ Болхова, непріятель раздѣлился на двое: Лисовскій съ отрядомъ, сошюившимъ изъ Запорожцовъ, бунтующихъ поселанъ и малаго

числа Поляковъ, направлася къ Белозннъ, а Само-
званецъ и Рожимскій съ главными силами пошли
къ Калугѣ и расположились лагеремъ на устьи
Угры. Ослабленные неоспорожною довърчивостью,
они дозволили Князю Сеишову восставлять ихъ
передовую дружину съ одними конями, вмѣстѣ
съ нимъ сидѣвшими въ Болховѣ. Все они хопя и
передались Самозванцу, но только по необходимо-
сти, а въ сердцѣ своемъ сохраняли вѣрность Царю.
Лишь только переправились за Угру, то Князь
Сеишовъ со всеми людьми своими ошдѣлился отъ
Самозванца и поспѣшилъ привести ихъ къ Царю. Беръ.

Столица уже находилась въ сильной тревогѣ.
Князь Дмитрій Шуйскій, возвратившійся въ оную
5 Мая, привелъ съ собою весьма немного вой-
ска, ибо кромѣ прешеритнаго имъ въ сраженіи
урва, многіе ратные люди во время ошсупленія
покинули его и разошлись по своимъ городамъ.
Царь для заслоненія Москвы вынужденъ былъ со-
бравъ новую рать, копорая подъ начальствомъ
Бояръ Князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никм-
Никоновская
Лѣтопись.
нича Романова, расположилась 29 Мая на берегахъ
рѣчки Незнани.

Дѣйствія Саомзванца спавовались опасными въ
особенности пошому, что онъ распорядился совер-
шенно въ духѣ разрушительныхъ предначертаній
Белозннкова. По повелѣнію его, объявляли повсю-

Беръ. ду, что крестьянамъ, присягнувшимъ ему, отдавались земли господъ ихъ, служившихъ Василию, и что даже дозволялось имъ жениться на Барскихъ дочеряхъ, коихъ успѣшнѣе захватили въ помѣстьяхъ. Столь лестною приманкою увлеченная чернь вездѣ восставала въ пользу злодѣя. Устрашенные дворяне и дѣти Болгарскіе покидали дома свои и уходили въ Москву съ женами и дѣтьми. Такимъ образомъ все Украинскіе города, за Окою лежащіе, оставаясь безъ защитниковъ, принуждены были покориться Самозванцу.

Хотя междоусобіе болѣе чѣмъ когда либо принимало видъ рѣшительной борьбы между помѣщиками и ихъ рабами, и хотя въ сихъ обспоительстввахъ утверждение власти Царя Василия казалось необходимымъ для сохраненія правъ высшихъ сословій, но среди самыхъ сословій сихъ явились предатели, которые по честолюбивымъ или малодушнымъ расчетамъ готовились перейти къ Самозванцу, столь удачно открывшему походъ свой. Воспользуясь превогою, произведенною въ спанѣ на Незнани, полученнымъ извѣстіемъ, что непріятель обходитъ оный и другою дорогою успремляется къ Москвѣ, Князь Иванъ Кашыревъ, Князь Иванъ Троекуровъ и Кромскій бѣглець Князь Юрій Трубецкій стали подговаривать воиновъ къ изменѣ. Но злоумышленіе было во время откры-

Николовская
Автопись.

но. Зитоворщиковъ схватили и отправили въ Москву, куда Царь приказалъ также идти и Князю Скопину съ войскомъ. По надлежащемъ изслѣдованіи, виновные были уличены. Но Царь, не преславая дѣйствовать подѣ влияніемъ Бояръ, не рѣшился строгаго наказатъ Князей родовитыхъ. Они были разосланы по ямницамъ, Капыревъ въ Сибирь, Трубецкій въ Топшму, а Троекуровъ въ Нижній-Новгородъ. Сообщники ихъ не столь знатные, Яковъ Желябовскій и Юрій Нѣвцевъ Толстой поплатились за нихъ и были казнены.

4-го Іюня Самозванецъ переправился черезъ рѣку Карамзинъ. Москву и расположился въ селѣ Тушинѣ, въ 15 верстахъ отъ Москвы, на Волоколамской дорогѣ. Въ слѣдующіе дни происходили подѣ столицей частыя сшибки между его войсками и Царскими. Но злодѣй не отважился на приступъ первопрестольнаго города, и перешелъ въ село Тайнинское, въ 17 верстахъ отъ Москвы, близъ Ярославской дороги. Симъ движеніемъ Рожинскій надѣялся отрѣзавъ сообщеніе столицы съ Заволжскою страной, откуда ожидала она главнѣйшихъ подкрѣпленій и подводозовъ, но вмѣсто того непріятель самъ нашелся въ трудномъ положеніи; собственныя его подводозы, получаемыя имъ изъ-за Москвы рѣки, были перехватываемы Царскими войсками, коимъ выходя изъ столицы удобно было нападать на обо-

Никоновская
Лытчинскъ.

зы сіи во время слѣдованія ихъ, и въ особенностяхъ при переправѣ черезъ рѣку. Рожинскій, вида невозможность держаться долѣе въ Тайнинскомъ, 9 числа поплынулъ обратно къ Тушину. Царь, желая не допустить его до Москвы рѣки, послалъ на перерѣзъ ему шрехноланное войско, подъ начальствомъ Князя Скопина, который имѣлъ при себѣ въ большомъ полку Ивана Никитича Романова и Князя Василія Федоровича Липвина-Мосальскаго. Начальниками передоваго полка были Болричь Князь Иванъ Михайловичъ Ворошынскій и Околыничій Князь Григорій Пестровичъ Ромодановскій, а спорожеваго Столыничъ Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій и Околыничій Федоръ Васильевичъ Головинъ *. Непріятель былъ встрѣченъ уже по близости Тушина и завязалось жаркое дѣло. Царскіе Воеводы сражались храбро, но не могли помѣшать врагамъ пробраться до Тушина и сами отступили на Ходынку.

Никоновская
Автопись.

Филаретова
рукопись.

На другой день Рожинскій, послѣ тщательнаго обозрѣнія, расположился между рѣками Москвою и

* *Примѣчаніе.* Князь Мосальскій жаловался, что ему не пристойно было быть ниже Князя Ромодановскаго; Царь хотя не переизмѣнилъ его назначенія, однако удовлетворилъ его выдачею ему *невмѣстной* грамоты, по силѣ коей настоящая служба его не вредила старшинству его на будущее время.

Восточную, на высотах позади селения Тушина; эта крепость сама по себе выгодная была еще искусственно укреплена твердыми окопами. Укреплённый Тушинский станъ представлялъ ещѣ върное убежище Самозванцу, что онъ основалъ въ немъ постоянное свое мѣстопробываніе, отъ чего и получилъ отъ Лышоплицевъ названіе *Тушинскаго Вора*.

Царь съ своей стороны принималъ дѣятельнѣйшія мѣры для прикрытія столицы. Оснащая Никоновская
Летопись. на Ходынкѣ Князь Скопина съ полками, ему вѣрными, Василій самъ взялся поддерживать его и для сего выступя 14 Іюня изъ столицы съ другою ратью, расположился въ двухъ верстахъ отъ Арбашихинъ воровъ на Прѣснѣ и Ваганьковѣ. При Царѣ находился Князь Мстиславскій; при немъ же были Воеводами: дворовыми братья его Розряды. Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій и Окольничій Князь Данило Ивановичъ Мезецкій, а обознымъ Романъ Дмитриевичъ Бушурлинъ. Сосредоточивая такимъ образомъ главныя силы противъ Тушинскаго снана, не обнажали однако Москвы и съ противоположной стороны. Бояринъ Афанасій Александровичъ Нагой, Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ и спѣльскій голова Раипманъ Дуровъ получили приказаніе занять осиротѣ за Яузю у Таганскихъ воровъ.

Объ сторонахъ осматривались двѣ недѣли въ со-

Книга степенная.

вершеномъ бездѣйствіи. Самозванецъ вѣроятно надѣялся овладѣть столицей посредствомъ одной измѣны, но всѣ старанія его, чтобы возволновать въ свою пользу столичную чернь остались безуспѣшными. Московскіе обыватели были очевидцами гибели Опретѣва, и не легко было вовлечь ихъ въ новый обманъ. Впрочемъ и между ими были различныя мнѣнія на счетъ Тушинскаго Вора: разумнѣйшіе не сомнѣвались въ двойномъ самозванствѣ его; иные же, болѣе легковѣрные, полагали, что дѣйствительно онъ могъ быть Опретѣвымъ, спасеннымъ своимъ чародѣйствомъ отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Но и шѣ и другіе не глумились о немъ, первые гнушались покориться явному злодѣю, а послѣдніе потому что спрашивались messi колдуна жестоко ими испуганнаго и поруганнаго. Кромѣ того вся сила помѣщичьей стѣрой сосредоточивалась въ Москвѣ, гдѣ господствовали спешіеся шуда во множествѣ дворяне и Дѣти Боярскіе изъ всѣхъ областей, занятыхъ мятежниками. Столица готовилась къ упорному сопротивленію подѣ вліяніемъ сихъ необходимо ревностныхъ защитниковъ Василіева престола, подѣ сѣнію ко-го они надѣялись возвратить управительное достоинство и сохранить оспариваемыя преимущества.

Самозванецъ и Рожинскій, наскучивъ безплоднымъ сполніемъ, начали помышлять о нападѣніи, но

предварительно Гешманъ хошѣлъ развѣдать о на-
стоящемъ положеніи Царскихъ войскъ. Онъ послалъ ^{Николовская}
23 Юня нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ своихъ въ ^{Льтовисъ. —}
Москву подъ предлогомъ наудаться о задержанныхъ ^{Беръ и Пет-}
шамъ Польскихъ Послахъ. По непростишительной ^{рей.}
оплошности, дозволено было симъ благовиднымъ ла-
зущикамъ вѣхать въ столицу и обратно черезъ Хо-
дынскій шанъ, который они имѣли такимъ обра-
зомъ возможною высмотрѣшь совершенно. Про-
вѣдъ ихъ еще имѣлъ по вредное дѣйствіе, чино по-
далъ поводъ Царскимъ воякамъ повѣришь иронес-
шемуся въ Москвѣ слуху, чино Поляки примирились
съ Царемъ. Обманушыя симъ ложнымъ извѣстіемъ,
они пренебрегли мѣрами военной осторожности.
Самъ знаменитый Скопинъ не уберегся и въ слѣдую-
щую ночь спражи его безопасно предалися сну. Про-
бужденіе было ужасно. Рожинскій, въ ту же ночь
скрытно подслушивъ, ударилъ передъ разсвѣтомъ
въ раслохъ на беззаботный спанъ, положилъ на ^{Плещкій.}
мѣстѣ до 1,400 Царскихъ вояковъ, прочихъ разсѣ-
ялъ и захватилъ шридцать пушекъ и множесиво
обозу. Поляки и мятежники преслѣдовали бѣгущихъ
подъ самый городъ. Царь принужденнымъ нашелся
выслашь на выручку гонимыхъ изъ собственнаго пол- ^{Столяровъ}
ка своего ближнихъ людей; Спольниковъ, Спряп- ^{Хронографъ.}
чихъ, Жильцевъ и шрълещкїа многїа сотни. Цар-
скїе вояки, ободренные сею помощію и спыдаясь

своего бвѣства подѣ самыми снѣгами священнаго города, возвратились къ бою, съ твердою рѣшимостию побѣдять или умереть. Неприятель не выдержалъ ихъ сильнаго натиска, былъ сматъ и гонимъ въ свою очередь. Легкія сотни, предводительствуемыя Василиемъ Ивановичемъ Вупурлинымъ, живо преслѣдовали его до самой рѣчки Хинки и оставовились только въ виду Тушинскаго стана, въ окопакъ коего Рѣжинскій спѣшилъ укрѣпиться.

Никонская
Летопись.

Совершивъ подвигъ свой, Царскіе Воеводы возвратились къ Москвѣ и спали подѣ самымъ городомъ, прикрываясь своими обозами.

Между тѣмъ какъ Москва отстаивала себя отъ Тушинскаго Вора, дѣйствія Лисовскаго угрожали ей съ другой стороны. Предпримчивый наездникъ, оподальнившійся, какъ уже сказано, отъ Самозванца изъ-подѣ Волкова для слѣдованія къ Коломнѣ, не посмѣлъ однако перейти за Оку, пока Самозванецъ оставался на устьѣ Угры и застылъ въ Зарайскѣ. Извѣстясь о семъ, Рязанскіе Воеводы вознамѣрились загладить неудачу, предприимчивую ими подѣ Пронскомъ, изгнаніемъ враговъ изъ Зарайска. Но безспрашннй Прокошій Липуновъ еще не излечился отъ полученной имъ подѣ Пронскомъ раны, и начальство подѣ войскомъ, состоящимъ изъ Рязанцевъ и находящихся въ Рязани Арзамасцевъ, ввѣрено было брату его

Захару Лашунову вышлѣ съ Княземъ Иваномъ ^{Никовская} Хованскимъ. Захаръ не уступалъ въ деревенѣмъ ^{Летопись и} Проконію; но не имѣлъ ни его разума, ни его ^{Столярскъ} распорядительности. Подступилъ подъ Зарайскъ, ^{Хронографъ.} самъ онъ и его люди въ непривомъ видѣ шли безпорядочною шлопою. Лисовскій, выстроивъ шустройшю Русскихъ, вышелъ изъ города къ нимъ на встрѣчу, разбилъ ихъ безъ труда и взялъ многихъ въ плѣнъ. Одни Арзамасцы пошерили шришна человекъ убитыми. Лисовскій велѣлъ похоронить ихъ въ трехъ ямахъ и насыпать надъ ними большой курганъ въ память своей победы.

Польскій вождь былъ уже усиленъ многочисленною шлопою развратныхъ людей и бродягъ Украинскихъ, еликавшихся подъ его хрутви, и прельщенныхъ его обшцаніями не возбранявшю никому грабить и нешновешивать въ волю. Такими образомъ, имѣя въ сборѣ до 30,000 человекъ и зная впрочемъ, что Самозванецъ уже находился подъ сполницею, онъ самъ не усумнился болѣе перейти Ону и подступилъ подъ Коломну. Тамошніе жители защищались, но бесполезно. Городъ ихъ былъ взятъ шришупомъ и претерпѣвъ ужасныя бедшвіи; самыя церкви не были пощажены.

Изъ Коломны Лисовскій двинулся прямо на

Москву, взявъ съ собою пѣшевыхъ имѣ Коломенскихъ Епископа Іосифа и Воеводу Боярина Князя Владимира Тимофеевича Долгорукаго. Владыку, котораго Поляки въ особеннѣйши ненавидѣли за сопрошвеніе его браку Огарепьева съ Мариною, шацки привязаннаго къ пушкѣ; нравы уже до шацкой спешени испорчились въ народѣ, что самое благочестіе не имѣло болѣе оглооска въ сердцахъ многочисленныхъ Русскихъ сподвижниковъ Лисовскаго, и они безпрещашественно дозволили въ глазахъ своихъ позорить священительскій санъ.

Розряды.

Наспущеніе Лисовскаго на сполницу, опдѣльно опъ главныхъ силъ Самозванца, было дѣйствиельно дерзновеннымъ, коимъ непрощительно было бы Царю не воспользоваться для нанесенія ему дѣрваго удара. Василій не упустилъ случая и выслалъ на него 17 Іюня предположеное войско подъ главнымъ предводительствомъ Боярина Князя Ивана Семеновича Куракина. Въ Большомъ полку во вшорыхъ находился Григорій Сулемша Григорьевичъ Пушкинъ. Начальники прочихъ полковъ были, передоваго: Бояринъ Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и Князь Григорій Ковспанпиневичъ Волконскій, а спорожеваго: Сполвикъ Василій Исаковичъ Бушуринъ и Князь Осдоръ Меринъ Ивановичъ Волконскій *.

* *Примѣчаніе.* Бутурлинъ не принялъ начальства надъ

Объ рати встрѣтились на берегахъ Москвы
рѣки у Медвѣжьяго брода. Послѣ упорнаго сра- Никоновская
Лѣтопись и
Столяровъ
Хронографъ.
женія, продолжавшагося цѣлый день, Царскіе Во-
еводы одержали рѣшительную побѣду, взяли мно-
го плѣнныхъ и всѣ непріятельскія орудія. Они
также имѣли успѣхъ освободить Епископа Ю-
сифа и Князя Долгорукаго. Разбитый на голову
Лисовскій ушелъ въ Тушинскій станъ съ не мно-
гими людьми. Побѣдивши ворогнечу въ Москву.
Однако Иванъ Матвѣевичъ Бушуринъ и Семень
Гдѣбовъ получили приказаніе отъ Царя снова
занять Коломну сильнымъ отрядомъ и, укрѣпив-
шись въ семь городъ, приложишь стараніе о
устроеніи тамъ большихъ запасовъ.

Не смотря на столь значительный успѣхъ,
положеніе Царя не спавовилось лучше. Правда,
пораженіемъ Лисовскаго Самозванецъ утратилъ
нѣкоторую имъ надежду на важную помощь, безъ
коей онъ уже не въ состояніи былъ открыто
приступать къ Смоленцу, но съ другой стороны и
Василій только что могъ удержаться въ Москвѣ, не
имѣя при себѣ достапочныхъ силъ, чтобы дѣйстви-
тельно наступательно прогнать Тушинскаго стана.

Сторожевымъ полкомъ, потому что не полагалъ себя меньше
Князя Дыкова. Царь, не желая обидѣть его, велѣлъ ему
быть въ Большомъ полку *въ ряду*; Сторожевымъ же пол-
комъ заправлялъ второй Воевода Князь Волконскій.

И такъ нѣмко не мѣшало Вору пребывать въ Тушинѣ, а долговременное спояніе его подъ столицею могло имѣть весьма вредныя слѣдствія для Василія, ибо предвидѣясь, что твердо будетъ удержанъ на службѣ помѣщиковъ, всегда шагопящихся продолжительнымъ опсущенствіемъ изъ своихъ имѣній.

Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ Царь рѣшился приложить все стараніе, чтобы обезсилить Самозванца, лишивъ его главнѣйшей опоры, содѣйствія Поляковъ. Для достиженія сей цѣли, необходимо было Василію согласить Королевскихъ Пословъ на поспановленіе новаго мирнаго договора. Но къ крайнему его безпокойству, совѣщанія шли медленно. Напрасно Царь, встревоженный приближеніемъ къ Самозванцу многочисленныхъ Польскихъ коругвей, уже не проповилса желанію воыкъ Пословъ допустить Олесницкаго и Говарьскаго къ переговорамъ; по мѣрѣ оказывавшой съ Русской стороны податливости, Послы спановились прихотливѣе. Они объявляя, что имъ такъ же необходимо предварительно знеспись лично съ Вослодомъ Седомирскимъ. Царь наконецъ вынужденъ былъ удовлетворить ихъ и въ семъ новомъ преобаніи. Старый Мнишекъ былъ привезенъ изъ Ярославля и Послы получили дозволеніе имѣть съ нимъ свиданіе. Тогда, не имѣя болѣе никакого предлога уклоняюща оиъ наспоидихъ пе-

Дѣла Польскія.

реговоромъ о мирѣ, они принужданы въ оныя, но и нуть мало оказывали готовности къ возобновленію прочной дружбы между обими Государствами. Вся домогательства Русскихъ уполномоченныхъ о возобновленіи двадцати-лѣтняго мира, заключеннаго при Царь Борисъ въ 1601 году, осидались безуспѣшными; Послы опнюдь не хотѣли обязываться на сподь долгое время. Они даже не рѣшались включать въ договоръ пребежную Русскими спашью о немедленномъ выводѣ изъ Россійскихъ предѣловъ всѣхъ Поляковъ, служащихъ Самозванцу. Также много было спора по случаю припязаній Поляковъ на полное удовлетвореніе за всѣ понесенные ими убытки при убіеніи Ошрецева. Русскіе Полномочные, планя имъ пою же мнѣною, сами объявляя пребываніе, на получение вознагражденія за разореніе, коему подверглась Россія по случаю вторженія Ошрецева и коему виною была Польша, помогавшая ему вопреки существовавшего между обими Государствами мирнаго постановленія. Въ семь видѣ дѣло казалось не близкимъ къ развязкѣ; но съ обихъ спорохъ искренно желали примиренія хоща временнаго. Послы ожидали опъ онаго забвенія себя и знатныхъ сопотечественниковъ своихъ опъ поминельнаго задержанія въ Россіи, а Русскіе Полномочные лишенія Самозванца важнаго

содѣйствіа Польскихъ войскъ. Послы, убѣдясь наконецъ, что Русскіе, не достигнувъ сей цѣли, не соглашались ни на какой договоръ, рѣшились удовлетворить ихъ и въ замѣнъ того получили позволеніе Царя на опускъ всѣхъ задержанныхъ Поляковъ, кои въ общаго объявили возвратити все ихъ имѣніе, которое только можно будетъ отыскать. Что же касается до удовлетворенія Поляковъ за утраченное имущество, а Русскихъ за прерванное разореніе, то опложили разборъ обоюдныхъ требованій до удобнѣйшаго времени. Такимъ образомъ, устранивъ главнѣйшія препятствія, приступили къ заключенію договора на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е) перемирію существовать еще три года и одиннадцать мѣсяцевъ, по естъ, считая съ 20 Іюля 1608 по 20 Іюня 1612 года; 2-е) во время онаго вышлать Пословъ съ обѣихъ споронъ для переговоровъ о возобновленіи прежняго двадцатилѣтняго перемирія или о постановленіи вѣчнаго мира; 3-е) обѣимъ Государствамъ оставаться въ прежнихъ границахъ по старымъ извѣстнымъ рубежамъ; 4-е) если встрѣтятся споръ о настоящемъ споромъ рубежъ или заведется какая ссора на границѣ, то разборъ споровъ дѣлать предоставити судьямъ, кои вышлать съ обѣихъ споронъ, въ четвертый годъ перемирныхъ лѣтъ, на границу между Чернигова

и Оспера и между Горопца и Велижа; 5-е) Россіи врагамъ Польши, а Польшѣ врагамъ Россіи не помогать ни людьми, ни деньгами; 6-е) Посланникамъ одного Государства имѣть въ другомъ свободный въѣздъ и выѣздъ, также и купцамъ одного Государства не возбранять свободно торговать въ другомъ; 7-е) задержанныхъ въ Россіи Воеводу Сендомирскаго, сына и дочь его, и всѣхъ Поляковъ опустити въ Польшу не позже 28 Сентября и проводить ихъ до рубежа; равноумно и задержанныхъ въ Польшѣ Русскихъ опустити въ Россію на томъ же основаніи; 8-е) Королю и Рѣчи Посполитой отозвать обратно въ Польшу Князей Романа Рожинскаго и Адама Вишневецкаго и прочихъ Польскихъ людей, поддерживающихъ Самозванца, и впредь никакимъ Самозванцамъ не вѣрять и за нихъ не вступаться; наконецъ 9-е) Юрью Мнишкѣ Тушинскаго Вора за злѣя не признавать, и за него дочь свою не выдавать, а также и Маринѣ Государынею Московскою не называться.

Хотя Царь и получилъ съ Посольскаго двора тайное предостереженіе, что Послы коварствуютъ, и что они подписывая договоръ ни сколько не намѣрены исполнять условій онаго, а имѣютъ единственно въ виду освобожденіе задержанныхъ соопечественниковъ своихъ, однако Василій рѣшился вѣряться ихъ сомнительной совѣспливоч-

сина, какъ въ кораблекрушеніяхъ погибающіе хватаются за брѣнную доску. Въ самомъ дѣлѣ, не предсказывалось другаго средства избавить Россію отъ наводившихъ ее Польскихъ воиновъ, а избавленіе сіе было споль нужно для Государства, что при малѣйшей надеждѣ на достиженіе сей цѣли, естественнo было Царю дѣйствовать нѣсколько на-удачу и даже подвергаться опасности быть обмануемымъ. И такъ 25 Іюля Царь скрѣпилъ подписью своею условенный договоръ *. Въ тотъ же день Послы съ Боярами подписали особую записку слѣдующаго содержанія: 1) что Бояре приняли отъ Пословъ росписку въ полученіи опшисканнаго въ Москвѣ имущества Воеводы Сендомирскаго и его дѣшей; 2) что также подъ росписки возвращены Панамъ Вольскому, Немоевскому и Войнѣ пожизки ихъ, а купцамъ Польскимъ Семирацкому и Целярому и Цесарскимъ Албану и Завшбургу принадлежащіе имъ товары; 3) что разрѣшеніе обоюдныхъ требованій объ удовлетвореніи Поляковъ за убіеніе многихъ изъ нихъ въ Москвѣ и за уграшу неопшисканнаго имущества ихъ, а Русскихъ за разореніе, препергвнное Россією отъ Поляковъ, сопровождавшихъ Опрѣьева, за опосланнаго имъ же сокровища Маринѣ и за забра-

* Смотри Приложеніа № VIII.

шья Мвишкомъ и другици знашными Поляками у Русскихъ купцевъ шовары, опшерочено до прїѣзда къ Королю будущихъ Русскихъ Пословъ, а если бы и съ ними по сему предмету веденные переговоры не имѣли успѣха, то для окончательнаго посшановленія объ ономъ назначася по четыре судьи съ каждой спороны, которые, годъ спустя послѣ оппуска Россійскихъ Пословъ, вышлются на границу на рѣчку Ивашу между Оршею и Смоленскомъ; 4) что Послы принимають на себя обязанность при выѣздѣ своемъ изъ Москвы написать Князьямъ Рожинскому, Вишневецкому и другимъ начальникамъ Польскимъ, въ Тушинѣ находящимся, увѣщевая ихъ, чтобы они опстали опгъ Самозванца и вмѣстѣ съ шѣмъ послать просимъ и самого Короля о подшверженіи сего ипробованія ихъ спрогимъ предписаніемъ своимъ; 5) что на возвращающемъ пути своемъ Послы будутъ опшсылать обратно въ Польшу встрѣчающихся имъ Польскихъ воиновъ и разошлютъ во всѣ пограничные Польскіе города и въ Лифляндію объявленія, чтобы никто въ Россію на войну идпи не держалъ; 6) что Послы повдуть прямо къ Королю въ Польшу, избѣгая всякой ссылки и свиданія съ Поляками, которые не согласася оставишь Самозванца, и наконецъ 7) что на предполагаемомъ сѣвѣздѣ между Оршею и Смоленскомъ будетъ шакже

принято въ соображеніе и слѣдующее Россіи удовле-
твореніе, за причиняемое ей разореніе опъ Ро-
жнискаго и Вишневецкаго.

Облававъ Поляковъ споль опредѣлительно, Царь
приступилъ немедленно къ точному исполненію
договора. По повелѣнію его Послы и задержанные
Поляки отправлены были въ Польшу, подъ при-
крытіемъ опрада, коимъ предводительствовалъ
Бояринъ Князь Владиміръ Тимофеевичъ Долгорукій.
Чтобъ не проходить черезъ области, уже под-
властныя непріятелю, Долгорукову предписано бы-
ло направиться чрезъ Угличъ, Тверь и Бѣлюю
къ Смоленскому рубежу.

Новгородская
Летопись.

Впрочемъ Василій хотя самъ и исполнялъ до-
говоръ, но мало полагался на добросовѣстность
со стороны Поляковъ. Напроривъ, все получае-
мая имъ свѣдѣнія убѣждали его, что они замыш-
ляютъ вѣроломство. Въ шаковыхъ обшояшель-
ствахъ онъ съ горесцію предусматривалъ, что
ему рано или поздно не опстолятъ столицы, если
не получатъ помощи извнѣ. Тогда все мысли его
обратились къ полученію или образованію сей по-
мощи, и для шого онъ предположилъ соединить но-
вую рашу въ Новгородъ. Но власть его уже споль
ослабѣла, что онъ не надѣялся, чтообъ одного по-
велѣнія его было достапочно, если исполненіе онаго
не будетъ поручено человеку, обложенному общимъ

довѣріемъ. Убѣжденный въ семъ, онъ рѣшился временно отдать опѣ себя лучшаго изъ своихъ Полководцевъ и посласть въ Новгородъ Князя Скопина-Шуйскаго, который спяжнную имъ славу Розряды. избавленіемъ столицы опѣ Болошнікова подкрѣплялъ еще позднѣйшими подвигами, и въ особенности мужеспвеннымъ дѣйствіемъ своимъ во время бѣгства Царскихъ Воеводъ изъ-подъ Калуги. Василій полагалъ, что подѣ знаменами сего доблестнаго вождя не откажутся служить и тѣ, кои съ другимъ начальникомъ не охотно бы согласились выступить въ поле.

Кромѣ собранія новаго ополченія Скопинъ имѣлъ еще важное порученіе: войти въ сношеніе съ Швеціею. Еще во время зимы Король Карлъ IX, чрезъ находящагося въ Москвѣ Посланника своего Петрея, представлялъ Царю, что появленіе новаго Самозванца есть дѣло Поляковъ, споль же враждебныхъ для Швеціи, сколь и для Россіи, и пошому предлагалъ въ пособіе ему выслать въ Новгородъ 10,000 Шведовъ или Нѣмцевъ, съ тѣмъ шолько, чтобы содержаніе ихъ принято было на счетъ Россіи. Но Василій, тогда ободренный покореніемъ Тулы, не полагалъ еще себя въ опасности и слѣдуя примѣру Царя Бориса, считалъ, что призваніе иноземной помощи для упушенія внутреннихъ раздоровъ было бы несообразно съ Беръ.

достоинствомъ его Престола. Но когда паденіе сего престола предъ ежедневно возрастающей силой Самозванца казалось неизбежнымъ, то Царь рѣшился перевозочъ щекошливость уже неумѣстную и Князь Михайло Васильевичъ получилъ отъ него повелѣніе требовать отъ Швеціи вспомогапельнаго войска.

Никоновская
Автопись.

Въ Новгородѣ Скопинъ былъ встрѣченъ всеми съ честью и радостью. Но благопріятный пріемъ сей относился только лично къ юному герою, а не къ родственнику Царя, облеченному его довѣріемъ. Даже и въ Сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи мало доброхотствовали Царю, и Скопину не легко было исполнить свое порученіе. Въ Новгородскомъ Государствѣ * хотя уже замѣчалось колебаніе умовъ, однако по крайней мѣрѣ явнаго сопротивленія законной власти еще не оказывалось; но Псковскіе пригороды уже открыто бунтовали.

Псковская
Автопись.

Еще въ 1607 году Псковъ обнаружилъ свои неприязненныя расположенія къ установленному Правительству. Послѣ пораженія Болотникова подъ Москвою, Царь разослалъ взятыхъ Сѣверскихъ плѣнныхъ по разнымъ мѣстамъ и между прочимъ

* *Примѣчаніе.* Въ официальныхъ актахъ того времени Новгородская область называется Государствомъ.

400 изъ нихъ были отправлены въ Псковъ. Въ другихъ городахъ съ ними обращались какъ съ злодѣями, но Псковичи приняли ихъ какъ несчастныхъ братьевъ, и не скрывая къ нимъ пристрастія своего, съ заботливостію занялись снабженіемъ ихъ пищею и одеждою. Такая наклонность къ мятежникамъ поддала поведъ Самозванцу надѣяшся, что ему не трудно будетъ привлечь Псковъ на свою сторону. Случай ему благопріятствовалъ. Въ слѣдствіе одержанной имъ надъ Царскими Воеводами побѣдыподъ Болховымъ, многіе Псковскіе спѣльцы попались ему въ плѣнъ. Онъ всѣхъ ихъ отпустилъ въ Псковъ, подъ начальствомъ спѣлецкаго Головы Афанасья Огибалова и Сопника Матвѣя Блаженкова. Съ ними же онъ послалъ къ Псковичамъ грамоту, въ коей увѣщавалъ ихъ поддаться ему. Спѣльцы прибыли въ Псковъ въ Маѣ мѣсяцѣ, но сначала ихъ дѣйствія не имѣли успѣха. Начальствующій въ Псковѣ Бояринъ Пётръ Никишичъ Шеремешевъ удержалъ въ повиновеніи простыхъ людей, которые хотя и ненавидѣли его за его издоимство, но не смѣли еще ослушаться, пѣмъ болѣе, что его поддерживали именитѣйшіе изъ обывателей, коихъ онъ осерегался. припѣснятъ, и коихъ личныя выгоды были противны выгодамъ Самозванца. Огибалова и Блаженкова посадили въ тюрьму, а спѣлецъ городскихъ и пригородскихъ неоспорочно рас-

пустили по домамъ, даже не обезоруживъ ихъ. Слѣдствиемъ сей неосмотрительности было возспаніе пригородовъ Себежа, Опочки, Краснаго, Острова и Изборска, гдѣ спрѣльцы разсѣянные безъ присмотра легко подвинули жипелей къ неповновенію. Шереметевъ не полагая еще, чтобы буншовщики доспапочно изгоповились къ сопротивленію, надѣялся легко усмирить ихъ, и выславъ прошивъ ихъ нѣсколькихъ воинновъ, къ коимъ присоединилъ дворовыхъ людей своихъ, Архіерейскихъ и Монаспырскихъ. Онъ поручилъ опрядъ начальспву сына своего Бориса, который не только чпо не нашелъ возможнымъ упушить мятежъ, но и самъ едва успѣлъ безвредно возвратишься въ Псковъ.

Впрочемъ возмущившіеся пригороды дѣйспвовали еще безъ общей связи между собою, за неизбраніемъ главнаго начальника возспанія. Но вскорѣ званіе сіе принялъ на себя одинъ изъ сподвижниковъ Самозванцевыхъ, дворянинъ Оедоръ Плещевъ, который, развернувъ злодѣйскую хоругвь въ Ржевъ - Пустой, началъ собирать спрѣльцевъ и креспьянъ. Жипели спраны, орошаемой рѣкою Великою, полпами стекались къ нему. Составивъ такимъ образомъ многлюдное ополченіе, онъ двинулся къ Пскову, и на пути своемъ вездѣ приводилъ обывателей къ присягѣ Тушинскому Вору. Изборскіе жипели были съ

нимъ въ единомыслии, и онъ намѣревался соединиться съ ними, дабы въ совокупныхъ силахъ подступить подъ Псковъ. Но Изборяне, подстрекаемые нѣсколькими прибывшими къ нимъ Поляками, не дождались его и пошли одни на Псковъ. Неосторожная самонадѣянность ихъ получила достойное наказаніе. Шереметевъ выслалъ на нихъ Воеводу Пепра Бурцева, который сразился съ ними на Ригинъ горъ. Изборяне защищались храбро, однакожь были разбиты и потеряли нѣсколько пушекъ и людей, взявшихъ въ плѣнъ, между коими находились и три Поляка. Они бы вѣроятно прешерпглы и большее пораженіе, если бы для прикрытія ихъ отступленія не подошлъ опрядъ, на-скоро посланный къ нимъ на помощь Плещевымъ, который находился уже въ Выбуръ. Прибытіе свѣжаго войска побудило Бурцева возвращаться въ Псковъ.

Неудачное покушеніе Изборянъ не усрашило Плещева. Онъ смѣло явился передъ Псковымъ и спалъ на пескахъ, пропивъ образа. У него было въ сборъ людей много, но воинновъ мало. Все его ополченіе состояло изъ сволочи поселянъ, вовсе необычныхъ къ ратному дѣлу, и подкрѣпленных только нѣсколькими спрѣльцами, кои и сами отличались болѣе буйствомъ, чѣмъ воинскимъ устройствомъ. Пропивъ такихъ враговъ, Шереметеву

можно было бы устоять, если бы онъ не нашелъ многочисленныхъ противниковъ въ самомъ защищаемомъ имъ городѣ. Съ нимъ дѣйствовали заодно цюльке духовные, Двѣи Боярскіе и богатые торговцы; но Козаки, сирѣчьцы и черные люди не скрывали наклонности своей къ мятежнической споронѣ. Для удержанія ихъ Шеремешеву и *Большимъ людямъ* следовало бы сблизиться съ ними и спарашья добрымъ примѣромъ и дружелюбными увѣщаніями отклоняшь ихъ отъ измѣны. Напрошивъ того, Шеремешевъ задумалъ прибѣгнуть къ угрозамъ: такъ какъ ему было извѣстно, что Князь Скопинъ находится въ сношеніи со Шведами, то онъ смалъ разглашалъ, что Нѣмцы * скоро займутъ Псковъ для усмиренія непокорныхъ. Извѣстіе никого не испугало, а цюльке произвело сильное раздраженіе въ умахъ. Псковъ, древній оплотъ Россіи, всегда славно отражавшій Ливонскихъ Рыцарей, Липовцевъ и Подляковъ гнушался иноплеменнаго владычества. Желаніе не допускашь до оскорбленія народности живо развилося въ сердцахъ его жителей. Тѣ изъ нихъ, которые дошогъ еще колебались,

* *Примѣчаніе.* Дѣйствительно много Нѣмцевъ находилось въ Шведской службѣ. Кромѣ того въ то время самихъ Шведовъ Русскіе часто называли Нѣмцами.

спали съ прочими искать случая предаться на сторону Самозванца. Именитые люди поступили не благоразумнѣе Шереметева. Хотя цѣлое столѣтіе уже раздѣляло Псковитянъ опть время, когда умолкъ вѣчевой колоколь, провозглашавшій древнія вольности Пскова, однако между жителями сохранялись еще нѣкоторыя обычаи прежняго народнаго правленія. Такъ напримѣръ, они часто сходились на площади для общихъ совѣщаній о городскихъ дѣлахъ, и эти сходки назывались *всегородною*. Но какъ городскія дѣла уже не представляли никакой политической занимательности, то знатные и богатые, руководимые безразсудною спѣсью, не спали ходить на *всегородную*, дабы не сообщаться съ простолюдинами. Напрасно чернь, всегда невольно уважающая общеспвенную знаменитость, звала ихъ на сборища, гдѣ по случаю смутнаго времени совѣщанія дѣлались уже о предметахъ немаловажныхъ; они насмѣхались надъ ними и отказывались выходить изъ домовъ своихъ. Такимъ образомъ простолюдинамъ, оставленнымъ безъ направленія, свободно было распорядиться подъ вліяніемъ безпушныхъ ешрасей своихъ.

Между шѣмъ приверженцы Самозванца не дремали. Спраніями ихъ 1-го Сентября разнеслась по городу молва, что Нѣмцы уже пришли на

устье Великой и просяща въ Псковъ. Сдѣлалось всеобщее волненіе. Чернь вопила, что не хочетъ Нѣмцевъ и что лучше призвать Плецѣва, къ которому пошъ часть же перецли спрѣльцы, жившіе въ слободѣ за рѣчкою Мирожсю. Но въ городѣ еще духовенство и Большіе люди пропивились спремленію народному. Среди смясенія, произшедшаго опъ сего разномыслія, опважнѣйшіе изъ простолюдиновъ опворили Великіе воропа и, около чепырехъ часовъ вечера, впустили Плецѣва, кошорый, овладѣвъ городомъ, посадилъ въ пюрму Шереметева. На другой день весь Псковъ цѣловалъ крестъ Царю Димитрію. Тупъ же Плецѣвъ велѣлъ освободить заключенныхъ 400 Съверянъ и снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ опсправилъ въ Тушино, къ Самозванцу.

Никоновская
Летопись.

Вѣсть объ опложениі Пскова произвела сильное впечатлѣніе въ самомъ Новгородѣ. И памъ чернь начала пакъ сильно волноваться, что самъ Князь Скопинъ не почелъ себя въ безопасности. По совѣту находящихся при немъ Окольничаго Михайлы Игнашевича Ташицева и Дьяка Телепнева, онъ рѣшился выѣхать тайно изъ Новгорода и съ малочисленною дружиною своею спараться за сѣсть въ Ивангородъ, опкуда легко бы ему продолжашъ переговоры свои съ Шведами. Но подходя къ Ивангороду онъ получилъ поразительное

извѣстіе, что и тамъ, слѣдуя примѣру Пскова, все присягнули Тушинскому Вору. Оставалось Скопину некакъ убѣжища въ Орѣшкѣ, хотя вовсе нельзя было надѣяться, что жители согласятся принять его въ городъ, гдѣ начальствовалъ снѣрый предатель, Бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ, сосланный сюда на воеводство послѣ смерти Опрепьева. Князь Михайло Васильевичъ, не довѣряя ему, не пошелъ прямо въ Орѣшкѣ, а остановился на устьи Невы, вошелъ въ предварительное сношеніе съ Салпыковымъ. Опасенія его оправдались. Салпыковъ и слышать не хотѣлъ, чтобы впустилъ его въ Орѣшкѣ.

Скопинъ, оповсюду окруженный измѣною, съ отчаяніемъ предусматривалъ пагубное окончаніе своего важнаго предпріятія. Лишенный всякаго приюта онъ бродилъ по берегамъ Невы, недоумѣвая къ какимъ средствамъ прибѣгнуть для своего спасенія. Оставаясь въ Ижерской землѣ было бы не что иное, какъ подвергаться безъ всякой цѣли опасности быть схваченнымъ бунтовщиками. Но куда ему обратиться? Оставаясь свободнымъ одинъ только путь, ведущій за Шведскій рубежъ къ Выборгу. Горестно было ему явиться бѣглецомъ къ Шведамъ, которые тогда на-вѣрное отказались бы войны съ нимъ въ переговоры, и такимъ образомъ главный предметъ

даннаго ему опъ Царя порученія остался бы безъ исполненія. Не смотря на то, крайность его положенія вѣроятно вынудила бы его наконецъ итти въ Финляндію, если бы обстоятельство не приняли вдругъ неожиданно благопріятнаго для него оборота.

Въ Новгородѣ выгоды торговли хотя много, но еще не совсѣмъ упавшей, связывали между собою разныя сословія, и пошому именитыя люди сохраняли нѣкоторое вліяніе надъ мяшежною чернью. Къ тому же Митрополитъ Исидоръ пользовался общимъ уваженіемъ. Его увѣщанія, подкрѣпленныя мнѣніемъ знатнѣйшихъ гражданъ, сильно подвѣйствовали на простонародіи. Новгородцы съ общаго совѣща положили не нарушать данной Царю Василю присягали, и приговорили отправишь Игуменовъ и Пяшиконецкихъ спаросишь къ Князю Михайлу Васильевичу просишь его возврапишься въ Новгородъ съ обещаіишь содѣйствовать ему во всемъ. Обрадованный Князь слѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ сдѣланная ему встрѣча, не только Митрополитомъ, Дворянами и Дѣльми Боярскими, но и посадскими людьми, успокоила его совершенно. Онъ немедленно занялся устройствомъ новаго ополченія и вмѣстѣ съ штишь вошелъ въ сношеніе съ Графомъ Мансфель-

домъ, главноначальствующимъ надъ Шведскими войсками въ Лифляндіи.

Мансфельдъ прислалъ въ Новгородъ Королевскаго Секретаря, Монса Маршензона, для постановленія предварительныхъ условій въ разсужденіи Видскнндъ и Двля Шведскія въ Архивъ. содержанія пребусмаго Царемъ вспомогательнаго войска. Скопинъ, слѣдуя даннымъ ему наставленіямъ, всемѣрно шаялъ опть посланнаго печальное положеніе дѣлъ въ Россіи и увѣрялъ его, что все смятеніе происходило опть тысячи осьми бунтовщиковъ, подкрѣпленныхъ четырью тысячами Поляковъ и двумя тысячами Козаковъ. Но Шведъ не вдался въ обманъ и дорого цѣнилъ предлагаемую помощь. Не время было торговаться. Скопинъ вынужденъ былъ согласиться на требовавшую плату. Положили на мѣрѣ, чтобы вспомогательному войску состоять изъ 3,000 человекъ пѣшихъ и 2,000 конныхъ, и чтобы имъ выдавалось опть Царя ежемѣсячно каждому конному по 25 ефимковъ, а каждому пѣшему по 12. Кромѣ того назначалось также ежемѣсячно главному начальнику 5,000 ефимковъ, двумъ Генераламъ подъ нимъ 4,000, да на Ротмистровъ и прочихъ Офицеровъ 5,000. Все это въ совокупности составляло на мѣсяць по 100,000 ефимковъ (140,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Впрочемъ Маршензонъ не имѣлъ полномочія на постановленіе

окончательнаго договора, заключеніе коего Король предоспавлялъ съвзду, назначенному въ Выборгъ. Скопинъ отправилъ на оный шурина своего Стольника Семена Васильевича Головина и Дьяка Сыдавнаго Зиновьева. Опъ хотѣлъ съ ними же послапъ въ видѣ задашка 5,000 рублей и даже писалъ о томъ въ Швецію, но казна, коею онъ располагалъ, была такъ скудна, что опъ не могъ собрать болѣе 4,800 рублей (16,000 нынѣшнихъ серебряныхъ), которые и вручилъ посланникамъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило на Сѣверо-западныхъ предѣлахъ государшва, Тушинскій Воръ весьма усиливался въ самыхъ нѣдрахъ онаго, по случаю вѣроломшва Поляковъ, которые усремлялись на несчастную Россію, какъ хищныя вороны на разперзанный трупъ. Не только тѣ изъ нихъ, кои уже находились при Самозванцѣ, не соглашались опспашъ опъ него, но даже новыя хоругви спѣшили изъ Польши къ нимъ на помощь. Поводомъ вшорженія оныхъ въ Россію служило честолюбіе и алчность къ добычѣ Яна Сапѣги, старосшы Усвяпскаго. Сей вельможа, коего староспство находилось на границѣ, хорошо зналъ жалкое состояніе Россіи и вдзумалъ воспользовашься онымъ для удовольшворенія своихъ спраспей. Напрасно двоюродный брашъ его, Канцлеръ Липовскій Левъ Сапѣга, увѣщавалъ его опспашъ опъ своего пред-

Дневникъ
Сапѣги.

пріятія. Онъ не послушался и спалъ набирашь войско. Распушная и корыстолубивая Шляхта охотно спекалась подъ начальство отважнаго вождя, который сулилъ ей раздолье и обогащеніе. Въ скоромъ времени собралось до 7,000 конныхъ копѣйщиковъ, съ коими Сапѣга 17 Іюля вступилъ въ Россійскіе предѣлы близъ Баева, и направился по дорогѣ къ Москвѣ, хопя городъ Смоленскъ, мимо котораго ему надлежало проходить, оставался вѣрнымъ Царю. Подойдя къ Смоленску, 1 Августа, онъ переправился черезъ Двѣпръ въ пяти верстахъ ниже города, близъ успѣя рѣчки Дубровны, а 3 числа потянулся около часни города, на правомъ берегу Двѣпра лежащей, въ разстояніи одной вершы отъ укрѣпленій. Намѣреніе его было выйти подъ городомъ на Московскую дорогу, но онъ не былъ допущенъ къ тому войскомъ, высланнымъ изъ Смоленска начальствующимъ тамъ Бояриномъ Шенинымъ. Польскій вождь, отброшенный къ Сѣверу, не иначе могъ достигнуть Московской дороги, какъ направясь чрезъ Прудичи въ Пневъ и въ семь кружномъ обходѣ онъ пошерялъ два дня. Въ слѣдующіе дни онъ продолжалъ движеніе свое къ Москвѣ мимо Дорогобужа и Вязмы, и 17 находился уже въ Царевъ-Займицѣ, ни мало не подозрѣвая, что въ то же самое время не въ дальнемъ разстояніи отъ него совершалось

предпріятіе, въ коемъ суждено ему было приниматьъ участіе.

Тушинскій Воръ, извѣстясь о слѣдованіи Марини, опща ея и Польскихъ Пословъ, подъ при-

крышіемъ опрада Князя Долгорукаго, выслалъ 12 Письмо Ту-
шинскаго Во-
ра къ Мниш-
ку изъ лагеря
подъ Моск-
вою отъ 12/^{го}
Августа 1608.
— Пясецкій.
— Дневникъ
Сапѣги.

крышіемъ опрада Князя Долгорукаго, выслалъ 12 Августа изъ своего опана, для перенятія имъ пуши, Поляка Зборовскаго съ 2,000 конныхъ Поляковъ, которые мчались шакъ быспро, чпо въ четьре дня перѣехали болѣе 350 верстѣ и нагнали искомыхъ ѳими въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Князь

Долгорукій не посчелъ возможнымъ чинить опворъ.

Остава въ рукахъ Самозванцевыхъ сподвижниковъ Поляковъ, охраненію его вѣрренныхъ, онъ сѣвшигъ возвращишься въ Москву съ малымъ числомъ людей, ибо большая часнь при немъ бывшихъ воинновъ разѣхались по домамъ.

Марина, снарый Мнишекъ и даже одинъ изъ Пословъ, Олесницкій, родственикъ Мнишковъ, согласились ѣхать къ Самозванцу вопреки споль недавно данныхъ обѣщаній. Другіе же Послы, Пясецкій. ѣхавшіе другою дорогою продолжали безпрепятспшенно пушь свой до Польши.

Впрочемъ сама Марина не сѣшила въ Тушино и очевидно колебалась. Въ душѣ ея происходила сильная борьба между обольщеній шщеславія и позора раздѣляшь ложе грубаго и несомѣннаго обманщика. Дабы выиграшь время и оградить се-

ба опъ всякаго принужденія, она рѣшилась прибѣгнуть къ защитѣ Сапѣги, и 20 числа прѣѣхала къ нему въ Царево-Займище. Сапѣга не отказалъ ей въ покровительствѣ, и повелъ ее съ собою въ Тушино; 23 онъ остановился въ Можайскѣ, а Марина расположилась въ 7 верстахъ отсюда, въ городкѣ Борисовѣ.

Дневникъ
Сапѣги.

Хотя Самозванецъ пушечною пальбою изъяслялъ радость свою о избавленіи мнимой супруги, однако его тревожила мысль, что Марина можетъ быть откажется признавъ его за своего супруга. Нельзя было надѣяться вынудить спрахомъ признаніе, ибо Сапѣга конечно не допустилъ бы никакого насилія надъ нею. Оспавалось единственнѣмъ средствомъ убѣдить стараго честолюбца Мнишка, чтобы онъ уговорилъ дочь свою принять участіе въ обманѣ, коего шоржество могло еще возвращить ей и всей семьѣ ихъ оплакиваемое ими величіе. Въ семъ намѣреніи, Самозванецъ чрезъ разныхъ посланныхъ Поляковъ вошелъ въ сношеніе съ Сеудомирскимъ Воеводою, копорый не вдругъ согласился споспѣшествовать его видамъ. Вѣроятно Мнишекъ, продавая честь дочери своей, много торговался, ибо поспыдныя пересылки продолжались около двухъ недѣль. Въ печеніи оныхъ Сапѣга и Марина медленно приближались къ Тушину. 29 числа они находились въ Звенигородѣ,

Веръ.

Письмо Тушинскаго Воеводы къ Мнишку изъ лагеря подъ Москвою отъ 26 Августа

5 Сентября
1608.

Дневникъ
Сапѣги.

гдѣ Марина, по совѣшу Самозванца, занялась въ

Письмо Ту-Спорожевскомъ Монашнрѣ положеніемъ гроба
шинскаго во-
ра къ Мниш-
ку, изъ лаге-
ра подѣ Мо-
сквою отъ
29 Августа
8 Сентября
1608.

угодника въ народѣ весьма уважаемаго. Самозванецъ
уговорилъ ее къ сему дѣйствію, представивъ не-
обходимость спарашься сколько возможно изгла-
дитъ мысль о ея нечестіи, которую она неосто-
рожными поступками во время пребыванія своего
въ Москвѣ укоренила въ общемъ мнѣніи и кошо-
рая тогда же была одною изъ главнѣйшихъ при-
чинъ гибели Опрепьева.

Дневникъ
Сапѣга.

Наконецъ 1-го Сентября Сапѣга подошелъ къ
самому Тушину и остановился только въ одной
верстѣ отъ спана. Но и въ этомъ близкомъ
разстояніи Марина не рѣшилась еще ѣхать къ
мнимому супругу, и осталась при Сапѣгѣ, въ спа-
нѣ коего Самозванецъ имѣлъ съ нею 5 числа пер-
вое тайное свиданіе. Марина съ невольнымъ со-
дроганіемъ предстала предъ человѣкомъ самой гру-
бой наружности и ни мало не похожемъ на умер-
шаго супруга ея. Но въ горделивомъ сердцѣ ея
омраченіе щещславія скоро превозмогло первона-
чальныя впечатлѣнія молодости и женской стыд-
ливости. Въ слѣдствіе окончательныхъ перего-
воровъ она согласилась келейно обвинчаться съ
пѣмъ, кого самымъ симъ бракосочпаніемъ улича-
ла въ гнуснѣйшемъ подлогѣ. Церковный обрядъ

Нямцевичъ . исправлялъ Езуншъ ея Духовникъ. Успокоивъ гиб-

кую совѣсть свою, она 8 Сентября перѣехала въ Тушино и имѣла торжественное свиданіе съ Самозванцемъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ припворная нѣжность изъвѣлялась радостными слезами, къ постыдному умиленію нѣсколькихъ слабоумцевъ. Хотя же большая часть послѣдователей Тушинскаго Вора ни мало не сомнѣвалась въ его самозванствѣ, но и здѣ, прикрываясь лицемѣрнымъ легковѣріемъ, указывали на признаніе его Мариною за своего супруга, какъ на неоспоримое доказательство его подлинности. Какъ бы то ни было, присутствіе Марины въ шанѣ Самозванца много возвысило его въ общемъ мнѣніи.

Олесницкій и старый Мнишекъ не оспались при Самозванцѣ и возвратились въ Польшу. Первый уѣхалъ немедленно, а Мнишекъ послѣ чепырехмѣсячнаго пребыванія въ Тушинѣ. Оба они прежде отъѣзда своего успѣли выманить у Самозванца важныя для себя выгоды. Олесницкій получилъ отъ него жалованную грамоту на владѣніе городомъ Бѣлымъ, а Мнишка онъ обязался поспѣшь по вступленіи своемъ въ Москву удовлетворить вѣтъ, что ему было обѣщано Отрепьевымъ, и именно заплатитъ ему 300,000 рублей (милліонъ нынѣшнихъ серебряныхъ) и отдастъ ему въ вѣчное владѣніе Сѣверское Княжество, включая въ оное Смоленскъ, Рославль, Брянскъ, Почепъ, Спародубъ,

Дневникъ
Саувага.

Дѣла Польскія.

Трубчевскъ, Карачевъ, Комарскъ, Курскъ, Рыльскъ, Пушывъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ и Муромскъ съ принадлежащими къ нимъ волостями *.

Дневникъ
Сапѣги.

Подъ Москвою военныя дѣйствія по большой часпи ограничивались маловажными спычками. Только 31 Августа довольно сильный бой продолжался во весь день. Вышедшее въ поле Царское войско опшѣснено было до самаго города; впрочемъ и сіе дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Палицынъ.

Прибытіе Сапѣги хотя довольно значительпо усиливало Самозванца, однако онъ все еще не почиталъ возможнымъ опшажинься на приспунъ къ споллицѣ. Съ другой спороны Сапѣга, мало уступавшій Рожинскому въ знапности, неохотно подчинялся сему Гешману и хотѣлъ дѣйствовать опдѣльно. Въ удолешвореніе его съ общаго совѣша положили поручить ему покореніе Троицкаго Монастыря, занятіе коего по справедливости казалось весьма важнымъ для сподвижниковъ Самозванца. Обитель сіа обезпечивала сообщеніе споллицы съ Заволжскими обласпями, опкуда Царь только и могъ надѣяться получать пособіе людми, деньгами и запасами. Все, что посыалось изъ сихъ обласпей, направлялось сперва на Монастырь, а опшуда тамошній Архимандритъ Ю-

* Смотри Приложенія № IX и X.

ясель, твердый и дѣятельный слуга опеченства, доспаваяя подвозы въ Москву, изыскивая удобный случай для провоза тайно или открыто, по своему усмотрѣнію. Окружавшіе Самозванца Поляки много досадовали на Иноковъ за сіи дѣянія, и предспавляли ему, что для надлежащаго ещенствія столицы, весьма нужно изгнать *стѣпныхъ ерачей изъ каменнаго гроба ихъ.*

Дабы поспавить Сапѣгу въ возможность успѣшно исполнить свое порученіе, отрядъ его былъ усиленъ до 30,000 человекъ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ хоругвей Польскихъ и шѣхъ изъ Козаковъ и Русскихъ бунтовщиковъ, копорые подъ начальствомъ Лисовскаго опустошали набѣгами своими области Рязанскую, Владимірскую и Нижегородскую, а на возвратномъ пути выжгли уже подъ самую Троицею находящійся посадъ Клеменшевскій.

Сапѣга выступилъ изъ Тушина 13 Сентября и на другой день расположился въ Брашовинѣ, гдѣ остался нѣсколько дней, вѣроятно поджидая Лисовскаго. Дневникъ
Сапѣги.

Царь, извѣстившись о раздѣленіи силъ непріятельскихъ, рѣшился воспользоваться онымъ для нападенія отдѣльно на Сапѣгу въ надеждѣ нанести ему сильный ударъ. Въ семъ предположеніи онъ испощалъ послѣднія средства для сна-

ряженія шрехполкнаго ополченія , соспавленнаго
Беръ и Нзм- изъ 30,000 конницы и 10,000 пѣхопы, подѣ глав-
цевичъ. нымъ начальствомъ брата своего Князя Ивана
Розряды. Ивановича Шуйскаго, который имѣлъ подѣ со-
бою въ передовомъ полку Окольничаго Князя Гри-
горія Пешровича Ромодановскаго, а въ спороже-
вомъ Окольничаго же Ѳедора Васильевича Голови-
на. Князь Шуйскій, двинувшись изъ Москвы по
Дневникъ Троицкой дорогѣ, прибылъ 21 въ Брашовшину,
Сапѣга. но не заспалъ уже спамъ Сапѣги, который въ
попѣ же день перешелъ въ село Воздвиженское.

22-го числа Шуйскій быстро продолжалъ слѣ-
дованіе свое, дабы нагнать непріятеля, но Сапѣ-
га самъ опнюдѣ не уклонялся опѣ боя. Переходѣ
его, сдѣланный на канунѣ, имѣлъ цѣлю сблизись-
ся съ Троицею и совершенно былъ единственно
попому, что ни мало не подозрѣвалъ подспупле-
ніа Царскаго войска. Когда же лазупчики извѣ-
спили его о приближеніи Шуйскаго, то онѣ по-
спѣшилъ укорошить ему пупѣ. Оспавивъ въ Воз-
движенскомъ лагерѣ свой подѣ прикрышіемъ зна-
чипельной часипи пѣхопы и нѣсколькихъ сопенѣ
конницы, онѣ воропился кѣ Брашовшинѣ. Обѣ
рапи сошансь близъ села Рахманова. Бой былъ
жеспокій и съ перемѣннымъ спаспіемъ. Сапѣга
первый сдѣлалъ нападентіе, но встрѣпилъ сильное
сопрошивленіе опѣ храбраго Князя Родомоновска-

го и предводительствуемаго имъ передоваго полка. Поляки, два раза опрокинутые, пошерали пушки свои и уже готовились рѣшительно ославить мѣсто сраженія. Но Сапѣга, раненый пулею въ лице, еще не опчаявался и кричалъ своимъ землякамъ, что бѣгство не спасетъ ихъ, ибо Польша далеко, что лучше лечь на полѣ брани, чѣмъ подвергаться постыдному плѣну, и что онъ умоляетъ ихъ еще разъ попытаться испоргнуть побѣду изъ рукъ непріятели. Увѣщанія его подѣйствовали на двѣ хоругви Гусарскія и на двѣ Пянигорскія, которыя одинъ еще не были совершенно разспроены. Они въ слѣдъ за нимъ бросились на Царскихъ воиновъ съ такимъ стремленіемъ, что Русскіе въ свою очередь не выдержали ихъ натиска и требовали помощи отъ большаго и спорожеваго полка. Къ несчастію, спорожевой полкъ имѣлъ въ Федоръ Головинъ малодушнаго вождя, который передалъ ему свою робость, и весь полкъ дрогнулъ и опрокинулся на большой полкъ. Смятеніе сдѣлалось всеобщимъ. Царское войско обрашило шылъ и было на разстояніи 15 верстъ преслѣдуемо Сапѣгою, который взялъ двадцать знаменъ и множество плѣнныхъ.

Страшнымъ послѣдствіемъ сего разгрома было конечное уничтоженіе побѣжденнаго войска. Воеводы возвратились въ Москву только съ малымъ

Никоновская
Лѣтопись. —
Дневникъ
Сапѣги. —
Беръ. — Нѣм-
девичъ.

Никоновская
Лѣтопись.

числомъ своихъ приближенныхъ. Въ же разныя люди, вопреки долга и чести, оставили хоругвь свою и разошлись по домамъ.

Ужась столицы былъ неизобразимъ. Казалось, что исчезалъ послѣдній лучъ надежды къ ея спасенію. При общемъ уныніи не только простолюдины, но даже важные перемешчики, спали тайно выѣзжая въ Тушино. Царь, чтобы остановить постыдное бѣгство, хотѣлъ сперва испытать дѣйствіе великодушнаго средства. Онъ объявилъ всенародно, что никого не желаетъ удерживать при себѣ принужденно, что всякому дается на волю избрать одно изъ двухъ: или свободно выѣхать изъ Москвы, или цѣловать кресты на томъ, что останешься тамъ въ осадѣ безъ всякой шапкошши. Но въ несчастныя времена ни что не удается, и благородный поступокъ Царя только мгновенно пронузъ сердца. Хотя, подъ вліяніемъ перваго увлеченія, все клялись умереть за Московскій домъ Пречистой Богородицы, но на другой же день многіе изъ присягнувшихъ не усумнились опѣхаться въ Тушино и позорный примѣръ, ими данный, нашелъ множество послѣдователей. Въ числѣ знатныхъ людей, запятнавшихъ себя столь низкою измѣною, Лыпописцы называютъ Стольниковъ Князя Дмитрія Тимофеевича Трубцкаго, Князя Дмитрія Мамстрюкови-

Столяровъ
Хротограезъ.

ча Черкаскаго, Князя Алексѣя Юрьевича Сичкаго, Михайлу Матвѣевича Бушурина и Князей Ивана да Семена Засѣкинныхъ. Кромѣ того большая часть Замосковныхъ помѣщиковъ, изнуренныхъ продолжительною службою, хоша не передавались Самозванцу, но не менѣе того оспавляли столицу и разѣзжались по домамъ подъ предлогомъ хозяйственныхъ занятій. Напрасно встревоженный Царь обратился тогда къ понудительнымъ мѣрамъ. Повсемѣстно разосланными указами было повелѣно всемъ безъизвѣстія Дворянамъ и Дѣшамъ Боярскимъ ѣхать на службу въ Москву, подѣ опасеніемъ смертной казни за ослушаніе. Таковому же наказанію и отобранію всего имущества въ казну подвергались шѣ изъ обывашелей, городскихъ или деревенскихъ, копорые бы спали укрывашь *Нятювъ* *, или даже принимашь ихъ шолько на ночлегъ. Но изнемогающее Правительство уже было пакъ мало уважаемо, что вездѣ предписанныя строгости оспались безъ исполненія. Никшо изъ разѣзжавшихся не ворошился и Царскія силы въ Москвѣ состоали уже почти единственно изъ помѣщиковъ Сѣверской земли и Зарѣчной Украины**, кои пошерявъ помѣшья

Продолженіе
Дневника
Марины въ
рукописи
изъ
библиотеки
Графа Хреп-
товича.

* *Примѣчаніе.* *Нятями* назывались въ то время неявившіеся на вызовъ служивые люди.

** *Примѣчаніе.* Зарѣчною Украиною означалась страна,

свои, только въ одномъ Царскомъ жалованьи находили средство къ пропишанію себя и семей своихъ, и ревностно искали случая опмспитнъ мяжевикамъ за преперптвное опъ нихъ разореніе.

Если бы Рожинскій и Сапѣга рѣшились воспользоваться первою тревогою столицы, чтобы ишши на присупъ къ оной, по вѣроятію они овладѣли бы Москвою и вмѣстѣ съ пѣмъ окончили бы войну торжествомъ поддерживаемой ими холопсѣй стороны. Но Польскіе вожди не отважились предпринять сего. Избѣгая неминуемой шрапы людей своихъ на присупъ, и имѣя въ виду, что среди ужасовъ, обыкновенно сопровождающихъ шакого рода военныя дѣйствія, трудно было бы уберечь опъ расхищенія Московскія сокровища, коими надѣялись овладѣть, они сполли на шомъ, чтобы столицу не добывашъ опкрыною силою, а вынуждашъ къ сдачѣ посредствомъ спрогаго спѣшенія. Сапѣга даже не пошелъ подъ Москву послѣ своей побѣды, а слѣдуя первоначальному начерпанію, обратился на Троицу. Вечеромъ 23 Сентября онъ уже привѣспшвовалъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами шамош-

Беръ.

Дневникъ
Сапѣги.

лежащая на правой сторонѣ Оки отъ Калуги до предѣловъ Рязанскихъ, что составляетъ нынѣ губерніи Курскую, Орловскую, Тульскую и часть Калужской.

нихъ Инокѣвъ, копорыхъ впрочемъ не успѣлъ привести въ робость.

Начальникъ ихъ, Архимандритъ Іоасафъ, самъ готовясь къ подвигу необычайному, одушевлялъ всѣхъ пламеннымъ усердіемъ къ православію и Россіи. Смотри на доблестнаго спарца, съ твердосію вспунающаго на геройскую спезю трудовъ и опасностей, никто не опказывался содѣйствовать ему съ самоопроверженіемъ, внушаемыя его назидательными увѣщаніями. Укрѣпляемый вдохновеніями искренней вѣры и безпредѣльной любви къ опечеству, онъ не только принялъ на себя завѣдываніе осажденнаго мѣста по части хозяйственной, но даже и въ рапномъ дѣлѣ; начальствующіе Воеводы Окольный Князь Григорій Борисовичъ Роца-Долгорукій и Алексѣй Голохва- Палицынъ. сповъ совѣщались съ нимъ и ничего не предпринимали безъ его согласія.

Троицко-Сергіевъ Монастырь, построенный посреди довольно перестѣнной мѣстности, между овраговъ и высотъ, представляетъ видъ неправильнаго чепвероугольника, имѣющаго въ окружности 642 сажени. Укрѣпленія его состояли изъ прочно сложенной каменной стѣны, косой вышина, вообще въ 4 сажени, доходила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 6 и 7, а толщина нигдѣ не была менѣе 3 сажень. Впрочемъ толщина сія не была

сплошная каменная. Въ ней вдѣланы были двужрусныя каморы со сводами и бойницами для подошвенныхъ выстрѣловъ. На углахъ и посреди бочковъ ограды находились башни. Рѣчка Кончура, протекая у подошвы стѣны, образовывала съ Западной и Южной споронъ нѣкоторый родъ естественнаго рва. Подходъ къ стѣнѣ съ Южной и Сѣверной споронъ еще затруднялся нѣсколькими прудами. Къ обители прилежали предмѣстныя слободы, а противъ Юго-Восточнаго угла оной, у подошвы высопы, къ Кончурѣ клонящейся, находился малый Монастырь, который назывался Подольнымъ. При первомъ появленіи Сапѣги, вышнія спроснія сіи были сожжены, дабы опияпъ возможность у враговъ безвредно угнѣздиться въ оныхъ. Только для удобности вылазокъ сохранены были внѣ ограды мельница на Кончурѣ за Подольнымъ Монастыремъ и пивной дворъ, находящійся на Западной споронѣ, и на самомъ берегу Кончуры. Обнесенный пшвыномъ, дворъ сей соспавлялъ наружное укрѣпленіе, имѣющее съ Монастыремъ надежное сообщеніе посредствомъ шайника. Огромныя склады жизненныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, предусмотрительностію Архимандриша заблаговременно учрежденные, обезпечивали потребности продолжительнейшей осады. Въ людяхъ также не только не было недоставка, но даже можно сказать, что оказывалось

вродное излишество. При подступленіи непріятеля въ жилища окрестныхъ селеній, съ женами и дѣтьми, испали убѣжища въ обители. Сосрадашельный Іоасафъ никого принимать не отказывался, хотя чрезмѣрная шѣсноша и напрасное потребление съисныхъ припасовъ были неминуемымъ слѣдствіемъ такового снисхожденія. Впрочемъ, не смотря на большое спешеніе народное, воиновъ было не много, ибо кромѣ нѣкоторыхъ Монаховъ, прежде служившихъ въ войскѣ, и малаго числа служивыхъ людей, при Долгоруковъ и Голохвастовъ находившихся, всѣ прочіе были поселяне, вовсе къ рашному дѣлу не привыкшіе. Но и они именемъ вѣры и опечесства, Архимандритомъ возбужденные, обѣщали въ бранныхъ подвигахъ не опшпаващъ опъ насюющихъ воиновъ. Такимъ образомъ набралось въ обители до 3,000 вооруженныхъ защитниковъ *. Ихъ раздѣлили на два разряда, одинъ

* *Примѣчаніе.* Ни въ какой Лѣтописи не упоминается о числѣ защитниковъ Монастыря, но оное выводится съ одной стороны изъ удостовѣренія Палицына, что во время осады побито и померло старцевъ, ратныхъ людей и поселянъ всего 2,125 человекъ, кромѣ женщинъ, дѣтей и неспособныхъ къ бою мужчинъ, а съ другой стороны изъ письма, писаннаго изъ Троицы отъ 6 Іюля 1609 года Соломонидю, служанкою Царевны Инокіи Ольги Борисовны Годуновой, къ матери своей, которую она извѣщала, что по пресѣченіи мора осталось въ обители только треть людей въ живыхъ. По другому извѣстію, Палицынымъ же намъ сообщенному, ежелнево

для службы внутренней, а другой для наружной. Люди первого разряда, подчиненные головамъ изъ Монаховъ и Дворянъ, были распределены по спѣнамъ, башнямъ, ворошамъ и подошвынымъ бойницамъ. Каждый зналъ, какое мѣсто ему оборонять, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ оставлять онаго. Для вылазокъ же назначался исключительно второй разрядъ, который также предполагали употреблять въ видъ запаснаго войска для подавнїя помощи въ случаѣ нужды шѣмъ мѣстамъ ограда, на которыя во время приступовъ болѣе прочихъ спалъ бы напирать непрїатель.

Сїи благоразумныя распоряженїя не вполнѣ успокоивали Иоасафа. По несчастїю, онъ не могъ довѣрять самимъ Воеводамъ. Спаршій Князь Роща-Долгорукій уже извѣстенъ былъ замѣчательно удачною обороною города Рыльска, въ 1606 году, прошивъ побѣдоноснаго подъ Добрунемъ Царскаго войска, но подвигъ сей, совершенный имъ въ пользу перваго Самозванца, давалъ печальное понятїе о его вѣрности. Голохвастовъ также принадлежалъ къ числу людей, на преданность коихъ нельзя

израсходывалось въ Монастырь по 20 четвертей хлѣба и по 10 сухарей, что составляло ежедневнаго продовольствїя на 3,600 душъ. Довольно вѣроятно, что около шестой части сего количества израсходывалось на женщинъ, дѣтей и неспособныхъ къ бою мужчинъ.

было полагагься безусловно. При снхъ сомнѣніяхъ Архимандритъ почелъ полезнымъ пѣспѣе связать всѣхъ кляпвеннымъ обѣщаніемъ, всенародно и шоржественно совершеннымъ. 25 числа, въ день праздника Святаго Сергія, Воеводы и всѣ чиновные и просшые люди, на брань обрекающіяся, цѣловали крестъ при гробѣ Чудотворца на помѣть, чтобы всѣмъ дружно и безъ измѣны спояшь за опечесивенную свяпыню и до послѣдней капли крови охранять ее отъ поруганія иновѣрцевъ.

Пока такимъ образомъ въ обншли все успривалось къ оборонѣ, непріятель принималъ нужныя мѣры для обложенія осажденныхъ. Сапѣга главный спанъ свой основалъ на Дмипровскоѣй дорогѣ. Лисовскаго опрядъ помѣстился за Тереншьевскою рощею между дорогами Московскою и Александровскою. Оба спана были прикрыты крѣпкими окопами. Дороги же Переславльская и Углицкая наблюдались отдѣльными заставами.

Спѣснивъ Монастырь и перехвативъ всѣ сообщенія онаго, Польскіе вожди ожидали сдачи, ибо они не предполагали, чтобы горѣсть Иноковъ и воиновъ, поддерживаемая полпою крестьянъ, осмѣлилась въ самомъ дѣлѣ сопротивлягься побѣдоносному войску. Но когда нѣсколько дней протекло въ грозномъ молчаніи со стороны осажденныхъ, шо Сапѣга и Лисовскій рѣшились, 29 числа, послать въ Монастырь

Боярскаго сына, Безсона Ругошина, съ грамопами, въ конхъ требовали покорности съ обѣщаніемъ богатыхъ награды Воеводамъ и съ угрозами въ случаѣ упорства не щадить защитниковъ, и въ особенно-сти предашь мечу всѣхъ Монаховъ. Но осажденные не дали себя ни обольстить, ни застрашать. Ругошина опсправили обратно въ неприпельскій спавъ съ грамопою, удостовѣряющею въ непреклонной рѣшимости ихъ, вѣрою и правдою спояшь за православіе и ошечество *.

Сапѣга, получивъ отвѣтъ, немедленно приспунилъ къ осаднымъ работамъ. Въ ноци съ 30 Сентября на 1 Окпября, онъ велѣлъ прикаспить шуры и изъ оныхъ успроить девять бапарей въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ праваго крыла: первую на крушой горѣ прошивъ мельницы, другіе три за прудомъ, а именно впорую въ переншьевской роцѣ, третью подлѣ Москѡвской дороги и четвершую на Волкушѣ горѣ; а послѣдніа пять на Красной горѣ: пятую прошивъ Водяной башни, шестую прошивъ погребовъ Пивнаго двора и Келаревыхъ келей, седьмую прошивъ Келарскія и казенныа палашъ, восьмую изъ роци прошивъ Площичной башни и наконецъ девашую возлѣ Гливаннаго оврага, прошивъ башни Конюшенныхъ ворощъ.

* Смотри Приложенія № XI.

На Красной же горѣ, въ то же время, непріятель выкопалъ за батареями широкую и глубокую паралель на семь пропяденіи отъ Келарева пруда до Глиннаго оврага.

Въ слѣдующіе дни поставили на батарею 63 орудія, коихъ открыли огонь 3 Октябля. Съ тѣхъ поръ ствѣльба продолжалась непрерывно. Непріятель старался разрушить стѣны и вмѣстѣ съ тѣмъ метаніемъ бомбъ и каленыхъ ядеръ распространять ужасъ и разореніе на самую внутренность Монастыря. Но въ обитали никто не дрогнулъ, кромѣ одного Монастырскаго служки, Осипа Селевина, кошорый перебѣжалъ къ Сапѣги. Прочіе все бодрствовали и часшыми вылазками доучали осаждающимъ. Въ ночи, съ 6 на 7, Лисовскій сдѣлалъ покушеніе въ распахъ занявъ мельницу близъ Подольнаго Монастыря. Къ счастью ночь была свѣтлая, и занимающіе мельницу люди во-время примѣтили его подступленіе и опразни его съ нѣкоторымъ урономъ. Самъ Лисовскій былъ равенъ въ руку. Но такъ какъ, не смотря на сію неудачу, непріятель успѣлъ въ то же время откопать подступный ровъ подъ горою близъ мельницы, въ направленіи къ Краснымъ воротамъ, то должно полагать, что осажденные сами очистили мельницу въ избѣжаніе напрасной прашы людей. 12 числа подступный ровъ доведенъ уже былъ до

Дневникъ
Сапѣги.

Палицынъ.

высопы прошивъ Круглой башни, и изъ онаго повели подкопъ прошивъ сей башни.

Медленный ходъ подкопныхъ работъ не соопъшествовалъ непрерывнiю Сапѣги. Онъ рѣшился попытаться открытымъ приступомъ овладѣть Монастыремъ. Въ семь намѣренiи, желая охрабрити своихъ воиновъ, онъ угощалъ ихъ 13 Октября во весь день, а подѣ вечеръ выступилъ изъ лагера и расположился со всемъ войскомъ своимъ подѣ прикрытiемъ параллели возлѣ башарей Красной горы. Вмѣстѣ съ пѣмъ Лисовскаго полки расположились по Тереншьевской роцѣ до Сазонова оврага, и на дорогахъ Переславской и Углицкой до Мишупина оврага. Во весь день все башарей дѣйствовали безумолчно, а по захожденiи солнца неприятель, прикрываясь придвинутыми щитами и рублеными шарсами, на колесахъ подкаченными, со всехъ споронъ съ лѣстницами устремился къ спѣнамъ, при громѣ музыки. Но самыя мѣры, принятыя Сапѣгою для возбужденiя своихъ воиновъ, произвели прошивное дѣйствiе. Вступая въ бой въ непрезвомъ видѣ, они сражались безъ шолку. Осажденнымъ не прудио было отбить людей, едва державшихся на ногахъ, которые при отступленiи своемъ, въ безпамятствѣ произведенномъ, помещали щиты, шарсы и лѣстницы. Орудiя сiи на другой день были подобраны осажденными и упо-

треблены ими на дрова, въ конхъ начинали нуждаться въ Монастырь.

Послѣ сего неудачнаго покушенія, въ печеніи цѣлой недѣли, непріятель ежедневно подходилъ къ спѣнамъ, и старался лестію и угрозами склонить къ сдачѣ защитниковъ обителі. Но въ оной ни-кто и не помышлялъ о покорности. Тамъ, по мѣрѣ продолженія осады, воинственный духъ все болѣе и болѣе вкоренялся. Вскорѣ представился случай убѣдить въ томъ враговъ. Нѣсколько Поляковъ пришло 19 числа брать капусту на огоро-дѣ, лежащемъ по близости и насупротивъ Сѣверо-восточной Круглой башни; многіе изъ Монастырскихъ защитниковъ, почитая обиднымъ для себя допускать ихъ подъ глазами своими къ такому упражненію, рѣшились самопронзвольно спуститься съ спѣнъ по веревкамъ и спали рубить грабишелей огорода. Хотя сіе происходило безъ вѣдома начальниковъ, однако Князь Долгорукій и Голохвастовъ почли необходимымъ поддерживать непослуш-ныхъ воиновъ своихъ, и для того учинили сильную вылазку, какъ конницею такъ и пѣхотою. Высы-павъ изъ Конюшенныхъ воротъ, вылазка раздѣли-лась на два полка, изъ конхъ одинъ направился вправо, чрезъ огородъ по площаді нагорнаго пруда къ Служней слободѣ, а другой сперва пошелъ на Княжее Поле за Токарню и за Конюшенный дворъ,

а попомъ, повернувъ влѣво, переправился за Глиняный оврагъ и учинилъ нападеніе на батареи, устроенныя близъ сего оврага на Красной горѣ. Съ обѣихъ сторонъ сражались упорно, но осажденные были отбиты и не безъ урона возвратились въ Монастырь. Въ особенности подъ батареями много пало спрѣльцевъ, Козаковъ и поселятъ.

Хотя среди самой неудачи осажденные оказали блистательную храбрость, однако Сапѣга, поощренный полученною имъ поверхноспію, рѣшился, не упуская времени, сдѣлать поискъ на вышѣсненіе ихъ изъ Пивнаго двора. 23 Октября, въ восьмомъ часу вечера, вдругъ загремѣли всѣ батареи, и Поляки съ всѣхъ сторонъ съ воплемъ устремились къ стѣнамъ. Главныя же усилія ихъ были направлены на Пивной дворъ. Примешавъ къ оному бревна, дрова, хворостъ и смолу, смѣшанную съ берестюю и порохомъ, они зажгли всѣ сіи вещества въ надеждѣ огнемъ испребитъ тынъ, со-спавляющій главнѣйшее укрѣпленіе двора. Но самое возженное ими пламя, освѣпивъ ихъ полки, подвергло ихъ мѣлкимъ выстрѣламъ изъ пушекъ и пищадей осажденныхъ. Наступатели не выдержали спрѣльбы и отошли въ таборы свои, а осажденные спѣшили потушить пламя. Уронъ Поляковъ убитыми и ранеными былъ шѣмъ значительнѣе, что для развлеченія силъ Монастырскихъ они съ про-

нихъ споронъ подходили слишкомъ близко къ стѣнамъ, полагаясь на безопасность темной ночи. Но осажденные нашли способъ и шухъ освѣтивши ряды ихъ, спускаемыми съ башенъ огненными козлами и такимъ образомъ приобрѣли возможность вездѣ придать надлежащую мѣткость своей стрельбѣ.

Вскорѣ послѣ того осажденные въ свою очередь сжали помышлять о наступательномъ дѣйствіи, и благоразумно положили произвести оное на слабѣйшую часть непріятельской обложившей черты. Роммиспры Брушевскій и Сума, содержавшіе засѣлки у Мишупина оврага и на Княжеемъ Полѣ, находились болѣе всѣхъ прочихъ отрядовъ въ опдаленіи отъ таборовъ Сапѣги и Лисовскаго, и поному шрудно было имъ получить своевременно надлежащее подкрѣпленіе, а изъ сего слѣдовало, что нападеніе на нихъ представляло несомнѣнныя выгоды. 26 числа Князь Долгорукій и Голохвастовъ, отправивъ молебень въ соборъ, сдѣлали вылазку изъ Конюшенныхъ воротъ, въ Мишупинъ оврагъ, представляющій имъ удобность скрышнаго слѣдованія. Предпріятію ихъ способствовала безопасность Польскихъ Роммиспировъ, которые худо береглись. Брушевскаго рота, схваченная въ распlockъ, была разбѣяна и самъ Брушевскій попался въ плѣнъ. Попомъ Вое-

воды взошли на Княжее Поле, сбили рошу Сумы и впопшали ее въ Благовѣщенскій оврагъ. Сапѣга на-скоро выславъ на помощь разбитымъ людямъ своимъ нѣсколько конныхъ и пѣшихъ полковъ, приближеніе коихъ удержало Воеводу отъ дальнѣйшаго преслѣдованія бѣгущихъ, и осажденные возвратились въ Монастырь безъ малѣйшей потери.

Впрочемъ, частный успѣхъ сей ни сколько не улучшалъ положенія Монастырскихъ защитниковъ, а напротивъ того послѣдствіемъ онаго было большее спѣшеніе ихъ. Непріятель придвинулъ ближе къ спѣнамъ черпу обложенія и засѣлъ по ямамъ и по плопинамъ прудовымъ, возбраняя осажденнымъ черпать воду и выгонялъ скопъ свой на водопой. Но сіи трудности не столько еще тревожили Монастырскихъ начальниковъ, сколько показанія плѣннаго Ропмистра Брушевскаго, который на пыткѣ объявилъ, что осаждающіе почто ведутъ подконъ подъ спѣны, но что онъ не знаетъ въ какомъ мѣстѣ производится подземная работа.

Въ сей неизвѣстности должно было ежечасно ожидать гибели, казавшейся неизбежною, потому что невозможно было угадать, куда направитъ пропивождѣйствія, на отвораченіе угрожаемой опасности. Только одно существованіе подспупнаго

рва, выведеннаго непріятелемъ ошъ мельницы до
высопы насупровивъ Красныхъ вороштъ, подавало
нѣкошорый поводъ подозрѣвать, что изъ него
ведущая подкопы прошивъ восточной части огра-
ды. Сколь ни слаба была таковая данная, Архи-
мандритъ и Воеводы вынуждены были доволь-
ствоваться оною. Троицкій слуга, Власть Корса-
ковъ, искусный въ горокопномъ дѣлѣ, получилъ
ошъ нихъ приказаніе устроить частыя слуховые
колодцы подъ башнями и подъ нижними спѣн-
ными камерами, и вмѣстѣ съ пѣмъ выкопать
глубокій ровъ передъ спѣною на всемъ протяже-
ніи восточной спороны ограды. Непрѣпель,
усмотрѣвъ сію работу, вознамѣрился было пренятъ-
ствовашъ оной, но высланная имъ на копащелей
нѣхопа, пошеригла много ошъ пушечнаго и муш-
кетнаго огня, коему подверглась на близкое раз-
стояніе, и наконецъ была опрокинута воинами,
высѣлавшими изъ Монастыря.

Такъ какъ взятыя при семъ случаѣ въ пѣнѣ
Поляки единогласно подшверждали, что подкопы
ведущая, а на вопросъ въ какомъ мѣстѣ, ошзы-
вались невѣденіемъ, по рѣшено было сдѣлать
сильную вылазку въ направленіи подшупнаго рва.
Ноября 1-го, въ 9 часовъ утра, пѣшее и конное
войско выпустило изъ Монастыря и успремилось
на непрѣшеля, кошорый, ожидая нападенія сего,

изготовились къ отпору. Осажденные были совершенно разбиты и вогнаны въ Монастырь съ урономъ весьма чувствительнымъ въ разсужденіи ихъ малолюдства. Они потеряли 190 человекъ убитыми и ранеными и 7 плѣнныхъ.

Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ уныніе и страхъ распространились въ обители. Всѣ съ трепетомъ ожидали губительнаго взрыва, долженствующаго ихъ беззащитно передать въ руки враговъ. Одни Инокъ, воспламененные шеплою вѣрою, бодрствовали, и увѣщаніями своими укрѣпляя упавшихъ духомъ, успѣли убѣдить всѣхъ полагаться на помощь Божію, или готовиться къ принятію мученическаго вѣнца, уговоряемаго для пострадавшихъ за православіе.

Савѣга, дабы не дать опомниться осажденнымъ, въ слѣдующую же ночь приказалъ прикашнить ближе къ стѣнамъ отъ стороны подступнаго рва шуры и шарасы, подъ прикрытіемъ которыхъ онъ предполагалъ вести войско свое на новый приступъ. Употребленные на сію работу Поляки много потеряли отъ Монастырской стрѣльбы. Когда же разсвѣло, то осажденные выслали на вылазку конныхъ и пѣшихъ людей, которые ошогнали непріятелей и овладѣли шурами и шарасами ихъ. Нѣкоторые изъ сихъ орудій были сожжены на мѣстѣ, а другіе внесены въ Мона-

спырь. Другая вылазка, учиненная 4 Ноября, хотя въ меньшихъ силахъ, имѣла однако важныя послѣдствія. Нѣсколько пѣшихъ людей вышли изъ Монастыря къ нагорному пруду и направились къ подступному рву. Застѣвшіе въ ономъ Поляки и Русскіе буншовщики, выскочили имъ на встрѣчу. Прозошла довольно сильная схватка, на коей съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько убитыхъ и много раненыхъ. Но осажденнымъ посчастливилось взять въ плѣнъ одного Дѣдиловскаго Козака, который, изнемогая отъ полученныхъ имъ ранъ, горько раскаиваяся въ своей измѣнѣ, и успѣлъ еще передъ смертію объявить, что подкопъ ведется подъ Юговоспичную угольную башню. Сіе первое положительное показаніе побудило Воеводу укрѣпить угрожаемое мѣсто новою внутреннею оборонительною черпою. Для сего они приказали вывести позади угольной башни отъ Южной части ограды до Святыхъ воротъ, стѣну изъ насыпанныхъ землею шарасовъ, прикрыть ее частоколомъ и поставить на ней пушки.

Извѣстіе, данное Дѣдиловскимъ Козакомъ, подтвердилось еще выбѣжавшимъ въ слѣдующую ночь изъ непріятельскаго шабора Донскимъ Козакомъ Иваномъ Рязанцевымъ, который показалъ, что подкопъ подъ Юговоспичную башню уже готовъ и что непріятель намѣренъ начиняшь его поро-

хоть, 8-го Ноября. Осажденные положили съ общаго совѣта сдѣлать сильную вылазку, тогда какъ по расчету времени должно будетъ полагать, что порохъ уже внесенъ въ подкопъ, но что непріятель не успѣлъ еще зайти въ оный. Для лучшаго же удобства предполагаемой вылазки, повелѣно опкрыть поплаенные ворота изъ-подъ городской стѣны въ ровъ. Каменотѣццы опыскали и очистиши старый вылазъ, возлѣ сушильной башни, и придѣлали къ оному шрое желѣзныхъ дверей.

Уже шесшая недѣля наступала съ тѣхъ поръ, какъ обитель подвергнута была ежедневной стрѣльбѣ батарей непріятельскихъ, но никогда еще дѣйствіе оныхъ не оказывалось столь жестокимъ, какъ 8-го Ноября. Даже во внутренности Троицкаго собора нельзя было укрыться отъ ядеръ. Среди сего ужаснаго опустошенія, осажденные имѣли успѣшеніе сокрушить главное изъ непріятельскихъ орудій. На батарей, устроенной въ Терентьевской роуци, находилась огромная пушка, которую называли *трещерою* и которую вредила болѣе прочихъ. Воеводы приказали обратиться преимущественно на нея дѣйствіе стѣнныхъ орудій, что исполнилось успѣшно. Ударами, съ башни Водяныхъ воротъ испортиши ея заправ-

ку, а съ Красной башни и Святыхъ ворошъ разбили ся жерло.

Наконецъ насталъ день важныхъ подвиговъ для доблестныхъ защитниковъ Монастыря. Ноября 9, за три часа до разсвѣта, Воеводы, помолившись въ соборѣ, пришли къ пощаенному ходу, и приказали людямъ мало по малу выходитьъ въ ровъ и пшамъ скрываться до времени. Между пшѣмъ изъ Пивнаго двора вышли головы Иванъ Есиповъ, Сила Маринъ и Юрій Редриковъ съ своими сопнями и съ поселянами и засѣли на луковомъ огородѣ и на площинѣ Краснаго пруда; а съ другой стороны головы Иванъ Ходыревъ, Иванъ Болховскій, Борисъ Зубовъ и Аванасій Редриковъ, съ многими пшшими сопнями и со всею конницею выступили изъ Конюшенныхъ ворошъ. Троицкіе Монахи распредѣлены были по всѣмъ полкамъ для поощренія сражающихся, коимъ въ ясакъ дано было имя *Святаго Сергія*. Выступленію опрядовъ сихъ изъ Монастыря благопріятствовали густыя пшчи, затмевающія наступающій утренній свѣтъ. Но когда все уже готово было къ нападенію, по сильный вѣсперь разсвѣлъ облака и сдѣлалось ясно. Тогда ударили три раза въ осадные колокола и по сему условленному знаку православные выпязи спшшили на бой. Ходыревъ съ поварицами, обогнувъ Сѣверовосточный уголъ обшпели, съ воплемъ ударилъ на По-

ляковъ около Служней слободы, смаялъ и прогналъ ихъ за мельницу на лугъ. Въ то же время голова, Иванъ Внуковъ, выскочивъ изъ Монастырскаго рва съ залегшими въ ономъ людьми, усмиривъ себя отъ Святыхъ ворошъ къ подступному рву, выпѣснилъ опшуда враговъ и также сбилъ ихъ подъ гору на Нижній Монастырь и за мельницу. При семъ случаѣ опысканъ былъ входъ въ подкошъ. Двое Клементьевскихъ креспьянъ, Никонъ Шиловъ и Слопа, отважились спуститься въ оный и поджечь снесенный уже шуда порохъ. Къ сожалѣнію оба они не успѣли удалиться и жизнью заплатили за геройское самоотверженіе. Такъ какъ входъ въ подкошъ не былъ еще забитъ, то Монастырскія стѣны остались невредимы, а напропивъ шого разрушилась только вся подконная работа.

Между шѣмъ Есиповъ съ товарищами велъ жаркое дѣло на Московскои дорогѣ. Пройдя черезъ дышину Краснаго пруда, онъ смѣло, но безуцѣнно приступалъ къ непріятельской башарей на горѣ Волкушѣ. Самъ онъ былъ раненъ, а сотни его, отбитыя, опступили до Нижняго Монастыря къ отряду Внукова. Поляки и Русскіе измѣшники преслѣдовали ихъ, но были остановлены Внуковымъ, копорый отъ Нижняго Монастыря обратился на нихъ по площади и по берегу Круглаго пруда.

Непріятель не выдержалъ его нападѣнія и въ свою очередь, гонимый до Тереншьевской рощи и до горы Волкуши, потерпѣлъ великій уронъ. Особенно опшичался шущъ Данило Селевинъ, брагъ бѣжавшаго къ непріятелю Осипа Селевина. Не споритъ въ поношеній, коимъ подвергался за преступленіе его, охъ сказалъ предъ всѣми воинами; *хошу за измѣну брата своего животъ на смерть перемѣнити*, и съ пѣшею сѣпшею своею проникнувъ до колодца Св. Сергія, напалъ на споящихъ тамъ конныхъ Козаковъ измѣнническаго Апамана Чики. Селевинъ своеручно убилъ прехъ Козаковъ, а хопя чешвершый и нанесъ ему самому смертельную рану копьемъ въ грудь, но онъ и его изрубилъ саблею. Мужественному Внукову также суждено было положить живошъ свой за отечество. Когда, по опшѣсеніи враговъ, онъ воропился на Нижній Монастырь, по измѣнническіе Козаки снова подступили подъ оный, и Чика выпрѣломъ изъ самопала убилъ Внукова.

Царскіе Воеводъ, видѣвъ что испребленіемъ подкопа уже достигнутъ предполагаемый предметъ вылазки, а драгоценная кровь храбрыхъ защитниковъ обилези еще проливается безъ видимой цѣли, послали всѣмъ повсѣтніе прекратитъ бившу и возвратитъ въ Монастырь. Но не легко было уговоритъ къ опшупленію разъяренныхъ воиновъ;

многіе изъ нихъ даже вовсе не послушались и продолжали сражаться близъ Московской дороги. Въ особенности Иноки, исполненные воинственнаго духа, возженнаго въ нихъ пламеннымъ усердіемъ къ православію, отвергали предлагаемое имъ усно-косніе и подвизались на новыя опасности. Нѣко-торые изъ нихъ, прийдя на Пивной дворъ къ начальствующему тамъ Чашнину, спарцу Нифонпу Зміеву, предложили ему учинить поискъ на не-пріятельскія бапарен, на Красной горѣ устроеныя. Нифонтъ одобрилъ предпріятіе сіе въ особен-ности потому, что непріятель, обративъ усилія свои главнѣйше къ Треншевской роцѣ и къ горѣ Волкушѣ, казалось, не ожидалъ нападенія на Кра-сную гору. Чашникъ, взявъ съ собою 200 воиновъ и 30 Монаховъ, вышелъ изъ Пивнаго двора, пере-правился за ручей и устремился на бапарен. Когда же съ Монашырскихъ спѣвъ увидѣли горспѣ свя-щенныхъ выпазей, безстрашно наступающихъ, то многіе изъ находящихся въ обители ратныхъ людей, увлекаясь великодушнымъ соревнованіемъ, бросились къ Конюшеннымъ воропамъ для под-держанія сражающихся. Напрасно Воевода Голо-хвасповъ хошѣлъ противиться сему, по его мнѣнію, безразсудному стремленію, и приказалъ спражи, у ворошѣ находящейся, никого не выпускать изъ обители. Но его не послушались, ошогнали стражу,

сшворили ворота и конные и пѣшіе солдаты поспѣшными на Красную гору на помощь поймавъ, вышедшимъ изъ Пивнаго двора, коихъ первое покушеніе овладѣть башарями было безуспѣшно. Принятые пушечными и ружейными выстрѣлами съ башарей, они были отбиты и отступили къ Пивному двору. Когда же соединились съ ними многочисленныя Монастырскіе охотники, по вѣвѣ спѣшнѣ снова взошли на гору съ рѣшительнымъ намѣреніемъ приступить къ башарямъ. Но пушкѣ подверглись они губительному перекрестному огню съ непріятельскихъ башарей, изъ коихъ усносная на горѣ Волкушѣ, дѣйствовала имъ во флангъ, а та, которая находилась на Тереншевской рощѣ, поражала даже ихъ въ тылъ. Въ семъ опасномъ положеніи, не смотря на храбрость свою, имъ невозможно было сохранить должнаго устройства. Поляки и Русскіе изменники, пользуясь ихъ замѣшательствомъ, вышли изъ-за башарей Красной горы и погнали ихъ подъ гору, но сами, оспавленные выстрѣлами съ Монастырскихъ спѣшнѣ, возвратились на башарей, гдѣ загремѣла музыка въ ознаменованіе побѣды, по мнѣнію ихъ несомнѣнной, ибо они отнюдь не полагали, чтобы осажденные, послѣ яростнѣйшаго ими пораженія, осмѣлились еще помышлять о возобновленіи своихъ усилій. Радость ихъ была преждевременна. Троицкіе воины

не уняли духомъ и нисколько не намѣрены были отказаться отъ своего предпріятія. Но наученные опытомъ, они убѣдились, что невозможно имъ было овладѣть батареями съ лица и потому положили захватить оныя съ тыла. Искусно пользуясь мѣстностію, они всѣ скрытно потянулись подъ горою вправо, и зашли въ оврагахъ Глиняномъ, Косомъ и Благовѣщенскомъ. Когда такимъ образомъ успѣли они обойти батареи, то отважнѣйшіе изъ нихъ, Иванъ Ходыревъ и Ананій Селевинъ съ малочисленною конною дружиною, выскочили изъ Косаго оврага и помчались полемъ въ тылъ девятой батареи, на лѣвой оконечности непріятельской паралели находящейся. Туда же за ними послѣдовала и прочая конница и пѣхота, скрывавшаяся въ оврагахъ. Изумленный непріятель оставилъ батарею и побѣжалъ къ восьмой и седьмой, изъ которыхъ также былъ поспешенно вытѣсненъ безъ большаго затрудненія. Но овладѣніе остальныхъ двухъ батарей, на Красной горѣ, потребовало большихъ усилій со стороны Троицкаго войска. Сапѣга успѣлъ привести значительное подкрѣпленіе къ своимъ людямъ. Поляки и измѣнническіе Козаки ободрились и стали сражаться упорно, но наконецъ не могли отстоять шеспой и пятой батареи, и рѣшишельно отступили въ шатеры свои. Такимъ образомъ, послѣ битвы,

продолжавшейся отъ ранняго утра до самаго вечера, блистательная побѣда увѣнчала труды незабвенныхъ Монастырскихъ воиновъ. Они взяли и везли въ обитель восемь пушекъ, множество разнаго рода оружія, нѣкоторое количество ядеръ и нѣсколько боекъ цороха. Башарен на Красной горѣ были сожжены. Сапѣга потерялъ множество людей. Осажденные, обзрѣвая одержанное ими мѣсто сраженія, насчитали до 1,500 непріятельскихъ шруновъ, около прудовъ Конюшеннаго, Круглаго, Келарскаго и Клементьевскаго, у приступнаго рва, прошивъ Святыхъ ворогъ, близъ мельницы и церкви Нижняго Монастыря и на параллели и башаряхъ Красной горы. Кроме того у непріятелей выбыло изъ строю нѣсколько пѣхотныхъ и до 500 раненыхъ. Впрочемъ побѣда дорого стоила и осажденнымъ. Уронъ ихъ хотя далеко не доходилъ до непріятельскаго, не менѣе того былъ имъ весьма чувствителенъ въ разсужденіи ихъ маломодства. У нихъ убитыхъ было 174, да раненыхъ 66 человекъ. Архимандритъ и Воеводы послали къ Царю въ Москву сына Боярскаго, Скоробогатова, съ доносеніемъ о семъ славномъ дѣлѣ, отъ коего ожидали важнаго облегченія для осажденныхъ.

Дѣйствительно Сапѣга уже не помышлялъ о возстановленіи разрушенныхъ башарей и подступу-

повъ. Наспупающая зима не позволяла ему заниматьса осадными работами, и онъ вынужденнымъ нашелся довольствоваться пѣснымъ облежаніемъ обители. Однако прежде, чѣмъ оставить еще занимаемыя имъ бапарси, онъ хотѣлъ попытаться выместить на осажденныхъ за понесенное отъ нихъ поражение. Устроивъ засады у Рыбныхъ садовъ, въ Сазоновъ и Мишупинъ оврагахъ, онъ выслалъ къ стѣнамъ малый отрядъ, дабы выманить вылазку. Дѣйствительно осажденные вышли изъ Монастыря и погнались за непріятельскимъ отрядомъ, который, умышленно отступая, навелъ ихъ на засады. Къ счастью спорожа, посланные на колокольнѣ, въ-время усмотрѣли кроющихся въ оврагахъ людей. Тотъ часъ же осадный колоколъ подалъ вылазкѣ знакъ къ немедленному отступленію. Непріятель, обмануемый въ надеждѣ своей окружить Троицкихъ воиновъ, преслѣдовалъ ихъ живо и приперъ ихъ къ стѣнамъ, но самъ неоспорочно приближившись къ онымъ, подвергся сильному огню изъ стѣнныхъ бойницъ и спѣшилъ удалиться. Послѣ сего неудачнаго покушенія, Сапѣга не медлилъ болѣе превратить осаду въ простое облежаніе.

Въ то время, какъ такимъ образомъ горѣшь върою вдохновенныхъ воиновъ, крѣпко отспанивала швердышко, въвѣренную ея охраненію, прошивъ

многочисленнаго войска Сапѣги, отряды, посылаемые снмъ Польскимъ вождемъ на поискъ въ разныя направленія, не встрѣчали должнаго сопротивленія. Почти вездѣ измена или малодушіе споспѣшествовали ихъ дѣйствіямъ. Первымъ городомъ, покорившимся непріятелю, былъ Суздаль. Находящіеся тамъ ратные люди хотѣли было Никовская
Лѣтопись. защищаться и снами изготовлялись къ выдержанію осады, но обывателей смущилъ злодѣй Меншикъ Шиловъ; по наущенію его, они цѣловали крестъ Самозванцу съ соизволенія самаго Архіепископа ихъ Галактіона, въ семъ случаѣ опустившаго отъ швердоспи, оказываемой вездѣ Русскимъ духовенствомъ. Преступнымъ подобострашіемъ своимъ онъ не успѣлъ однако угодить врагамъ опечества; сверженный ими съ священной Паллицы. пельскаго престола, онъ скончался въ изгнаніи. Сапѣга прислалъ въ Суздаль на воеводство Осдора Плещева. Во Владимірѣ Царскимъ Воеводою былъ Никовская
Лѣтопись. Окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ, котораго по семейнымъ связямъ своимъ; казалося, не могъ не быть упорнѣйшимъ противникомъ Самозванца. Подъ Кромами, во время измѣны Басманова и цѣлаго войска, онъ вмѣстѣ съ Княземъ Теляшевскимъ оказалъ притѣрную вѣрность, за что оба поспрадали при Ошрепсѣвѣ. Но въ немъ, какъ же какъ и въ Теляшевскомъ, чувство долга не имѣло

твердаго основанія. Оба испощили въ одномъ похвальномъ дѣйствіи всю возможную для нихъ стойкость. Мы видѣли уже, что Теляшевскій, послѣ убіенія Отрепьева, согласился сдѣлаться злѣйшимъ сообщникомъ гнуснаго Шаховскаго. Годуновъ также при первомъ случаѣ оказался вѣроломнымъ. Устрашенный быстрымъ распространеніемъ измѣны, онъ не послушался Царскаго

Розряды. Указа, повелѣвающаго ему ѣхать на воеводство въ Нижній, а оспался во Владимірѣ, косяго жишелей привелъ къ присягѣ Тушинскому Вору.

Непріятель дѣйствовалъ столь же удачно и въ другую сторону. Сапѣга отрядилъ подъ Пере-

Беръ и Дневникъ Сапѣги.

славль служившаго при немъ Испанца, Дона Жуана Крузашпи, съ нѣсколькими Поляками и семью сотнями Козаковъ. Переславцы не только не оборонялись, но даже въ соединеніи съ Крузашпи пошли подъ Росповъ. Начальствующій въ семъ городѣ Князь Третьякъ Сеишовъ, узнавъ 11 Октября о приближеніи враговъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, въ намѣреніи не допустить ихъ до города. Но Козаки разбили его и впопыхали въ городъ. Устрашенные Росповцы хопя еще и защищались, но недружно и безъ должнаго устрой-

Никоновская Автопись.

ства. Многіе изъ нихъ побѣжали въ Ярославль и звали съ собою Митрополита Филарета. Свяшитель ошвѣчалъ, что дорожишь не столько

жизнію, сколько исполняемъ священной обязанности, не покидать паспвы своей въ году опасности.. Между тѣмъ непріятель ворвался въ городъ, безпощадно предавая все огню и мечу. Бѣгущіе граждане искали убѣжища въ соборной церкви, гдѣ нашли Митрополита въ полномъ облаченіи, который и среди окружающихъ его ужасовъ не перялъ бодрости, и увѣщевалъ ихъ не предаваться злодѣямъ. Слова его имѣли такое сильное дѣйствіе, что все положили обороняться въ церкви, приготовясь причастіемъ Святыхъ Таинъ къ мученической смерти. Переславцы, оказывавшіе всевозможное ожесточеніе пропавшимъ несчастныхъ сосѣдей своихъ, сильно приступили къ собору и наконецъ успѣли выбить двери онаго. Тогда Митрополитъ, убѣдясь въ совершенной невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, вышелъ къ нимъ съ хлѣбомъ и солью, и умолялъ ихъ о помилованіи несчастныхъ единокровныхъ своихъ. Но Переславцы, въ неистовомъ изступленіи, потерявъ всякое уваженіе къ святымъ, не преставали свирѣпствовать въ самомъ храмѣ. Вѣрные защитники онаго были побиты и церковныя сокровища расхищены. Не уцѣлѣла и богатая рака Свяаго Леонтія. Переславцы, пресытившись злодѣяніями, возвратились въ свои дома, оставя Россіовъ выжженнымъ, разграбленнымъ и заваленнымъ

Дневникъ
Салтыгъ.

двумя тысячами шруповъ его обывашелей. Митрополита Филарета отправилъ въ Тушинскій лагерь босаго, въ Польскомъ худомъ плащѣ и въ Татарской шапкѣ. Но Самозванецъ принялъ его съ большою честью, какъ близняго сродника мнимаго брата его, Царя Федора Ивановича. Онъ даже объявилъ его Московскимъ Патриархомъ; однакожъ, зная его непреклонную добродѣтель, держалъ подъ строгимъ присмотромъ. Изъ добычи Ростовской Сапѣга прислалъ Маринѣ образъ Св. Леонтія, снятый съ гроба сего угодника, весь изъ чистаго золота, вѣсомъ въ пять пудъ. Образъ сей цѣвилъ въ 50,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Сапѣга назначилъ Воеводою въ Ростовъ Машвѣя Плещева.

Гибель Ростова печально опразилась не только на ближніе, но даже на Заволжскіе города. Изъ Ярославля именистѣйшіе граждане выбѣжали, покинувъ дома свои. Тамошній Воевода, Князь Федоръ Борятинскій и оставшаяся чернь, спѣшивши цѣловать крестъ Самозванцу, подъ условіемъ не подвергать обывашелей никакому грабжу и насилію. Впрочемъ Ярославцы не отказались служить Вору, какъ лично, такъ и имуществомъ своимъ. Они обязались снарядить тысячу всадниковъ и выставить значительное количество съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ того они собрали и послали въ

Палицынъ.

Дневникъ Сапѣги.

Отписка Устюжанъ къ Вычегодинцямъ отъ 27 Ноября 1608.

Верь.

Тушино 30,000 рублей (100,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Но всѣ сіи пожертвованія не защитили ихъ отъ наглости присланныхъ къ нимъ Поляковъ, которые вопреки давнаго обѣщанія, оскорбляли и били жителей, грабили лавки и безденежно брали все, что хотѣли.

Романовскіе Татары поддались Самозванцу безъ сопротивленія, а также и Рыбна, Молога, Угличъ, Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ, Городецъ, Устюжна-Желъзопольская, Бѣлогерскъ, Чаронда, Пошехонье, Кострома и Галичъ съ его пригородами. Даже не нужно было мясешникамъ разсылать опряды для покоренія дальнихъ мѣстъ. Города повиновались однимъ грамошамъ. Такъ на примѣръ присягнули Самозванцу Вологда съ Воеводою своимъ Никитіею Пушкинымъ по опшискъ Ярославскаго Воеводы Князя Борятинскаго, а въ Тотьмѣ, Кузьма Даниловичъ Спрогановъ, со всеми жителями, по опшискъ Вологодскаго Воеводы Пушкина. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ содержались много Польскихъ пѣвчихъ и Государственныхъ узниковъ. Всѣхъ ихъ освободили и между прочими выпустили изъ Каменной пущыни и извѣснаго злодѣя, Князя Шаховскаго, который спѣшилъ въ Тушино, гдѣ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ тамошняго Вора.

Весьма замѣчательно, что, не смотря на неурядица и многочисленныя оплошности городовъ,

Отписка Князя Шуйскаго Скопина въ разныя города въ Декабрь 1608. Отписка Федора Палицына къ Устюжанамъ въ Мартъ 1609.

Дневникъ Сапѣги.

Самозванцева спорона находила мало истинных приверженцевъ въ заволжскихъ областяхъ. Тамошній народъ еще не заразился духомъ буйства и безчинства въ Южной полосѣ Россіи, споль сильно развившимся, и нѣсколько держался Русской старинны, а потому не безъ внутренняго омерзения смотрѣлъ на союзъ съ Иновѣрными Иноплеменниками. Къ тому же путь крестьяне не имѣли повода много жалѣть о утраченномъ правѣ перехода, ибо нѣтъ сомнѣнія, что они по причинѣ малопродуктивной почвы обитавшей ими земли и тогда жили, какъ теперь живутъ, на оброкъ, то есть на всей волѣ своей, подъ покровительствомъ господъ, и слѣдственно дѣйствіе помѣщичьей власти являлось для нихъ шолько съ благошворной спороны.

Со всѣмъ тѣмъ, если въ Заволжскихъ жителяхъ не было влечения къ Самозванцу, то также не было и пламеннаго усердія къ установленному правительству. Прилагая главнѣйшее попеченіе о сохраненіи личныхъ вещественныхъ выгодъ своихъ, они даже и вѣрность основывали на расчетѣ, а не на побужденіяхъ истиннаго долга. Сія расположенія въ особенности ясно обнаружилась въ совѣщаніяхъ города Устюга Великаго съ городомъ Соль-Вычегодскимъ. Вологодскій Воевода Пушкинъ, продолжая выказывать усердіе свое къ Самозванцу,

Отписка
Устюжанъ къ
Вычегодцамъ

грамотами своими требовалъ подданства ему и отъ 30 Нояб-
ря 1608.
оптъ сихъ городовъ. Но Устюжане сами не при-
стали къ измѣнѣ и увѣщевали также Вычегодцевъ
не торопиться присягою Лжедимирию, представ-
ляя имъ, что еще нельзя угадать, на которой
сторонѣ останется перевѣсъ, что по опдаленно-
сти ихъ обоихъ городовъ, они всегда успѣютъ по
собственному побужденію послать съ повинною
къ Самозванцу, а что если имъ шеперь покорится,
то шѣмъ выслужится у Вора одинъ Вологод-
скій Воевода Пушкинъ. Вычегодцы приняли совѣтъ
своихъ сосѣдей и оба города остались вѣрными
Царю, въ слѣдствіе осторожнаго, но безнравствен-
наго расчета.

На правой сторонѣ Волги являлось болѣе шеп-
лыхъ сподвижниковъ Самозванцу. Вся Мордва и
Нагорная Черемиса возмутились въ пользу Лже-
димирия, коему покорились города Чебоксары, Никонская
Лытопись и
отписка Ни-
Цивильскъ, Алатырь, Арзамасъ, Балахна, Юрьевоцъ-
жегород-
скихъ Вое-
водъ въ Пермь
Великую въ
Январь 1609.
Новольскій, Лухъ, Шуя и Муромъ и даже самъ
Царь Касимовскій съ своимъ городомъ.

Подъ Москвою ничего важнаго не происходило.
Царь, не желая бесполезно изнурять рапныхъ лю-
дей дальнѣйшимъ стояніемъ въ лагерь въ зимнее
время, приказалъ, 6 Декабря, развѣстить ихъ по
домамъ деревяннаго города, оставя только оптъ
своего полка заспаву на Ваганьковъ. Войска распо-

Розряды.

ложились до весны слѣдующимъ образомъ: у Печеровскихъ воровъ Бояринъ Князь Воробинскій съ передовымъ полкомъ; у Тверскихъ Бояринъ Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій съ Большимъ полкомъ; у Никитскихъ Бояринъ Князь Мстиславскій съ Государевымъ полкомъ; у Арбатскихъ Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій съ Спорожевымъ полкомъ; у Чершольскихъ опрядъ Боярина Князя Василья Васильевича Голицына; у Калужскихъ опрядъ Боярина Князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго; у Серпуховскихъ опрядъ Василья Ивановича Бушурлина; за Язуою опрядъ Князя Григорія Федоровича Хвороспниина; у Покровскихъ воровъ опрядъ Боярина Князя Ивана Семеновича Куракина; у Фроловскихъ опрядъ Боярина Князя Лыкова и наконецъ у Спрѣшенскихъ опрядъ Боярина Князя Андрея Васильевича Голицына.

Самозванецъ видя, что вся Россія постепенно покоряется ему, надѣясь безъ большихъ усилій одолѣть Царя и вынудить къ сдачѣ столицу чувствомъ ея одиночества, среди измѣны преданнаго Государства. Только со стороны Новгорода Тушинскій Воръ предусматривалъ еще для себя нѣкоторую опасность, и потому рѣшился стараться занятіемъ сего города отвратить послѣднюю грозу и разсѣять собирающееся шамъ войско прежде, чѣмъ Князь Скопинъ успеетъ привесъ

ное въ доспашочное число и надлежащее успрошство. Исполненіе сего намѣренія было поручено Самозванцемъ Польскому Полковнику Кернозицкому, ошраженному изъ Тушина съ 2,000 Поляковъ и Видскиндъ. 4,000 Русскихъ измѣнниковъ.

Слѣдуя къ Новгороду, Кернозицкій мимоходомъ занялъ Тверь и Торжокъ. Мужеспвенный Архіепископъ Тверскій Теофаниспъ не имѣлъ возможно-сти въ другой разъ спасши опъ измѣнниковъ спольный градъ свой. Непрїятели схвашли его, позорили и опослали въ Тушино. Въ послѣдшви онъ бѣжалъ изъ вражескаго спана, въ намѣреніи Никомовская
Лѣтопись. пробраться въ Москву, но его догнали на дорогѣ и безчеловѣчно умершвили.

Въ началѣ Декабря Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ извѣспяся, что Кернозицкій приближается къ Новгороду, положилъ на мѣрѣ, выслалъ сильный опрядъ въ Бронницы для недопущенія его къ переправѣ черезъ Мспу. Окольничій Михайло Игнашьевичъ Тапищевъ самъ вызвался предводипельспивать симъ опрядомъ. Скопинъ, похваляя его за усердіе, велѣлъ ему гошповишься къ походу, но въ то же время нѣкопорые Новгородцы явились къ Князю съ доносомъ на Тапищева, на коего взводили, будто бы онъ просишся на Бронницы шолько для того, чтобы измѣнишь Царю и способшвовать непрїателю къ завладѣнію

Новгородомъ. Въ такое смутное время Князь не отважился самъ разсудить важнаго дѣла. Онъ собралъ всѣхъ рапныхъ людей, призвалъ Тапищева и объявилъ всенародно о сдѣланномъ на него извѣстїи. Войны спрaшно взволновались и безъ всякаго разспроса, не требуя ни доказательствъ пресуппленія, ни оправданія обвиненнаго, бросились на Тапищева и умертвили его. Князю Михайлу Васильевичу оставалось только оплакивать неосторожность, съ кою онъ подвергнулъ участію знатнаго чиновника безмысленному суду скопича, спрaстями обуреваемаго. По крайней мѣрѣ онъ велѣлъ схоронить честно Тапищева въ Антоніевскомъ Монастырѣ.

Слѣдствіемъ сего горестнаго происшествія было, что многіе дворяне, не видя надежнаго обезпеченія личной безопасности своей противъ самовольства воиновъ, оставили Новгородъ и искали убѣжища въ селѣ Кернозицкаго. Къ влaдшему несчастію, происшедшая смута оставовила попытку отряда въ Бронницы, и Кернозицкій, безпрестанно подступившій подъ Новгородъ, спалъ у Хушынскаго Монастыря, сжегъ городъ и разорялъ окрестности.

Скопичъ находился въ большомъ недоумѣніи. Если опасно было терять непріятеля въ такомъ близкомъ разстояніи отъ города, наполненнаго

сиропшивою чернью, съ другой стороны не менѣе неважнымъ казалось Князю иппи на Кернозицкаго съ войскомъ, еще малочисленнымъ и непослушливымъ. Но неожиданная помощь скоро прекратила заботу славнаго вождя. Въ вѣковыхъ лѣсахъ Обонежской пачины жили люди простоправные, непричастные смущамъ, распространеннымъ зависливыми спрасями почти по всей Россіи. Когда дошелъ до нихъ слухъ о угрожающей опасности древнему дому Св. Софін, то они поднялись на выручку онаго. Но не смотря на усердіе ихъ, земля ихъ, хоня обширная, но малонаселенная, не въ состояніи была выслать значительнаго войска. Степанъ Горихвостовъ успѣлъ однако собрать въ Тихвинѣ до 1,000 человекъ, съ коими онъ выступилъ къ Новгороду. За нимъ слѣдовалъ Евсей Резановъ съ другимъ отрядомъ, составленнымъ изъ людей Заонежскихъ погосповъ. Когда Горихвостовъ достигнулъ Грузина, то непріятель успѣлъ схватить нѣсколькихъ людей, неосторожно ошдѣлившихся отъ его отряда. Пачинные сін, посланные къ Кернозицкому, были имъ допрашиваемы о числѣвѣ подступающаго войска. Но они все были необразованные поселане, которымъ самимъ мало случалось видѣть въ сборѣ сколько людей, сколько было при Горихвостовѣ, и попому они съ-проса и безъ всякаго умысла показали, что

въ Грузинѣхъ находится множеству вонноу, за которыми идетъ еще большая сила. Кернозицкій, введенный въ заблужденіе ихъ увѣреніемъ, не посмѣлъ осназавшись подѣ Новгородомъ. Онъ посмѣлъ опускнуться за Мсту, а потомъ переправился черезъ Ловать и занялъ Старую-Русу.

Впрочемъ освобожденіе Новгорода почти не измѣнило печальнаго положенія дѣлъ въ Россіи. Спокойствіе еще за Царя города Москва, Коломна, Переславль-Рязанскій, Казань, Нижній, Смоленскъ и Новгородъ и геройская обитель Троицко-Сергіева представлялись какъ лучезарныя, но малочисленныя Оазы, среди мрачнаго господства мятежа, распространявшагося на все Государство, кромѣ ледовитыхъ оконечностей онаго. Правда, вѣрные города оплечались опѣ прочихъ богатствомъ и многолюдствомъ, и потому не нуждались еще въ военныхъ средствахъ, но разобщенныя силы ихъ не могли дѣйствовать въ совокупности, необходимой для успѣха, и слѣдственно можно было предвидѣть постепенное паденіе самихъ послѣднихъ оплотовъ, а вмѣстѣ съ нѣмъ и конечное шоржество разрушителей общественнаго устройсва въ Россіи.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Часть II.

13

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

(1608—1609).

Среди печальныхъ событій, повергшихъ Россію во время царствованія Шуйскаго въ снопъ несчастное положеніе, надежда на избавленіе отечества болѣе и болѣе исчезала, въ особенности потому, что самыя преиспѣваемыя бѣдствія, поражающія и обезснѣвая умы, направляли ихъ шо къ злодѣйству, шо къ малодушію. Нигдѣ не раздавался болѣе опголосокъ чести и обязанности! Въ самой Москвѣ, до шѣхъ поръ еще пребывавшей въ повиновеніи, послѣднія опрасли распроспраняли раз-

врагъ даже въ рядахъ шѣхъ изъ защитниковъ прешола, кои по званію своему должны были менѣе прочихъ колебаться въ вѣрности своей. Во всѣхъ почши сословіяхъ нравственные понятія до того исказились, что присяга почипалась нусшымъ обрядомъ. Всѣ, болѣе или менѣе, дѣйствовали по одному только низкому расчету, и самыя даже преступныя связи съ измѣнниками казались одною только дозволенною осторожностію. Изъ знатнѣйшихъ семействъ нѣкоторые опъѣзжали въ

Палаты. Тушино къ Самозванцу, по тайному соглашенію съ своими родствениками, еще оспававшимися при Царѣ, дабы во всякомъ случаѣ имѣть вездѣ заступниковъ, и такимъ образомъ обезопасить родъ свой, какая бы сторона не воспоржествовала. Другіе слуги Царскіе, къ вѣщему соблазну, пакъ сказать, открыто торговали своимъ вѣроломствомъ, и часто переѣзжали изъ Москвы въ Тушино и обратно, для полученія жалованья по опъ Царя, по опъ Вора. Лѣтописецъ называетъ сихъ беспыдцевъ *Перелетали* и увѣряетъ, что многіе изъ нихъ до десяти разъ перебѣгали опъ одной стороны къ другой. Имъ нигдѣ не довѣряли, но они вездѣ были принимаемы благосклонно, ибо строгость казалась неумѣспною, и каждый надѣялся поощреніемъ побѣговъ ослабить своего врага. Корыстолюбіе жителей столицы побуждало ихъ еще

въ другимъ пресшупленіямъ. Хотя Тушинокій спанъ упоалъ въ изобиліи съвспныхъ припасовъ, но въ немъ нуждались въ соли и въ лекарственныхъ земляхъ. И шо и другое было шуда шайно доставляемо изъ Москвы, съ большою выгодною для занимающихся симъ промысломъ, кошорый оказывался дѣлмъ болѣе вреднымъ, что вскорѣ и самое оружіе такимъ же непозволишельнымъ путемъ отпралялось изъ столицы въ Тушино. Зло споль глубоко вкоренилось во всѣ сердца, что благонамѣренные люди, гнушавшіеся измѣною и доводившіе до Царя замыслы предательей, вооружали противъ себя общее мнѣніе, и ихъ порочили, называя клеветниками и наушниками.

Впрочемъ Царь Василій не измѣнялъ самъ себя. Окруженный Вельможами вѣроломными, чиновниками безусердными и чернью спропшивою, онъ бодрствовалъ и удерживалъ въ повиновеніи столицу при содѣйствіи какъ Украинскихъ помѣщиковъ, коихъ преданность къ нему основана была на личныхъ выгодахъ, такъ и высшего духовенства, единственнаго сословія въ Россіи, непричастнаго беззаконію и не совращавшагося со спези долга и правды. До шоль усилія Царя были не безуспѣшны, и Москва, ошовсюду спѣсняемая, еще безсмушно переносила всѣ неудобства, сопряженныя съ присущимъ ей неприятели подъ ея спѣнами.

Но Василий предусматривалъ, что эта притворная покорность не могла быть продолжительною, что возрастающія бѣдствія должны наконецъ сокрушить власъ его, и видѣлъ, что въ такихъ обстоятельствахъ одна внѣшняя помощь оставалась для его спасенія. Всѣ помысленія его обратились къ сему предмету. Начавши сношенія Князя Скопина съ Шведами поддерживали въ немъ надежду; но онъ желалъ на выручку столицы подвинутьъ сколько можно болѣе войска, и не довольствуясь собирающимися въ Новгородъ отрядами, предпринялъ Боярину Шенну снарядить новую рать

Царская Грамота въ Устюжу-Желзопольскую изъ стана на Волоцкой дорогѣ, отъ 23 Декабря 1608.

въ Смоленскъ, а Боярину Шереметеву приказалъ итти также къ Москвѣ съ Низовою силою, копоря стоить бесполезно стояла подъ Асирханью на Бальчикѣ. Царь рассчитывалъ, что если бы удалось всѣмъ симъ войскамъ соединиться, то составилось бы довольно значительное ополченіе. Кроме того неблагоразуміе Польскихъ и Русскихъ сподвижниковъ Самозванца роповило уже на помощь Василью неожиданныхъ ратниковъ.

Мятежники, на мѣсто того, чтобы добрымъ обхожденіемъ спараться привлечь къ себѣ жителей, занимаемыхъ ими Замосковныхъ городовъ и областей, обращались съ ними жестово, и искали только наживы и удовольшенія грустившихъ крѣпостей. Самозванецъ, всею обязанный Полякамъ,

не смѣлъ ни въ чемъ имъ прошиворѣчь. Значительнѣйшіе изъ нихъ, къ крайней досадѣ и угнетѣнію Русскихъ, выпросили себѣ въ собственность разные города; такъ напримѣръ Топыма и Чаронда опда-
ны были Заруцкому. Паны, для завѣдыванія пожалованными мѣстами, посылали своихъ людей, которые своевольничали, обирали обывателей и опнимали красивыхъ женъ и дочерей у мужей и отцовъ. Сими нестерпимыми обидами неограничивались бѣдствія мирныхъ жителей. Польскіе Пахалики полками выходили изъ Тушинскаго спана, подъ предлогомъ опысканія живности, и собираясь въ шайки, усиленные множествомъ приспававшихъ къ нимъ Русскихъ злодѣевъ, чинили ужаснѣйшіе разбои по селамъ и деревнямъ. Безуміе измѣнниковъ равнялось только ихъ ожесточенію. Раболѣпствуя Полякамъ, они безропотно подвергались трудамъ и опасностямъ для сбереженія иноземныхъ союзниковъ своихъ. Часо сражаясь одни, они однакожъ лучшую часть добычи уступали Полякамъ, которые только издали смотрѣли на ихъ битву. Впрочемъ Поляки довольствовались грабежемъ и насилуваніемъ женщинъ. Доспававшіеся имъ плѣнные получали отъ нихъ помилованіе, къ крайней досадѣ Русскихъ кровопийцъ, которые, осмѣивая таковое милосердіе, называли ихъ бабами, а сами пресыщались исплазатіями несчастныхъ, попадавшихся къ нимъ въ

Отписка Устюжанъ къ Вычегодцамъ отъ 27 Ноября 1608.

Дневникъ Марины и Палицынъ.

руки. Разнообразность мучительская была для них забавою. Они попили, распрыскивали, мешали со снѣгомъ, разсѣкали по сосискамъ, сажали на колы. Нерѣдко также, въ утонченной люлости своей, они въ глазахъ родителей, жгли дѣтей, разбивали имъ головы и носили ихъ, воцкнувъ на копья и сабли. Изверги испребляли все, чего унести не могли. Такимъ образомъ они бросали въ воду или вшапывали въ грязь ненужные имъ жизненные припасы, а домашнія пошребности кололи на мелкіе куски. Самое уваженіе къ святынямъ не могло сохраниться въ безбожныхъ сердцахъ. Они въ алтаряхъ кормили псовъ и лошадей, церковную ушварь употребляли позорно, пьянствовали изъ сосудовъ, ризами и воздухами украшали не только себя, но и живописныхъ своихъ, и на иконахъ играли въ зерно. Священники были въ особенноти предметомъ ихъ поруганій. Они заставляли ихъ молоть хлѣбъ, рубить дрова и прислуживать сопутствующимъ имъ блудницамъ. На всемъ обширномъ пространствѣ, подвергшемся ихъ оупошительнымъ набѣгамъ, груды пепла означали мѣста, гдѣ были усадьбы, а дороги, заваленныя шрупами, сдѣлались сборищемъ хищныхъ птицъ и плошодныхъ звѣрей. Самозванецъ, чувствуя сколь шаковыя нешповства вредили ему въ общемъ мнѣннн, разослалъ всѣмъ Восводамъ своимъ настоя-

цельныя приказанія ловишь и сирого наказывашь
разорицелей, но злодѣи находили безовѣстныхъ
покровицелей въ Польскихъ вождахъ. Самъ Сапѣга
не успѣдился ходатайствовать за схваченнаго во
Владимірскомъ уздѣ Наливайку, который своеручно
предалъ мучительной смерти 93-хъ несчастныхъ
обоюго пола. Правда Самозванецъ отказалъ Сапѣгу
и Наливайка былъ повѣшенъ во Владимирѣ, но при-
мѣръ сей мало подѣйствовалъ на прочихъ Поляковъ
и на Козаковъ, которые, увлекаясь корышполюби-
емъ и своевольствомъ, не преспавали разбойничать.

Отписка Вла-
димірскаго
Воеводы
Вельямина
къ Сапѣгу,
отъ Декабря
1608; письма
Самозванца
къ Сапѣгу
отъ 7 Января
1609 и от-
писка Сапѣ-
ги Вельями-
нову того же
мѣсяца и го-
да.

Замосковные люди, поддавшіеся Вору, единствен-
но въ надеждѣ обезопасить себя отъ убійства
и разоренія, видѣли, къ сокрушенію своему, что
жестко обманулись въ своемъ ожиданіи. Власть
Самозванца нисколько не предохраняла ихъ отъ
свирѣпѣйшаго насилія, и постыднымъ малодушіемъ
они обезчестили себя безъ всякой пользы. Тогда
они рѣшились свергнуть постыдное иго и снова
покориться Царской власти. Народъ вообще былъ
шакъ гошовъ къ пропивудѣйствію, что почти
въ одно время Галичь, Кострома, Вологда, Бѣло-
озеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій-Верхъ и Ка-
шинъ оплохнулись отъ Вора. Въ Вологдѣ, 29 Но-
ября, посадили въ пюрюму присланныхъ шуда изъ
Тушина, для взиманія поборовъ, Поляка Ушинскаго
и Федора Нащокна. Галичане ревностно занялись

Отписка Кня-
зя Шуйскаго
Скопина въ
разные горо-
да въ Декаб-
рь 1608.
Отписка Во-
логжанъ въ
Тотьму, 30
Ноября 1608.
Отписка Га-
личанъ въ

Тотму, Ус-
тюжанъ въ
Соль-Выче-
годскъ и Вы-
чегодецъ въ
Пермь въ Де-
кабрь 1608.

составленіемъ ополченія и сами выснавили съ сохи по 50 человекъ пѣшихъ и по 50 конныхъ. Кроме того они призвали къ себѣ 5,000 человекъ Луговой Черемисы, и просили еще помощи отъ соседнихъ городовъ, никогда не участвовавшихъ въ измѣнѣ. По ихъ настоянію, въ Устюгѣ приступили къ сбору по 10 человекъ съ сохи, а въ Сольвычегодскѣ усердіе было столь велико, что собрали съ *Малой Сошки* * по четыре человека. Богатѣйшіе изъ памошнихъ владѣльцевъ, четверо Спрогановыхъ, Максимъ, Никита, Андрей и Пешръ дали даже по 5 человекъ съ сошки. Одни только Пермчане не отличились радвіемъ къ общему благу. Ограничившись одними обѣщаніями они подъ разными предлогами медлили сборомъ ратныхъ людей и, казалось, выжидали развязки, чтобы покориться побѣдителю.

По несчастію, народныя возстанія, не исключая и предпринимаемыхъ по внушенію истиннаго долга, почти всегда омрачаются ненужнымъ и омерзительнымъ свирѣпствомъ. Въ Коспромѣ Самозванцева Воеводу, Князя Дмитрія Мосальскаго, долго мучили и попомъ, обрубивъ ему ноги и руки

Дневникъ
Сапѣги.

* *Примѣчаніе.* Въ сохѣ помѣстныхъ дачъ заключалось десятинь: доброй земли 400, средственной 500, а худой 600.—Малая же сошка состояла изъ 40 десятинь.

уплыли въ рѣкѣ; подобную же участь прешервѣли присланные суда для сбора казны Польскіе Шляхичи: Горѣцкій и Грибовскій. Народъ, бросая Беръ. въ рѣку, кричалъ имъ: *Полно вамъ, глаголи, жрать нашихъ коровъ и телятъ! Ступайте въ Волгу ловить нашу рыбу.*

Также и на правой сторонѣ Волги дѣла принимали лучший оборотъ для Царя, при содѣйствіи непоколебимой швердоспи Нижняго-Новгорода, гдѣ хоругвь вѣрности никогда не престаивала развѣваться, среди обширнаго владычества измѣны. Мятежники, желая испровергнуть сей оплотъ законности, начинали уже собиравшя въ прилегающихъ уѣздахъ. Нижегородцы просили помощи у Болрина Шеремешева, шедшаго съ Бальчика вверхъ по Волгѣ. Шеремешевъ, потчасъ по прибытіи своемъ въ Казань, послалъ къ нимъ Головъ Андрея Микулина и Богдана Износкова съ отрядомъ, составленнымъ изъ стрѣльцевъ, Козаковъ

и служивыхъ Липовцевъ и Нѣмцевъ. Отрядъ прибылъ въ Нижній 1-го Декабря и Нижегородцы припаясь за дѣло. Главныя непріятельскія силы шли къ Нижнему правымъ берегомъ Оки, но и на лѣвой сторонѣ сей рѣки мятежническія полпы собирались въ Балахнѣ. Нижегородцы почли необходимымъ сперва избавишя отъ ближайшихъ враговъ. Но прежде чѣмъ дѣйствовать открытою силою,

Отписка Нижегородцевъ въ Пермь, отъ Января 1609 в Нижегородскаго Архимандрита Іоанна къ Луховскому Никольскому Игумену Іову. — Никоновская Лѣтопись. — Память Нижегородскихъ Воеводъ въ Му-

ромскій
уздъ въ
Декабрь
1608. — Сто-
ларовъ Хро-
нографъ.

они пышались однимъ убѣжденіемъ отвѣстѣ Ба-
лахновцевъ ошъ непріязненныхъ намѣреній. 21-го
Ноября они писали имъ, что самозванство Тушин-
скаго Вора очевидно, ибо не могло оснаваться ни
малѣйшаго сомнѣнія въ умерщвленіи истиннаго
Царевича Димитрія, и что во всякомъ случаѣ они
предлагаютъ имъ оснаваться съ ними въ добрыхъ
сосѣдственныхъ сношеніяхъ, не превожа одинъ
другаго за разномысліе, до шѣхъ поръ пока уш-
вердишься на Московскомъ пресполѣ всѣмъ Госу-
дарствомъ единодушно признанный Царь. Но Ба-
лахновцы ошвергнули мирныя предложенія, почему
и рѣшено было немедленно обратиться на нихъ.
Главный Воевода, Князь Александръ Андреевичъ
Репнинъ, оспался въ городѣ, а поварищъ его, Ан-
дрей Алябьевъ, переправился съ опрядомъ черезъ
Оку 2 Декабря и устремился на Балахну. На по-
ловинѣ дороги ошъ сего города, при деревняхъ
Копосовъ и Козинъ, онъ встрѣшилъ мятежническія
шайки, разсѣялъ ихъ, отбилъ у нихъ пушки и
много пѣнныхъ и, преслѣдуя ихъ, овладѣлъ и
Балахною; возвращаясь съ побѣдою въ Нижній,
онъ привелъ съ собою Балахновскаго Воеводу, Сте-
пана Голенищева, и лучшихъ изъ Балахновскихъ
жителей. Впрочемъ была разбиша только слабѣй-
шая часть непріятельскаго войска; оставалось
еще раздѣлаться съ главными его силами, состоя-

щими изъ Арзамасскихъ и Алапырскихъ Дѣпей Боярскихъ, Ташаръ, Черемисъ, Мордвы, борпниковъ и всякихъ поселянъ, копорые, подъ предводительствомъ присланнаго изъ Тупина Воеводы, Князя Семена Юрьевича Вяземскаго, наспулая по правой споронѣ Оки, спѣшили на отмщеніе за пораженіе поварищей своихъ. Храбрый Алябевъ вышелъ изъ города, сошелся съ ними 5 числа подъ Богородскомъ и разбилъ ихъ на голову. Непрїяпель, преслѣдуемый на разстояніи пятнадцати верстъ, потерялъ знамена, набапы и 500 человекъ плѣнныхъ. Только наступившая ночь спасла бѣгущихъ отъ совершеннаго истребленія. Въ числѣ плѣнныхъ находился и самъ Князь Вяземскій, котораго Нижегородцы, гнушаясь его измѣною, повѣсили, не дожидаясь о немъ Царскаго указа. Ободренные такими удачами, Нижегородскіе Воеводы не ограничились уже однимъ охраненіемъ вѣрннана имъ мѣсна, и сами обратились къ наступательнымъ дѣйствіямъ. 9-го Алябевъ снова вышелъ изъ Нижняго и направился по правому берегу рѣки Оки. Встрѣченныя имъ мясешническія скопища 10 при селѣ Ворсмѣ и 11 въ Павловѣ, были разсѣяны и потерпѣли большой уронъ. Слѣдствіемъ сихъ успѣховъ было не только возвращеніе къ повиновенію Царю окрестныхъ селеній, но вліяніе оныхъ распространилось даже и на лѣвую сторону Оки,

гдѣ черныи народъ ожидалъ только случая, чтобы возшати на Поляковъ и измѣнниковъ, за претерпѣнныя отъ нихъ бѣдствія. Пользуясь расположеніемъ умовъ, Чарочникъ Ѳедоръ Красный, въ Юрь-свѣцѣ Повольскомъ, крестьянинъ Григорій Лапша въ Рещѣ, Ивацъ Бувшинниковъ въ Балахнѣ, Ѳедоръ Нагаѣцынъ въ Городцѣ и Илья Денгинъ въ Холуѣ, собрали значительныя шолпы, которыя, совокупясь подѣ главнымъ начальствомъ Краснаго, вступили въ Лухъ, гдѣ жили, еще прежде прибытія ихъ, опложившись отъ измѣнниковъ, схватили и отослали въ Нижній нѣсколькихъ Поляковъ и дворянъ, предавшихъ по маюдушію Самозванцу; дома ихъ были разорены въ наказаніе за пресупленіе. Изъ Луха Красный съ шоварицами направился на Шую, также уже поддавшуюся Царю Василью.

Между швѣдъ и Вологжане дѣйствовали насупашельно, въ намѣреніи очистишь весь лѣвый берегъ Волги отъ мажежниковъ, которые господствовали еще въ Пошехоньи и близъ лежащихъ селеніяхъ. Высланный изъ Вологды Голова, Ларіонъ Монастырскій, съ отрядомъ рапныхъ людей занялъ, 15 Декабря, Пошехонье и село Бѣлое. Опшуда онъ перешелъ въ село Данилово, гдѣ поставилъ острогъ, чтобы обезопасишь себя отъ спорны Ярославля.

Отписка Во-
логжанъ въ
Устюгъ, въ
Декабрь
1608.

Хотя такимъ образомъ пропивудѣйствіе разливалось довольно быстро, однако Самозванцевы сподвижники успѣли на время остановить стремленіе гражданъ и поселянъ, еще недоспапочно пріученныхъ къ воинскому дѣлу и неподдѣрвденныхъ никакимъ спройннымъ войскомъ. Скопинъ еще не въ соспояніи былъ выступить въ поле, а Шеремешевъ не опваживался опдалаяться опгъ Казани, пока наступательными дѣйствіями со спороны Новгорода не развыкулся неприательскія силы. Въ сихъ обспоятельстввахъ не спрудно было сначала опышнымъ воннамъ одолѣшь однихъ новобранцевъ. По первымъ извъспіямъ объ оппложеніи Галичанъ, Сапѣга, 5 Декабря, выспалъ на нихъ изъ сшана подъ Троицею, Ссправинскаго, съ 500 чело- вѣкъ Польской конницы; но получивъ донессіе, что возспаніе дѣлается всеобщимъ, онъ пять дней спуспя почелъ необходимымъ выспанъ еще въ савдъ за Ссправинскимъ Лисовскаго, съ 2,000 Донскихъ Козаковъ.

Дневникъ
Сапѣга.

Ссправинскій всспрѣшилъ и разбилъ 7,000 поселянъ подъ Великою Солью и сжегъ посадъ. Лисовскій же, переправясь черезъ Волгу въ Ярославль, подспунилъ подъ оспрогъ Монаспырскаго въ Да- ниловъ. Послѣ довольно жаркаго сраженія, оспрогъ былъ взлпъ и много изъ защищавшихъ оный поселянъ оспадисъ на мѣсптѣ. Очлспивъ себѣ спакимъ

Никоновская
Летопись.

образомъ путь къ Костромѣ и Галичу, Польскіе вожди направились на сѣн города, гдѣ слухъ объ одержанной ими поверхности привелъ гражданъ въ такое уныніе, что они сопротивлялись слабо. Лисовскій овладѣлъ Костромою 28 числа, и совершенно опустошилъ ее, желая сдѣлать строгій примѣръ надъ опадающими отъ Самозванца. Нѣсколько дней спустя непріятель безпрепятственно вступилъ въ Галичь.

Лисовскій не пошелъ далѣе и удовольствовался

Отписка
Тотмичей къ
Устюжанамъ,
Января 1609
и Василья
Вербышева
къ Вычегод-
цамъ изъ Во-
логды того
же мѣсяца и
года.

только занятіемъ Соли Галицкой передовымъ своимъ отрядомъ. Онъ не отваживался еще углубляться въ Сѣверную Россію, гдѣ ожидалъ найти сопротивленіе, коего по слабости имѣющихся при немъ силъ одолѣть не надѣялся. Въ самомъ дѣлѣ, въ сѣй опдаленной странѣ жили не падали новыхъ усялій. Топемцы выспавали по 30 человекъ съ сохи; прочіе города, кромѣ Пермскихъ, не опспавали отъ нихъ въ своихъ пожертвованіяхъ. Въ особенности въ Вологдѣ принимались дѣвельнѣйшія мѣры къ упорной оборонѣ. Въ усиленіе тамошнихъ укрѣпленій выспроили два острога, снабдили какъ ихъ, такъ и городскую стѣну новыми башнями, уставленными пушками, и выкопали передъ острогами ровъ, при копоромъ поставили часпоколь. Въ людяхъ также не было недостатка, ибо кромѣ вооруженныхъ обывателей,

пашь собралось много ратниковъ изъ Бѣлоозера, Чаронды, Каргополя, Сольвычегодска, Устюга, съ Ваги и съ Двины. Другая часть Вычегодцевъ и Устюжанъ спала въ соединеніи съ Тотмичами на Соыюгъ, въ 20 верстахъ отъ Солигалицкѣй, прикрывалъ дорогу отъ сего мѣста въ Тотьму. Кромѣ того Тотмичи, для предохраненія себя отъ непріятельскихъ набѣговъ, содержали засѣны при усѣроенныхъ застѣкахъ, на Толшмѣ, на Вошчѣ и въ Дсильновѣ. Впрочемъ Лисовскій не долго оставался въ Галичѣ; опозванный Сапѣгою, онъ возвратился подъ Тронцу.

Укрощеніе поселянъ, передавшихъ Царю на правомъ берегу Волги, принялъ на себя Суздальскій Воевода Ѳедоръ Плещеевъ. Онъ выступилъ изъ Суздаля 8 Декабря, направился на Шую, и на пути былъ подкрѣпленъ Польскою ротою Пана Собольскаго, пришедшею изъ Владиміра. Въ Шую уже находились въ сборѣ до 25,000 поселянъ, которые хоня упорно защищались по дворамъ, но не могли спасти оборонасмаго ими города. Плещеевъ взялъ острогъ и сжегъ посады. Не смотря на сіе пораженіе, поселяне не унывали. Собравшись въ числѣ 30,000 они черезъ вѣсколько недѣль снова начали наступать, подъ предводительствомъ Ѳедора Краснаго. Плещеевъ смѣло пошелъ имъ на встрѣчу, и 11 Февраля 1609 года сошелся съ ними въ селѣ

Часть II.

Двѣ отписки Суздальскаго Воеводы Ѳедора Плещеева, къ Петру Сапѣги отъ Декабря 1608.

Никоновская
Летопись. —
Дневник Са-
пѣги. — От-
писка Суз-
дальскаго Во-
еводы Федо-
ра Плещеева
Юрьво-
Польскому
Воеводу Фе-
дору Болот-
никову отъ
11 Февраля
1609.

Душнаовъ, въ 16 верстахъ отъ Шун. Сраженіе продолжалось отъ развѣтра до полудня, и Плещеевъ, разбитый на голову, едва успѣлъ укрыться въ Суздаль съ малымъ числомъ воиновъ. Торжествующіе поселяне по пятамъ его подступили къ Суздалью. Сапѣга послѣшилъ послать къ нему на помощь Роммиспра Мирскаго, въ два рошамъ Плигорцевъ. При содѣйствіи, сею подкрѣпленіи, Плещеевъ, въ свою очередь, одержалъ побѣду надъ Суздальемъ надъ поселянами, конхъ по донесенію Мирскаго къ Сапѣгъ, пало до 12,000. Но кажется нельзя сомнѣваться, что Польскій Роммиспръ въ семъ случаѣ изъ хвастовства много преувеличилъ уронъ побѣжденныхъ, ибо онъ самъ въ томъ же донесеніи удостоверяетъ, что конница поселянъ, не выждавъ нападенія, оставила поле сраженія безъ всякой пошери, а пѣхота ихъ, снабженная лыжами, убѣжала въ лѣсъ, гдѣ за глубокимъ снѣгомъ не было возможности ее преслѣдовать. Плещеевъ, не довольствуясь отпущеніемъ Суздаля, выслалъ на поискъ находящихся ямъ Поляковъ и Козаковъ, которые 6 Марта овладѣли посадомъ Холуйскимъ и Кляземскимъ городкомъ.

Отписка
Суздальскаго
Воеводы Пле-
щеева Сапѣ-
ги, Марта
1609.

За Волгою поселяне нѣшли лучшей успѣхъ. Ободренные отпущеніемъ Лисовскаго, они снова обратились къ наспушательнымъ дѣйствіямъ. Отрядъ изъ 10,000 человекъ Успюжанъ, Тошмичей, Выче-

Отписка Ко-
стромскаго

годцевъ, Солькамцевъ, Кайгородцевъ, Вымянь, Сомъ-галичанъ и Галичанъ занялъ почти безпрепятственно Галичь и Коспирому. Самозванцевъ Воевода въ Коспиромъ, Никита Вельяминовъ, засылъ съ бывшими при немъ рапными людьми въ Ипатьскомъ Монастырь, описполяемъ опъ города въ полуверстѣ за рѣкою Коспиромою. Въ то же время другой отрядъ поселятъ Волгодскихъ, Бѣлозерскихъ и Каргопольскихъ, подъ начальствомъ присланнаго изъ Новгорода опъ Князя Скопина Воеводы Вышеславцева, выпунилъ изъ Вологды и направилъ на Романовъ. Романовскіе Дѣти Болрскіе и Ташары, желая выслу- жинься у Вора, пошли на Вышеславцева, и встрѣ- щили его въ селѣ Бѣломъ; но претерпѣли поражение и описпунили въ Романовъ. Слѣдствіемъ сего дѣла было покореніе Царской власти, Пошехонья, Моло- ги и Рыбной. Непрiятель поспѣшилъ послать изъ Ярославля, на помощь Романову, Пана Галбовича съ 300 Поляковъ и Козаковъ. Но подкрѣвленіе сіе не спасло Романова. Вышеславцевъ взялъ городъ приступомъ 3 Марша. Галбовичъ возвратился въ Ярославль, а Иль-Мурза Исуповъ съ Романовскими Ташарами описпунилъ въ Ростовъ.

Путь къ Ярославлю оставался открытымъ для Вышеславцева; однако онъ нѣсколько времени иривелъ въ Романовъ, дабы усилить свое войско вповь припекающими къ нему со всѣхъ сторонъ

Воеводы
Вельяминова
Савтъи.

Отписка Фе-
дора Пани-
цына къ Ус-
тюжанамъ въ
Мартъ 1609 и
Ярославска-
го Воеводы
Князя Боря-
тинскаго Са-
втъи отъ 13
Февраля
1609. — Гра-
мота Само-
званца Савтъ-
и отъ 11
Марта 1609.
— Дневникъ
Савтъи.

людьми, и пошелъ на Ярославль только тогда, когда уже у него было въ сборѣ до сорока тысячъ человекъ. Между тѣмъ и Сашѣа успѣлъ прислать въ Ярославль нѣсколько Польскихъ ротъ, вождь начальствомъ Пана Тишкевича, который, взявъ съ собою Ярославскихъ Дѣтисей Боярскихъ, выступилъ на встрѣчу Вышеславцеву. Царскій Воевода раздѣлилъ войско свое на три полка, слѣдовавшія одинъ за другимъ по одной дорогѣ. При приближеніи непріятеля, передовой полкъ отъ Горенска и большой отъ Пяшицы, отошли къ спорожевому полку, стоявшему позади за засѣками. Тишкевичъ, принимая сіе отступленіе за бѣгство, стремительно бросился за отходящими полками. Глубокій снѣгъ не допускалъ преслѣдовать на лошадахъ иначе, какъ только по дорогѣ, на которой впереди засѣкъ стояла конница Вышеславцева; нѣкоторые изъ пѣшихъ людей его, снабженные лыжами, расположились по бокамъ; основная его пѣхота занимала засѣки. Поляки съ перваго удара смели Царскую конницу, во, преслѣдуя ее, наскнулись на засѣки, за которыми встрѣпили упорное сопротивленіе. Тогда Ярославскіе Боярскіе Дѣтисы, содѣйствовавшіе Тишкевичу болѣе по принужденію, нежели по охотѣ, видя, что дѣло принимается для него худой оборотъ, не только освободили его, но даже сами обратились на Поляковъ. Въ шажо-

вомъ положеніи Тишкевичу оставалось только по-
выпялять объ опешупленіи, которое само дѣлалось
часъ отъ часу опаснѣе и затруднительнѣе. Дѣлж-
вики, укрывшіеся въ лѣсъ съ начала сраженія
при оппѣсненіи Царской конницы, высыпали снова
въ поле, и съ обѣихъ сторонъ охватили дорогу,
по коей Тишкевичу неминуемо предстоило отхо-
дить. Такимъ образомъ Вышеславцеву удалось отпрѣ-
зать и истребить нѣсколько Козацкихъ ротъ.
Тишкевичъ, пораженный симъ ударомъ, не смѣлъ
даже защищаться и въ Ярославль. Вышеславцевъ Отписка Вое-
воды Выше-
славцева въ
Вологду въ
Апрѣль 1609.
занялъ сей городъ безъ сопротивленія 8 Апрѣля,
и немедленно послалъ отрядъ на освобожденіе
Углича. Находившіеся тамъ 200 Поляковъ и Нѣм- Дѣлжикъ
Савьги.
цевъ, служившихъ Самозванцу, не отважились со-
противляться и очистили городъ, гдѣ Царскій
отрядъ былъ принятъ обывателями съ хлѣбомъ
и солью. Ободренный симъ успѣхомъ, отрядъ сей Отписка Ко-
лязинскаго
Игумена Тео-
досія Савьги,
въ Маѣ 1609.
пошелъ далѣе, и 21 Апрѣля подступилъ къ Ко-
лязину Монастырю, но шутъ встрѣтилъ сильное
сопротивленіе, и ошибившій съ урономъ, вынужден-
нымъ нашелся воротиться въ Угличъ.

Пока все сіе происходило на Волгѣ, Аллбевъ
съ Нижегородскою ратью дѣйствовалъ довольно
медленно на берегахъ Оки. Хотя 7 Января ему и Отписка Му-
ромскаго Во-
еводы Ники-
фора Плеще-
ва Савьги
посчастливилось разбить подъ Яковцевомъ мя-
шежничій отрядъ, посланный на него изъ Муромъ,

въ Январѣ и взявъ въ плѣнъ начальника оного, Власова, и
1609.
Отписка Вла- хопя въ слѣдствіе сего успѣха онъ 16 Января
дѣмѣрскаго находялся уже въ 20 верстахъ отъ Муромъ, однако
Воеводы Вельяминова
Сапѣги отъ долгое время еще не предпринималъ ничего про-
Января 1609.

Дневникъ
Сапѣги.

Никоновская
Лѣтопись.

птивъ сего города, и вступилъ въ оный по согла-
шенію съ жителями только около половины Мар-
та. Оспаваясь самъ въ Муромѣ, онъ послалъ опрядь
къ Владиміру, по приближеніи коего Владимірцы
въволновались противъ Вора. Спиранія Воеводы Ми-
хайлы Вельяминова удержавъ ихъ въ повиновеніи
Самозванцу, не только не имѣли успѣха, но еще раз-
дражили ихъ прошивъ него самого. Чернь грозно
пребывала его казни, но среди своего изступленія,
сохраняя еще нѣкошорую богобоязливостъ, она доз-
волила ему христіански изгостовишься на смершь.
Приведенный въ соборную церковь, онъ исповѣдывал-
ся духовнику своему, шамошнему Протопопу, кото-
рый, по совершеніи сего долга, вывелъ его изъ церкви и
сказалъ всенародно: *Сей есть врагъ Московскому Госу-
дарству.* Народъ немедленно побилъ его камнемъ.

Извѣщенный о семъ происшествіи, Федоръ
Плещевъ, злѣйшій изъ приверженцевъ Вора, за-
ирепепалъ въ Суздадѣ, и обратился къ Сапѣгѣ
съ убѣдительною просьбою о помощи, въ кошорой
дѣйствительно имѣлъ величайшую нужду, ибо
посланный опрядь отъ Алябьева, соединясь съ
Владимірцами, подступилъ подъ Суздадъ въ числѣ

около 15,000 человекъ. Савьга постигши неполноцѣнное пребываніе Плещеева. Посланные имъ, Лисовскій съ 3,000 Донскихъ Козаковъ и тремя пушками и Справинскій съ нѣсколькими рогжами, Шояковъ, 3 Апрѣля прибыли къ Суздалью и разбили Царское войско, расположенное подъ городомъ. Если вѣрны Польскимъ свидѣтельствованіямъ, то пораженіе Царскихъ людей было такъ ужасно, что 11,000 изъ нихъ остались на мѣстѣ и только 4,000 успѣли укрыться во Владимірѣ. Живо преслѣдуя ихъ, Лисовскій, Справинскій и Плещеевъ по пятамъ побѣжденныхъ достигли Владиміра, но найдя сей городъ занятымъ великимъ множествомъ спешившихся шуда поволжскихъ поселянъ, они не могли имъ овладѣть, и вѣ возвратились въ Суздадь, гдѣ Лисовскій осматривая недолго Савьга, смущенный извѣстіемъ о полцери Ярославля, поручилъ ему вновь покорить сей городъ Самозванцу. Лисовскій, оставя въ Суздаль Рогжиспра Суму съ шестью Польскими рогжами и 200 Козаковъ, вышелъ 12 Апрѣля, и съ 3,000 Козаковъ пошелъ для соединенія съ отрядомъ, составленнымъ изъ Польскаго полка Микулинскаго и Русскихъ мятежниковъ, который, подъ предводительствомъ Самозванца Боярина Ивана Федоровича Наумова, подошелъ подъ Ярославль. 50 Апрѣля Наумовъ, не догадываясь о сильномъ сопротивленіи, рывился дѣй-

Дневникъ Савьги.

Отписки Федора Плещеева и Андрея Просовецкаго Савьги въ Апрѣлѣ 1609.

Дневникъ Савьги. — Отписки Боярина Наумова Савьги, Ярославцевъ Вычегодцанъ и Устюжанъ Вычегодцанъ, въ три въ Май 1609.

сывозапъ не дождавшисъ Лисовскаго, и въ самый день своего прихода пошелъ на приступъ большаго острога, прикрывавшаго посадъ. Начальствующіе въ городѣ Воеводы, Князь Сила Ивановичъ Гагаринъ и Никита Васильевичъ Вышеславцевъ, оборонялись храбро; сраженіе продолжалось во весь день, и неоднократныя покушенія Наумова овладѣть острогомъ, остались тщетными. Но въ слѣдующую ночь непріятель возобновили нападеніе съ лучшимъ успѣхомъ. Имъ удалось зажечь острогъ брань Власевскихъ воротъ и въ то же время измена довершила ихъ побѣду. Служка Спаскаго Монастыря, Григорій Каловскій, отворилъ ица Семеновскіе ворота и впустилъ въ острогъ. Ворвавшисъ въ оный, они выжгли посадъ. Изъ защитниковъ большаго острога многіе были убиты, другіе разбрелись по окрестнымъ деревнямъ. Не смея на сей разгромъ, Гагаринъ и Вышеславцевъ не робыли и крѣпко засѣли съ ославшимися еще при нихъ людьми въ меньшемъ острогѣ, въ рубленомъ городѣ и въ Спасскомъ Монастырѣ. Напрасно Наумовъ 3-го Мая во весь день приступалъ къ меньшему острогу; онъ не могъ овладѣть онымъ, но надѣялся, что по примѣру случившагося подъ большимъ острогомъ, счастье поблагопріятельствуетъ ему въ слѣдующую ночь. Въ сей надеждѣ, 5 числа, за часъ до разсвѣта, онъ снова пошелъ

войновъ своихъ на приступъ меньшаго острога, снабдивъ ихъ щитами, прищитами, смолевыми бочками и огненными стрѣлами. Ярославцы приняли ихъ мужеспвенно, и не только защищались уверно въ острогѣ, но сами дѣлали счастливыми вылазки, на коихъ побили и взяли въ полонъ многихъ мясешниковъ и опинали у нихъ щиты и прищеты. Около полудня Наумовъ, видя себя рѣшительно отбитымъ, не почелъ возможнымъ возобновлять свои приступы и отступилъ отъ Ярославля по Углицкой дорогѣ. Но радость Ярославцевъ о избавленіи своемъ была еще преждевременна. Наумовъ, на отступленіи своемъ встрѣтилъ спѣшившаго къ нему на помощь Лисовскаго, котораго уговорилъ его воротиться подъ Ярославль; оба они 8-го Мая снова явились подъ сямъ городомъ и осадили его.

Ярославцы просили помощи у сосѣднихъ городовъ; Устюжане успѣли снабдить ихъ порохомъ; людей же должно было имъ ожидать изъ Костромы, гдѣ находящіеся въ сборѣ поселенцы были еще усилены крестьянами Кологривскими, Унжанскими, Парфеньевскими и Судайскими. Но предводителемъ ихъ, Воевода Давыдъ Жеробцевъ, не отважился идти на избавленіе Ярославля, а только для развлеченія непріятеля самъ осадилъ Ипатьевскій Монастырь 1-го Мая. Начальствовавшій въ Мо-

Отписка Костромскаго Воеводы Вельяминова Сагати.

нашпырь, Никиша Вельяминовъ, спарался проши-
вшисьса обложенію, но послѣ жарнаго дыла, про-
должавшагося съ утра до вечера, онъ вынужденъ
былъ запереться въ обителн. Жеребцевъ, дабы
совершенно спѣснить осажденныхъ, велѣлъ выко-
пать паралель, упирающуюся обѣими концами къ
рѣкѣ Коспромѣ. Въ слѣдующіе дни выведемъ былъ
однѣ паралели къ Монастырю подступный ровъ.

Между тѣмъ непріятелн не имѣли успѣха
подъ Ярославлемъ. Подарѣніе, привезенное Ли-
совскимъ, мало имъ приносило пользы, ибо оно
состояло изъ конницы, тогда какъ для осадныхъ
дѣйствій они въ особенности нуждались въ пѣхотѣ
и въ большихъ орудіяхъ. Послѣ двухнедѣльнаго
безплоднаго снновія Наумовъ и Лисовскій убѣди-

Отписка На-
умова Сапѣ-
ги.

лись наконецъ, что они теряютъ время напрасно,
и 23 Мая рѣшились снять осаду. Лисовскій дви-
нулся внизъ по правому берегу Волги на избав-
леніе Ипатьскаго Монастыря, а Наумовъ и Ми-
кутинскій спустились въ Великое Село для при-
крытія Ростова и Борисоглебскаго Монастыря.
Въ семъ положеніи они оставались до тѣхъ поръ,
пока извѣстились, что дозволено значительный

Дневникъ
Сапѣги.

Отписка Вол-
годскихъ Во-
еводъ къ
Перскому
Воеводѣ въ
Іюнь 1609.

отрядъ Царскихъ приверженцевъ, подъ началь-
ствомъ Головъ, Григорія Квашиина, Никиши Ва-
ньюшнова и Алексея Суворова, овладѣлъ Городцкимъ
острогомъ, городомъ Кашинымъ и Калашинимъ.

Монастыремъ, и даже переправился на правую сторону Волги въ Угличъ. Непріятели признали нужнымъ осяновить дальнѣйшее спремленіе сего войска, повлеченіе коего не только угрожало Ростову, но даже могло попрехожить станъ Сапѣги подъ Троицею. Микулинскій принялъ на себя дѣйствовать наступательно, а Наумовъ засѣлъ въ Ростовѣ, дабы обезпечить путь Микулинскаго. Успѣхъ оружія остался на сторонѣ Польскаго вожда, копорый подъ Угличемъ разбилъ совершенно Царское войско и сжегъ городъ и половину посада. Не довольствуясь симъ, онъ самъ переправился за Волгу и нечаяннымъ нападеніемъ овладѣлъ Городецкимъ острогомъ, копорый также выжегъ.

Дневникъ
Сапѣги.

Впрочемъ Царская сторона укрѣплялась на Волгѣ выше Нижняго-Новгорода; но вліяніе Самозванцевыхъ сподвижниковъ оспавалось во всей силѣ въ Мордовской землѣ. Такъ какъ за опдаленіемъ ея Пахалики и Козаки не проникали еще туда, то народъ, не видя ихъ наглостей и насилій, не ошспавалъ ошъ слѣпой приверженности своей къ Тушинскому Вору. Правда, тамошніе мятежники не смѣли болѣе дѣйствовать на берегахъ Оки, гдѣ опасались встрѣпить спрашнаго для нихъ Алябьева; но они обратили усилія свои въ другую сторону. Арзамасцы, Алашырцы, Цивильцы и Чебок-
Отписка Вятчанъ къ Устюжанамъ въ Январѣ 1609.

Черемисою, подступили подъ Свіяжскъ. Вояринъ Шереметевъ и Казанскіе Восводы послали на нихъ изъ Казани Казанскихъ и Свіяжскихъ людей. Сраженіе произошло 1-го Января 1609 года и кончилось совершеннымъ пораженіемъ мятежниковъ, которыхъ преслѣдовали и били на разстояніи семи верстъ. Желая воспользоваться одержанною поверхностію, Шереметевъ самъ выступилъ изъ Казани и осадилъ Чебоксары. Напротивъ него, изъ числа бѣглецовъ изъ-подъ Свіяжска, Арзамаскіе Мурзы, Вибай и Теребердей, переправившись за Волгу въ Кузьмодемьянскъ, направились на Санчурскъ и на Яранскъ. Оба города покорились имъ безъ сопротивленія, хотя при нихъ только было 60 стрѣльцовъ, а все прочее войско ихъ состояло изъ Мордвы, Чувашъ и Черемисъ, не имѣвшихъ огнестрѣльного оружія, а дѣйствовавшихъ изъ однихъ луковъ. Мурзы, заставъ въ сихъ городахъ, спарались, по безуспѣшно, возмущить и сосѣдственную Вятскую землю. Тамашній Царскій Воевода Князь Михайло Ухтомскій послѣдшилъ послать ратныхъ людей для прикрытія Вятской земли опѣ Яранска. Нѣскольکو времени спустя мятежники, видя что Шереметевъ занялъ былъ осадю Чебоксаръ, опять собрались на нагорной споронѣ въ намѣреніи возобновить покушеніе свое на Свіяжскъ. Для удержанія ихъ Ка-

Отписка Казанскихъ Восводъ Вятскимъ Воеводѣмъ.

царскіе Восводы выслали на нихъ сильный отрядъ, подъ начальствомъ Головъ Осипа Зюзина и Андрея Хохлова, которые 10-го Марша встрѣпили ихъ близъ Бурундокова, на рѣкѣ Свиягѣ, и разбили совершенно, при чемъ отбили у мятежниковъ шабаны и знамена ихъ и взяло великое число пленныхъ. Впрочемъ частные успѣхи мало способствовали къ усмирению мятежной страны; это усмирение могло только быть слѣдствіемъ покоренія Алаштыря и Арзамаса, но Царскіе войска, находившіеся по близости сихъ городовъ, не были въ состояніи предпринять осады. Съ другой стороны Казанскіе Восводы не смѣли отдавать рать свою, необходимую для охраненія самой Казани. Шереметевъ еще занятъ былъ осадю Чебоксаръ. Что же касается до Алябьева, то онъ направлялъ преимущественно свои дѣйствія вверхъ по теченію Оки, гдѣ побѣда, стоило долго ему вѣрная, измѣнила ему. Желая овладѣть Касимовымъ, онъ былъ совершенно разбитъ подъ сими городомъ войсками Касимовскаго Царя, и едва успѣлъ съ малыми людьми возвратиться въ Муромъ.

Дневникъ
Сапѣги.

Съ другой стороны, опустошеніе Шереметева изъ-подъ Аспрахана имѣло пагубное слѣдствіе; Аспраханскіе Козаки вошли въ сношеніе въ Тушинскимъ Воромъ, покорились и привели къ нему въ Тушино своихъ двухъ мнимыхъ Царевичей, Августа Ивана и Лавренція. Самозванецъ приказалъ

Никоновская
Автопись.

повѣситъ ихъ на дорогѣ изъ Тушина въ Москву.

Лисовскій, продолжая спускаться по правому берегу Волги, достигъ до города Кинешмы, копорый нашелъ занятымъ отрядомъ поселянъ, возсѣлавшихъ проливъ Самозванца, подъ начальствомъ Воеводы Федора Бабарыкина. Польскій наѣздникъ стремительно напалъ на сей отрядъ, разбилъ его, самого Бабарыкина взялъ въ плѣнъ, а Кинешму разорилъ до основанія. Опшуда онъ двинулся къ Юрьевцу, гдѣ полагалъ совершить переправу свою черезъ Волгу, но встрѣпилъ намъ сопротивленіе, вовсе имъ неожиданное. Бояринъ Шереметевъ, наконецъ покорившій Чебоксары, находился уже въ Нижнемъ, и узнавъ о намъреніи Лисовскаго перебраться за Волгу, выслалъ на него въ судахъ часть своего войска. Плавная рапъ подоспѣла къ Юрьевцу въ то самое время, какъ Лисовскій совершалъ переправу. Воспользовавшись симъ обстоятельствомъ, Царскіе воины нанесли непріятелю сильное пораженіе. Большая часть всадниковъ Лисовскаго, уже перевезенная на находящійся подъ Юрьевцемъ оспровъ, была намъ испреблена. Самъ Лисовскій, къ счастью своему еще остававшійся на правомъ берегу рѣки, оспунилъ безвредно съ намъвшимся при немъ малымъ числомъ людей.

Плавная рапъ возвратилась въ Нижній съ бо-

Дневникъ
Сапѣги. —
Николовская
Летопись.

такою добычею, а Лисовскій снова обратился къ Коспрому и спалъ подъ симъ городомъ въ семь Селищъ. Не успѣвъ переправиться за Волгу ниже Коспромы, онъ послалъ Козаковъ для опысканія судовъ вверхъ по рѣкѣ. Дальнѣйшихъ извѣстій о событіяхъ подъ Коспромою не находилось ни въ Русскихъ, ни въ Польскихъ современныхъ бумагахъ. Но такъ какъ скоро послѣ этого Ипацкскій Монастырь является уже въ рукахъ Царскихъ приверженцевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Лисовскому не удалось заславить Жеребцова снять осаду.

Отписка
Ярославцевъ
въ Пермь Ве-
ликую.

Ротмистръ Сума, оставленный, какъ сказано выше, Лисовскимъ въ Суздаль, соскучился бездѣйствіемъ, и уговорился съ Суздальскимъ Воеводою Плящевымъ и съ Ашаманомъ Просовецкимъ, сплотившимъ съ Козацкимъ отрядомъ въ Шуу, чтобы всѣмъ троимъ совокупившись сдѣлать поискъ на Владиміръ. Успѣхъ не вполне соответствовалъ ихъ ожиданіямъ. Правда имъ посчастливилось разбиить совершенно большое скопище Царскихъ приверженцевъ, встрѣченныхъ ими 19 Іюня подъ Владиміромъ, при чемъ съ Царской стороны погибло и попонуло въ Клязьмѣ много людей, но такъ какъ городъ Владиміръ былъ занятъ сильною пѣхою, то они неспѣшились приступать къ оному. И такъ, не смотря на одержанную ими побѣду, они вернулись въ Суз-

Дневникъ
Сапѣги.

Отписка
Просовецка-
го къ Сапѣги.

далъ не только не взялъ Владимира, но даже ушрашивъ Лухъ и Шую. Поселяне, восплаивше прошивъ Самозванца, воспользовались опытившемъ Просовскаго, чибобы снова заняли оба сн го-
рода.

Между швнмъ главное дѣло Самозванцева, по-
кореніе столицы, несоопвѣтствовало ожидані-
ямъ его. Не смотря на принятыя имъ мѣры,
дабы спѣшевіемъ Москвы исполнить ея запасы,
Моева еще не весьма пуждалась. Самозванецъ уже
съ досадою рашчпывалъ, какъ бесполезное его
предъ городомъ сполніе рашчощаетъ драгоценное
время и оппрыываетъ Царю возможность собрать
нужныя силы для освобожденія столицы; вдругъ
явились въ Тушино новыя знашныя перебѣшники,
которыя объявили, что Москва снабжается под-
возами изъ Коломны, гдѣ находятся обильныя
склады, и что если можно бы успѣшь опплатъ
сей способъ продовольствія, то она неминуемо
доведена будетъ до крайности. Въ слѣдствіе сего
звѣстія, Самозванецъ принялъ намѣреніе овла-
дѣть Коломною, что и поручилъ исполнить Па-
ну Хмѣлевскому, нашедшемуся съ отрядомъ въ
Коширь. Хмѣлевскаго предполагали еще усилить
другимъ отрядомъ, состоящимъ изъ Поляковъ и
мишвжниковъ, которому изъ Владимира также
повелѣно было направиться на Коломну. Коломен-

Дневникъ
Маривы.

Нилоновская
Лѣтопись.

скій Воевода, Иванъ Машвъевичъ Бушурлинъ, про-
вѣдавъ о намѣреніяхъ Хмѣлевскаго, просилъ помо-
щи у Царя, который пославшииъ отправить къ
нему на подкрѣпленіе значительное войско, подъ
начальствомъ Князя Семена Васильевича Прозо-
ровскаго и Василья Борисовича Сукина. Русскіе
Воеводы успѣли предупредить Хмѣлевскаго, и
когда Польскій вождь подступилъ наконецъ подъ
Коломну, они въ сильной вылазкѣ рѣшиительно
опогнали его опрѣдъ, а самого его взяли въ плѣнъ. Не Розряды.
предвидя дальнѣйшей опасности для Коломны,
Прозоровскій и Сукинъ возвратились въ Москву;
съ ними же отправился и Бушурлинъ, за-
мѣщенный на Коломенскомъ воеводствѣ Ива-
номъ Пушкинымъ. Но Коломенцы не на-долго
успокоились; подступленіе опрѣда изъ Влади-
мира снова воспревозмогло ихъ и Царь вынужденъ
былъ впорочно послать къ нимъ войско, коего
начальство ввѣрилъ Князю Дмипрію Михайловичу Никоновская
Пожарскому. Пожарскій, прибывъ въ Коломну, Лѣтопись.
навѣспился чрезъ лазушчиковъ, что непріятель
спонитъ въ 40 верстахъ, при селѣ Высоцкомъ.
Не теряя времени, съ рѣшиительносноію великаго
полководца онъ выступилъ, и на другой день съ
утренней зарею явился передъ Высоцкимъ. Не-
пріятель, неждавшій нападенія, былъ смятъ
и побѣжалъ къ Владиміру, оспая въ рукахъ по-
Часть II. 15

бѣдищелей много плѣнныхъ, значительную казну и нѣсколько запасовъ. Этопъ первый шагъ Пожарскаго на поирницѣ военначальства возвѣщалъ Россіи, что въ рядахъ вѣрныхъ сыновъ ея возникаетъ вождь, на доблесть коего она полагаешья можешъ.

Впрочемъ занятіе Коломны казалось Самозванцу споль важнымъ, что, не смотря на первую неудачу, онъ въ непродолжительномъ времени повпоришь покушенія свои на сей городъ. Отраженный имъ Полковникъ Млоцкій, съ довольно сильнымъ отрядомъ Польскихъ войскъ, успѣлъ наконецъ осадить Коломну.

Положеніе столицы со дня на день спановилось затруднительнѣе: будущность представлялась въ споль мрачномъ видѣ, что умыніе распростирилось на цѣлый городъ. Нѣкоторые изъ гнѣздящихся въ ономъ крамольниковъ, ободренные замѣченными ими упадкомъ духа во всѣхъ сословіяхъ, возмечшали что настало наконецъ время для

исполненія ихъ пресупныхъ замысловъ. Начальники заговора, Князь Романъ Гагаринъ, Григорій Сунбуловъ и Тимофей Грязный, сами люди неспашные, явились 17 Февраля съ шремя спами своихъ сообщниковъ въ Кремль и шребовали опъ собранныхъ шамъ Боярь сверженія съ престола Царя Васнля. Дерзоспъ крамольниковъ не покѣ-

Латухинская
степенная
книга. — Сто-
ляръ Хро-
нографъ и
Никоновская
Автопись.

лежала, но ужаснула Боларь; они успели тайно разбѣжаться по домамъ. Тогда заговорщики бросились въ Успенскій соборъ, и схватя папъ Папиріарха, принудили его слѣдовать за собою на Лобное мѣсто. Безстрашный Священникъ, окруженный злодѣями, къ досадѣ и смущенію ихъ, не поколебался. Онъ возшелъ на Лобное мѣсто только чтобы заставить народъ не прельщаться измѣною, а оставаться вѣрнымъ данной присягѣ. Сказавъ сіе Священникъ сошелъ съ народнаго амвона и величаво отправился къ себѣ на дворъ; заговорщики не смѣли насильно удерживать его въ глазахъ спускающейся черни. Необдуманное предпріятіе ихъ очевидно оказывалось не своевременнымъ. Москва еще была наполнена войскомъ, коего почти все начальники, искренно преданные Царю, спѣшили къ нему на помощь. Только одинъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ пріѣхалъ по зову бунтовщиковъ на Лобное мѣсто въ надеждѣ, что успѣхъ останется на ихъ сторонѣ и что они изъ благодарности за его участіе возведутъ его на престолъ, на мѣсто низверженнаго ими Царя; все прочіе Боларе отказались приешать къ нему. Народъ также не показывалъ ни малѣйшей склонности содѣйствовать людямъ малоизвѣстнымъ и коихъ замыслѣ не имѣли одобренія Папиріарха и Вельможъ. Па-

прасно заговорщики, прибѣгая къ клеветѣ, кричали, что Василій Шуйскій посаженъ на престолъ одними потаковщиками своими безъ общаго согласія и что за него безъ пользы много проливается христіанской крови, хотя онъ по своему неразумѣнію, непростости и развратному поведенію, оказывался вовсе недостоинъ Царскаго вѣнца. Имъ опвѣчали, что Василій свѣтъ на царство не насильственно, а по избранію Бояръ, Дворянъ и всѣхъ служивыхъ людей; что за нимъ ни пьянства ни другаго порока не знаютъ и что во всякомъ случаѣ нельзя присупишь къ важному дѣлу низверженія Царя, безъ общаго совѣта Бояръ и всѣхъ чиновъ людей. Заговорщики, не видя ни въ чемъ удачи, рѣшились на дѣйствіе отчаянное. Они шумною толпою бросились снова въ Кремль въ надеждѣ устроить самого Царя и вынудить отъ него отреченіе отъ престола. Но никогда боязливостъ не была свойственна Василю. Съ пою же пвердо-сію, съ кою онъ клалъ голову свою на плаху при Опреньевѣ, онъ самъ вышелъ къ мятежникамъ и сказалъ имъ, что если хотятъ убить его, то онъ готовъ на смерть; но что сверженіе его съ престола не зависитъ отъ ихъ воли, и что онъ покорился только приговору Земской Думы, дѣйствующей отъ лица всей земли. Зло-

дѣи, успрашенные мужествомъ Царя, удержались отъ дальнѣйшаго насилія, которое самихъ могло бы подвергнуть мести народной. Попеченіе о еобственной безопасности взяло мѣсто буйства, и заговорщики, избѣгая заслуженнаго наказанія, спѣшили удалиться изъ Москвы въ Тушинскій сипань. Но приспавшій къ нимъ Князь Голицынъ спокойно остался въ столицѣ, и Царь столь же твердый въ часъ личной опасности, сколь слабый въ дѣлазъ внутренняго управленія, въ особенноти въ отношеніи къ родовитымъ Вельможамъ, не посмѣлъ обратипть праведный гнѣвъ свой на законсѣлаго крамольника, въ коемъ знапность рода едва ли уступала безнравственноти сердца.

Вѣрные слуги Царя видѣли съ прискорбіемъ пагубную его снисходительность къ важнымъ преступникамъ, и наконецъ убѣдили его въ необходимости строгаго примѣра. Случай не замедлилъ представиться. Бояринъ Крюкъ-Колычевъ спалъ ссылапсь съ Тушинскимъ Воромъ и обѣщаль ему убить Царя въ Вербное Воскресенье при помощи уговоренныхъ имъ людей. Василій Ивановичъ Бушурлинъ донесъ Царю о злодѣйскомъ умыслѣ. Колычева схватили и, не смотря на Боярство, передали пынкѣ и казни. На пынкѣ Колычевъ остался вѣрнымъ своимъ сообщникамъ. Твердость

Показаніе
Подъячаго
Матвѣя Чу-
барова, ото-
бранное въ
Тушинъ 8
Мая 1609, и
Никоновская
Лѣтопись.

его онаела ихъ жизнь, но подозрѣнія были столь велики, что нельзя было имъ избавиться отъ заключенія.

Смущенія въ столицѣ въ особенности возобновились по причинѣ дороговизны хлѣба. Когда, по случаю осады Коломны, подводы изъ сего города прекратились, то Московскіе жишопродавцы, закупивъ весь хлѣбъ, стали возвышать цѣну такъ, что четверть ржи продавалась уже по 7 рублей ($2\frac{1}{2}$ нынѣшнихъ серебряныхъ). Бѣдные люди, лишенные всякаго средства къ пропитанію, бѣжали въ Тушино; другіе буйными толпами приступали къ Царю и кричали ему, что въспъ силъ долже шerpънъ нуждъ продолжительнаго облежанія. Царь, опасаясь, чтобы граждане, доведенные до отчаянія, не впустили къ себѣ Самозванца, обратилъ все стараніе на изысканіе средствъ

Палачивъ. къ облегченію ихъ шлгостнаго положенія. По повелѣнію его жишопродавцы были созваны въ Успенскій соборъ, гдѣ Патріархъ увѣщавалъ ихъ ежались надъ общемо бѣдою и продавать хлѣбъ не выше установленной правительствомъ цѣны, по 2 рубля ($6\frac{2}{3}$ нынѣшнихъ серебряныхъ) четверть. Но корыстолюбіе превозмогло всякое чувство состраданія. Тѣ, кои имѣли значительнѣйшіе запасы, опозвались немѣнѣемъ оныхъ, и рынки опустѣли къ конечной гибели нуждающихся.

Въ сей крайности Царь обратился къ другимъ мѣрамъ. Троицко-Сергіевъ Монастырь имѣлъ въ Москвѣ богатыя житницы, ввѣренныя надзору Келаря сей обители, Аврамія Палицына. Царь убѣдилъ его вывезти на торгъ за успаивленную цѣну 200 четвертей ржи. Скупщики хлѣба испугались. Имъ извѣстна была значительность Монастырскихъ складовъ, которыхъ однихъ достаточно было для продовольствія Москвы въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, а между тѣмъ пушкѣ подвозамъ могъ снова открыться отбищенъ или непріятель огнь Коломны, или подспуленіемъ кого изъ ожидаемыхъ въ столицѣ вождей, Князя Скопина или Боярина Шереметева. Такимъ образомъ возснаноленное въ Москвѣ изобиліе лишило бы ихъ даже и того весьма богатаго барыша, еще предсказываемаго имъ двухрублевою цѣною. Въ слѣдствіе сего они рѣшились сами продавать по объявленной цѣнѣ, что продолжалось довольно долгое время. Но наконецъ такъ какъ новыхъ подвозовъ все еще не было, они спали опять повышать цѣны, и не довольствовались уже и прежними семью рублями. Царь снова прибѣгнулъ къ Троицкому Келарю. Аврамій нѣсколько колебался и предсказывалъ, что если утѣшеніе столицы еще продолжится, то ему самому печѣмъ будетъ продовольствовать живущихъ въ Москвѣ

на Богоявленскомъ подворьѣ Монастырскихъ людей. Царь, въ успокоеніе его, далъ ему слово принявъ на свой счетъ пропитаніе Монастырскихъ людей въ случаѣ продолженія бѣдствія, хотя бы тогда цѣна ржи возрасла и до неимовѣрной цѣны 70 рублей за четверть, и Келарь новою высылкою на продажу Монастырскаго хлѣба успѣлъ еще разъ возстановить двухрублевую цѣну.

Когда такимъ образомъ достояніе Троицкаго Монастыря спасало Москву, самая обитель продолжала геройское сопротивленіе свое, не смотря на разнородныя бѣдствія, коимъ подвергались храбрые ея защитники. Правда зимнее время удерживало Сапѣгу отъ продолженія осадныхъ работъ, но не менѣе того осажденные не имѣли отдохновенія, а трудность и опасность ихъ положенія день ото дня увеличивались. Пока теплая погода продолжалась, шѣсноша помѣщенія не была чувствительна въ обителяхъ, ибо многіе располагались на открытомъ воздухѣ, или подъ навѣсами. Но когда стужа вынудила всѣхъ искать убѣжища въ кельяхъ и избахъ, то вскорѣ спершійся воздухъ, употребленіе худой воды и недостатковъ въ хлѣбномъ винѣ и въ пряныхъ зеліяхъ породили заразительную болѣзнь цынгу. Больные пухли, смердели, гнили и наконецъ умирали въ несносныхъ мученіяхъ. Когда язва, начавшаяся съ 17 Ноября

1608 года, достигла до высшей степени люлости, по умирало до ста человекъ въ день. Нѣкому было хоронить усопшихъ. За могилу платили по 5 рублей (16²/₃ нынѣшнихъ серебряныхъ). Бѣдныхъ же бросали даже по сороку труповъ въ одну яму. Вспль и спешанія раздавались по всей Лаврѣ.

Не смотря на бѣдственное положеніе, угрожавшее конечною гибелью всемъ защитникамъ Монастыря, вылазки не преспавали ни на одинъ почти день. Нѣкоторыя изъ нихъ были даже довольно значительны. Замѣчательнѣйшую осажденные учинили, пользуясь густою мглою одного изъ зимнихъ дней, на засады, непріятелемъ содержимыя на Сѣверной и Восточныхъ сторонахъ обители. Часть Монастырскаго войска направилась къ нагорному пруду на засады Русскихъ измѣнниковъ, близъ служней слободы. Другой отрядъ, состоящій изъ конницы, спустился въ Мишупинъ оврагъ, побилъ находящуюся тамъ засаду и потомъ обратился на засаду, устроенную близъ Благовѣщенской рощи, копорую смялъ и погналъ по Красной горѣ до Клементьевскаго пруда. Непріятель, получивъ подкрѣпленіе изъ Сапѣгина стана, опитѣснилъ было нападающихъ, копорые однакожъ при помощи вновь вышедшихъ изъ Монастыря конныхъ и пѣшихъ людей, оправались, и рѣшительво отбросили Поляковъ къ Клементьевскому пруду.

На другой сторонѣ обитали дѣйствія осажденныхъ были не столь успѣшны. Во это время, какъ Русскіе измѣнники не безъ труда отражали противъ Красныхъ воровъ нападенія перваго отряда, Лисовскій опѣ Терентьевской рощи приспѣлъ къ нимъ на помощь съ своими Козаками и вынудилъ Монастырскихъ воиновъ укрыться въ подспѣнномъ рвѣ. Царскіе Воеводы, не желая оспалять ни малѣйшей поверхности на сторонѣ непріятеля, послали на встрѣчу Лисовскаго свѣжій конный отрядъ, подъ предводительствомъ Монаховъ Отрапонта Стогова, Малаѣя Ржевнина и двадцати другихъ спарцевъ. Между тѣмъ съ отступленіемъ непріятеля сраженіе на Красной горѣ казалось прекращеннымъ; часъ тамъ дѣйствующихъ воиновъ также направилась на Лисовскаго, а прочіе засѣли на Красной горѣ и въ Глиняномъ оврагѣ. Ивоки стремительно повесились на Лисовскаго, который, не выждавъ ихъ нападенія, поспѣшилъ отступить за мельницу и за Терентьевскую рощу и остановился въ раздоли за горой Волкушей; но отступление его совершенно было не безъ урона, и нѣкопорые изъ его лучшихъ вѣзелей попались въ плѣнъ. Въ сіе время Сапѣга самъ поднялся со всѣми полками своими и двинулся Клементьевскимъ полемъ на Красную гору. Лисовскій, увидя его движеніе, спѣшилъ спуститься съ горы Волкуши,

и поспѣлъ на Красную гору во флангъ сполцимъ
пань Монастырскимъ людямъ, которыхъ смаль
и согналъ подъ гору къ Пивному двору, гдѣ они,
остановившись за надолбами, защищались ушорно.
Льтописецъ при семъ случаѣ особенно выхваляетъ
необычайную храбрость крестьянина села Моло-
кова, по прозванію Суета, который на обѣ сто-
роны бердышемъ своимъ безщадно съкъ враговъ.
Лисовскій, не видя возможности выбить осажден-
ныхъ изъ-за надолбовъ, обратился по Красной
горѣ на опрядъ, укрывавшійся въ Глиняномъ оврагъ.
Начальствующій симъ опрядомъ, слуга Пимень
Тененевъ, смѣло выступилъ на пригоркѣ у оврага
и мужественно опразилъ нападеніе Лисовскаго, ко-
торый, не полагая, чпобы Тененевъ опваживался
противустанъ ему, еслибы не надѣялся бытъ под-
держаннымъ, не рѣшился напиратъ слишкомъ силь-
но, опасаясь засады. Тененевъ же, пользуясь нерѣ-
шительностью Лисовскаго, спалъ мало по малу
опспупашъ и наконецъ скрылся въ Косомъ оврагъ.
Тогда Лисовскій бросился за нимъ въ погоню и спа-
рался полонить самого его; но Тененевъ ранилъ его
стрѣлою въ лѣвый високъ. Лисовскій упалъ съ коня,
и смущенные воины его, помышляя уже единственно
о его спасеніи, спѣшили удалиться съ нимъ въ спанъ
Сапѣги. Все Клеменшевское поле покрылось опспу-
пающими врагами; но Польскіе вожди, Князь Юрій

Горскій, Иванъ Тишкевичъ и Ропмистръ Сума, уговорили многихъ возвратиться къ бою на опмщеніе за рану славнаго наѣзника. Жесткая битва снова возгорѣлась на Красной горѣ. Съ обѣихъ споронъ сражались съ такимъ оспервенѣніемъ, что, поломавъ оружіе, рѣзались ножами и боролись въ обхватку. Наконецъ, не смотря на лучшее вооруженіе Поляковъ и на превосходство ихъ многочисленной конницы, они не могли одолѣть безпанцерныхъ Монастырскихъ воиновъ. Князь Горскій былъ убитъ, и враги со сшдомъ и урономъ опшли въ свои шаторы.

Успѣхъ упѣшалъ осажденныхъ, но не облегчалъ ихъ гибельнаго положенія. Среди прочихъ нуждъ, въ особенноти чувствительнень для нихъ былъ ощущаемый недостатокъ въ дровахъ. Всѣ кровли, чуланы и заднія сѣни были уже сожжены. Обращались къ житницамъ, но и ихъ истребленіе не доставляло достапочнаго средства на пошребности продолжительнаго суроваго времени года. Необходимость прѣбывала допускашь почти ежедневныя малыя вылазки для добыванія дровъ въ ближнихъ рощахъ. Непрїятель часто устраивалъ близъ рощей засады, которые причиняли вылазкамъ не малый вредъ.

Къ усугубленію опасностей, угрожавшихъ осажденнымъ, единодушіе въ нихъ очевидно ослабѣвало.

Отписка
Троицкихъ
властей Царю
Василью.

Не всѣ въ одинакой степени одарены крѣпостію духа, чтобы безтрепетно взирати на возрастающія бѣдствія. Многіе, опягченныя нравственною усталостію, устремляли всѣ желанія свои къ скорѣйшему избавленію отъ тяжкихъ своихъ страданій. Другіе, болѣе виновные, старались уже о извлеченіи личныхъ выгодъ изъ замышляемаго ими предательсства. Раздоръ и измѣна вкрадывались въ обитель, гдѣ до тѣхъ поръ господствовала вѣра и воспламенѣнное ею усердіе. По несчастію не было согласія даже и между главными вождями. Воеводы, Князь Долгорукій и Голохвастовъ, явно враждовали другъ противъ друга. За Долгорукова спояли воины, священники и просвѣтые Монахи, а Голохвастовъ имѣлъ на своей сторонѣ слугъ и поселянъ. Среди сихъ смуть Долгорукому донесъ Діаконъ, Гурій Шишкннъ, что Монастырскій Казначей, Осипъ Дѣвочкинъ, давно ссылается съ неприятелемъ, чію первый измѣнникъ, Осипъ Селевинъ, перебѣжалъ къ Сапѣгѣ по его же наущенію и наконецъ, что ему даже удалось уговорить къ предательству самого Голохвастова, который обѣщаль, при первой большой вылазкѣ, запереть ворота за высланными людьми, дабы воспрепятствовать ихъ возвращенію, а между тѣмъ черезъ другой входъ впустилъ въ обитель Польскихъ воиновъ. Доносъ коснулся и живущей въ Монастырѣ Коро-

Письмо Царевны Ксении къ теткѣ своей изъ Троицы отъ 29 Марта 1609. — Отписка къ Келарю Палицину Троицкаго Воеводы Князя Долгорукова и Монастырскихъ священниковъ и братьевъ. — Палицинь.

левы Инокнии Марѣы Владиміровны *. Ее обвиняли въ шѣсныхъ связяхъ съ Дѣвочкинымъ, въ перепи-скѣ съ непріятелемъ и въ шоржественномъ при-знаніи Самозванца за испиннаго Государя и вну-чашнаго брата своего. Долгорукій, пораженный важностію доноса, приказалъ схватить Дѣвочкина и допрашивать въ сѣзжей избѣ. Напрошивъ того, Голохвастовъ созвалъ всѣхъ преданныхъ ему посе-лянъ у сѣзжей избы на избавленіе Дѣвочкина. Дол-горукій не безъ труда успѣлъ усмирить мятежъ и согласишь поселянъ не осмачивать розыска надъ Дѣвочкинымъ, за котораго впрочемъ явились новые важные заступники. Архимандритъ и собор-ные старцы ходатайствовали за него, ониъ того ли, что дѣйствительно не было ясныхъ доказа-тельствъ въ его измѣнѣ, или можешь бышь бла-горазумные Иноки опасались спросостию, даже справедливою, но неумѣрною, довести до отчал-

* *Примѣчаніе.* Въ 1-й книгѣ сего сочиненія ошибочно показано, что Королева Ливонская, Марья Владиміровна, въ инокиняхъ Марѣа, скончалась въ 1597 году. Такъ полагалъ Карамзинъ, самъ весьма естественно введенный въ заблу-жденіе неисправною надгробною надписью, читанною имъ въ Троицкой Лаврѣ. Напротивъ того, вновь открытые Профес-соромъ Соловьевымъ въ Швеціи документы удостовѣряють, что Королева въ 1609 году находилась въ живыхъ и обита-ла въ Троицкомъ Монастырѣ, вмѣстѣ съ несчастною Ца-ревою, дочерью Бориса Годунова.

нія Голохвастова и побудиннъ его къ явному междуособію, при помощи многочисленныхъ его приверженцевъ. Какъ бы по ни было, Дѣвочкиннъ не былъ казненъ, а оставленъ въ шемницѣ, гдѣ долгое время спустя онъ умеръ опъ люшой болѣзни.

Частныя измѣны продолжались. Двое. Переяславскихъ Дѣшей Боларскихъ, Пешръ Опушковъ и Сшепанъ Лешуковъ, перебѣжали къ непріятелю и объявили, что обитель снабжается водою посредствомъ подземныхъ шрубъ, проведенныхъ изъ нагорнаго пруда. По сему извѣстію, Лисовскій приказалъ нарядить работниковъ для разрыпнія плошины нагорнаго пруда и спуска воды, черезъ Служень оврагъ, въ рѣчку Коншуру. Опасаясь, чтобы осажденные не извѣстились о сей работѣ черезъ перехваченнаго языка, онъ строго предписалъ своимъ воинамъ уклоняться опъ боя съ выходящими изъ Монастыря людьми. Но самая хипрость Лисовскаго возбудила оспорожностъ въ Монастырскихъ Воеводахъ. Подозрѣвая, что подъ оною кроется какой-либо шайный умыселъ, они ночью выслали охотниковъ, копорые шихо приползли къ Польскому часовому, схватили его и привели въ обитель, гдѣ на допросъ онъ объявилъ о раскопаніи плошины. Въ ту же ночь осажденные дружно принялись за дѣло. Всѣ шрубы вдругъ были опворены; про-

вертѣли даже и шакія, которыя отъ долгаго неупотребленія засорились. Вода хлынула стремительно и черезъ края наполнила все запасныя пруды, во внутренности обителю находящіяся; въ то же время посланный отрядъ перебилъ непріятельскихъ работниковъ, перекопывавшихъ площадку нагорнаго пруда.

Архимандритъ неоднократно писалъ въ Москву къ Келарю Аврамію Палицыну, чтобы онъ приложилъ все старанія о присылкѣ въ Монастырь помощныхъ людей. Келарь дѣйствовалъ неуспѣшно, но не весьма успѣшно. Онъ безпрестанно умолялъ Царя и требовалъ ходатайства братьевъ его, Патріарха и Думы Боярской, чтобы не оставлялъ славной обители на осквернѣніе лютому врагу. Его упѣшали пустыми обѣщаніями, которыхъ исполнить не намѣревались по причинѣ стѣснительнаго положенія самой столицы. Аврамію вынужденъ былъ объявить, что Троица не въ состояніи держаться болѣе мѣсяца, если не примутъ мѣры для ея спасенія. Тогда встревоженный Патріархъ представилъ Василью, что съ паденіемъ Лавры упратаишя всякое сообщеніе Москвы съ Заволжскими областями, откуда сама столица могла единственно ожидать своего избавленія. Царь убѣдился наконецъ въ необходимости усилить Монастырскихъ защитниковъ, но и шутъ посы-

лаемое подкрѣплеше было ничши вовсе ничшожно. Оно состояло только изъ 60 Козаковъ, подъ начальствомъ Ашамана Сухана Останкова, съ конми опшусили также 20 пудъ пороха. Келарь съ своей стороны опсправилъ еще съ Останковымъ Никифора Есипова съ 20 Тронцкими слугами.

Останковъ и Есиповъ удачно пробрались еквозъ неприятельскіе полки, ' окружающіе Монастырь, и вступили въ оный 15 Феврала съ поперею только чепырехъ Козаковъ, которыхъ неприятель успѣлъ захватить и которыхъ Лисовскій, въ досадѣ своей за пропущеніе прочихъ, приказалъ казнить въ виду обители. Нельзя было оставить безъ наказанія варварства, сномъ противнаго военнымъ обычаемъ и могущаго поколебать твердосшь осажденныхъ. Долгорукій и Голохвасповъ совершили месшь и совершили се жесипоко. По повелѣнію ихъ, 42 плѣнные Поляка выведены были на гору опарой токарни и казнены подъ Глинянымъ оврагомъ, а 19 Козаковъ преперили шу же участь у нагорнаго пруда на взгоркѣ противъ шаборовъ Лисовскаго. Это зрѣлище привело неприятелей въ такое опчаяніе, что они хотѣли убить перваго виновника онаго — Лисовскаго. Слѣдги сполно немало шруда, чшобъ избавить его опъ смерти. Впрочемъ прибышіе вспомогапельнаго ошврада не на-долго облегчили осажденныхъ. Въ непродолжителномъ

Акты, оты-
сканные въ
Швеціи Про-
фессоромъ
Соловье-
вымъ.

Дневникъ
Слѣдги.—
Палачникъ.

времени большая часть людей Оспанкова и Есипова сдѣлались жертвою свирѣпствующей заразы, которая еще долго не переставала опустошать обитель.

Наконецъ благораспорядительность весняго воздуха распространила цѣлебное вліяніе на здоровье страждущихъ. Съ первыхъ чиселъ Мая мѣсяца болѣзнь начала ослабѣвать и скоро совершенно прекратилась. Въ смертоносномъ теченіи своемъ она поглотила до 2,000 человекъ.

Сапѣга, зная хорошо бѣдственное положеніе осажденныхъ, не предпринималъ ничего важнаго противъ нихъ въ теченіе зимы, а оставался въ наблюденіи. Съ одной стороны онъ долженъ былъ опасаться сообщенія заразы, а съ другой онъ не полагалъ нужды въ какихъ либо усиліяхъ противъ ежедневно-изнемогающаго непріятеля, и считалъ паденіе Лавры необходимымъ послѣдствіемъ гибели ея защитниковъ. Но когда зараза миновалась, а осажденные не преславились обороняться, то Польскій вождь рѣшился безотлагательно воспользоваться ихъ ослабленіемъ для нанесенія сильнаго удара всѣми полками своими. Съ полудня 27 Мая примѣчено было въ его войскахъ необыкновенное движеніе. Всадники подъѣзжали къ стѣнамъ для обозрѣнія. Другіе скакали по Клеменшевскому полю и казалось избирали мѣста для орудій. Осажденные

заговорились къ отпору, хотя число изъ нихъ способныхъ къ бою едва доходило до 1,000 человекъ. Но въ минушу опаснѣе пылкое усердіе одушевляло и слабѣйшихъ. Самыя женщины шло-пились на спѣнахъ и запасались камнями, варомъ и известью. Также не оставили очистишь подошвенныя бойницы.

Письмо изъ Троицы Соломониды, служанки Царевны Ксении къ матери своей въ Москву.

Палицытъ.

Когда смерклось, непріятели скрытно и тихо подползли къ спѣнамъ, везя за собою лѣстницы, шарасы и рубленые щиты. Залпъ изъ орудій, посланныхъ на Красной горѣ, подавъ знакъ къ приступу. Загремѣла музыка; Полки и Русскіе измѣнники усpreмились съ воплемъ къ оградѣ; но намѣреніе ихъ напасть въ распахъ не могло исполниться. Ихъ уже ожидали и привали мужественно. Изъ подошвенныхъ бойницъ испребляли ихъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, а со спѣнъ поражали камнями, обливали варомъ и ослѣпляли известью. Не давали имъ ни прислонить лѣстницъ, ни придвинуть щитовъ и шарасовъ. Бой продолжался во всю ночь безъ малѣйшаго успѣха со стороны враговъ, коиорые съ разсвѣтомъ ошсупили. Осажденные едвали вылазку и, преслѣдуя бѣгущихъ, побили многихъ изъ нихъ, 30 человекъ взяли въ плѣнъ и овладѣли всеми приступными снарядами.

Неудача сія привела Сапѣгу въ сильное недо-

умѣніе. Продолжать ли еще осаду, казавшуюся уже безнадежною, или, не теряя времени напрасно, отойти къ Москвѣ? Разрѣшеніе сего важнаго вопроса Сапѣга предложилъ созванному имъ 3-го Іюня Генеральному *Колу* *. Тщеславнымъ Полякамъ показалось пляско опказаться отъ начатаго предпріятія. *Коло* положило ошнюдь не ошступашь, не взявъ Монастыря. Къ несчастію крамолы продолжались въ Монастырь. Распря между обѣими Восводами дошла до такой степени, что 24 Іюня Голохвасцовъ хотѣлъ было склонить слугъ и Клеменшьевскихъ крестьянъ къ ошобранію ключей отъ воротъ отъ Князя Долгорукова, котораго высипавлялъ челоувѣкомъ не заслуживающимъ ихъ довѣрія. Но слуги и крестьяне, хотя преданные Голохвасцову, не осмѣлились явно возшпашь прошивъ главнаго вождя, имѣющаго на своей сторонѣ воиновъ. Скоро послѣ шого Князь Долгорукій имѣлъ случай доказать, сколь несправедлива была клевета, шоварищемъ прошивъ него разсѣваемая. Сапѣга, хотя претерпѣнныя имъ неудачи мало располагали его къ новому приступу, почелъ невозможнымъ прошившись общему желанію воиновъ своихъ, нешступно просящихъ позволенія еще разъ испытать счастья:

Дневникъ
Сапѣги и от-
писки Восво-
ды Князя
Долгорукаго
Келарю Па-
лицыну и
Троицкихъ
старцевъ Ца-
рю Василью
отъ 3 Іюля
1609.

* *Примѣчаніе.* Въ Польшѣ Жолнерскія сходки назывались *Коло*.

Въ ночи, съ 27 на 28 число, Поляки, подъ покровительствомъ дѣйствія морпиря, со всѣхъ сторонъ устремились къ оградѣ съ щипами, лѣспницами и проломными ступами. Князь Долгорукій явился на сѣнѣ въ опаснѣйшемъ мѣсцѣ и первый подавалъ доблестный примѣръ защитникамъ Монастыря, которые въ битвахъ забывая личныя вражды, дружно стояли противъ злодѣевъ Россіи. Непріятелю удалось было зажечь срубъ, поставленный осажденными въ видѣ опшводной башни впереди острога, прикрывающаго пивной дворъ. Пользуясь сею мгновенною выгодою, онъ спалъ уже присланивать лѣспницы къ острогу. Успоирѣвъ сіе съ водяной башни старецъ Гурій Шишкинъ и сошникъ Николай Волжинскій, кинулись изъ Монастыря къ пивному двору. За ними послѣдовали одинъ Монастырскій служба, два Козака и нѣсколько стрѣльцевъ. Вознаграждая малолѣдство опшважностью, они съ стремленіемъ ударили на нападающихъ, опбили ихъ и потушили пожаръ сруба. Бой продолжался во всю ночь. Къ утру Поляки опшспунили, бросивъ приступныя свои орудія.—Къ опшрадѣ осажденныхъ имъ погла сдѣлалось извѣстнымъ, что слухи о приближеніи Князя Скопина-Шуйскаго съ вспомогательнымъ Шведскимъ войскомъ уже начинали превозмшть враговъ.

Въ Москвѣ жаждали извѣстій объ успѣхѣхъ даннаго порученія Князю Михайлу Васильевичу. Всѣ взоры были устремлены на Новгородъ. Царь и съ нимъ всѣ благомыслящіе Россіяне ожидали извѣщенія отечества преимущественно отъ дѣйствій юнаго Героя. Но надежда на будущіе подвиги его не скоро должна была исполниться. Ему еще предстояло испытать тяжкія искушенія и побѣдить важныя препятствія:

Посланные отъ него въ Выборгъ Полномочные, Головинъ и Зиновьевъ, вступили тамъ въ переговоры съ Шведскими Полномочными, копорыми назначены были Еранъ Бойе, Арвидъ Вильдманъ, Тенесъ Еранзонъ Спирискельдъ, Ошто Мернеръ и Секретарь Эрикъ Элофзонъ. Казалось, что не трудно было уговориться въ дѣлѣ полезномъ для обѣихъ споронъ. Если для спасенія Россіи нужна была помощь Шведовъ, то Швеціи также для естественной безопасности своей необходимо было не допускать Поляковъ овладѣть Россією и сдѣлаться опасными сосѣдями для самой Швеціи. Но такъ такъ бѣда для Россіи была близка, а для Швеціи отдаленна, то Шведы воспользовались симъ, чтобы возвысить свои требованія. Условленная въ Новгородѣ богашая плата ихъ вспомогательному войску не удовлетворяла еще всѣмъ ихъ желаніямъ. Ошложнивъ всякую благо-

приспешность, они не успыдивше домогашься приращенія владній своихъ въ ущербъ союзной имъ державы, и наспештельно просили объ уступкѣ Корелы. Скорѣе ни шагостиво было для Русскихъ сердце добровольно предавать въ руки иноплеменниковъ Русскій городъ, однако Головинъ и Зяновъ, видя непреклонность Шведовъ, вынуждены были покориться злой необходимости. Впрочемъ уговорились не оглашать до времени о сей уступкѣ, неминуемо долженспровавшей произвестъ сильное негодование въ Россіи, и попому, не упоминая о сей горестной спашь вѣ общемъ договорѣ, сдѣлали объ оной особое тайное постановление. На семъ основаніи обоюдныя записки были подписаны 28-го Февраля. Сущность оныхъ была слѣдующая: 1-е) Шведамъ выставить на службу Царя 5,000 наемнаго войска за условленную плату; 2-е) кромѣ того имъ же прислать еще безденежно столько войска, сколько Король заблагоразсудитъ; 3-е) во время похода ихъ въ Россію церквей не разорять и людей безоружныхъ не забираать; 4-е) плѣнныхъ съ бою Русскихъ отдавать на окупъ, въ Швецію же отправлять только плѣнныхъ Поляковъ; 5-е) всѣмъ Шведскимъ войскамъ состоять въ полномъ повиновеніи у Князя Скопина-Шуйскаго; 6-е) Шведамъ не выдавать измѣнникамъ Русскихъ Полно-

мочныхъ, а привеспть ихъ съ собою безвредно въ Новгородъ; 7-е) имъ же Русскихъ городовъ никакихъ не только не брашь на себя, но даже возвращать Царю и пѣть, которые держа спорону Вора взяты будутъ ими вооруженною рукою; 8-е) Россіи съ своей спороны отказашься навсегда опть всѣхъ правъ своихъ на Лифляндію; 9-е) во время пресбыванія Шведовъ въ Россіи продавашь имъ кормъ по истинной цѣнѣ, принимашь опть нихъ въ уплату Шведскія золотыя и серебряныя деньги безпреспятешвенно и снабжашь пѣвшихъ людей ихъ подводами безденежно; 10-е) оптьшившимся Шведскимъ всадникамъ давашь лошадей по настоящей цѣнѣ, которую и зачисляшъ въ число слѣдующей имъ платы; 11-е) привезенныя Русскими Полномочными 4,800 рублей роздашъ немедленно наемнымъ воинамъ, и имъ же дашъ еще по прибытіи ихъ въ Новгородъ 200 рублей, не зачисляя ничего изъ сихъ 5,000 рублей въ число условенной платы; 12-е) если въ зимнее время понадобится Королю послать опть 1,000 до 2,000 воиновъ (въ Шведскомъ подлинникѣ сказано до 3,000 и болѣе воиновъ) сухимъ путемъ изъ Финляндіи въ Лифляндію, то пропуститъ ихъ черезъ Ижерскую землю; 13-е) въ случаѣ ежели въ послѣдствіи встрѣшатся Королю нужда въ помощи Царя, то послать ему

точно такое же количество войск, какое онъ шеперь посылаетъ въ Россію; 14-е) Князю Скопину-Шуйскому въ Новгородѣ, а потомъ и самому Царю въ Москвѣ, утвердишь заключенный договоръ и наконецъ 15-е) съ обѣихъ сторонъ не входить ни въ какой договоръ съ Королемъ Польскимъ безъ вѣдома и причасія обѣихъ сторонъ *. Въ тайномъ отдѣльномъ послановленіи Русскіе Полномочные обѣщали черезъ три недѣли послѣ вспуленія въ Россійскіе предѣлы Королевскихъ Воеводъ доставить имъ уступочную записъ на Корелу за Новгородскою печатью и за подписомъ Князя Скопина-Шуйскаго, а еще два мѣсяца спустя прислать имъ такую же записъ за Царскою печатью, и въ то же время сдать имъ городъ Корелу со всѣмъ уѣздомъ, вывезя впрочемъ изъ уступаемой земли церковную ушварь, Русскія пушки и всѣхъ Россіянъ и Корелянъ, которые не пожелаюшъ оставашся въ подданствѣ Швеціи **.

Если Шведы дорого продавали свое содѣйствіе, по крайней мѣрѣ они не жалѣли усилій, чтобы помочь ихъ соопвѣтствовала важности дѣла. Не ограничиваясь условленными пашью пы-

* Смотри Приложенія № XII.

** Смотри Приложенія № XIII.

олчати человекѣ, они изгнѣшвили близъ Выборга

Отписка
Князя Ско-
пина къ Вы-
шегодцамъ и
къ Царю изъ
Новгорода.

до 8,000 конницы и пѣхоты *. Главное началь-

ство надъ симъ ополченіемъ, состоящимъ изъ

Шведовъ, Шотландцевъ, Датчанъ, Англичанъ и

Цесарцевъ, вѣрено было Королемъ Якову Дела-

гарди. Сей вождь былъ незаконорожденный сынъ

Далнѣ. дочери Короля Иоаима, и слѣдственно племянни-

цы Карла IX, и хопя имѣлъ отъ роду польско

27 лѣтъ, но сдѣлался уже извѣстнымъ въ 1601

году, въ которомъ вмѣстѣ съ Гилленгельмомъ

уворно защищалъ городъ Вольмаръ противъ По-

ляковъ. Взятый въ плѣнъ при сдачѣ города, онъ

былъ разбитъ и потомъ служилъ въ Нидерлан-

дахъ, въ войскѣ лучшаго полководца тогдашняго

времени, Принца Маврикія Нассаускаго, и подъ

его руководствомъ усовершенствовался въ рап-

номъ дѣлѣ. Подъ нимъ частными вождями были

Отписка
Князя Ско-
пина Царю
изъ Новгоро-
да.

Аксель Куркъ, Андерсъ Бойе, Христофоръ Сомме

и Эверинъ Горнъ.

Делагарди выступилъ изъ Выборга, и 27 при-

Видскнндъ. былъ на границу, гдѣ соединился съ Иванисомъ

* *Примѣчаніе.* Въ отпискѣ Князя Скопина къ Царю, отъ Мая 1609 года, число вспомогательнаго войска выставлено въ 12,000, но кажется, что въ семъ случаѣ Князь повѣрилъ на дѣлѣ неоправдавшимся обѣщаніямъ Шведскихъ Генераловъ. Какъ Шведскіе такъ и Польскіе писатели согласуются въ томъ, что Шведы увеличивали свои силы.

Ададуровимъ, высланнымъ Княземъ Снопивымъ къ нему на встрѣчу съ 2,300 Русскихъ. Первымъ слѣдствіемъ появленія Шведовъ въ Россіи было покореніе Орѣшка, котораго жители добровольно обратились къ повиновенію Царю. Начальствующій тамъ закоренѣлый крамольникъ, Бояринъ Салпыковъ, опѣхалъ въ Тушино. Делагарди хотѣлъ было мимоходомъ нечаянно овладѣть Конорьемъ, но такъ какъ ему не удалось подойти скрытно, то, не желая перясть времени подъ маловажнымъ городомъ, онъ отказался отъ своего предпріятія и продолжалъ путь свой къ Новгороду.

Впрочемъ Шведы не шоропились походомъ своимъ. Они шли не менѣе двухъ недѣль отъ границы до Тесова, хотя пройденное ими разстояніе составляло только 380 верстъ. Весенняя распушица могла быть причиною сей медленности, которая также была сообразна настоящимъ выгодамъ Шведовъ. Такъ какъ условленная плата рассчитывалась со дня вступленія ихъ въ Россійскія предѣлы, то шрашою времени они усугубляли свою награду. Съ другой стороны имъ желательнымъ было не прежде соединиться съ Княземъ Михайломъ Васильевичемъ, какъ по минованіи срока, назначеннаго для полученія отъ него подтвержденія договора, касательно уступки Борелы. Делагардѣй

своею особою прибылъ въ Новгородъ 14-го Апрѣля, но войско его оставалось въ Тесовѣ. Князь Скопинъ принялъ Шведскаго военачальника какъ будущаго избавителя Россіи, встрѣпилъ его за городомъ и съ сердечнымъ умиленіемъ кланялся ему, опуская руку до земли. Русскій и Шведскій Полководцы, оба юные, оба отличные, скоро сблизились и взаимныя дружескія сношенія ихъ подавали надежду на оповращеніе важныхъ трудностей, возникающихъ съ перваго шагу. Шведы требовали подтвержденія уступки Корелы и выдачи заслуженнаго уже ими мѣсячнаго жалованья. По первому предмету Скопинъ спѣшилъ удовлетворить ихъ, и 15 Апрѣля выдалъ имъ подтвердительныя грамоты Выборгскихъ договоровъ *. Но въ разсужденіи шашы представлялась совершенная невозможность. Въ Новгородѣ такъ нуждались деньгами, что не смотря на сдѣланныя пожертвованія Митрополищю, духовенствомъ, купечествомъ, посадскими и уѣздными людьми, которые всѣ дали по возможности деньгами, сукномъ и камкою, расходъ на образованіе Русскаго войска былъ такъ значительенъ, что Новгородская казна совершенно истощилась. Въ сей крайности Князь Михайло

* Смотри Приложенія № XIV.

Васильевичъ уговорилъ Делагардіа довольствоваться на первый случай 5,000 рублѣй деньгами и соболями на 3,000 (всего на 26,666²/₃ нынѣшнихъ серебряныхъ рублѣй), что все не составляло и пятой части условленнаго мѣсячнаго жалованья. Князь обѣщалъ заплатить сполна недоимку, когда открыто будетъ сообщеніе съ столицею.

Успротивъ сіе важное дѣло, Князь Михайло Васильевичъ занялся военными распоряженіями. Расчитывая съ свойственной ему оснорожностію, что не безопасно было бы выпустить въ Новгородъ столь значительное число Иноземцевъ, онъ дозволилъ Делагардію направити на Новгородъ только 3,600 конныхъ Французовъ и Шотландцевъ, предводительствуемыхъ Эраномъ Бойе и Оптомъ Мернеромъ. Прочее же войско Делагардіево, состоящее еще изъ 4,000 человекъ, получило приказаніе идти подъ начальствомъ самого Делагардіа прямо изъ Тесова въ Старую-Руссу на стоявшаго шамъ Кернозицкаго, и Скопинъ высылалъ туда же изъ Новгорода Семена Васильевича Головина и Ѳедора Чулкова съ отрядомъ, составленнымъ изъ Дворянъ, Дѣпей Боярскихъ, Козаковъ, Спрѣльцевъ и охочихъ людей. Головинъ на пути своемъ получилъ донесеніе отъ Князя Ивана Мещерскаго, занимавшаго Порховъ съ Дворянами и Дѣшми Боярскими Щелонской Пяшины, что подъ сей

Фриксель.

Отписки
Князя Скопиня къ Вышегородцамъ и къ Царю изъ Новгорода.

городъ подступили тысяча Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, посланныхъ Кернозицкимъ. Мещерскій просилъ помощи. Головинъ немедленно отрядилъ къ Порхову часть Дворянъ, Дѣтей Боларскихъ и Козаковъ, подъ предводительствомъ Головъ, Лазаря Осипина и Тимофея Шарова, которые предварительно сославшись съ Мещерскимъ, 8 Мая напали въ распλοхъ на непріятелей, осаждающихъ Порховъ, разбили ихъ совершенно, опюбрали всѣхъ ихъ набаты, знамена и коши, и взяли въ плѣнъ 180 человекъ. Съ другой стороны Головинъ продолжалъ слѣдованіе свое къ Старой-Руссѣ, куда Горнъ вступилъ безпрепятственно съ передовымъ войскомъ, состоящимъ изъ 240 Шведовъ. Кернозицкій, не дождавшись его прихода, зажегъ городъ и опспунилъ за Ловаишъ, но желая имѣть точное свидѣніе о силѣ наступающаго отряда, онъ снова выслалъ за рѣку развѣздъ изъ 300 человекъ кон-

Фриксель и
отниска Кле-
ва Скопина
къ Царю въ
Мая 1600.

ницы, который 11 Мая подошелъ подъ Старую-Руссу. Горнъ, извѣщенный о приближеніи непріятеля, встрѣпилъ его и принудилъ искать спасенія своего въ бѣгство, оставивъ 30 плѣнныхъ въ рукахъ Шведовъ. На другой день Головинъ и Де-лагардій прибыли въ Старую-Руссу, и пошмась же отравили Чулкова и Горна, усиленнаго 670 Шведовъ, для преслѣдованія Кернозицкаго. Передовая дружина ихъ, изъ Иноземцевъ и 200 Русскихъ,

предводительствуемая самимъ Горномъ, достигла Кернозицкаго 15 вечеромъ при селѣ Каменкѣ. Шведскій начальникъ, не смотря на малочисленность бывшихъ при немъ людей, не усумнился переправиться черезъ рѣку, отдѣляющую его отъ непріятеля. Кернозицкаго воины, испуганные его смѣлостію, смались и побѣжали по направлению къ Торопцу, побросавъ 9 пушекъ, всѣ знамена и часть обоза. Кромѣ того они потеряли до 1,400 человекъ. Одна только наступившая ночь спасла все войско отъ конечной гибели. Въ оцѣпененіи непоспимимаго ужаса непріятель сопротивлялся такъ слабо, что Шведскій уронъ состоялъ только изъ 6 человекъ. За сими Горнъ и Чулковъ заняли Торопецъ.

Послѣдствіемъ перваго успѣха Шведскаго войска было опложеніе отъ Самозванца городовъ: Спярцы, Осташкова, Холма, Великихъ Лукъ, Невеля и Ржевы Пустой. Самый Псковъ колебался. Тамошніе именитые люди, Духовенство и Дѣши Боярскіе, полагая, что приспѣло удобное время взять верхъ надъ буйною чернью, тайно послали отъ себя къ Князю Михайлу Васильевичу посадскаго человека, Семена Савельева, съ обещаніемъ сдать городъ, если явится передъ онымъ Царское войско. Скопинъ, поспигая, сколь полезно было бы для него не осмѣляясь за собою воровскаго гнѣзда

Отиска
Князя Скопинъ
на къ Волог-
жанинъ.

въ важномъ городѣ, немедленно приказалъ испсти изъ Порхова подъ Псковъ Князю Мещерскому, Осинину и Шарову, подкрѣпленныхъ нѣсколькими Шведами.

Псковская
Летопись.

Нсожиданный случай, казалось, представлялъ несомнѣннымъ покореніе Пскова. Городъ сей загорѣлся 25 Мая по неосторожностіи людей, варившихъ кисель на Полонищи. Пожаръ сдѣлался ужаснымъ. Весь средній городъ и Кремль сдѣлался добычею пламени. Не успѣли даже предохранить опшъ огня складовъ пороха, опшъ взрыва косяго опрокинулись обѣ набережныя стѣны по Великой и по Псковѣ. Сгорѣло также множество оружія. Тогда нѣкоторые изъ Псковскихъ Дѣтей Боярскихъ, не полагая возможнымъ, чтобы жители вздумали еще защищаться, не смотря ни на малое количество уцѣлѣвшаго пороха, ни на недоспапокъ оружія, ни даже на большія проломы, обиажавшіе крѣпость, опшѣхали къ Новгородцамъ, вѣроятно дабы опередить поварищей своихъ въ изъясненіи усердія своего къ Царю.

Пока сіе происходило, Князь Мещерскій приближался ко Пскову, и 28 Мая онъ напалъ въ десяти верстахъ опшъ города на Атамана Ефима Корсякова, спорожившаго Порховскую дорогу съ опшрядомъ Псковскихъ Козаковъ. Козаки были сбиты и Царскіе войны на плечахъ ихъ устремились къ городу, кошорый нашли едва не вовсе безъ

обораны. Хотя Корсаковъ еще названъ доносиль-
е подопуыленіи Мещерскаго, большіе люди, же-
лающіе всемірно облегчить для Царскаго войска
покореніе Пскова, ушани сіе извѣстіе, и самого
присланнаго вѣстника посадили въ тюрьму, дабы
онъ не разглашалъ своего порученія. Они расчи-
тывали, что 28 Мая падало въ шопъ годъ на
воскресенье недѣли Св. Опецъ, въ которое обыкно-
венно Псковичиане выходятъ изъ города за Великую
рѣку, на спрыпленіе Иконы Св. Богородицы, приво-
симой изъ Печерскаго Монастыря. Удаленіе черни
совершенно въ противуположную спорону отъ
Порховской дороги, подавало имъ надежду, что
Мещерскій овладѣетъ городомъ безпрепятственно.
Въ самомъ дѣлѣ обыватели, ничего не подозрѣвая,
высыпали за Великую на Трубину гору, въ ожиданіи
прибытія Иконы, какъ вдругъ пушечные выстрѣлы
съ Великихъ воровъ возвѣстили объ угрожающей
опасности. Всѣ опрометью кинулись обратно въ
городъ, и едва успѣли во-время засѣсть на стѣнахъ.
Начальники Царскаго войска, видя Псковичианъ,
готовящихся къ оборонѣ, воздержались отъ на-
паденія на самый городъ. Посланные не на бой,
а только для спосигъшеспвоанія дѣйствиымъ име-
нинныхъ людей, долженствующихъ по завѣренію
Савельева сдать изъ городъ, они признали полез-
нымъ отараться прежде всего обезсилить преданную

Самозванцу чернь, которая въ особеннѣннѣи оцѣра-
лась на содѣйствіе Спрѣльцевъ. Въ сихъ обстоя-
тельствѣхъ, овладѣніе Спрѣльцкою слободою,
лежащею за Великою, на правомъ берегу рѣчки
Мирожи, было бы весьма важно, потому что
побѣненіе тамъ живущихъ женъ и дѣтей Спрѣль-
цевъ могло смирить буйство сихъ необузданныхъ
рашниковъ. Въ ночи съ 28 на 29, Царскіе воины
переправились за Великую и приступили къ Спрѣ-
льцкой слободѣ; но Спрѣльцы мужественно отбили
ихъ, и они вынуждены были довольствоваться
выжженіемъ предмѣстія Завеличья и ошогнаніемъ
вблизи онаго пасущихся коровъ. Послѣ сего ма-
лоуспѣшнаго похода, они спали на Любановѣ,
откуда посылаемыми разъѣздами опустошали окре-
стности.

Между тѣмъ въ городѣ все было въ страшномъ
волненіи. Опысканный и выпущенный изъ плѣна
вѣсшникъ Ашамана Корякова служилъ живымъ
свидѣтельствомъ о тайныхъ сношеніяхъ имен-
ныхъ людей съ тѣми, коихъ народъ почиталъ
за враговъ. Раздраженная чернь, оплодивъ всякое
повиновеніе къ подозрѣваемымъ ею властямъ, сама
спала, распоряжаясь по внушенію свирѣпыхъ
своихъ спрасней. У всѣхъ Дворянъ и Дѣтей
Боярскихъ, находящихся еще въ Псковѣ, отняли
боевыхъ коней и отдали Спрѣльцамъ для вылазокъ,

а у этихъ, которые послѣ пожара оцѣхали въ Новгородцамъ, описали даже все низвие, а жень ихъ посадили подъ спражу. Трудно было бы винить чернь, еслибы она ограничилась сими предостерегательными играми, вполне оправданными справедливымъ недоверіемъ. Но скоро она вышла изъ предѣловъ умеренности, для нея вовсе не сообразной. Должно признаться также, что приерженцы Царя поспунками своими раздували пламя народной ярости. Именитые люди и Духовенство не пересказывали сношенія съ Новгородцами. Въ одинъ день, священникъ и дьякъ церкви Николая Чудотворца со усохи, перелзли черезъ городскую стѣну, въ намѣреніи передаться Новгородцамъ. За ними погнались. Дьякъ успѣлъ безвредно уйти въ Любашово, но попа поймали и пытали. Онъ оговорилъ многихъ, которыхъ также схватили и пытали у Смердыхъ воровъ. Хотя у пытки находились Самозванцевы Воеводы, Александръ Жировой Засѣкинъ и Дьякъ Иванъ Луговскій, и также старосты Псковскіе и Псковскіе, но слушались не ихъ, а простаго сирѣльца, Тимофея, по прозвищу Кудекуша Трещецъ, который при помощи суровой наслойчивости своей сдѣлался наслоающимъ властителямъ города. По мановенію его ударили въ набашь, и чернь спала пресыщающа лютейшими несподобами. Бышаго Царскаго

Воеводу, Болрина Петра Шереметева, удвинули въ шюрьмъ, а многихъ Дѣтей Воарскихъ мучили, жгли и ломали имъ ребра. Трепецъ основывалъ владычество свое на ужасахъ губительства.

Царское войско не долго спыало въ Любашевѣ. Такъ какъ малочисленность его отпихнула надежду еялею покорить Псковъ, то въ избѣжаніе напрасныхъ трудовъ и бесполезной траты времени, Князь Скопинъ опозвалъ въ Новгородъ Князя Меншерскаго съ товарищами. Такимъ образомъ Псковичи оспались при своей волѣ или лучше сказать при своемъ своевольствѣ.

Никонская
Летопись.

Князь Михайло Васильевичъ оставался въ Новгородѣ только для того, чтобы дать время Делагардію обогнуть озеро Ильмень и поравняться съ нимъ. Когда же извѣстился, что Шведскій вождь переспустилъ за Шелонь, то Корвильй Челгоковъ получилъ отъ него повелѣніе двинуться по Московской дорогѣ и съ Иноземцами, приведенными Ераномъ Боіе и Мернеромъ. Въ слѣдъ за сими передовыми и самъ Скопинъ выступилъ изъ Новгорода 10 Мая съ главнымъ Русскимъ войскомъ, которое, за опряженіемъ Головина и Челгокова, едва ли соспояло изъ 3,000 человекъ. Подвизаясь на дѣйствія рѣшительныя, Князь чувствовалъ необходимость держашъ въ совокупности средства свои и всеврно избѣгалъ опаснаго раз-

Отписка
Князя Ско-
пина къ Ца-
рю.

Видскандъ.

дробленія силъ. Въ свѣдѣніе сего, онъ послалъ
новелтіе Головину, Делагардію и Горну слѣдовавъ ^{Отписки}
къ Московской дорогѣ на соединеніе съ нимъ. ^{Князя Скопина}
^{на къ Царю.}
Одному Чулкову предписано было осматриваться въ
Торопецъ для удержанія въ повиновеніи вновь
покорившіеся города.

Горнъ, на возвратномъ нупи своемъ изъ Торопца,
извѣстился, что непріятельскій опрѣдъ засѣлъ
въ лежащемъ по близости Колма Хлавицкомъ ^{Далинъ и}
Монастырѣ. Горнъ немедленно обратился шуда, ^{Никоновская}
^{Автопись.}
взялъ приступомъ Монастырѣ и истребилъ на-
ходящихся тамъ непріятелей. По соверщеніи сего ^{Видсквицъ.}
подвига, онъ 23 Мая возвратился къ Делагардію,
кошорый направилъ его на Торжекъ съ 800 чело-
вѣкъ конницы и 200 пѣхоты.

Сей городъ уже гошовился покориться. Служь
о приближеніи Новгородской и иноземной рати
произвелъ сильное впечатлѣніе на гражданъ, кошо-
рые послали къ Князю Скопину съ повинною.
Обрадованный Князь предписалъ 16 Мая Чеглокову ^{Отписки}
спѣшить въ Торжекъ и оберегать тамошнихъ ^{Князя Скопина}
^{на къ Царю.}
жителей до его прибытія.

Наслушаніе Скопина не мало шревожило самый
Тушинскій станъ, и шѣмъ болѣе что тамъ имѣли
назѣсаніе, что и съ другой стороны, въ окрестно-
стяхъ Оскола и Ливенъ, показались Крымскіе Та- ^{Царская}
шары, призванные также Царемъ на помощь Мо- ^{Грамота Вол-}
^{годскому Вою-}

вода Пушкин-
скы изъ Моск-
вы отъ 15
Мая 1609.

Степанная
Книга.

Въ сихъ обстоятельствѣхъ Гепманъ Рожинскій призналъ за нужное созвать на Коло все Польское Рыцарство, для совѣщанія о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Гепманъ предложилъ собранію разрѣшить вопросъ: можно ли съ надеждою на успѣхъ дѣйствовать противъ вновъ ополчающихся за Царя союзниковъ его? Храбрыя Ляхи возопили, что нѣчего опасаться Шведовъ, ими двѣнадцать лѣтъ съ ряду посполно поражаемыхъ въ Ляндін. Съ общаго согласія положили отрядить часть войска на Князя Скопина, а главнымъ силамъ, не отступая отъ столицы, оставаться въ Тупинѣ.

Писецкій. —
Беръ — Фн-
ларетова Ру-
копись.

Въ исполненіе сего предначертанія, Рожинскій отправилъ на встрѣчу Князю Михайлу Васильевичу Пана Зборовскаго съ 2,000 Польскихъ копейщиковъ, къ коимъ придалъ еще 1,000 Русскихъ всадниковъ, предводительствуемыхъ злодѣемъ Княземъ Григорьемъ Шаховскимъ. Кромѣ того, для усиленія Зборовскаго, предлагалось ему присоединить къ себѣ отрядъ Кернозицкаго, отступавшаго по направленію предпріимавшаго ему пуши.

Зборовскій слѣдовалъ сперва на Зубцовъ, гдѣ извѣстился, что во вновь передавшемся Царю городѣ Спаричѣ находишься весьма мало ратныхъ людей. Легкое завоеваніе польстило ему; онъ повернулъ на Спаричу и въ ночное время началъ на сей городъ. Сопротивленія почти вовсе не

было. Граждане, видя свое безсиліе, не защищали оцѣвъ, а искажи убѣжища въ башняхъ и церквахъ, но и тамъ не избѣгли смерти. Зборовскій, желая сдѣлать жестокій прихвѣръ надъ опшпадающими ошъ Самозванца, предать огню и мечу весь городъ, не щади и малолѣтнихъ. Совершивъ сѣе кровавую мессю, Зборовскій двинулся къ Торжку и осадилъ тамъ Чеглокова.

Князь Скопинъ съ своей стороны шелъ шакъ медленно, что еще находился къ Креспецкомъ яму, когда получилъ донесеніе Чеглокова о угрожающей Торжку опасности. Онъ шопъ часъ же предписалъ Головину ишши висредъ съ 1,000 Русскихъ и двѣспованъ на выручку Чеглокова въ совокупности съ Горномъ, направляющимся шакже на Торжекъ съ 200 конныхъ и 800 пѣшихъ Иноземцевъ.

Головинъ двѣспвнтельно соединился съ Горномъ въ окрестностяхъ Торжка, и полагаю, что Зборовскій не ожидаетъ ихъ, они 17 Іюня двинулись на него въ надеждѣ учинить нападеніе въ распахъ. Но Зборовскій уберется. Головинъ и Горнъ нашли его гошновымъ къ бою, и вынуждены были устроитъ войско свое для ошкрытаго двѣспвія. Шведская пѣхота, обшыканная копьями, спала въ первой линіи, а за нею находилась Шведская и Новгородская конница. Зборовскій самъ началъ сраженіе, приказавъ шремъ хоругвамъ своимъ ударить на Шведовъ

Два хоругви были отбиты, но третья встала в Шведскую пѣхоту, и прорвавшись сквозь нее, опротивула сходящую назад конницу, конную и погнала до самого Торжка. Истребленіе Шведской пѣхоты, разсироченной и оспавленной безъ всякой оперы, казалось неизбѣжнымъ. По счастью Чеглоковъ поспѣшилъ на помощь погнѣвающимъ. При содѣйствіи учиненной имъ вылазки, гонимая конница оправилась и прикрыла оспупленіе въ городъ оспашковъ пѣхоты. Не менѣе много уронъ Шведовъ былъ весьма значительнъ и простирался до 500 человекъ выбывшихъ изъ строя.

Зборовскій, не смоя на одержанную имъ побѣду, не осмѣлся подѣ Торжкомъ. Войско Головина и Горна, хотя и разбитое, не менѣе много усиливало число защитниковъ города, и поному не представлялось въроисности для Зборовскаго овладѣнъ онымъ прежде прибытія Скопина. Въ сихъ обстоятельствѣхъ онъ рѣшился оспупить до Твери, гдѣ соединился съ Кернозицкимъ.

Князь Михайло Васильевичъ и Деслягарди прибыли 27 Іюня въ Торжокъ, куда въ тому же времени подоспѣло подкрѣпленіе, посылаемое ему изъ Смоленска.

Царь еще въ печеніе зимы приказывалъ Смоленскому Воеводѣ, Боярину Шенну, послать рать на помощь Москвѣ. Въ слѣдующее лето новоглядъ,

Князь Яковъ Боряпинскій и Семенъ Адагуровъ ^{Отписки Смоленскихъ Воеводъ Шенна и Князя Горчакова къ Царю въ 1609 году.} были 2 Января отправлены съ войскомъ по Смоленской дорогѣ. Они разбили въ Дорогобуженскомъ уездѣ, на рѣкѣ Осми, Польскій отрядъ Ротмистра Плюшки, котораго самого взяли въ плѣнъ, послѣ чего безирезультативно заняли Дорогобужъ, но не могли продолжать сѣвѣванія, по причинѣ смуты, происшедшей въ войскѣ по наущенію посланнаго оныя Самозванца Ивана Зубова. Служивые люди объявили, что наступающая весенняя распушица затрудняетъ походъ, и что они до засухи не пойдутъ далѣе. Когда же Воеводы хотѣли ихъ принудить къ исполненію приказанія начальства, то большая часть Дворянъ, Дѣшей Болровскихъ и Спрѣльцевъ развѣхались по помѣстьямъ своимъ: нѣкоторые даже передались Самозванцу. Воеводы воротились въ Смоленскъ 11 Февраля съ весьма малымъ числомъ оставшихся при нихъ людей. По наступленіи теплой погоды, Шеннъ опять снарядилъ войско изъ Смоленскихъ, Брянскихъ и Серпейскихъ служивыхъ людей и 21 Мая отправилъ оное, подъ начальствомъ шѣхъ же Боряпинскаго и Адагурова, по прежнему направленію. Польскій отрядъ, ^{Отписки Смоленскихъ Воеводъ Шенна и Князя Горчакова къ Царю въ 1609 году.} предводительствуемый Ротмистромъ Чижею и Павломъ Запорскимъ, хотѣлъ было не допустить Смоленскую рать къ Дорогобужу; но Боряпин-

Розряды.

Отписки Смоленскихъ Воеводъ Шенна и Князя Горчакова къ Царю въ 1609 году.

Владскнвдъ.

скій и Ададуровъ разбили его: водъ снмъ городовъ и опбросилъ за Днѣпръ, при чемъ опбили 4 орудія и взяли 1500 человекъ въ плѣтъ; 31 Мая Царскіе Воеводы продолжали пушъ до Вазьмы и 3 Юня овладѣли снмъ городовъ. Тупшъ они получили повелѣніе ипши на соединеніе съ Княземъ Скопннмъ, и поворопшлн на Бѣлую, куда прпбыли 12 числа. Самозванцевыми Воеводами въ Бѣлой были Князь Иванъ Хованскій и Иванъ Колычевъ. Они сдали городъ безпрекословно, и со всеми гражданами цѣловали крестъ Царю Василью. Боряпннскій и Ададуровъ, усиливъ дружину свою нѣсколькими прпстѣпавшнми къ нмъ Дѣшыми Боларскими городовъ Дорогобужа, Вазьмы и Бѣлой, выступнли изъ Бѣлой 20, и совершнли соединеніе свое съ Скопннмъ въ Торжкѣ, куда прпвели съ собою 3,000 человекъ.

Такимъ образомъ Князь Скопннъ усиливался но мѣрѣ насшупленія своего. Зборовскому означалось мало надежды побѣднть его опкрнннмъ оружіемъ, и пошому онъ прпбѣгнулъ къ шайнмъ прпскамъ. Онъ напсалъ изъ Твери письмо къ Деллагардіо, съ объясненіями о мнннхъ правахъ Лжеднмнпріа, и съ увѣщаніями не пролнвашъ крови для несправаго дѣла. Вручннелъ сего письма нмѣлъ кромѣ шого порученіе старашься возбунднть маньжѣ въ Шведскомъ войскѣ. Но сего подшнерегли, и спрого наказали презде, чѣмъ онъ

Письмо Зборовскаго къ Деллагардіо изъ Твери отъ 31 Юня 1699.

Далннъ.

успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Деллагарди оповѣ-
чалъ Зборовскому, что онъ присланъ Королемъ
своимъ не для разбирательства обоюдныхъ правъ
северняковъ на Московскій престолю, а дабы сра-
жались за Царя Василья.

Князь Саоинъ, просповавъ нѣсколько дней въ
Торжкѣ, выступилъ наконецъ къ Твери, и пере-
сравлясь черезъ Волгу въ десяти верстахъ отъ
его города, приблизился къ оному. Зборовскій и
Березицкій, воспользовавшіеся промедленіемъ его
въ Торжкѣ, чтобы усилились подкрѣпленіемъ,
присланнымъ имъ изъ Тушина, вышли ему на
встрѣчу въ числѣ 5,000 человекъ и 11 Іюля
вступили въ бой. Сначала Деллагарди съ правымъ
крыломъ Царскаго войска, состоящимъ изъ Шве-
довъ и Фивляндцевъ, опшѣсился было самого
Зборовскаго, нападавшаго на него. Но успѣхъ сей
не поддержался. Лѣвое Царское крыло, гдѣ
стояли Нѣмцы и Французы съ малою частію
Шведовъ, не выдержало непріятельскаго написка
и обратилось въ бѣгство съ пошерю чепырехъ
пушекъ и чепырехъ знаменъ. Глядя на сіе и Рус-
скіе полки побѣжали. Тогда Деллагарди вынужден-
нымъ нашелся опказаться опъ погони за Збо-
ровскимъ и опспулилъ, что учинилъ шакже не
безъ значительнаго урона. Непріятелю много спо-
собствовало проливной дождь, который, преша-

Царская Гра-
мота Волог-
жанамъ изъ
Москвы отъ
26 Іюля 1609.
— Далннъ. —
Филаретова
Рукопись. —
Николовская
Лѣтопись.

сплвля Иноземцамъ дѣйствоватьъ изъ ружей; беззащитно подвергалъ ихъ испанно спрвль мажежническаго войска. Польскіе писатели утврвють, что Поляковъ пало только 50, а ввпршвивъ шого изъ Царскаго войска Иноземцевъ 1,000, да Русскихъ 6,000; разсказъ очевидно преувеличеннй, въ особенноти въ разсужденіи Русскихъ, которые мало и въ дѣлѣ были. Не менѣе шого нѣтъ сомнѣнйя, что Иноземцы много пошерпзля. Побѣдители, вѣроятно удержавшые ненаспѣемъ, не долго преслѣдовали бѣгущихъ, и съ шоржеетивомъ возвратились въ Тверь.

Пораженіе Царскаго войска могло бы нѣтъ пагубнѣйшія послѣдствія, если бы Князь Скопнъ допустилъ себя до унынйя. Но геройская душа его не поколебалась. Всѣ помышленія его устремились на скорое опмщеніе за прешерпзливую неудачу. Въ слѣдующій день дождь не переставалъ, и потому вичего предпринято не было; но такъ какъ въ ночи на 13 число прояснилось, то Князь снова повелъ войско къ Твери. Непрйатель, въ упоснйи побѣды, вовсе не ожидавшій возобновленія наступательнаго дѣйствія со стороны Царскаго войска, хотя и вышелъ въ поле сму на встрѣчу, но сдѣлалъ сіе съ шоропливостію и смущеніемъ, нощни неизбѣжными при внозашности вѣчнаго боя. Сраженіе началось за часъ до раз-

Отписки
Князя Скопн-
ва Воеводамъ
Ярослав-
скимъ и Во-
лгодскимъ въ
Іюль 1609.

сѣвни и продолжалось около шестъ часовъ. Ско-
пича вѣсны и Иневскыя вѣсныя пропыванность,
первались на плечахъ ихъ въ Тверской окресты
и продолжали перажать ихъ по улицамъ. Спаса-
лось бѣгствомъ, большая часть Поляковъ и Рус-
скіе измѣнники покинули Тверь и раздѣлялись на
дѣре. Часть, при коей находилась сама Зборавскій,
направилась по Московской дорогѣ, а другая на
Юсеевъ Монастырь. Однако нѣсколько Поля-
ковъ, не ожидая Твери, зашли въ городской
окопъ. Скопичъ приказалъ выбивать ихъ, и ме-
жду нѣмъ послалъ въ помощь за бѣгущими, ко-
торые, живо преслѣдуемые на разстояніи сорока
верстъ, потеряли значительный уронъ и многіе
изъ нихъ попали въ Волгу и въ Шонь. Но
защиты въ городѣ защищались упорно и отбили
нѣри ареступа. Скопичъ, избѣгая напрасной траты
нѣи людей, приказалъ превратить надежде въ
великой досадѣ Шведовъ, которые надѣлись по-
лучить богатую добычу при взятіи города. Князь
рассчитывалъ, что импріатель, не замаскшійся истинъ
нужнымъ для продолжительнаго сидѣнія, самъ не-
ожиданно очинитъ городъ, если ему ошкранда
путь къ опсупленію. Въ самъ предположеніи
онъ рѣшился продолжать сидѣніе свое къ Мо-
сквѣ, и выступилъ изъ Твери, предписавъ Деса-
врдю идти за собою.

Пасецкій.

Далинъ.

Скопинца ожидая прибытия Скопина итѣе съ
большинъ коперившимъ, что одно приближеніе
его итѣе уже спасительное вліаніе на духъ при
Царѣ находящагося войска. Сіе исполнилъ на дѣлѣ
Гетманъ Рожинскій, который, по наущенію вновь
прибывшаго въ Тушину Пана Бобовскаго, 5 Іюня
двинулся къ Москвѣ; посланные Царемъ Бояре
Князь Дмитрій Шуйскій, Князь Андрей Голицы
нъ, Князь Иванъ Курakinъ и Князь Борисъ
Лыковъ встрѣтили его на Ходынкѣ и вступили
съ нимъ въ жаркій бой. Победа оказалась на сто
рону Бояръ, которые гнали непріятеля на раз
спорный лѣсъ веропъ и взяли въ плѣтъ до 200
человѣкъ. Послѣ сей неудачи, Рожинскій оставал
ся въ бездѣйствіи около трехъ недѣль, но нако
нцѣ имѣя извѣстіе, что Скопинъ уже дости
галъ Торжка, рѣшился новымъ проискомъ преду
предить его прибытіе. 25 Іюня онъ выступилъ
со всѣми силами изъ Тушинскаго стана въ на
рѣши смечь деревянный городъ. Царь снова на
слалъ ему на встрѣчу свои воюки, которые опять
сшибнулись съ нимъ на Ходынкѣ. Сраженіе про
должалось во весь день съ большимъ осперантні
емъ съ обѣихъ сторонъ. Непріятель спалъ было
одолевать и опрокинулъ прошивопоставленную
ему конницу, отъ чего и Царская пѣхота начала
колебаться. Но скоро прислали ей на помощь съ

Царская Гра
мота Яро
славскіи
Воевода
изъ Москвы
отъ 28 Іюня
1609. — Сто
лрговъ Хро
нографъ. —
Николовская
Лѣтопись.

одной стороны бояринъ Князь Курашинъ, а съ другой Боаре Князь Андрей Голыцинъ и Князь Мыцковъ, которые, спрешивъ ударишь на враговъ, успѣли дать другой оборотъ дѣлу. Бой возобновился жестоко. По свидѣтельству Лаврентіеца, никогда еще Царскіе войны не оказывали такого мужества противъ Тушинскихъ злодѣевъ, которые не устояли и были похищены до изборовъ своихъ. Некоторые изъ нихъ въ смятеніи своемъ, не попали на Тушинскую дорогу, и впродолженіи въ Москву рѣку, тамъ попопили. Дѣвяти Поляковъ и сорокъ Русскихъ мятежниковъ попали въ плѣнъ. Непрідаткомъ выперли также нѣсколько орудій, знаменъ, шабровъ и лишавръ. Пораженіе сіе было для нихъ такъ чудовищно, что они болѣе не отваживались открытымъ силою подойти къ Москвѣ.

Ситѣшеніе Смоленцы однакожъ продолжалось по причинѣ упорства Мязьскаго, держаща въ строгомъ обложеніи Коложну. Наврасно городъ сей ожидалъ освобожденія своего отъ Прокопья Ляпунова, который дѣйствительно вышпунъ изъ Переслава Рязанскаго съ преданными ему Рязанцами, въ намереніи подать руку помощи осажденнымъ. Первыя его дѣйствія были удачны. Онъ отступилъ отъ непріятеля города Промскъ, Михайловъ и Зарайскъ; но когда приблизился къ Ко-

Грамота Сургутскихъ Богдана Рязанскаго и Благого въ Кетскій острогъ. Никомовская Литовскъ.

ломитъ, но былъ разбитъ Млоцинь и нашелся
вынужденнымъ опказаться оцъ своего предпрія-
нія. Впрочемъ самъ Млоцинь наконецъ договорсо-
ужился. Съ одной стороны до него доходили слухи
о вступлении Швеция въ Тверь, а съ другой онъ
ничь не доносилъ о приближеніи Крымскихъ Та-
таръ, шедшихъ прямо на Коломну. Въ сихъ об-
стоятельствахъ онъ не дерзнулъ оставаться до-

Царскія Гра-
моты къ Во-
сводамъ Вол-
годскимъ и
Ярослав-
скимъ изъ
Москвы отъ
26 Июня 1609.

лге вродъ Коломеню и 17 Июля описувалъ къ
Серпухову. Недѣлю спустя Калга Султанъ при-
быль къ Оку, близъ Коломенъ, съ 40 тысячами
Татаръ и, оставившись за рѣкою, прислалъ въ Мо-
скву просить назначенія для дальнѣйшаго напра-
вленія. Царь приказалъ ему явиться къ сегоднѣ.
Но о Татарахъ въ семь году болѣе нѣтъ никакихъ
современныхъ свидѣній, и потому должно полагать,
что Калга Султанъ, исказивъ болѣе безприсяж-
наго грабежа, чѣмъ случая къ насмѣяющему
бою, не дерзнулъ перейти за Оку и воротился
въ Крымъ, не предпринявъ ничего важнаго въ
пользу признавашаго его Царя.

Однако въ Тушинѣ Воръ не мало беспокоился
о приближеніи Князя Михайлы Васильевича. Не

Грамота Са-
мозванца къ
Салтыги изъ
Тушинскаго
стана отъ
30 Июня
10 Июля
1609.

савья самъ ослабитъ себя подъ Москвою, онъ во-
ручалъ Салтыги принять надлежащія мѣры къ
подкрѣпленію Зборовскаго, и писалъ ему о томъ
еще при первомъ извѣщеніи объ описованіи Збо-

ровскаго оиць Торжка. Когда же Самозванецъ получилъ донесеніе о пораженіи Зборовскаго въ Твери, то, усугубляя насилія свои, оиць повпорительными грамотами убѣждалъ Сапѣгу, же иррапипѣ времени подѣ Троицею за *Курятниками*, которыми оиць овладѣеть безъ труда, если успѣетъ разбить Князя Скопина, и пошому предлагалъ ему обратитѣ успѣія свои преимущественно на сего Князя. Сапѣга, полагая себѣ за безчестіе оицступитѣ оиць Монашья, не взявъ онаго, ошговаривался, медлил, и наконецъ, когда и самъ убѣдился, что даже для успѣха предиринятой имѣ осады: необходимо оспановитѣ стремленіе Скопина, то и пуиць оеливилъ значительную часть своего войска подѣ Троицею, и двинулся на Скопина только съ плптью хоругвами Гусарскими, четырью Папигорскими и двумя Козацкими. Опрядѣ сей выступилъ 18 Июля, и пройдя черезъ Дмипровъ, достигъ 20-го береговъ Люпшосмы. Тутъ Сапѣга узналъ, что Скопинъ перемѣнилъ направленіе свое.

Двѣ грамоты того же къ къ тому же изъ Тушинскаго стала отъ 14/24 Июля 1609.

Дневникъ Сапѣги.

Князь Михайло Васильевичъ, продолжая събдваніе свое къ Москвѣ, находился уже въ Городнѣ, въ 150 верстахъ оиць сиплицы, какъ вдругъ получилъ поразительное извѣстіе, что шедшіе за нимъ Иноземцы оицказывающся болѣе помогать ему. Неудовольствіе, пниасное ими за недоумѣніе ихъ къ иродоженію приступа Твери, скоро печально

Никоповская Летопись.

разразилось при подстреканіи злонамѣренныхъ людей. Едва Делагарди опошелъ нѣсколько верстъ отъ Твери, какъ мятежь вспыхнулъ въ его войскѣ. *Далнѣ.* Финляндцы первые взволновались и объявили, что, не получая условленной платы, они не полагаютъ себя въ обязанности углубляться въ Россію, и безъ всякаго ручательства подвергаться вѣроломству Московскаго народа. Сначала прислали къ нимъ Нѣмцы и Французы, а наконецъ поколебались и самые Шведы. Напрасно Делагарди, душевно сокрушенный, всячески старался возстановить порядокъ. Ни угрозы ни увѣщанія его не подѣйствовали, и онъ вынужденнымъ нашелся самъ оповеснѣ войско свое обратно въ Тверь, дабы сохранить въ немъ нѣкоторое устройство и не утратить безвозвратно возможности на будущее время еще полезно содѣйствовать Князю Скопину, умѣвшему внушить ему искреннюю къ себѣ преданность.

Письмо Делагарди къ Царю изъ Твери отъ 2 Августа 1609.

Иноземцы засѣли въ Твери, гдѣ уже не наши Поляковъ, успѣвшившихъ очистишь городъ, какъ предугадывалъ Скопинъ, лишь только ошперылся для нихъ свободный путь на Тушино. Делагарди, сколь возможно скрывая неповиновеніе войска, пришворился будшо пошелъ назадъ по собственному побужденію, и написалъ Скопину, что приведенъ былъ къ сей рѣшимости неисполненіемъ договора со стороны Русскихъ, кошорые вмѣсто заслужен-

шой Иноземцами платны за четыре мѣсяца, удовольствовались ихъ только за два мѣсяца, и также не очистили еще Корелы, хотя по договору городъ сей должно было сдатьъ Шведамъ одиннадцатъ недель спустя послѣ вступленія ихъ въ Россію, то есть 28 Мая.

Князь Михайло Васильевичъ, споль неожиданно оставленный союзниками своими, подвергся бы неминуемой гибели, если бы отважился съ однимъ, находящимся при немъ малочисленнымъ Русскимъ войскомъ, продолжать движеніе свое къ столицѣ. Ему не оставалось болѣе другой надежды дѣйствовать успѣшно, какъ соединясь предварительно съ силами, находящимися при Вышеславцевѣ, въ Ярославѣ, и съ Жеребцовымъ, въ Костромѣ. Дабы успѣшь въ ономъ, онъ переправился въ Городиш Никоновская
Лытошисъ. черезъ Волгу, и прикрываясь сею рѣкою, направился въ низъ по лѣвому ея берегу, на Колязинѣ. Впрочемъ онъ несовсѣмъ еще опчаявался уговорить Делагардія снова помогать ему, и для того послалъ къ нему съ увѣщаніями Иваниса Ададурова.

Сапѣга, видя, что отъ стороны Твери опасность миновалась, рѣшился возвратиться къ осадѣ Троицкаго Монастыря, взятіе коего не преставало бытъ главнымъ предметомъ его помышленій. 24 Июля онъ соединился съ Зборовскимъ въ Николаев-

Дневникъ
Сапѣга.

скомъ Монастырь, а 24 вмѣстѣ съ нимъ при-
былъ подѣ Тронцу.

Зборовскій, осмомотрѣвъ Монастырь, не мало
удивился долговременному сопрощивленію зашпичи-
ковъ ещюль малаго мѣспа, и насмѣхаясь надѣ
Сапѣгою, укорялъ его, что не умѣлъ *лукошка* взять

Палицынъ и
Дневникъ
Сапѣга.

и сидѣвшихъ въ немъ *воронъ* *передать*. Оскорблен-
ный Сапѣга, собралъ 26 числа Генеральное *Коло*, на
которомъ всѣ единогласно опять требовали штур-
ма. Сапѣга согласился удовлетворить общему же-
ланію.

На другой день занялись нужными пригото-
вленіями. Самъ Сапѣга объѣзжалъ Монастырь кругомъ
со всѣми Полковниками и Ротмистрами. Для
предупрежденія безпорядка указано было кому и
въ какомъ порядкѣ приступашь, къ какой стѣнѣ
или башнѣ, и также сколько человекъ опряжашь
для приспавленія лѣспницъ.

Готовясь къ рѣшительному дѣйствию, непри-
ятель хотѣлъ еще испытать силу увѣщаній,
подкрѣпляемыхъ ложными извѣстіями. Подсланные
имъ Бояринъ Михайло Салпыковъ, Дьякъ Иванъ
Грамошинъ и нѣсколько просполоудиновъ Русскихъ,
подѣхали къ оградѣ и увѣряли Монастырскихъ
людей, что Сапѣга возвратился съ побѣдою, что
Князь Скопинъ и Шведы были имъ совершенно
разбиты, что Скопинъ самъ поддался Царю Ди-

мишрiю, и что наконецъ даже и Москва покорилась и выдала Царя Василья и окружающихъ его Боярь. Осажденные догадались, что такое скопление печальныхъ извѣстiй было только грубымъ обманомъ. Они опвѣчали, что измѣнники очевидно баснословяптъ, и что повѣряптъ имъ только, если они признаюпся, что Князь Михайло Васильевичъ трупамн ихъ запрудилъ Волгу.

Приступъ начался 28 *, за три часа до разсвѣта. Сапъга самъ разставилъ полки и опдалъ приказанiе, чтообы всѣ двинулись въ одно время, по первому вѣсповому выстрѣлу, примѣчая открюптъ ли осажденные огонь, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ предписывалось явно подступать, а во второмъ подходить къ стѣнамъ, какъ можно скрыпнѣе. То же вмѣнялось въ обязанность наблюдать и при второмъ вѣсповомъ выстрѣлѣ, но при шрепьемъ всѣ вдругъ должны были кинуться на стѣны. Сколь не благоразумны были еи распоряженiя, непослушливые Поляки ни хотѣли сдѣлать ницъ. Всякiй дѣйствовалъ только по собственному своему усмотрѣнiю, оцъ чего неминуемо произошло

* *Примѣчанiе.* Сiе число показаво въ дневникѣ Сапъги. Палицынъ же пишетъ, что приступъ былъ 31. Но въ семъ случаѣ дневникъ заслуживаетъ болѣе вѣры, тѣмъ даче, что Палицынъ, писавшiй по рассказамъ другихъ, часто сбивается въ числахъ.

замышляе́тельство, несомы́шленное съ успѣхы́мъ предпрія́тія. Хотя послѣ́ претерпѣ́нныхъ въ обители́ бѣдствій, въ ней не остава́лось болѣ́е двухъ соупрѣ́чельныхъ способныхъ къ бою, однако́жъ и сія́ горсть воиновъ опразни́ла безъ большихъ усилій враговъ, приступавшихъ недружно и безпорядочно. Вся́ потеря со стороны́ осажденныхъ состоя́ла въ одной женщи́нѣ, уби́шой на спя́чнѣ. Кро́мѣ ея́ не было́ никого́ не то́лько уби́таго, но даже и раненаго. Непрѣ́ятель же понесъ́ значительный уронъ. Въ особенностѣ́ много потерпѣ́ли воины́ Зборовскаго, упорствова́вшаго болѣ́е прочихъ передъ́ *Лукошко́мъ*, коего́ неприступно́сть суждено́́ было́ ему́ испытать на опы́тъ, за что́ самъ въ свою́ очередь́ подвергся́ нареканіямъ́ и насмѣ́шкамъ Сапѣ́ги и Лисовскаго.

Худой успѣ́хъ сего́ шретьяго общаго́ приступа * привелъ́ въ такое́ уныніе́ Польскихъ вождей, что́ они́ готовы́ были́ снять́ осаду, но не смѣ́я взявъ́ на себя́ отвѣ́тственности́ за ошесту́пление, они́ 30 числа́ оная́ создали́ *Коло́*. Тутъ́ Польскія́ надменности́ вновь́ восторжествовала. Положи́ли не ошходити́ оупъ́ *Мона-*

* *Примѣчаніе.* Осаждающіе́ ходили́ на приступъ со все́мъ войскомъ́ своимъ́ 14 Октябра, 27 Мая́ и 28 Іюля. Прочіе́ приступы́ были́ только́ частныя, хотя́ нѣкоторыя́ изъ нихъ́ производились́ также́ съ величайшимъ́ ожесточеніемъ́.

спыря, но принять нужныя мѣры для отраженія Князя Скопина, если бы онъ вознамѣрился учинить нападеніе на станъ осаждающихъ.

Между швѣтъ Князь Михайло Васильевичъ продолжалъ слѣдованіе свое въ Колязинъ Монастырь, который едва не нашель уже въ рукахъ непріятеля. Микулинскій, остававшійся еще на лѣвой сторонѣ Волги, увѣдомился о принятомъ имъ направленіи и поспѣшилъ подѣ Монастырь. Къ счастью, ему не удалось скрыть своего движенія. Князь, извѣщенный объ ономъ, выслалъ передъ собою 2,000 Спрѣльцевъ, которые успѣли предупредить въ Колязинъ Польскаго Полковника. Микулинскій, опинюдь не полагая заспать въ Монастырь споль многочисленныхъ защитниковъ, немедленно по прибытіи своемъ пошелъ на приступъ, но былъ ошибивъ и удалился со стыдомъ. Самъ Князь прибылъ въ Колязинъ 24 Іюля, и остановился тамъ въ ожиданіи Вышеславцева и Жеребцева, копорые въ непродолжительномъ времени и соединились съ нимъ.

Ададурова порученіе оспалоое также не совсѣмъ безуспѣшнымъ. Онъ заспалъ Делагардія еще въ Твери, обшцалъ ему немедленно присылку денегъ и убѣдилъ его не отходить далѣе, не объяснившись предварительно какъ съ Княземъ Скопинымъ, такъ и съ самимъ Царемъ. Делагарди согласился даже

Видскнядъ. пропъ часть же отправишь въ Колязинъ опредѣ-
цзъ 250 человекъ пѣходны и 720 конницы, подѣ-
начальствомъ Христиерна Сомме, коему вмѣстѣ
съ шѣмъ предписалъ войни въ сношенія съ Скопи-
нымъ по предмету удовлетворенія Шведскихъ
требованій. Въ то же время онъ послалъ, ошъ
Дзла Швед- войска своего, къ Царю въ Москву съ представ-
скія въ ар- деніями Родиоштровъ Якова Бурьена и Ивана
хивъ. Францбека съ четырью шоварицами.

Извѣстія, получасмыя Сапѣгою подѣ Троицею,
согласовались въ томъ, что у Князя Скопина, даже
и послѣ соединенія его съ Вышеславцевымъ и Же-
Дневникъ ребцевымъ, не было въ сборѣ болѣе 20,000 чело-
Савьги. вѣкъ, изъ коихъ, за исключеніемъ 1,000 Шведовъ,
прибывшихъ съ Сомме, и нѣсколькихъ служивыхъ
людей изъ Новгородской и Смоленской земли, всѣ
оспальные были во большой части худо вооружен-
ные послыане. Польскій вождь, разсуждал, что
распря между Скопинымъ и Демтардцемъ могла
окончиться миролюбно, и онаглася въ такомъ
случаѣ новаго совокупленія обѣихъ полководцевъ,
призналъ полезнымъ предупредить оное учиненіемъ
немедленнаго поиска на Скопина. Въ семь наѣбро-
нн, 10 Августа, онъ выступилъ изъ-подъ Троицы
вмѣстѣ съ Зборовскимъ; одной конницы находилось
при нихъ 12,000 Польскихъ копейщиковъ, не счи-
щяя Козаковъ. Польскіе вожди оспановились 14

Беръ.
Дневникъ
Савьги и Па-
лицынъ.

числа при Монастырь Рябовъ, въ 20 верстахъ отъ Колязина. Князь Михайло Васильевичъ, съ своей стороны, переправилъ за Волгу Воеводу Головина, Князя Борятинскаго, Валуева и Жерсбцева съ частию войска, и приказалъ имъ удерживать неприятеля на пошкихъ берегахъ рѣчки Жабны. Въ течение нѣсколькихъ дней не происходило ничего важнаго, но 18 числа Сапѣга сталъ наступать со всѣмъ войскомъ своимъ, и въ особеннѣйшии усиліяхъ переправился черезъ Жабну въ селѣ Никольскомъ. Русскіе Воеводы дѣйствовали храбро и искусно. Не возбраняя совершенно переправу, они перепустили черезъ рѣчку нѣкоторую только массу неприятелей, и не давая имъ болѣе усиливаться, ударили на нихъ, впопыхали ихъ въ болото, прилегающія къ рѣчкѣ, и совершенно истребили. Примѣтивъ же, что пораженіе сіе поколебало даже главныя силы неприятеля, они звали самого Князя Скопина довершить побѣду. Князь двинулся немедленно съ остальными дружинами своими и, переправясь черезъ Волгу и Жабну, вступилъ въ бой съ Сапѣгою и Зборовскимъ. Во весь день сражались упорно. Наконецъ подъ вечеръ неприятель былъ опрокинутъ и гонимъ до Рябова Монастыря. Скопинъ, обрадованный симъ успѣхомъ, возвратился въ Колязинъ.

Сапѣга сподѣлъ еще четыре дня въ бездѣйствіи

при Рябовъ, съ одной стороны не опивался на новое нападеніе, а съ другой спылся опшуденія, которое обнаружло бы прешеритъную имъ неудачу, когда онъ, по внушеніямъ своего шщеславія, надълся еще упаншь оную. Но 22 Августа войско его возмушилось въ слъдствіе распрощранившагося слуха, что Король Польскій вешупаентъ въ Россію съ намъреніемъ дъйствовать для собощвенныхъ своихъ видовъ, а не въ пользу Самозванца. Корышшолобивые Жолнеры, предпочицая личныя выгоды выгодамъ своего опечесства, весьма досадовали на предполагаемое Королемъ завоеваніе Россійскихъ обласшей, пощому что опасались личишья богашныхъ наградъ, общцанныхъ имъ Самозванцемъ. Сапъга, усмащривая въ нихъ гощовность къ ащому неповиновенію, не почель возможнымъ осщаваншь долъе, щакъ сказанъ, въ виду Князя Скопина. 23-го числа онъ выступилъ изъ Рябова и направилъ сперва къ Ростову, но не доходя до еего города повернулъ на Переславль, куда и прибылъ 30. Зборовскій, опщдлившищъ опщъ него, возвращелся въ Тушино. Сапъга не долго осщавался въ Переславль. 4-го Сентября онъ опщравилъ Лисовскаго, съ 2,000 Донецкихъ и 400 Малороссійскихъ Козаковъ, къ Росщову и Борисоглъбскому Монашщырю для наблюденія за движеніями Скопина, а самъ на другой день выступилъ изъ Переславля

и 3 Сентября возвратился подъ Троицу. Вирочемъ для охраненія Переслава онъ оставилъ шамъ 250 Спръльцевъ, двѣ роты Козацкіе и нѣсколько Дѣней Боларскихъ и другихъ служивыхъ людей.

Въ этотъ самый день, какъ Князь Скопинъ удачно описывалъ честь Россійскаго оружія на берегахъ Жабны, во Псковъ оказывалось происшествіе, которое если бы поддержалось, могло бы подать надежду на возстановленіе общественнаго порядка въ семъ важномъ городѣ. Около прехъ мѣсяцевъ господствовалъ шамъ ужасный. Кудекуша Трепецъ, опираясь на товарищей своихъ Спръльцевъ, коихъ заслужилъ довѣріе, пошворсхуя всѣмъ ихъ прихотямъ. Все шрепешало передъ свирѣпою его властію и предъ нѣсколькими подобными ему *малыями*. По малѣйшему маловснїю ихъ, шаскали въ шемницы и предавали люшой смерши, не шолько людей подозрѣваемыхъ въ сношенїяхъ съ вѣрными Царю Новгородцами, но даже и шѣхъ, копорыхъ вина вся состояла шолько въ соболѣзнованїи объ участи несчастныхъ жершвъ, погибающихъ безъ разспроса и суда. Казни умножились до такой степени, что самая чернь, сперва одобрявшая сїи шрогосїи, начала гнушашься оными. Иго, наложенное Спръльцами, уже шягошило всѣхъ. Такое расположеніе умовъ видимо направляло къ разрыву между обывателя-

Псковская
Летопись.

ми и Спирьльцами при первомъ случаѣ, который не замедлилъ представиться. 18 Августа Спирьльцы схватили обывателя, Алексѣя Хозина, и повели его на казнь. Народъ взволновался. Люди всѣхъ сословій высыпали на улицы и кричали, что нельзя ширить долѣе своевольства Спирьльцевъ; что они распоряжаются всѣмъ безъ вѣдома цѣлаго города, и даже приговариваютъ къ смерти, не спросясь общей думы, а по собственному произволу. Толпы, разгоряченныя сими рѣчами, бросились оппимать Хозина Спирьльцы, желая поспавить на своемъ, принялись за оружіе. Тогда пропесся по городу слухъ, что Спирьльцы побиваютъ Псковинявъ. Ударилъ въ набатъ на Романыхъ, и всѣ Посадскіе успремились на Спирьльцевъ, которые, видя свое малолѣдство въ сравненіи съ обывателями, спѣшили опрубить голову Хозину у Великихъ воротъ, и потомъ, выбѣжавъ изъ города черезъ Егорьевскія ворота, удалились въ Мирожскую слободу свою. При всеобщемъ озлобленіи на Спирьльцевъ сснственню было, что извѣстные пропшники ихъ Дворяне, Дѣти Волярскіе, Игумны и Священники сдѣлались главами народнаго возстанія. Пользуясь симъ, они въ свою очередь овладѣли городомъ и жестоко карали виновниковъ прежнихъ неустройствъ. Кудекуша Трещецъ, неустѣвпій вмѣстѣ съ прочими Спирьльца-

ни уйши изъ города, былъ побитъ каменьемъ. Той же учаски подверглись семь главнѣйшихъ площадныхъ крикуновъ; другимъ десятерымъ отсѣкли головы. Кромѣ того многихъ были казнили и заключили въ шемницу. Имениные люди и далѣе бы распростерли мещи свою, но опасались сопротивленія черни, мгновенно покорившейся имъ, не по еднородию, а только въ толпахъ и такъ сказать не-хотя. Уже съ обѣихъ сторонъ являлись признаки взаимной недоверчивости. Имениные люди подозрѣвали посадскихъ въ склонности къ примиренію съ Спирьльцами, а напротивъ того посадскіе приписывали именинымъ тайно намѣреніе оплодотвориться отъ Самозванца и возвратиться подъ державу Царя Василья.

Между тѣмъ Князь Скопинъ употреблялъ въ пользу невольное стояніе свое въ Колязинѣ. Неусыпныя старанія его были обращены на разные предметы, ведущіе все къ одной цѣли: составленіе могущественнаго ополченія на освобожденіе Москвы. Для сего онъ дѣятельно занимался пополненіемъ испущенной казны своей, обученіемъ воеводскихъ воиновъ Вышеславцева и Жеребцева и прекращеніемъ неудовольствій, объявленныхъ Делатардіемъ.

Для пополненія казны онъ разослалъ во все Сѣверныя города, незанятые непріятелемъ, гра-

Отписка
Князя Скопи-
на Шуйскаго
въ Пермь Ве-
ликую въ Ав-
густъ 1609.

моты, конми приказывалъ прислать къ нему все находящіяся въ сборъ Государственныя доходы, собрать вновь по 50 рублей (166 $\frac{2}{3}$ нынѣшнихъ серебряныхъ) съ сохи и кромѣ того воззвать всехъ вѣрныхъ Россіянъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ какъ деньгами, пшавъ и сукнами, камѣми и шафнами. Въ мѣстахъ же, гдѣ продавцы сяхъ товаровъ, нужныхъ для снаряженія войска, отказались бы добровольно спазить, предписывалось отбирать ихъ по описи и безъ согласія хозяевъ, впрочемъ удовлетворяя ихъ немедленно по оцѣнкѣ изъ Государевой казны. Почти вездѣ безропотно исполняли его требованія. Со всехъ сторонъ везли въ Колзинъ подати и приношенія. Въ особеннсти пожертвованіями отличались Монастыри. Отдаленнѣйшій изъ нихъ, Соловецкій, хотя прислалъ уже Князю Скопину въ Новгородъ 2,000 рублей (666 $\frac{2}{3}$ нынѣшнихъ серебряныхъ), однакожъ не отказался отъ новыхъ пожертвованій, и отправилъ къ Князю еще 3,150 рублей (10,500 нынѣшнихъ серебряныхъ). Одна Пермская земля продолжала оказывать мало готовности къ удовлетворенію опечистивныхъ нуждъ. Тамонніе Воеводы отвѣчали Князю, что въ ихъ городахъ ни суконъ, ни камокъ, ни пшавъ вовсе нѣтъ. Даже и имѣющихся у нихъ въ сборъ Государственныхъ доходовъ они не послали, подѣ

Отписка
Князя Скопи-
на-Шуйскаго
въ Соловец-
кій Мона-
стырь въ Но-
ябрь 1609.

Челобитная
Пермскихъ
Воеводъ,
Князю Ско-
пину-Шуй-
скому въ 1609
году.

предлогомъ, что сіе удобнѣе сдѣлать по успа-
вовленіи зимняго пупи. Въ разсужденіи доброволь-
ныхъ пожертвованій, только сами Воеводы дали
два сорока соболей, да Чердынцы семь сорокъ, а
Соликамцы и Кайгородцы никакого пожертвованія
не сдѣлали. Першскіе жишели уклонились также
и ошь пятидесяти рублевого сбора съ сохи, и въ
последствіи исходатайствовали Царскую грамоту,
освобождающую ихъ ошь сей подати.

Царская Гра-
мота въ Пермь
Великую изъ
Москвы отъ
30 Декабря
1609.

Образованіе новонабранныхъ воиновъ Князь Ми-
хайло Васильевичъ поручилъ Шведскому началь-
нику Сомме, который ревностно занялся симъ
дѣломъ. Онъ ежедневно обучалъ ихъ по правиламъ,
введеннымъ въ Голландіи знаменитымъ Принцемъ
Маврикіемъ Нассаускимъ, и въ примѣрныхъ бояхъ
показывалъ имъ какъ владѣть оружіемъ, копать
подешунные рвы, устроить окопы и даже какимъ
образомъ обращаться при дѣйствіяхъ малой войны.

Видский.

Услуги, оказанныя Христиерномъ Сомме, не
ограничились наставленіями по военной части.
Онъ также много споспѣшествовалъ къ утвер-
жденію дружескихъ сношеній между Княземъ и
Делагардіемъ, возобновленіе коихъ затруднилось
новымъ неповиновеніемъ Делагардіева войска. Ино-
земцы сіи, соскучивъ пребываніемъ въ Твери, воз-
мутились 5 Августа и настоятельно требовали
немедленнаго возвращенія въ Швецію. Делагарди,

Дала Швед-
скія.

не вида возможности проливиться общему желанію, пошелъ обратно къ Новгороду. На пути къ Торжку явился къ нему Королевскій Секретарь, Карлъ Олофсонъ, отправленный Королемъ съ назначеніемъ въ полномочіи преемственнымъ Корелы. Делагарди немедленно послалъ его къ Скопину для приведенія къ окончанію переговоровъ, уже начавшихъ Христіаномъ Сомме. Съ обѣихъ сторонъ искренно желали счастливаго окончанія сихъ переговоровъ. Скопинъ не хотѣлъ лишиться Шведской помощи, долженствующей столь значительно умножить его силы, а Шведскимъ Полковникамъ казалось прикормнымъ безславно оставлять близкую опасность, открывающуюся для будущихъ подвиговъ ихъ. При сихъ взаимныхъ расположеніяхъ, дѣло шло такъ успешно, что прежде еще прибытія Олофсона, Сомме уже заключилъ съ Княземъ Скопиннымъ новый договоръ, подписанный 21 Августа*, по силѣ коего Делагардѣ обязывался немедленно итти изъ Торжка въ Колязинъ для соединенія съ Скопинымъ, съ тѣмъ, чтобы шотъ часъ по выспундерѣи его отправлены были доверенныя особы для дѣйствительной сдачи Шведамъ города Корелы и его уѣзда.

Между тѣмъ пріѣхалъ и Олофсонъ, который

* Смотри Приложенія № XV.

объяснилъ, что условіе о сдачѣ Корелы хотя и удовлетворяло требованіямъ короны Шведской, но что оставалось еще отстранить негодованіе Иноземнаго войска выдачею заслуженнаго жалованья, и что безъ сего Делагардію невозможно будетъ убѣдить подчиненныхъ своихъ снова воевать за Царя. Тогда Скопинъ рѣшился сдѣлать всевозможныя пожертвованія для удовольствованія Иноземцевъ. Отпуская отъ себя Олофсона, онъ послалъ съ нимъ Дворянина Федора Чулкова, коего снабдилъ 3,000 рублей, назначенныхъ въ прибавку къ 1,000, уже отправленныхъ къ Адаурову. Кроме того онъ предписалъ, чтобы изъ Новгорода послали Чулкову 2,000 рублей деньгами, да на 5,000 рублей соболями. Чулковъ, имѣя такимъ образомъ въ сборѣ 11,000 рублей (36,666²/₃ нывѣшнихъ серебряныхъ), долженъ былъ ихъ раздать Иноземцамъ и пребывать, чтобы они все шли для соединенія съ Скопинымъ, за исключеніемъ однихъ раненыхъ и больныхъ. Когда же Делагардѣ выступить въ походъ къ Колязину, то предписывалось Чулкову вхашъ въ сопровожденіи Олофсона въ Новгородъ, а отсюда, взявъ съ собою еще Дьяка Ефима Телепнева, всемъ шремъ отправиться въ Корелу для сдачи Шведамъ сего герода съ уяздомъ. На семъ основаніи были составлены взаимныя записи, кошорыя Князь Скопинъ и Олофсонъ

подписали 27 Августа *. Необходимость заставляла Скопина принять на собственную ответственность обязательство немедленной уступки сего города, хотя ни Выборгскій договоръ, ни слѣдственно поспановленное онымъ опшорженіе опъ Россіи Корелы не были еще утверждены Царскимъ согласіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что никакая крайность не можетъ извинить подданнаго, располагающаго въ пользу чужеземцевъ доспоаніемъ опечества, безъ разрѣшенія Державной власти, и пошому, опправляя Чулкова, далъ ему шайное наснавление не поропиться сдачею Корелы, а спараться выиграть время на получение Царскаго указа. Для скорѣйшаго же исходапайствования онаго, онъ, прежде еще подписанія договора съ Сомме, послалъ прямо въ Москву служителя своего, Архипова, съ словесными объясненіями. Писать съ нимъ онъ считалъ неосторожнымъ, пошому что опасался, чтобы непріатель не захватилъ его на дорогѣ.

Чулковъ и Олофсонъ не нашли уже Делагардія въ Торжкѣ, а насшигли его только въ Крестцахъ. Чулковъ, дѣйствуя по договору, роздалъ деньги войску, которое подъ предводительствомъ Делагардія двинулось къ Колязину; но въ ономъ находилось подъ ружьемъ уже не болѣе 1200 человекъ. Прочіе

Никоновская
Автопись.

Видскиндъ.

* Смотри Приложенія № XVI.

въ разбрелсь и несстройными полками спѣшили къ Шведской границѣ, Финляндцы изъ явнаго непослушанія, а другіе подѣ предлогомъ ранъ, болѣзни и дряхлости. Впрочемъ Делагардїи ожидалъ новыхъ подкрѣпленій изъ Швеціи и послалъ Горна въ Выборгъ съ порученіемъ ускорять ихъ отправленіемъ. Чулковъ повхалъ въ Новгородъ, откуда вмѣстѣ съ Теляневымъ отправился въ Корелу.

Сношенія, открытыя Делагардіемъ прямо съ Царемъ, получили въ то же время благопріятный для него оборотъ. Бурьенъ и Францбекъ съ товарищами, проѣхавъ черезъ Колзину, Владиміръ и Коломну, прибыли въ Москву и 17 Августа были предъставлены Царю. Они вручили ему письмо Делагардіево, въ коемъ полководецъ сей жаловался на неисполненіе Русскими Выборгскаго договора, какъ въ разсужденіи слѣдовавшей платы иноземному войску, такъ и по предмету замедленія въ сдачу Швеціи города Корелы *. Черезъ нѣсколько дней прибылъ также въ Москву и Архиновъ, который донесъ отъ имени Скопина, что безъ помощи Шведовъ трудно ему дѣйствовать успѣшно, но что алчныхъ союзниковъ сихъ не иначе можно убѣдить къ содѣйствію, какъ исполненіемъ обѣщанной въ Выборгъ успушки Корелы. Царь, видя

* Смотри Приложенія № XVII.

изнеможение своего Государства, рѣшился на пожертвованіе горестное для Русскаго сердца. Ошпуская Шведскихъ Ротмистровъ, онъ писалъ къ Делагардію и къ Князю Скопину, что соглашается на все постановленія Выборгскаго договора. Въ разсужденіи плашы, онъ извѣщалъ Шведскаго полководца, что за неопыррыіемъ безопасныхъ сообщеній съ Колязнымъ нельзя еще послать шуда казны изъ Москвы, но что предписано Скопину употребить всевозможныя усилія для собранія потребныхъ денегъ на удовлетвореніе Иноземцевъ, и что если и за шѣмъ останенія еще что недоплаченнымъ, то онъ Царскимъ словомъ своимъ завѣраетъ его, что вся недоимка будетъ пополнена исправно шопъ часть по прибытіи его въ Москву *. Въспѣ же съ Ротмистрами былъ отправленъ Дворянинъ, Елизарій Безобразовъ, который, проѣзжая черезъ Владиміръ, долженъ былъ взять шамъ 12,000 сѣмковъ (16,800 нынѣшнихъ серебряныхъ рублѣй) и отвезть ихъ въ Колязинъ для раздачи Иноземцамъ. Для большаго же успокоенія Шведовъ, Царь еще послалъ въ Корелу грамошу, въ коей предписывалъ Епископу, Воеводамъ и всѣмъ жителямъ очистишь городъ, когда получатъ на шо повелѣніе ошъ Князя Скопина **.

* Смотри Приложенія № XVIII и № XIX.

** Смотри Приложенія № XX.

Князь Михайло Васильевичъ, имѣя надежду скоро бышь опять значительно усиленнымъ, сталъ гововишься къ возобновленію насупапсельныхъ дѣйствій. Впрочемъ пакъ какъ вся надежда оппешства лежала на споль многошрудно имъ собранномъ ополченіи, шо онъ вмѣнялъ себѣ въ особенную обязанность пещисѣ о сохраненіи онаго. Для сего, руководспвуясь совѣтами Деллагардія, онъ рѣшился послѣдовашь оспорожному и для проппивниковъ докучливому образу дѣйствій Принца Маврикія въ Бельгii, хотя обспояпельспва, въ конхъ онъ находился, мало сходспвовали съ побудившими Принца Маврикія къ избранію шакого рода войны. Маврикію предспояло защищашъ землю не обширную, но крѣпкую по мѣсппности и по единодушію жипселей. Онъ имѣлъ дѣло съ непріятельспмъ могущеспвеннымъ, но оппдаленнымъ. Испанцы могли по временамъ выспавляпть въ поле сильное войско, однако пакъ какъ Государспво ихъ не было смѣжно съ обласпями, гдѣ происходили дѣйспвія, шо они лишены были способовъ достаточно поддерживашъ свои ополченія, которыя быспро шаяли въ бездѣйспвіи. Въ семъ положеніи дѣль Маврикію очевидно надлежало сппарашъся выиграшь время какъ для изнуренія проппивнаго войска, пакъ и для полученія пособій опъ сосѣдспвенныхъ державъ, Англіи и Франціи, благопріятельспвовавшихъ Голландцамъ. На-

прошивъ того медлительность Князя Михайлы Васильевича могла быть опасною для Россіи. Спѣшенная Москва требовала скорой помощи, да и цѣлое Государство, преданное безначалію и разоренію, изнемогало ошъ продолженія междуособія. Казалось, что Князю шѣмъ нужнѣе было наступать рѣшительно, что Царская спорона не имѣла болѣе въ виду полученія новой помощи ни откуда, и что Князь, дѣйствуя въ спранѣ открытой, могъ надѣяться на быспрые успѣхи, слѣдствіемъ конхъ было бы освобожденіе столицы, обузданіе внутреннихъ крамольниковъ и предупрежденіе исполненія вредныхъ замысловъ Короля Польскаго, угрожавшаго уже близкимъ вторженіемъ въ Россію. Какъ бы то ни было, Князь распустилъ иначе и положилъ себѣ за непремѣнное правило: избѣгая опасныхъ случайностей главныхъ сраженій, поминъ непріятеля частными походами, стараться затруднять его сообщенія и между шѣмъ поспешно подвигаться впередъ, подѣ покровительствомъ отрядовъ, заранее высылаемыхъ для занятія укрѣпленныхъ мѣстъ и для построения новыхъ острожковъ.

Въ исполненіе сихъ предначертаній Князь, самъ еще не переступая за Волгу, выслалъ на правую спорону сѣй рѣки Семсн Васиљевича Головина съ значительнымъ отрядомъ для поиска надѣ

Переславлемъ, гдѣ, по полученнымъ извѣстіямъ, непришеть худо берегся. Въ самомъ дѣлѣ оспав-^{Никоновская} ленные шамъ Сапѣгою Поляки вмѣсто того, чтобы ^{Лѣтопись и} держаться въ совокупности въ городѣ, безопасно ^{Дневникъ} расположились по домамъ посада. Головинъ напалъ на нихъ ночью въ распахъ и безъ труда овладѣлъ Переславлемъ. Занятіе сего города перерывало совершенно сообщеніе Сапѣги съ Лисовскимъ, который не смѣя долге оспаваться въ окрестностяхъ Ростова, опошелъ къ Суздаю, и шамъ укрѣпился. Сапѣга съ своей спороны выслалъ изъ-подъ Троицы Тромчевскаго съ чепырю Польскими ропами въ Александрову слободу, для возстановленія сообщеній своихъ съ Лисовскимъ и для обезпеченія дѣйствій кормовщиковъ, посылаемыхъ въ окрестности слободы на омысканіе съвѣстныхъ припасовъ для войска, осаждающаго Монастырь.

Также и опъ Нижняго наконецъ приближался къ Москвѣ давно ожидаемый Бояринъ Шеремешевъ. Опъ взялъ направленіе свое черезъ Муромъ на Касимовъ, въ намѣреніи вымѣстипъ надъ симъ послѣднимъ городомъ за преперпѣнное подъ онымъ Алябьевымъ поражение. Касимовцы, ободренные прежнимъ успѣхомъ, оборонялись упорно. Шеремешевъ принужденъ былъ иппи на приступъ. Войны его, не смотря на храбрость противниковъ, наконецъ ворвались въ городъ и побили множешво

Касимовцевъ. Сія удача имѣла довольно выгодныя послѣдствія для Царской спюроны. Города Елашьяма

Отписка Ус-
тюжанъ къ
Черничамъ
въ Августѣ
1609.

Царская Гра-
мота къ Де-
лагардию изъ
Москвы Ав-
густа 1609.

и Кадомъ покорились безъ сопровивленія. Кромѣ того и большая часть Ташаръ, находившихся въ

Тушинѣ при Царѣ Касимовскомъ, оставили его и, жалѣя женъ и дѣшей, возвратились въ

Касимовъ, гдѣ снова присягнули Царю Василью.

Шереметевъ ошпановился было опять въ Касимовѣ, но присланные къ нему опъ Царя съ многоспивымъ словомъ за совершенный имъ подвигъ

Никоновская
Лѣтопись.

Князь Семень Прозоровскій и Иванъ Чепчуговъ

имѣли также порученіе пѣнлпшъ ему за оказываемую медленность. Возбужденный симъ нареканіемъ, онъ поспѣшилъ перейти въ Владиміръ, дабы сблизпшъ съ Княземъ Скопинымъ.

Опъ Владиміра до Переслава счищается только съ небольшимъ сто верспшъ, почему казалось, что оба Царскіе полководцы не могли встрѣпнпшъ важныхъ преплпшствій для соединенія своихъ оплченій. Москва уже оживлялась надеждою близкаго спасенія. Но къ сокрушенію благонамѣренныхъ Россіянъ, въ то же время, давно съ Запада надвигающаяся гроза, разразилась на берегахъ Днѣпра. Вѣковый врагъ Россіи, Король Польскій, долго панвшій свои вѣроломные замыслы, наконецъ вооруженною рукою переступалъ за Смоленскій рубежъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

=

№ I.

ГРАМОТА

ЦАРЯ ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА ВЪ ПЕРМЬ ВЕЛИКУЮ ИЗЪ
МОСКВЫ 1606 ГОДА, Іюня.

I. Отъ Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому да подьячему Ивану Ѳедорову. Писали есмя къ вамъ напередъ сего, что Божіимъ праведнымъ судомъ, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, страдникъ, вѣдомой воръ, богоотступникъ, еретикъ, рострига, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, отступя отъ Бога и по совѣту дьяволю и лихихъ людей, которые всегда Московскому Государству хотять разоренья и кроворозлитья, назвалъ себя Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сыномъ, Царевичемъ Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ, и въ Польшу и въ Литвъ короля и многихъ пановъ и служивыхъ людей своимъ вѣдовствомъ и червокижствомъ прелстилъ, да не токмо что въ Польшу, и въ Московскомъ Государствѣ многихъ людей прелстилъ, а чаяли его Царевичемъ Дмитреемъ: и тотъ воръ богоотступникъ, по своему бѣсовскому умыслу и по совѣту съ Полскимъ королемъ и съ павы радами, въ Московскомъ Государствѣ многую смуту и разоренье учинилъ, и церкви Бо-

жию осквернилъ, и многихъ православныхъ крестьянъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали и его обличали, злой смерти предалъ, и понялъ за себя воеводы Сандомирскаго дочь, Латынскія вѣры, и не крестивъ ее, въ соборной церкви Пречистой Богородицы вѣнчалъ, и Полскихъ и Литовскихъ людей для крестьянскаго разоренья многихъ къ Москвѣ привелъ, и церкви Божіи и святыхъ иконы обругалъ, и Нѣмецъ, и Римлянъ, и Поляковъ, и разныхъ вѣръ многихъ злыхъ еретиковъ въ церковь пушати велѣлъ со оружіемъ, а иныхъ скверныхъ дѣлъ и писати не вмѣстимо, какое злое поруганье крестьянской вѣръ чинилъ, и православнымъ крестьяномъ многое насильство и кроворозлитіе учинилъ, и жены у мужей отнималъ, и иныя нестерпимыя грубости и поносы чинилъ; а послѣднее, по совѣту съ Полскими и съ Литовскими людьми, измѣннымъ обычаемъ хотѣлъ бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и гостей, и всякихъ лутчихъ людей побити, а Московское Государство хотѣлъ до основанія разорити, и крестьянскую вѣру погрѣть, и церкви разорити, а костелы Римскіе устроить; и милосердый въ Троицы славимый Богъ нашъ, по своей святой милости, надъ нами и надъ всѣмъ православнымъ крестьянствомъ милость свою показалъ, умыслъ ихъ злодѣйской всѣмъ людямъ объявилъ и гнѣвъ свой отъ православныхъ крестьянъ отвратилъ, и святыхъ Божіихъ церквей и православныхъ крестьянскія вѣры до конца въ разоренье и православныхъ крестьянъ въ рохищенье и въ работу не далъ, противъ его злыхъ и скаредныхъ дѣлъ. А умыслъ его злодѣйской таковъ былъ: послѣ смерти того вора, взято въ его хоромѣхъ листъ утвержденной того ростриги Гришки съ воеводою Сандомирскимъ, что было ему отдавати воеводѣ Сандомирскому да его дочери и ихъ роду города Новгородъ и Псковъ, съ пригороды и со всѣми людьми и съ узлы, и владѣти было тѣми городами и узлами воеводѣ Сандомирскому съ дочерью, и монастыри и костелы устроивати было Римскіе, а тому было вору тѣми городами не владѣти и какъ было имъ разорити истинная православная крестьянская вѣра, а учинити во всемъ Московскомъ государствѣ Римская вѣра; да тутъ же взято, въ хоромѣхъ, Римскаго Папы и Кардиналовъ и Езовецкіе листы, о крестьянской же вѣрѣ и о разореньи и о утверженьи

Римскія вѣры; и на томъ на всемъ тотъ воръ рострига Гришка Отрепьевъ въ Литвѣ воеводѣ Сандомирскому, при многихъ панѣхъ и при Папныхъ посланникѣхъ, присягалъ и крестъ цѣловалъ, и ту утвержденную запись имъ съ клятвою на себя далъ за своею рукою, а писалъ тотъ листъ воевода Сандомирской. И по нашему указу бояре наши воеводы Сандомирскаго про тотъ воровской утвержденной листъ допрашивали: его ли писмо тотъ листъ и какимъ обычаемъ у нихъ такой советъ на крестьянское разоренье былъ? И воевода Сандомирской, смотря того листа, бояромъ нашимъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ такой утвержденной листъ съ воромъ съ ростригою писалъ и писмо его рука, а были у нихъ такіе листы по противнымъ; а прелестилъ его тотъ воръ вѣдовствомъ и омавомъ, и крестъ ему тотъ воръ на томъ на всемъ цѣловалъ, что было ему то все сдѣлать, что въ томъ листу писано; да сверхъ того писма, хотѣлъ ему тотъ воръ отдать Смоленскъ и Сѣверу всю со всѣми людьми и казну многую Полскому Королю и ему воеводѣ обѣщался тотъ воръ лавати, а иную многую казну денежную и суды золотые и илую всякую казну и наряды всякіе ему давалъ; и о вѣрѣ де съ нимъ съ Сандомирскимъ тотъ воръ говорилъ, чтобъ ему, по своему обѣщанью, учинити въ Рускомъ Государствѣ Римская вѣра и костелы поставити, и иныя многія статьи хотѣлъ учинити; и онъ де Сандомирской и самъ то узналъ, что онъ не прямой Царевичъ Дмитрей, потому что о Московскомъ государствѣ все говоритъ о разореньѣ и впередъ себя Московскаго государства не проча, и съ своими пріятели онъ Сандомирской о томъ часто говаривалъ и отъ того съ кручины много боленъ былъ, то де и бояромъ нашимъ вѣдомо было; и надъ тѣмъ деи воромъ и надъ нимъ надъ Сандомирскимъ учинилося Божье наказанье, по ихъ винамъ, что они мыслили о крестьянской вѣрѣ и разореньѣ, и въ томъ де онъ Сандомирской передъ Богомъ и передъ нами великимъ Государемъ и передо всѣми людьми Московскаго государства виновать. Да бояромъ же нашимъ сказывали въ роспросѣ Станиславъ да Явъ Бучинскіе, которые жили въ верху у того вора у Гришки, у тайныя его думы и у всякихъ у тайныхъ его дѣлъ: канушъ деи

того дни въ пятницу, Маія въ 16 день, какъ того рoстригу убили, говорилъ тотъ рoстрига на одинъ со княземъ Константиномъ Вешневекимъ, а они были туто жъ: «время деи мнѣ своимъ дѣломъ промыслять, чтобъ государьство свое утвердить и вѣра костела Римская распространить; а начальное деи дѣло, что бояръ побить; а не побить деи бояръ, и мнѣ самому быть отъ нихъ убиту; а толко деи побью бояръ, и язъ деи что хочу то чиню.» И Вешневеккой де и они Бучинскіе молвили: «да толко ему побить бояръ, и за нихъ землю стануть.» И рoстрига Гришка молвилъ: «то деи уже у меня умышлено тѣмъ обычаемъ, велѣлъ деи я вывести за городъ нарядъ весь будто для потѣхи, а въ сю деи недѣлю (Маія въ 18 день) велѣлъ туто выѣхать за городъ, будто для стрѣлбы смотрѣть, воеводѣ Сандомирскому и сыну его старостѣ Сенецкому, и Тарломъ, и Станицкимъ, и рохмистру Доморацкому, и съ ними всѣмъ Полскимъ и Литвѣ, въ збруѣ во всемъ и съ оружіемъ; и какъ деи я выду на стрѣлбу, а за мною будутъ бояре всѣ и дворяне, и какъ учнутъ изъ наряду стрѣляти, и въ ту пору Полякомъ всѣмъ ударити на бояръ и на дворянъ, и ихъ побивать; а то деи есми указалъ же, кому на кого на бояръ пріѣзжати и убити, князя Фeдoра Мстиславского Михайлу Ратомскому, а Шуйскихъ Тарлу да Станицкимъ, а про иныхъ бояръ также приказано кому кого убить; а убить деи велѣлъ есми бояръ, которые здѣсь владѣютъ двадцати человекъ, и какъ деи побьютъ ихъ, и во всемъ будетъ моя воля.» И они деи Бучинскіе молвили: «Московское государьство великое, стануть за бояръ всѣмъ государьствомъ, и Поляковъ и Литву всѣхъ самихъ побьютъ.» И рoстрига Гришка говорилъ: «Поляки деи и Литва выѣдутъ все въ збруѣ и съ копыи и со всякимъ боемъ; да и звычай деи у меня тотъ положенъ, что на потѣхи со мною часто выѣзжаютъ роты вооруженны, урелять какъ на битву; былъ деи есми на Вяземъ и со мною деи былъ рохмистръ Доморацкой со всею ротою, во всей ратной збруѣ, да здѣсь ко мнѣ часто пріѣзживалъ урелясь какъ на битву, и то деи будетъ ужъ никому не примѣтно, что выѣдутъ нынѣ со мою Поляки и Литва въ збруѣ; а бояре деи и дворяне ѣздятъ со мною простымъ обычаемъ, и имъ деи

безъ оружія: что учинить? а какъ деи тѣхъ бояръ побьютъ, и достальные деи всѣ устрашатся, ещо деи иные на нихъ же придуть.» И они деи Бучинскіе молвили: «великое дѣло то надобе начати да и совершити; а толко не совершится, ино самимъ намъ будетъ худо.» И рострига деи Гришка говорилъ: «вѣрьте деи мнѣ, однолично то совершится; язъ де ужъ и такіе статьи видѣлъ, сего деи году въ великой постѣ говорили про меня не многіе стрѣлцы, что я вѣру ихъ разоряю, и мнѣ деи тотчасъ сказали, и язъ деи тѣхъ стрѣлцовъ велѣлъ сыскати и приказалъ быти на дворецъ всѣхъ приказовъ стрѣлцомъ; и тѣхъ которые говорили туто жъ велѣлъ привести; и учалъ де есмя вишу ихъ и измѣну всѣмъ стрѣлцомъ сказывать, а у мена де ужъ говорено съ Григорьемъ Микулинымъ, какъ ему туто говорити и что надъ тѣми стрѣлцы учинити: и какъ измѣну ихъ объявили, и Григорей де учалъ говорить: освободи де, Государь, мнѣ, я у тѣхъ твоихъ измѣнниковъ не токмо что головы покусая, и чрево изъ нихъ своими зубами вытаскаю; да мигнулъ де на нихъ Григорей стрѣлцамъ, и стрѣлцы де, блюдяся отъ меня, тѣхъ моихъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя части, мало де сами не пересѣклись сбкучи ихъ; а то де чаю такъ же будетъ, на кого де только укажу, что измѣнникъ мой и то де ужъ не пробудеть, всѣ де отъ меня блюдяся дѣлають что велю.» И они де Бучинскіе молвили: «такихъ ты бояръ велишъ побить, кому у тебя въ царствѣ урезати и кому въ приказѣхъ быти?» И Гришка де рострига говорилъ: «то де ужъ у меня умышлено, нынѣ де у меня здѣсь готовы воевода Сандомирской и староста Сенатцкой, да ты Вешневецкой, да Тарлы, да Станицкіе, да вы Бучинскіе, и иные ваши пріятели; а по иныхъ Поляковъ и по Литву пошлю, и мнѣ де будетъ ужъ надежно, и государство мое будетъ безъ опасенія, и въ Римскую де вѣру всѣхъ вскорѣ приведу; а то де уже здѣся видѣлъ, хоти кого безвинно велю убить, а никто ни за кого слова не молвитъ.» И они де Бучинскіе говорили: «слышали есмя здѣся у многихъ, что за вѣру здѣся и такъ насъ не любятъ; а толко стати неволею приводить, и за то стануть всѣмъ народомъ.» И рострига де Гришка говорилъ: «видѣли де естя сами, что здѣся дѣлается: нарокомъ де

есми приказадъ Полякомъ и всякихъ розныхъ вѣръ людемъ ходити здѣсь въ болшую ихъ церковь и по всѣмъ ихъ церквамъ въ сабляхъ, и какъ кто ходитъ, и они де кабы сперва поговаривати межъ тайно стали, и нынѣ де ужъ и, то ни за что; и язъ де велѣлъ Полякомъ носити крестъ у поясовъ, и ниже гораздо пояса, и назади, а они де тому кланяются и держать иконы и кресты въ великой чести, и Поляки де и Люторы и Колвинцы и въ церкви такъ ходили, и за то де никто никакоевъ человекъ никакова слова не молвилъ; а какъ де я вѣнчался, и у меня де въ ту пору болшое опасенье было, потому что по ихъ крестьянскому закону первое крестивъ да то же вести въ церковь, а не крестивъ никому иныхъ вѣръ въ церковь не ходити, и язъ де нарочно велѣлъ быти въ ту пору Лютаремъ, и Калвинцомъ и Евангликомъ, и иныхъ всякихъ вѣръ людемъ, и они де въ церквѣ были и слышали де есмя, что и образомъ изругалися и смѣялися и въ церквѣ иные сидѣли въ объядиу, а иные спали, на образы приклонялися, и за то де никакоевъ человекъ не смѣлъ слова молвить; а болши де есмя всего боялся, что Цесарева моя Римскія вѣры и нешто Митрополиты и Архїепискупы и Епискупы упрямятся, не благословятъ и миромъ не помажутъ, и во многолѣтъ не стануть поминати, и какъ де есмя вшоль вѣнчатися въ церковь и язъ де что хотѣлъ то дѣлалъ, все дѣлалось по моему хотѣнью и волю, и въ царьскихъ двѣрѣхъ миромъ помазывали и во многолѣтъ пѣли во всѣхъ церквахъ благовѣрную Цесаревую, а сами де они то знаютъ, что посямѣста опричь Римской вѣры въ Греческой вѣрѣ Цесаря не бывало; а которые Митрополиты; и Архїепискупы, и Епискупы, и пошы, про то учили были прежь сего о томъ поговаривати, и язъ де ихъ поразослалъ, а нынѣ де никакоевъ человекъ не смѣетъ слово молвить и во всемъ волю мою творять.» И говорилъ де туто рострига Гришка съ клятвою, «что однолично въ недѣлю, Маія въ 18 день, на стрѣлбѣ бояръ, Мстиславскаго и Шуйскихъ, и иныхъ бояръ и дворянъ лутчихъ, и дѣтей боярскихъ и головъ, и сотниковъ, и стрѣлцовъ, и черныхъ людей, которые за нихъ любо стануть, побить всѣхъ, а совершивъ тотъ часъ костелы Римскіе ставить; а въ церквахъ въ Рускихъ пѣти не ведоу и

то де все совершу, на чемъ де есми присягалъ Папъ и кардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ, и какъ де есми воеводѣ подѣ клятвою въ писмѣ своемъ написалъ; и Вешневечкому де есми приказалъ, чтобъ къ недѣль со всѣми своими людьми былъ готовъ и промышлялъ бы неоплошно.» — И мы слыша такого злодѣя и богоотступника и еретика черица Гришки злые умыслы и разоренье на крестьянское государство и на православную вѣру, ужаснулись, какъ такой злодѣй помыслилъ на такое злое дѣло и вставъ на Бога боговъ и хотѣлъ до основанія крестьянское государство разорить и стадо Христовыхъ овецъ въ конечную погибель привести; а какъ милосердый Богъ, призва своею милостию на Російское государство, не давъ въ разоренье и въ расхищенье крестьянскаго роду, и не попустилъ на долгое время того вора и богоотступника, вскорѣ злѣбную его душу испровергъ, а на Російское государство избравъ насъ великого Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича, всеа Русіи Самодержца; и мы великій Государь, за помощью великого Бога, принявъ скипетръ Російскаго царствія, по прародительской нашей царской степени, и по моленью Патріарха, и Митрополитовъ, и Архіепискуповъ, и Епискуповъ и всего освященного собора, и за челобитьемъ Царей и Царевичей и многихъ государскихъ дѣтей, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и бояръ нашихъ, и околничихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей Московскаго государства, говорили есми Митрополитомъ, и Архіепискупомъ, и Епискупомъ, и всему освященному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и всему православному крестьянству: что въ прошломъ въ 99 году, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи смывъ, благовѣрный Царевичъ Князь Дмитрей Ивановичъ, по зависти Бориса Годунова, яко агня незлобивое заклася и святая его праведная и непорочная душа отъиде въ вѣчное блаженство, въ небесное царство, а тѣло его святое погребено на Угльчѣ и много исцѣленія подаеть всякимъ одержимымъ различною болѣзнию, и явно къ болащимъ приходя себя оказуетъ, и милостивое свое исцѣленіе подаеть, на увѣреніе всѣмъ право-

славнымъ крестьяномъ, и многіе про его чудеса свидѣтельствуютъ и на соборъ намъ про то извѣщали; а злодѣемъ его и убійцомъ Богъ милосердый, по своей святой волѣ, мста неповинную кровь праведнаго, воздалъ мсть по ихъ лѣбу, злой смерти предалъ и для ихъ злодѣйского умыслу на Російское государство послалъ свой праведной гнѣвъ къ познанію истинная, проявляя терпѣніе и злостраданія страсотерпца своего; а намъ бы мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича принести въ царствующій градъ къ Москвѣ. И поговоря о томъ со всемъ освященнымъ соборомъ послали есмь на Угличъ, по мощи Царевича Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, Ростовскаго Митрополита Филарета, да Астороханскаго Епискупа Θεодосья, да Спаскаго Архимарита Сергія, да Ондроньевскаго Архимандрита Аврамья, да бояръ Князя Ивана Михайловича Воротынскаго, да Петра Никитича Шереметева, да Григорья Фелоровича да Ондreja Александровича Нагихъ; и Маія въ 28 день писали къ намъ съ Углича богомолцы наши, Ростовской Митрополитъ и Астороханской Епискупъ, и архимариты, и бояре наши, что ѡни мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи подняли и осматривали, и въ ту де пору отъ гроба, весь храмъ наполнился многаго благоуханія, и мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича цѣлы и ничѣмъ нерушимы, а въ иныхъ мѣстѣхъ часть земли отдана, а на лицѣ и на главѣ власы цѣлы чермны, и на костяхъ плоть цѣла, а ожерейцео визано жемчужное съ пугвицы все цѣло, и въ лѣвой рукѣ шириночка тафтяная шита золотомъ и серебромъ цѣла жъ, и саванъ на немъ весь цѣлъ, а покрытъ кафтаномъ комчатымъ на хрептахъ на бѣльихъ, нашивка серебряна съ золотомъ, а сапожки на немъ цѣлы жъ, толко подошвы у носковъ отстали; да на Царевичевыхъ же мощехъ положено орѣховъ съ пригорщи, а сказываютъ, какъ онъ тѣшился и въ пору орѣшки кушалъ, и какъ его убили и тѣ орѣхи кровью обогрились, и для того тѣ орѣхи на немъ во гробъ положили, и тѣ орѣхи на Царевичевыхъ мощахъ цѣлы жъ; да которые жъ люди одержимы были розными болзньми и исцѣляли отъ Царевичева Дмитреева гроба, въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ во 114

году, до ихъ прїѣзду, и тѣ люди принесли къ нимъ писмо; и то писмо они къ Москвѣ привезли, Юля въ 3 день, и мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича. И мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи и мать Царевичева Князя Дмитрея Ивановича, Царица и Великая Княгиня инока Марѣа Ѳеодоровна всеа Русіи, съ Митрополиты и съ Архіепискупы и съ Епискупы и со вѣсѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ дворяны и со всякими людьми Московскаго государьства, мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича встрѣтили со кресты за Каменнымъ городомъ, и его мощи передо вѣсѣмъ освященнымъ соборомъ и передо вѣсѣми людьми язь и мать его, Царица инока Марѣа Ѳеодоровна всеа Русіи, смотрили и вѣсѣмъ людемъ показывать велѣли, и его цѣлбоносные мощи и ризы всѣ цѣлы и тлѣнію непричасны: и мы, вида сами такое неизрѣченное Божье милосердіе, съ радостными слезами всеसीному и въ Троицы славному Богу и Его страстотерпцу благовѣрному Царевичу Князю Дмитрею Ивановичу хвалу воздали и милости у него и прощенія просили; и какъ понесли мощи его въ городъ, и отъ его мощей многіе болные различными болѣзными получили исцѣленіе; а какъ его поставили въ церкви Архангела Михаила, и отъ его цѣлбоносныхъ мощей пролились рѣки милосердія, многіе болѣзные различными болѣзными исцѣленіе получили: въ первой день исцѣлилъ всякими разными болѣзными тринадцать человекъ, а въ другой день (Юля въ 5 день) двѣнадцать человекъ, и до сего дни непрестанно исцѣляетъ и вѣсѣмъ приходящимъ съ вѣрою нескудно милость свою подаютъ. А на принесеніе мощей благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича Царица и Великая Княгиня инока Марѣа Ѳеодоровна, въ церкви Архангела Михаила, передъ Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и передо вѣсѣмъ освященнымъ соборомъ, и передъ бояры, и передъ дворяны, и передо вѣсѣми людьми, била челомъ намъ великому Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, что она передъ нами, и передъ освященнымъ соборомъ, и передо вѣсѣми людьми Московскаго государьства и всеа Русіи, виновата; а болши всего виноватѣе передъ новымъ мученикомъ, передъ сыномъ своимъ

Царевичемъ Дмитреемъ: терпѣла вору ростригѣ, явному злому еретику и черновишцу, не объявила его долго, и много кровь крестьянская отъ того богоотступника лилася и разоренье крестьянской вѣрѣ хотѣло учиниться; а дѣлалось то отъ бѣдности, потому, какъ убили сына ее Царевича Дмитрея, по Борисову вельню Годунова, а ее послѣ того держали въ великой нужи и родъ ее весь по дальнимъ городомъ разосланъ былъ и въ конечной злой нужѣ жили, и она по грѣхомъ обрадовалась, отъ великія нестерпимыя нужи вскорѣ не извѣстила, а какъ онъ съ нею видѣлся и онъ ей запретилъ злымъ запрещеніемъ, чтобъ она не говорила ни съ кѣмъ; и яамъ бы ее въ томъ пожаловати и всему народу Московского государства простить велѣти, чтобъ она въ грѣхъ и проклятствѣ ото всего міра не была. И мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, по своему царьскому милосердому обычаю, и для великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и для благовѣрнаго страсотерпца Царевича Дмитрея Ивановича честныхъ его и многочудесныхъ мошей, Царицу иноку Марѣу во всемъ простили, а Митрополитовъ и Архіепископовъ и Епископовъ и всего освященного собора и всего православнаго крестьянства молили, чтобъ они въ купѣ о Царицѣ Маревъ молили Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ Святыхъ, чтобъ Богъ милость свою показалъ и отъ такова злаго грѣха душу ее освободилъ. —И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ велѣли быти въ соборную церковь архимаритомъ и игуменомъ и всему освященному собору, и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, и приказнымъ и всякимъ служилымъ людемъ, и всякимъ торговымъ и чернымъ людемъ, а какъ сойдутся, и вы бѣ сю нашу грамоту велѣли ее вычестъ всѣмъ людемъ въ слухъ, а будетъ въ церковь всѣ люди не вмѣстятся, и вы бѣ имъ велѣли вычести перелъ церковью на просторномъ мѣстѣ, чтобъ милость Божія и Пречистыя Богородицы и Великихъ Чудотворцовъ заступленіе, наипаче же великого свѣтлника страсотерпца благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича преславные чудеса, всѣмъ людемъ были вѣдомы; и о такомъ бы естя неизреченномъ Божьѣ милосердіи воздали хвалу всеялиному въ Трои-

цы славимому Богу, что насъ и всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руку врагу и богоотступнику и еретика въ разхищенье и въ разоренье и въ работу, и наша истинная православная крестьянская вѣра не порушилась и церкви Божіи лѣпоту свою приняли; также и о томъ, чтобъ явилъ намъ дивная въ чудесѣхъ новаго страстотерпца благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича, иже православными своими чудесы весь міръ просвѣтилъ и невѣрныхъ Поляковъ и всякихъ иноземцовъ невѣрныхъ ихъ сердца въ вѣру превратилъ; и о нашемъ бы есте многолѣтнемъ здоровьѣ молили Бога, чтобъ намъ и всему православному крестьянству устроилъ Богъ все благая и полезная, и чтобъ надъ Царицею и Великою Книгинею инокою Марею Ѳедоровною всеа Русіи Богъ милость свою показалъ, для сына ее благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича душу ее освободилъ отъ грѣха и отъ всемірнаго проклятства, что она, сгращася смерти, женскою немощію одержима, долгое время такова великаго богамерскаго дѣла не объявила и великаго страстотерпца новаго мученика, сына своего, благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича, многочудныя его мощи въ забвеньѣ и безъ памяти учинила; и съ утвержденныя грамоты ростриги Гришки Отрепьева, что далъ на себя крѣпость воеводѣ Сандомирскому, и съ Папныхъ и съ Кардиналовыхъ съ воровскихъ ссылочныхъ грамотъ, что писали о крестьянскомъ разореньѣ, и о городѣхъ, которыхъ поступилъ Сандомирскому и его дочери, и о Римской вѣрѣ, списавъ списки послали есмя къ вамъ, и вы бѣ тѣ списки потому жѣ велили вычести всѣмъ людемъ въ слухъ, и не въ одномъ мѣстѣ, чтобъ ихъ воровской умыслъ всѣмъ людемъ былъ вѣдомъ; и того бѣ есте вора, и еретика, и богоотступника, ростригу Гришку Отрепьева и его совѣтниковъ, которые на крестьянское разоренье и на попраше православныя вѣры съ нимъ совѣтовали, вѣчному проклятью предали и впередъ проклинять велили ежегодно, вмѣстѣ съ еретики; а съ себъ бы есте нашей грамоты и съ утвержденныя ростриги Гришки Отрепьева, что онъ далъ на себя крѣпость за своею рукою воеводѣ Сандамирскому, списавъ слово въ слово, послали бы естя въ уѣздъ или въ пригороды; а въ которой день и съ кѣмъ имянемъ пошлете, и вы бѣ

о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли отдати въ Большой четверти діаку нашему Нечаю Федорову. Писанъ въ Москвѣ, лѣта 7114 Юня въ день.

Ц. Переводъ съ Полскаго писма съ утвержденного ростриги Гришки Отрепьева, что далъ на себя крѣпость за своею рукою воеводу Сандомирскому; а сказали Бучинскіе, что то писмо воеводы Сандомирскаго Юрья Мнишка, и самъ воевода передо всѣми бояры сказалъ, то писмо его воеводина рука:

«Мы Дмитрей Ивановичъ, Божіею милостію Царевичъ всеа Русіи, Углетцкій, Дмитровскій, и иныхъ Князь, отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ гоеударствъ Московскихъ Государь и отчичь.»

«Помнячи себѣ перваго житія нашего не тѣмъ обычаемъ, какъ иные мовархи и предки наши, но какъ иные люди крестьянскіе за призывіемъ Господа Бога всемогущаго, отъ котораго живетъ начало и конецъ, а животь и смерть бываетъ отъ него жъ, усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи въ королевствѣ въ Полскомъ, въ дому честнемъ великаго роду житія честнаго и побожнаго пріятеля и товарища, съ которымъ бы мнѣ за помощію Божіею въ милости въ любви житіе свое провадити, ясневелможную панну Марину съ Великихъ Ковчицъ Мнишковну, воеводенку Сандомирскую, старостенку Лвовскую и Самборскую, дочь ясневелможнаго пана Юрья Мнишка, человека великія доброты и любви, и для того есмя взяли его себѣ за отца и о томъ мы его просили, чтобъ онъ всегда къ намъ былъ любителемъ и дочь бы свою панну Марину за насъ далъ, а что тепере мы есмь не на гоеударствахъ своихъ и то тепере до часу; а какъ дастъ Богъ буду на своихъ гоеударствахъ жити, и ему бѣ попоминати слово свое прямое, вмѣстѣ съ панною Мариною, за присягою, а язъ помню свою присягу: и намъ бы прямо объма держати и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемъ, а впередъ во имя святія Троицы даю ему слово свое прямое царское, что женюсь на паннѣ Маринѣ, а не женюсь и язъ проклятво на себя даю; а кой часть доступлю гоеударствъ нашихъ отчины Московскія, и язъ пану отцу, его милости, дамъ десять сотъ тысячь золотыхъ Полскихъ; также и паннѣ Маринѣ, женѣ нашей, изъ казны нашей Московской, на

подъемъ для того дальнего провзду, къ наряду клейнотовъ и серебра и бархотовъ золотыхъ дамъ; и посланниковъ его милости пана отца и панны Марины не задержавъ отпустить, и ихъ жаловати, и дарити нашимъ царскимъ жалованьемъ. На томъ мы на всемъ слово свое царское даемъ другое, то, какъ вступимъ на нашъ царскій престолъ отца нашего, и мы тотъ часъ пословъ своихъ пошлемъ до навсѣйшаго короля Польского, извѣщаячи ему и быючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое нынѣ промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ сдѣлати безъ убытка. Третье то, той же прежереченной паннѣ, женѣ нашей, дамъ два государства великіе, Великій Новгородъ да Псковъ, со всеми уѣзды, и съ думными людьми, и съ дворяны и съ дѣтми боярскими, и съ попы, и со всеми приходы, и съ пригородки, и съ мѣсты, и съ селы, со всякимъ владѣньемъ и съ поволностью, со всемъ съ тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствами владѣли и указывали; а мнѣ въ тѣхъ въ обѣихъ государствахъ, въ Новгородѣ и во Псковѣ, ни чѣмъ не владѣти и въ нихъ ни во что не вступаться, тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпляемъ и даруемъ ей паннѣ то, за тѣмъ своимъ словомъ, прямо; а какъ за помощьюъ Божіею, съ нею ввнчаемся, и мы то все, что въ нынѣшнемъ нашемъ писмѣ написано, отдадимъ ей и въ канцлеріи нашей ей то въ вѣки напишемъ и печать свою царскую къ тому приложимъ; а будетъ у нашей жены, по грѣхомъ, съ нами дѣтей не будетъ, и тѣ обонъ государства ей приказати намѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, и волно ей будетъ своимъ служивымъ людямъ помѣстья и вотчины давати, и купити, и продавати; такъ же волно ей, какъ ся ей полюбитъ, что въ своихъ прямыхъ удѣльныхъ государствахъ монастыри и костелы ставити Римскіе, и бискупы и попы Латынскіе, и школы поставляти и ихъ наполняти какъ имъ впередъ жити, а самой жити съ нами, а попы свои держати сколько ей надобѣ; также на божество свое Римскія вѣры держати безо всякія забороны, якожъ и мы сами, съ Божіею милостию, съ великою трудностью то приняли есмя и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все государство Московское въ одну вѣру Римскую всехъ привести и костелы бѣ Римскіе устроить; а того Боже намъ не дай, бу-

дети твои наши рѣчи, въ государствахъ нашихъ не полюбятся и въ годъ того не здѣлаемъ, ино будетъ волно пану отцу и паннѣ Маринѣ со мною розвестися, или пожалуютъ болши того, подождать до другого году, а изъ тепере въ томъ во всемъ даю на себя записъ своею рукою съ крестнымъ цѣлованьемъ, что то все сдѣлати по сему писму, и цѣлую крестъ и присягаю на томъ на всемъ при святцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сей записи сдержати крѣпко и всѣхъ Рускихъ людей въ вѣру Латинскую привести. Писанъ въ Самборѣ, мѣсяца Маія въ 25 день лѣта 1604.»

А на исподи написано: «Дмитрей Царевичъ рукою своею.»

Да воевода жъ Сендомирской сказалъ передо всѣми болры, что писалъ къ нему рострига съ Москвы листъ своею рукою, а далъ ему городъ Смоленскъ со всѣмъ уездомъ, да Сѣверу всю, и позволилъ ему въ нихъ костелы ставити и монастыри Римскіе.

Да рострига жъ воръ Гришка Отрепьевъ писалъ къ Папѣ Римскому, съ попомъ его съ Ондреемъ езвитомъ, а въ грамотѣ его пишетъ о томъ, что мысль его вся и радѣть ото всего сердца къ Папѣ Римскому, его Латинской вѣрѣ, какъ ему обѣщанъ; а подлинно о томъ о всемъ приказалъ онъ къ Папѣ съ попомъ его съ Ондреемъ езвитомъ и впередъ къ Папѣ о томъ хотѣлъ писати; а что онъ Папа слышеть его дѣло, о которомъ онъ писалъ къ Папѣ дважды, что сговорилъ жениться у Сендомирского воеводы у Юрья Мнишка на дочери его Маринѣ, за его Папавымъ благословеньемъ, а то отъ Папы благословенье иному ся никому не даетъ, токмо тѣмъ которые въ его въ Латинской вѣрѣ, а ты мнѣ воздалъ, отъ Греческія вѣры въ Латинскую вѣру оступилъ и всѣхъ людей государства своего на то привести хотѣлъ, и на томъ ему онъ челомъ бѣеть, что онъ Папа о Московскомъ государствѣ радѣлъ и промышлялъ накрѣпко, чтобъ равѣе все Московское государство въ Латинскую вѣру привести, и онъ во всемъ въ томъ крѣпокъ и неподвижимъ въ Латинской вѣрѣ, на чемъ душу свою далъ Папѣ и Литовскому королю.

Да къ вору жъ къ Гришкѣ къ ростригѣ кардиналъ Налъяной, утвердитель Римской вѣры, писалъ Мартынъ Малаярида, отъ Папы; а въ грамотѣ пишетъ:

«Какъ вѣсть та къ Папѣ придетъ, что онъ ихъ Латынскую вѣру принялъ, и имъ то всѣмъ будетъ воудивленье и въ радость, всѣ они о томъ стануть веселиться и радоваться; и всегда ему Папа о томъ своимъ писмомъ напоминалъ, чтобъ онъ многое крестьянство широкого Московского государства своимъ зохитрствомъ въ вѣру въ Латынскую своею рукою привелъ и укрѣпилъ, какъ напередъ того въ своей грамотѣ къ прежнему Папѣ Клименту изъ Самбора писалъ; а они о томъ радуются всѣми сердцами и душами своими, что онъ хочетъ во всемъ Московскомъ государствѣ Латынскую вѣру укрѣпити: и какъ сядетъ на Московскомъ государствѣ, и ему бѣ вскорѣ во всемъ Московскомъ государствѣ Латынская вѣра укрѣпити и самому быти крѣпко въ той же Латынской вѣрѣ.»

Да къ вору жъ, къ еретику, къ ростригъ къ Гришкѣ Отрепьеву писалъ Папинъ легатъ, которой живетъ у Польского короля въ Краковѣ, Клавдіусъ Раганусъ, для утверженія Латынскія вѣры; а въ грамотѣ пишетъ:

«Надобно ему сверхъ всего исполнити то, что онъ Папѣ и имъ всѣмъ обѣщалъ, что въ Московскомъ государствѣ Греческая вѣра съ Латынскою вѣрою сѣдинить, и они тому его слову вѣрятъ: и онъ бы, по тому своему слову, вскорѣ то учинилъ и своему имени отъ Папы и отъ нихъ всѣхъ честь принялъ.»

Да Папа жъ писалъ къ кардиналу Краковскому, къ брату къ родному Сендомирского воеводы; а въ грамотѣ пишетъ:

«Что онъ Папа его кардинала укрѣпляетъ и благословляетъ на свадьбу любительныхъ дѣтей своихъ (ростриги Гришки съ воеводишкою Сендомирскою), и то Папѣ на него кардинала добръ радостно, что онъ (ростригу и дочь воеводы Сендомирского) на обрученье благословилъ, онъ Папа ихъ сердечнымъ хотѣньемъ также благословляетъ; и чтобъ онъ кардиналъ любительную свою дочь (воеводишку Сендомирскую) укрѣплялъ и внушалъ ей, чтобъ она крѣпко Латынскую вѣру держала и всѣмъ прямымъ сердцемъ промышляла съ мужемъ своимъ вмѣстѣ, чтобъ Московского государства людей всѣхъ поданныхъ къ Латынской вѣрѣ привести, и подлинно онъ Папа начается, что они посямьста тѣмъ дѣломъ промышляютъ; а будетъ кардиналъ его

Папы въ томъ не станетъ слушать, и онъ его прокликаетъ; а онъ Папа начнетъ, что Московскіе люди въ Латынской вѣрѣ будутъ, толко ихъ станетъ накрѣпко приводить, а не всѣхъ любовію и волею, надобе и неволею и жесточію, а кто станетъ крѣпко, и того бѣ убивать не ужасался.»

Да рострига жѣ къ Папину легату, которой въ Польшѣ живетъ для укрѣпленія Латынскія вѣры, писалъ, чтобъ онъ благословилъ жену его въ субботу мяса ѣсти, для Московскихъ людей, а отъ Руского Патріарха причаститься. И легатъ Папинъ писалъ къ нему противъ, что онъ то чинить не гораздо: цѣловалъ онъ на томъ крестѣ и душу свою далъ, что ему быти въ Латынской вѣрѣ крѣпко и неподвижму, да и всѣхъ людей привести въ Римскую вѣру, а нынѣ хочетъ жену свою причастати у Руского Патріарха, да и для людей въ субботу мяса ѣсти, и онъ ему на то не произволяетъ, чтобъ того накакъ не дѣлалъ, помнилъ бы на чемъ душу свою далъ Папѣ, да и самъ бы и всѣмъ людемъ своимъ у Рускихъ поповъ причастатись и въ субботу мяса ѣсти не велѣлъ.

И рострига Гришка къ Папину легату писалъ, что онъ въ томъ виноватъ; а впередъ во всемъ самъ крѣпокъ въ Латынской вѣрѣ, и съ женою своею, и людей всѣхъ на то приведетъ къ Латынской вѣрѣ, а инако слово его не будетъ.

А писано въ тѣхъ во всѣхъ грамотахъ именемъ Царевича Дмитрея Ивановича, какъ тотъ воръ рострига назывался своимъ воровствомъ; а въ нынѣшнихъ переводѣхъ имени Царевича Дмитрея не написано, потому что тѣмъ имянемъ тотъ воръ назывался своимъ воровствомъ ложно.

№ II.

ПИСЬМО

Польскихъ Пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго къ Русскимъ Боярамъ, писанное въ Москвѣ 10 Юня 1606.

Бывъ на дняхъ у бояръ, и имѣвъ съ ними разговоръ о прошедшемъ за грѣхи мірскіе кровопролитіи, мы для пользы обоихъ Государствъ предлагали: отпустить насъ Пословъ немедленно въ отечество, для донесенія Его Королевскому Величеству и Рѣчи Посполитой, какимъ образомъ все несчастіе по грѣхамъ нашимъ случилось, какъ Думные Бояре и военные люди, охраняя насъ, Пословъ, и другихъ подданныхъ Его Величества, прекратили кровопролитіе. Бояре Думные обѣщали представить слова наши великому Государю и Великому Князю всея Россіи Василию Ивановичу, скоро дать намъ отвѣтъ, изложить на бумагѣ свои рѣчи и немедленно насъ отправить. Но какъ понынѣ насъ не отпустили и назначили другихъ прѣставовъ, то мы убѣждаемъ Думныхъ Бояръ исходатайствовать намъ у великаго Государя немедленный отпускъ. Просимъ объ этомъ не для себя: мы готовы за Его Королевское Величество и Рѣчь Посполитую умереть на чужбинѣ; просимъ для пользы общей. Безпокоясь о долговременной отлучкѣ нашей и получая разныя вѣсти, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, Государь нашъ и Рѣчь Посполитая могутъ заключить, что Думные Бояре побили пословъ со всею свитою и нарушили перемиріе; желаніе мести произведетъ неминуемое кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ. Мы опасаемся, не возгорѣлась ли уже война на

границъ: ибо добрые люди желаютъ мира и покоя, а злые раздоръ и кровопролитіа; тѣ и другіе есть какъ у насъ, такъ и у васъ: не одной матери дѣти! Если же для отвращенія сего бѣдствія, великій Государь отправитъ безъ насъ гонца или Пословъ къ Его Королевскому Величеству, мы не ручаемся за ихъ безопасность: въ Польшѣ много достойныхъ сожалѣнія людей, коихъ братья убиты въ Москвѣ; слѣдствіемъ будетъ неминуемое ужаснѣйшее кровопролитіе. Въ предупрежденіе сего зла, мы, Послы, помышляя о благѣ общемъ, предлагаемъ свои мѣры: да поступятъ столь же благонамѣренно и Думные Бояре! Но если насъ задержать и неволя наша причинитъ какое-либо бѣдствіе: не мы будемъ виновны предъ людьми и предъ Богомъ. Просимъ сверхъ того, отпустить съ нами людей Королевскихъ по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ Посольскомъ домѣ; равнымъ образомъ Пана Тарла съ женою и Панью Старостину Сохачевскую; ибо здѣсь сии особы вовсе бесполезны и ничего нѣтъ у нихъ, кромѣ горькихъ слезъ. Еще просимъ прислать къ намъ Каплана нашего Ксенза Войцеха, вмѣсто убитаго Ксенза Помаскаго, Каноника и Секретаря Его Величества: пусть онъ лучше молится Богу, чѣмъ горюетъ безвинно. Наконецъ просимъ дозволенія посылать съ приставами людей нашихъ къ Пану Воеводѣ Сендомирскому, къ Пану Тарлу и другимъ подданнымъ Его Величества, здѣсь находящимся; просимъ и о томъ, чтобы у Пановъ не всѣхъ людей отбирали, оставляя нѣкоторыхъ для прислуги. За годъ предъ симъ, еще при Борисѣ Феодоровичѣ, св. Отецъ, Папа Римскій, послалъ въ Персію двухъ монаховъ Кармелитовъ для обращенія Магометанъ въ Христіанскую вѣру; имъ даны были отъ Цесаря Христіанскаго и отъ Короля Польскаго письма къ Борису о свободномъ пропускѣ ихъ чрезъ землю Рускую: въ то время воротили ихъ изъ Невля. Когда Бориса не стало, они опять пріѣхали въ Москву съ Королевскимъ гонцомъ Бандзиловичемъ, съ намѣреніемъ вскорѣ отправиться въ Персію. Имѣя повелѣніе Его Королевскаго Величества развѣдать о сихъ монахахъ, мы узнали отъ Димитрія, что они отправились въ Персію, но на границѣ будутъ ожидать Пословъ Московскихъ, назначенныхъ къ Персидскому Шаху. Просимъ Думныхъ Бояръ исходатайствовать у великаго Государя симъ монахамъ дозволе-

не отправиться въ Персію съ Московскими Послами. Святѣйшій отецъ, Папа Римскій, Цесарь Христіанскій, Его Королевское Величество и все Христіанство будутъ весьма признательны великому Государю, Князю Василю Ивановичу Бандзиловича, бывшаго гонцемъ и Приставомъ при тѣхъ монахахъ, просимъ отпустить въ Литву. Если же вынѣ Московскіе Послы не отправятся въ Персію, и по сему случаю монахи не могутъ продолжать своего путешествія, просимъ отпустить и ихъ въ Литву. Еще просимъ у великаго Государя Князя Василя Ивановича милостиваго дозволенія взять у дочери Пана Воеводы Сеидомирскаго четырехъ дѣвицъ Декчискую, Войцеховскую, двухъ Закличанокъ и Панью Разводовскую съ дочерью: мы намѣрены отвезти ихъ съ собою въ Польшу.

№ III.

ОТРЫВОКЪ ГРАМОТЫ

вдовствующей Царицы Марѣи Ѳеодоровны къ жителямъ города Ельца.— Писана 1606, въ Августѣ.

..... Романовъ, да Астараханского Архіепискупа Ѳеодосья, да Спаского Архимарита Аврамія, да бояръ Князя Ивана Михайловича Воротынского, да Петра Никитича Шереметева, да братью мою Овдурья Александровича да Григорья Ѳеодоровича Нагихъ; и Ростовской Митрополитъ, и Астараханской Архиепископъ, и Архимариты и бояре благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича подыяли и осматривали, і втупору весь храмъ наполнился многово благоуханія, и мощи его, Божнею милостию, цѣлы и невредімы, въ немногихъ мѣстехъ часть земли отдана, а на лицѣ плоть и на главѣ волосы цѣлы и на костяхъ плоть цела, и ожереленцо, что язъ положила низано жемчугомъ, цѣло, и въ лѣвой рукѣ ширничка таотяна шита золотомъ и серебромъ целажъ, и саванъ на немъ весь цѣлъ, и кованецъ, чѣмъ былъ покрытъ, весь же цѣлъ и сапошки цѣлыжъ, и которые люди одержимы были разными болѣзньми, и тѣ всѣ исцѣляли отъ его святыхъ мощей, и тѣмъ людемъ привезли къ намъ письмо. А Іюня въ 3 день мощи сына моего благовѣрнаго Царевича Дмитрея к Москве привезли, і Великий Государь Царь и Великий Князь Василен Ивановичъ всеа Русіи, и я с Митрополиты, и с Архиепископы, и съ Епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и з бояры, и з дворяны и со всякими людьми Московского Государства мощи его встрѣтили

се кресты за городомъ, и его мощи передъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и передъ всѣми людьми Государь Царь і Великіи Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи смотрилъ, да и язъ, и всѣмъ людямъ показывати велѣли, и его цѣлбоносные мощи и ризы всѣ цѣлы и тѣлню непричастны, въ немногихъ мѣстехъ часть земли отдана; и мы, видя такое неизреченное Божіе милосердіе, с радостными слезами всеилному, въ Троице славимому Богу и Его страстотерпцу благовѣрному Царевичю Дмитрею Ивановичю хвалу воздали, и милости у него и прощенья просили. И какъ понесли мощи его в городъ, и отъ его мощей многие болные различными болезнями исцеление получили; а какъ его поставили в церкви Архангела Михаила, и отъ его целбоносныхъ мощей пролились рѣки милосердія, многие болные различными болѣзнями исцеление получили, и ныне непрестанно исцеляетъ, і всѣмъ приходящимъ с вѣрою неоскудную милость свою подаетъ. А язъ на принесеніе его мощей, въ церкви у Архангела Михаила передъ Митрополиты, и Архиепископы и передо всѣмъ освященнымъ соборомъ, и передъ бояры, и передъ дворяны и передо всѣми людьми Великому Государю Царю і Великому Князю Василью Ивановичю всеа Русіи била челомъ, что я передъ нимъ Государемъ и передо всѣмъ освященнымъ соборомъ и передо всѣми людьми Московского Государства всеа Русіи виновата; а болши всего виновата передъ новымъ мученикомъ, передъ сыномъ своимъ Царевичемъ Дмитреемъ, что святые его многочисленныя мощи в забвеньи и безъ памяти учинила, терпѣла вору ростригѣ, явному злomu еретикy и черно книжцу, не отличила его долго и многая кровь отъ того богоотступника лилася, и разоренье Крестыанской вѣре хотѣло учинитца; а дѣлалось то отъ бѣдности, потому, какъ убили сына моего Царевича Дмитрея, по Борисову велѣнью Годунова, а меня после того держали в великой нуже, и родъ мой весь по далнимъ городомъ розосланъ былъ, и в конечной злои нуже жили, и язъ, по грехомъ, отъ страху, будучи в великой нестерпимой нуже, вскоре не известила; а какъ онъ со мною увиделся, и онъ запретилъ злымъ прещеньемъ, чтобъ я того не говорила ни с кѣмъ; и Государь бы і весь освященный соборъ і весь народъ

меня въ томъ простили, чтобъ мнѣ в томъ грѣхъ въ проклятствѣ ото всего мира не быти. І Великіи Государь Царь и Великіи Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, по своему Царскому милосердому обычею, и для Великого Государя Царя і Великого Князя Івана Васильевича всеа Русіи, и для благовѣрнаго стратотерпца Царевича Дмитрея Ивановича целбоносныхъ его и многочисудесныхъ мощей, меня въ томъ простилъ; да и к вамъ Елчаномъ о томъ отъ Государя Царя і Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи про то про все писано, і вы Государю Царю і Великому Князю Василью Ивановичю всеа Русіи крестъ целовали и души свои дали на томъ, что ему Государю служить безо всякне хитрости до своего живота. А ныне азъ слышу, по греху Крестьянскому, многую злую смуту, по замыслу враговъ нашихъ Литовскихъ людемъ; и говорите де-и, что тотъ воръ былъ прямой Царевичъ сынъ мой, а ныне бутто живъ, и вы какъ такъ шатаетесь? Чему вѣрите врагомъ нашимъ Литовскимъ людемъ, или измѣнникомъ нашимъ лихимъ людемъ, которые желаютъ о Крестьянской крови, и своихъ злопагубныхъ для корыстенъ? Какъ васъ не увѣрять многочисудесные мощи сына моего Царевича Дмитрея Ивановича, и Царскіе грамоты и приказъ и наше богомолицы Царскіе і вашей всѣхъ православныхъ Крестьянъ к вамъ грамоты и моленья? И отъ Патриарха, и Митрополитовъ, и Архиепископовъ, и Епископовъ, и отъ Архимаритовъ, и Игуменовъ, і всего освященнаго собора и ото всеѣ земли Московского Государства грамоты к вамъ посланы, и рѣчью съ вашими Елчаны приказывано многижда, чтобъ вы позналися и на истинный путь обратилися, і врагомъ нашимъ Литовскимъ людемъ, или измѣнникомъ нашимъ, которые вамъ лгутъ, желая Крестьянскіе крови, не вѣрили, и отъ васъ и посямѣста обращенія никоторого нѣтъ, и смущаетеся и вѣрите врагомъ нашимъ Литовскимъ людемъ и нашимъ измѣнникомъ; а мнѣ, благовѣрнаго Царевича Дмитрея Ивановича матери, и Царскимъ богомолцомъ Патриарху, и Митрополитомъ, и Архиепископомъ, и Епископомъ і всему освященному собору, и бояромъ и околничимъ, и дворяномъ і всеи земле Московского Государства не вѣрите, і вашею смутю и непокорствомъ многая

кровь Крестьянская безвинно проливаетца, и остави свѣтъ, во тмѣ шатаетеса. И ныне язъ послала к вамъ брата своего боярина Григорья Федоровича Нагово, и с нимъ послала к вамъ образъ сына своего благовѣрнаго Царевича Дмитрея Ивановича, чтобъ ваши сердца просветилися и на истинной путь обратилися; і выбъ, памятуя Бога, и истинную непорочную православную Крестьянскую вѣру, и души свои и крестное целованье, на чемъ есте Великому Государю Царю і Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русні души свои дали, позналися и на истинный путь обратилися, и о винахъ своихъ прислали бити челомъ к Великому Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русні безо всякого сумнѣнья. А мнѣ то подлинно вѣдомо, что Великіи Государь Царь і Великіи Князь Василей Ивановичъ всеа Русні васъ пощадитъ, вины ваши покроетъ своимъ Царскимъ милосердьемъ, мнѣ онъ то свое Царское милостивое слово к вамъ молвилъ; а язъ васъ на то благословляю и прошу того у Бога, чтобъ ваши сердца на истинный путь обратились, и житибъ вамъ в домѣхъ своихъ безмятежно, въ тишинѣ и во благодѣиствѣ, а кровь бы Крестьянская престала литися. А тому истинно вѣрите, что то былъ не сынъ мой, воръ, богоотступникъ, розстрига Гришка Отрепьевъ, и убитъ онъ ныне на Москвѣ, мои очи его мертва видели; а истинной Государь мой сынъ Царевичъ Дмитрей Ивановичъ убитъ на Углече въ 99 году; а ныне мощи его на Москвѣ в Архангиле Михаиле, сами о себѣ свидѣлствуютъ неизреченными чудеса, і выбъ безо всякого сумнѣнья прислали бити челомъ к Великому Государю Царю і Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русні, а онъ Государь милостивъ и щедръ, вины ваши покроетъ своимъ Царскимъ милосердьемъ.

№ IV.

ЧЕЛОБИТНАЯ,

ПОДАВАННАЯ 20 ФЕВРАЛЯ 1607 ПАТРИАРХУ ІОВУ, ОТЪ ГОС-
СТЕЙ, ТОРГОВЫХЪ ЛЮДЕЙ И ВСЕГО ЧЕРНАГО НАРОДА.

Отцемъ началствующему въ части земли Господня, ея же глаголемъ Росія, первопрестолну ти сущу святѣи соборныи и апостольскія церкви, Іеву пресвятѣйшему, о Господь радоватися. Народъ христіанескъ, чада твоя, ихъ же породе церковію крещенія паки бабею бытія, отъ твоего отеческаго здраваго ученія отторгнушася и на лстивое злохитрство лукаваго вепря уклонишася, и свирѣпу и немилосерду томителю себе во исправленіе издашася, ему же наскачушу яко иногда Іуліяну, но не попустити ему Богъ конечнѣ погубити и поглотити чада твоя, яко же и прежде рѣхъ церковію породе, но твоего отца нашего еже во Владыцѣ всѣхъ и вседержителю Богу, Господу нашему Іисусу Христу, молитвою и Пречистой его Матери, нашей христіанской заступницѣ, преславно изыять насъ отъ руки напрасно восхищающаго зломысленнаго волка и отнюднымъ промышленіемъ на лутчее преведеніе яко отъ заплѣненія пуцаеть и къ первому благостраданію челоувѣколюбнѣ возвращаеть: и подалъ намъ Богъ, твоимъ отца нашего моленіемъ, вмѣсто нечестія благочестіе, и вмѣсто лукаваго злохитрства благую истину, и вмѣсто хищника щедраго подателя, Государя Царя и Великаго Князя Василія Ивановича, всеа Русіи Самодержца; а родъ благоцвѣтушія его отрасли корень самъ ты, Государь и отецъ, во Степенной кнѣзѣ написано вѣдаешъ.

И нынѣ тебѣ Государю святѣйшему Іеву, Патрeарху Московскому и всеа Русіи, Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, о своемъ Російскомъ народѣ, православныхъ христіанѣхъ, и молю и прошу благословенія и прощенія и клятвеннаго еже на насъ разрѣшенія, емо же кляхомъ во святѣй соборнѣй и апостольствѣй церкви при Царѣ и Великомъ Князѣ Борисѣ и при его Царицѣ Марьи, и паки при его сынѣ Ѳеодорѣ и матери его той Царицѣ Марьи, что было намъ имъ служити и правити во всемъ прямо, и инаго было Государя не искати и на государство никого иного не хотѣти, и никакого зла не учинити, и не подыскивати некоторыми ухищренми, и съ тѣмъ было воромъ, который назывался Царевичемъ Княземъ Дмитреемъ Углицкимъ, не знатися и грамотки не ссылатися, и на государство было его не хотѣли и не прїимати; а служити было и прїимити во всемъ прямо, какъ Борису Царю, такъ и сыну его Ѳеодору, и битися было за нихъ и стояти за крестное цѣлованье и до смерти, по сему крестному цѣлованью: «на томъ (рече) цѣлую крестъ, какъ въ сей записи писано.» Увы намъ окаяннымъ! Зломысленные вѣтри внаглѣ возвѣяша страстное море похотное, восколебася тучею страстей врьюще, мысленный корабль опровержеса и бремены грѣховными погружены быхомъ: найде бо на ны дивій изъ дубравы лукавый вепрь великъ, зубъ зловѣрія имущъ, имъ же весьма уповая благочестія корень выторгнути, но обаче самъ вскорѣ сломися, и сокрушися, и искоренися, по твоихъ святѣйшаго отца нашего молитвахъ; и тогда убо вы намъ, злохитрствомъ насъ уловъ и лъстивно лестію прелести, отъ простаго и до мудраго, отъ мала и до великаго, вси прелестихомся и вѣру иномъ, и непщевахомъ быти истиннѣ, и скоро отъ клятвы отскакахомъ и крестное цѣлованіе измѣвихомъ, что клялися есми въ соборнѣй и апостольствѣй святѣй церкви и крестъ цѣловали, что было того вора Грику Отрепьева, которой называется Царевичемъ Княземъ Дмитреемъ Углицкимъ, на государство не хотѣти, и ту клятву преступихомъ и крестное цѣлованіе вскорѣ измѣвихомъ, и того вора Гришку Отрепьева, которой назывался Царевичемъ Дмитреемъ Углицкимъ, похотѣли, и на государство Московское его прїняли, и

Царемъ его быти помазали; и того мы своего Государя Федора, Борисова сына, и мать его Царицу Марью, и Царевну Ксению, которымъ клялися и крестъ цѣловали, что было имъ служити и прямити во всемъ прямо, и мы въ томъ согрѣшили, клятву и крестное цѣлованіе преступили и ихъ злему убійць Гришкѣ Отрепьеву выдали, и воръ Гришка надъ ними мучительски творилъ, какъ хотѣлъ, Государя нашего Федора съ матерью его смерти предалъ, а Царевну Ксению во ивоческій образъ отослалъ, а тебе отца нашего отъ насъ отторгнулъ, а насъ отъ тебя, яко же и злохщный волкъ стадо Христово словесныхъ овецъ, лютостію наскачуще, и пастыря со овцами разлучилъ. И се убо, возлюбленне Господемъ, вѣдати достоинъ ти, яко отъ дне тогдашняго и до дне сего вси въ тѣмѣніи суети пребываемъ и ничтоже намъ къ ползъ спѣется; и се убо нынѣ разумѣхомъ, яко во всемъ предъ Богомъ, Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, согрѣшихомъ, и тебе святѣйшаго Іева, Патріарха Московскаго и всеа Русіи, отца нашего, не послушахомъ, и клятву и крестное цѣлованіе преступихомъ. И нынѣ Государь святѣйшій Іевъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, о всемъ о томъ всего міра о прегрѣшеніи, клятвы и крестнаго цѣлованія преступленіи, молю и прошу прощенія и разрѣшенія, понеже, господине, дана ти бысть власть вязати и рѣшати отъ Владыки всѣхъ Христа, Бога нашего; яко же бо тогда отъ твоея святыни связаны быхомъ, такоже и нынѣ отъ твоея жъ святыни и разрѣшиться ищемъ, да не токмо еже мы живи суще во градъ семъ, но и о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, иже во всѣхъ градѣхъ страны сея живущихъ, да не точію о сихъ симъ прощенія и разрѣшенія, но и о тѣхъ, иже свѣта сего отшедшая отца и братію нашу, и о тѣхъ молимъ и просимъ отъ твоея же разрѣшиться святыни, и вси равно вкупъ, отъ мала и до велика, во православной вѣрѣ живущіи, вси прощенія и разрѣшенія яже на насъ клятвы нашея просимъ. И ты, Государь святѣйшій Іевъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, не отверзи насъ кающихся о прегрѣшеніи нашихъ: сотвори, Государь, отеческую любовь, чадолюбно благоволи чадомъ твоимъ очищенія

дати о прегрѣшеній нашихъ; и яко же древле мы грѣшнии моленіемъ твоимъ сохраняеми бѣхомъ, тако и нынѣ молитвенника же ты ко Спасу всѣхъ быти молимъ; буди, Государь, приводяи заблудшихъ и не отрини во отчаяніе насъ умрети, утѣши чадѣ своихъ истиннымъ словомъ ученія, отверши священный и неумытный умъ, и на свѣтлая насъ словесъ слышанія приведи, да понемало слышавше отъ тебе возвеселихомся, яко богословіе исправившаго ты видѣвше, и прочее не буди намъ къ тебѣ многословія вѣщати, но да едино просихомъ, то и взыщемъ, еже прощенія и разрѣшенія отъ твоея святыни получитьи просимъ. А не многими глаголы стужати смѣемъ, но точію даждь намъ, Бога ради, по закону отеческія любви прощеніе и разрѣши насъ отъ клятвеннаго грѣха, имъ же кляхомся въ соборѣхъ и апостолстѣхъ святѣй церкви, въ сій вѣкъ и будущій: «я не быти (рѣхомъ) на насъ милости Божіи, и Пречистой Богородицы, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра и Олексѣя и Іоны, и всѣхъ Святыхъ;» и нынѣ обращаемся и паки просимъ на ся милости Божіи, понеже безъ нея не можемъ нимало живи быти, и надѣемся, по твоихъ молитвахъ, яко Богъ, естествомъ сый благъ, готова себе подаетъ всѣмъ возвращающимся и просящимъ о прегрѣшеніи прощенія, яко и за Ахава Господь самъ къ Пророку вѣщаше, глаголя: «не имамъ сотворити прежереченнаго зла, видѣхъ бо его, како сътуя ходитъ предо мною о своихъ согрѣшеніяхъ;» тако же, видѣвше Владыки Христа Бога нашего челоуколюбіе, и просимъ отъ твоея святыни получитьи прощеніе и пріяти благословенія и излитія милости милосердія Божіа благоуверному и христолюбивому Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, и всѣмъ благоувернымъ княземъ и бояромъ, и христолюбивому воинству, и всѣмъ православнымъ христіаномъ.

№ V.

ПРОЩАЛЬНАЯ ГРАМОТА

ПАТРИАРХА ІОВА РУССКОМУ НАРОДУ 20 ФЕВРАЛЯ 1607
ГОДА.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго и всесилаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтъ непреступимъ, въ превеличїи и въ превьсочайшей и велелїпнїи святїи славъ трисїятелнаго величествїа Своего, сїдящаго на престолѣ херувимствѣ съ превѣчнѣмъ и едиnorodнымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и съ божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся освящаются, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равно божественныя, и равночестныя, и равносопрестодныя, и равносовѣтныя, и равнодѣйственныя, и равносущныя, и соприсносущныя, и собезначалныя, и единовачалныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ трїехъ составѣхъ единаго Божества, Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, неопредѣленнаго и всякія силы крѣпчайшаго, имъ же Царїе царствуютъ и величїи величаются, сего въ Троицы приснославимаго Бога нашего недоумѣваемыми и недовѣдомыми судбѣми и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается, и отъ несущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ присвояются и лѣта считаются: отъ Него же прїемше земля наша Руская своими Государи величатися и властвоватися, имъ же начало и корень бысть Рюрикъ глаголемый, отъ колѣна Августа Кесаря Римскаго, первый Великій Князь въ Русїи, въ Великомъ Новѣгородѣ, отъ его же рода

благовѣрный Великій Князь Владимиръ Кіевскій, крестивый землю нашу Рускую святымъ крещеніемъ, въ четвертомъ степени произыде; отъ него же Владимера, глаголю, великіе христіаньстїи поборницы, благовѣрные Цари и Великіе Князи Русїи, по царьскимъ степенемъ произыдоша, даже и до сего времени, въ немъ же Государь нашъ, благовѣрный и христолюбивый Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русїи, седмьнадесять царьскій степень отъ Великого Князя Владимера обрѣтєся, самодержавствова скифетроцарствїя великаго Російскаго государства. Сего убо общедателный долгъ, преправеднымъ и непремѣннымъ судомъ Божиимъ, достиже: великій, превысокій, православный столпъ, корень благовѣрїя, предивный цвѣтъ благочестїя, степень царьскій, Костянтинъ новый, Владимиръ славный, Ярославъ дивный; Александръ пречудный, Государь нашъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русїи, грѣхъ ради нашихъ оставя земное царство, отъиде въ вѣчное блаженство небснаго царствїя; а по отшествїи отъ житїя сего, великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русїи Самодержецъ, на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ скифетродрѣжанїя Російскаго царствїя повелѣлъ царствовать на Російскомъ государствѣ благородному сыну своему, великому Государю нашему Царю и Великому Князю Феодору Ивановичу, всеа Русїи Самодрѣзцу; а второму сыну своему, Царевичу Дмитрею Ивановичу, далъ въ уѣздъ въ своей царьской отчины градъ Угличъ и нынѣ грады, и великого Государя нашего Царевича Дмитрія на Угличѣ нестало въ 99 году, прїять закланіе неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ. А великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ всеа Русїи на своей царьской степенїи на Російскомъ государствѣ, на преславномъ престолѣ прародителей своихъ, великихъ Государей нашихъ, крестовосныхъ Царей, царствовалъ четырєнадесять лѣтъ и, праведнымъ и непреминутелнымъ судомъ Божиимъ, отъ жизни сея преселися въ вѣчное блаженство небснаго царствїя: и царьскій корень, иже толикими лѣты влечашєся, сократися, наслѣдія и вожа преславному государствѣ Російскаго царствїя ихъ царьского израшенїя не остаєся. И по отшествїи къ Богу вели-

каго Государя нашего Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, мы смиренніи богомолцы его, азъ Іевъ, бывшій Патріархъ царствующаго града Москвы и всеа Великія Росіи, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и дьяки, и весь царскій сигелить, и гости, и дѣти Боярскіе, и всякіе служивые и торговые люди, и всѣ православные крестьяне царствующаго града Москвы, съ женами и съ дѣтми и съ сущими млеко младенцы, били челомъ и молили Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Ѳедоровну всеа Русіи съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, чтобы она Государыня насъ пожаловала, въ содержаніи скифетра своихъ великихъ государствъ Російскаго царствія была по прежнему и насъ бы сирыхъ до конца не оставила; и по многое время о томъ всѣ мы вкушъ со всѣми православными крестьяны ея великую Государыню молили и били челомъ со всякимъ усердіемъ. И великая Государыня наша Царица и Великая Княгиня Ирина Ѳедоровна всеа Русіи намъ о томъ отказала и восхотѣла, по своей къ Богу вѣрѣ и по душевному желанію, обещаніе свое исполнити и воспріяти равноангельный иноческій образъ, а правити великаго государства Російскаго не изволила; и послѣ преставленія приснопамятнаго Государя нашего Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, въ 9 день изыде отъ своихъ царскихъ полатъ и вниде въ пречестную обитель Прясныя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одигитрія, въ Новой дѣвичь монастырь, и пременивъ земное царство благолѣпнымъ премьненіемъ, изволила пріяти тихое и безмолвное иноческое житіе, облече себе во ангелолѣпный иноческій образъ. Мы же, богомолцы ея, азъ Патріархъ Іевъ царствующаго града Москвы, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре и околничіе, и дворяне, и приказные всякіе люди, и дьяки, и гости, и служивые и торговые всякіе люди, всѣ православные крестьяне, съ женами и съ дѣтми и съ сущими млеко младенцы, били челомъ Государынь Царицъ и Великой Княгинь Олександръ Ѳедоровъ всеа

Русіи, чтобы она насъ сирыхъ не оставила и Російскаго государства безгосударна и безнадежна не учинила, дала бы намъ на царство брата своего Бориса Ѳеодоровича; также и Борису Ѳеодоровичу били челомъ и молили со слезами по многіе дни, чтобы онъ насъ пожаловалъ, на Російскомъ государствѣ былъ Царемъ и Самодержцомъ всей Російской землѣ. Государыня же Царица и Великая Княгиня инока Александра Ѳеодоровна всеа Русіи и братъ ее Борисъ Ѳеодоровичъ къ моленію нашему никакоже быша преклонны, и ни единогда, но по многіе дни прошеніе наше презирающе. И по сихъ азъ Патріархъ Іевъ и весь освященный соборъ, и бояре и околничіе и весь царскій сигклитъ, и всѣ православные христіане, совѣтовавъ о томъ, какъ намъ въ Московскомъ государствѣ жити безгосударнымъ и такому великому Російскому царству быти сиру и престолу царскому вдовствовать, и положиша совѣтъ таковъ, что мнѣ Патріарху со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояромъ, и околничимъ, и дворяномъ, и всему царскому сигклиту, и всѣмъ православнымъ христіаномъ, сотворивъ праздноество Пресвятѣй Владычицы нашей Богородицы честнаго и славнаго Ея Одигитрія, въ соборной и апостольствѣй церкви ея въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ святымъ церквамъ и по честнымъ монастыремъ, взявше честныя и животворящіе кресты и чудотворныя образы, Пречистыя Богородицы Владимерскія, и образъ Пречистыя же Богородицы чудотворцова Петрова писма, и ныне многіе чудотворныя образы, и итти въ Новой дѣвичъ монастырь, и паки молити и бити челомъ со слезами великой Государынь Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ всеа Русіи и брату ее Борису Ѳеодоровичу, чтобы они насъ сирыхъ не оставили и Російскаго государства вдовствовать не сотворили: пожаловала бы Государыня моленія насъ всѣхъ православныхъ христіанъ не презрѣла и слезъ и рыданія всенароднаго множества не оставила, благословила бъ на Російскомъ государствѣ царствовать брату своему Борису Ѳеодоровичу; а Борисъ бы Ѳеодоровичъ также моленія всѣхъ насъ, паче же и великаго подвига честныхъ и животворящихъ крестовъ и чудотворныхъ образовъ, не презрѣлъ, былъ на Московскомъ государствѣ Царемъ и Самодерж-

цемъ всей Руской землѣ. И Государыня Царица и Великая Книгиня инока Александра Федоровна и братъ ее Борисъ Федоровичъ, великаго ради подвига честныхъ и животворящихъ крестовъ и великихъ чудотворныхъ иконъ, моленія нашего не презрѣли: брата своего Бориса Федоровича на Російскомъ государствѣ царствовать благословила и Борисъ Федоровичъ насъ пожаловалъ, на Російскомъ государствѣ Царемъ учинился. И мы, азъ бывшій Патріархъ Іевъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, въ соборной и апостольстѣй церкви знаменовалися честными и животворящими крестами, а бояре и околничіе, и дворяне, и приказные всякіе люди, и діаки, и гости, и служивые и торговые всякіе люди всего Московского государства, животворящій крестъ цѣловали, на томъ, что намъ всемъ Царю Борису Федоровичу, и Царицѣ его Марьѣ, и Царевичу Федору, и Царевнѣ Ксеніи, служити вѣрою и правымъ сердцемъ, а зла никотораго на нихъ не думати и не измѣнити ни въ чемъ и во всемъ правити по тому, какъ мы единокровныя и бессмертныя души свои ему давали и животворящій крестъ цѣловали; и двѣ грамоты утверженьныя съ великою клятвою о всемъ о томъ написавше, и руки свои приложили, и печати свои привѣсили, и едину положивши въ царскихъ хранилищахъ, а вторую положивше во святѣй величѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви Пречистой Богородицы. И царствовавшу Царю Борису на Московскомъ государствѣ седмь лѣтъ, и во времена царства его, огнедыхательный діаволъ, лукавый змѣй, поядатель душъ человѣческихъ, не хотя добра ролу чловѣку и святыхъ нашихъ православныхъ христіанскіа вѣры въ крѣпости быти, и святыхъ божественныхъ церквей въ неподвижномъ состояніи, и насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ въ мирномъ союзѣ, и хотя облещи насъ въ клятву ако въ ризу и въ преступленіе цѣлованія животворящаго креста, воздвиже на насъ подобна себѣ врага, нашего же Російскаго государства черныца Гришку Отрепьева, и научи его преже отступити отъ Творца нашего Бога и попрали иноческій-святольпный образъ и діаконскій чинъ, потомъ же вложи въ него злочитрый ядъ и бѣсовскій плевецъ - встѣявъ, и злобу лукавства сво-

его вложи въ сердце его: и по наученію дьявольскому той прежереченный врагъ Божій, рострига Гришка Отрепьевъ, избжавъ отъ Російскаго государства въ Литовскую землю и тамо испустивъ изъ себе бѣсоданный ему дьявольскій ядъ, назва себе приснопамятнаго Госулара нашего Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сыномъ, Царевичемъ Дмитреемъ; Королю же Литовскому Жигимонту, еще въ то время съ нашимъ Государемъ въ мирномъ постановленіи бывшу, но для разоренія христіанскія нашія непорочныя вѣры и святыхъ Божиихъ церквей, крестное цѣлованіе преступилъ и мирное постановленіе порушилъ, послалъ съ тѣмъ воровъ Литовскихъ людей и Запорожскихъ Черкасовъ въ вотчину Російскія области, въ Сѣверскую украину: и въ седмое лѣто царства Царя Бориса Федоровича пришелъ тотъ воръ рострига Гришка Отрепьевъ, съ Литовскими людьми и съ Запорожскими Черкасы, въ вотчину Російскія области, въ Сѣверскую украину, въ городъ Черниговъ и въ ныне Сѣверскіе города, и прелстилъ ихъ своимъ злодѣйствомъ и волхвованіемъ и бѣсовскимъ мечтаніемъ, и Сѣверскіе люди украинные и христіанскія вѣры мало памятуяють, забывъ Бога и православную христіанскую вѣру и крестное свое цѣлованье преступивъ, съ тѣмъ воровъ соединилися, и многія святыя Божія церкви осквернили, и многую кровь христіанскую пролили, и безчисленное убійство людямъ содѣяли. Егда же сему прежереченному врагу Божию и гонителю на христіанскую вѣру, ростригъ, бывшу въ Сѣверскихъ городѣхъ, мы же, азъ смиренный Іевъ, бывшій въ то время Патріархъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, вамъ бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и дьякомъ, и служивымъ людямъ, и гостемъ, и торговымъ всякимъ людямъ, всѣмъ православнымъ хрестьяномъ, про того вора про ростригу извѣщалъ подлинно, какъ онъ повергъ инокескій и дьяконскій чинъ, и какъ избжалъ отъ Російскаго государства въ Литовскую землю, и кто онъ именемъ, и чей сынъ, и какъ онъ жилъ во дворѣ у меня, Іева Патріарха; и о томъ подлинно же вамъ сказывалъ, что Царевичъ Дмитрей убитъ на Угличѣ въ 99-мъ году, при царствѣ блаженнаго памяти великаго Госулара нашего Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всеа Русіи; и въ

полки къ бояромъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и ко всей рати, о томъ о всемъ писалъ подлинно, и здѣсь въ царствующемъ градѣ Москвѣ по всемъ сотнамъ о томъ подлинныя памяти розсылалъ, и наказывалъ, и укрѣплялъ всѣхъ васъ, чтобы вы памятовали Бога и крестное свое цѣлованіе и души свои, на чомъ цѣловали крестъ Царю Борису, и Царицѣ его Марьѣ, и Царевичу Ѳедору, и Царевнѣ Ксеніи, и самъ вамъ на себя великую клятву полагалъ, что воистинну прямой воръ ростига, а не Царевичъ Дмитрей: и вы въ томъ наше наказаніе и заклинаніе, и свои души, и крестное цѣлованіе, все въ презрѣніе положили и отнюдь насъ въ томъ ни въ чемъ не послушали. И судомъ Божиимъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, Царя Бориса Ѳедоровича не стало, а послѣ его остался сынъ его Царевичъ Ѳедоръ: и мы, азъ Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и діяки, и столнники, и стряпчіе, и весь царскій сигклитъ, и гости, и изъ городовъ служивые всякіе люди, и царствующаго града Москвы и изъ иныхъ изъ всѣхъ городовъ, которые въ то время прилучились въ царствующемъ градѣ Москвѣ, всѣ православные крестьяне били челомъ Царя Бориса Царицѣ Марьѣ да сыну ей Царевичу Ѳедору, чтобъ они на Московскомъ государствѣ царствовали, а Царевичъ бы Ѳедоръ именовался Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русси; и азъ, Іевъ бывший Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, въ соборной церкви Пречистой Богородицы знаменовалися честнымъ и животворящимъ крестомъ, а бояре и околничіе, и дворяне, и весь царскій сигклитъ, и служивые люди, и гости, и торговые всякіе люди, животворящій крестъ цѣловали на томъ, что было всемъ намъ служити имъ вѣрою и правымъ сердцемъ, и зла на нихъ ни котораго не умышляти, и ни въ чемъ имъ не измѣнити, по прежней утверженной грамотѣ. И грѣхъ ради нашихъ и всего православнаго христіанства, попусти на ны Богъ сего же презреченнаго врага и говителя и злодѣя, ростигу Гришку Отрепьева, и прелести вся люди Божія именемъ Царевича Дмит-

рея Ивановича, толикий мятеж учинилъ въ православныхъ крестьянѣхъ, его же отъ начала свѣта въ божественномъ Писаніи не обрѣтается: еже всемъ намъ извѣстно есть, яко той врагъ Божій прелстилъ Сѣверскіе и Резанскіе всѣ города и Російского государства полки, которые противъ его врага стояли подъ Кромами, и не устыдѣвша помыслити коснутиса и самому преславному царствующему граду Москвѣ, прислалъ свой воровской листъ и ими же и индѣ прелщаль, и симъ своимъ злымъ листомъ царствующаго града Москвы всѣхъ Божіихъ людей въ злую прелесть и сматеніе низложи, иже вси въ соблазѣ видоша, прамъ того вора нарицающе Царевичемъ Дмитреемъ, и крестное цѣлованіе, на чемъ цѣловали крестъ Царю Борису и Царицѣ Марьѣ и Царевичу Федору, и на чемъ написали съ великими клятвами утвержденую грамоту, и сія вса толикія клятвы православнѣи христіане они преступиша и наше соборное моленіе въ презрѣніе положили, и по грѣхомъ, того вора, не вѣдая о немъ подлинно, что онъ врагъ Божій роурига, а не Царевичъ Дмитрей, и не увѣрся о томъ достовѣрно, восхотѣша на Російское государство царствовати пріяти и животворящій крестъ тому вору цѣловали, именемъ Царевича Дмитрея Ивановича, и Царицу Марью и Царевича Федора и Царевну Ксенью съ царьскаго престола свергнуша, и отъ царскихъ полатъ изженуша, и злою смертію удавленіе умориша, и святую соборную и апостолскую церковь Пречистыя Богородицы опозориша: множество народа царствующаго града Москвы видоша во святую соборную и апостолскую церковь, со оружіемъ и дреколіемъ, во время святого и божественнаго пѣнія, и не давъ совершити божественныя литургіи, и видоша во святой олтарь, и мене Іева Патріарха изъ олтаря взяша и во церкви и по площади таская позориша многими позоры, и въ царскихъ полатахъ подобіе Христова тѣлеса и Пречистыя Богородицы и Архангеловъ, иже уготовлено было на Господню плащаницу подъ златые чеканные образы, и то вражію ненавистію раздобиша и, на копыя и на рогатны встыкая, по граду и по торжищу носяху, позорюще, забывъ страхъ Божій; и потомъ сій врагъ, роурига, пріѣхавъ въ царствующій градъ Москву, съ Лю-

тори, и съ Жиды, и съ Ляхи, и съ Римляны, и съ прочими оскверненными языки, и назвавъ себе Царемъ, и коснуся царскому въиду, и владѣя такимъ превысокимъ государствомъ мало не годъ, и которыхъ злыхъ дѣвольскихъ бѣдъ не сдѣлалъ, и коего насилія не учинилъ, еже и писати неудобно есть: розныхъ вѣръ злодѣйственнымъ воинствомъ своимъ, Лютори и Жиды и прочими оскверненными языки, пришедшими съ нимъ, многія крестьянскія церкви осквернилъ, и не пріи въ сытость сицева бѣсовскаго яда, но и до конца хотя разорити нашу непорочную христіанскую вѣру, пріиавъ себѣ изъ Литовскія земли невѣсту, Люторскія вѣры дѣвку, и введе ся въ соборную и апостолскую церковь Пречистыя Богородицы и вѣнча царскимъ вѣнцомъ, и повелъ той своей скверной невѣстѣ прикладыватися и въ царскихъ дверехъ святымъ муромъ ся помазалъ. И такое злое начинаніе его видѣвъ, кто отъ правовѣрныхъ крестьянъ къ челолюбивому Богу не восплакалъ, и кто отъ жалости сердечныя не возстоиалъ? Но убо, различнаго ради его мученія и смертнаго посѣщенія, мнози и знаемія его злодѣя не смѣли дерзнути возвѣстити о немъ, что онъ злодѣй рострига, а не Царевичъ Дмитрей; но паче всю надежу свою возложилъ на Бога и на Пречистую его Богоматерь, и на великаго страстотрпца Царевича Дмитрея, и всѣхъ Святыхъ. Видѣвъ достояніе свое въ такомъ погибеліи и христіанскую нашу вѣру разоряему, возвиже на него велегласна обличителя и злomu умышленію его проповѣдника, великаго Государя нашего, вопстинну свята и праведна Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всеа Русіи, и аще и многое безчестіе и гоненіе мало и не досмерти пострада, но того врага милосердый Богъ, промысломъ его до конца сокрушивъ: убьещъ бысть отъ всенароднаго, и скареднаго тѣла его не осталось. А на Російское государство, по премногому къ намъ Божию челолюбію, избранъ бысть Царь и Самодержецъ, великій Государь нашъ, Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, понеже онъ Государь отъ корени прежебывшихъ Государей нашихъ Царей, по степени царскихъ родовъ, отъ благовѣрнаго Великаго Князя Олександра Ярославича Невскаго; и святая наша христіанская вѣра въ прежній 'благій покой возвратися и

сїати нача яко солнце на тверди небеснѣй, и святыя церкви отъ оскверненїя очистилися, и всѣ мы православныя христїане, аки отъ сна возставше, отъ буйства удѣломудрихомся. Искоин же несправдливый добра роду человѣческому прегордый сатана, иже вмѣсто свѣтлости ангелскїя въ темный мракъ премѣнился и вмѣсто существа ангелскаго дїаволь наречеса, не хотя православныхъ христїанъ во святѣй христїанствѣй вѣрѣ и въ любовь и въ миръ сожителствовати, возставилъ плевель золь, хоцетъ поглотити пшениценосныя класы; Богу же сіа на ны попустившу, за умноженіе грѣхъ нашихъ, собралися тое жъ преждепогибше Сѣверскїя украины Севрюки и иныхъ Резанскихъ и Украинскихъ городовъ стрѣлцы и казаки, и разбойники, и тати, и бѣглые холопы, и прелстивъ тое жъ прежеомраченную безумїемъ Сѣверскую Украину, и отъ тоя Сѣверскїя украины мнози и нїи города прелстишася и кровь православныхъ христїанъ аки вода проливается; а называютъ того мертваго злодѣя, иже содержа престоль царскїй, ростригу, жива, а намъ и вамъ всемъ православнымъ христїаномъ сего злодѣя смерть подлинно вѣдома.—И нынѣ азъ смиренный Ермогенъ, Божїею милостїю Патріархъ царствующаго града Москвы и всея Великія Росїа, и азъ смиренный Іевъ, бывшїй Патріархъ Московскїй и всея Русїи, и Митрополиты, и Архієпископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, молимъ скорбными сердцеы и плачевными гласы премилостиваго Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, благоусерднаго Владыку нашего Христа Бога, да умилосердится о всѣхъ насъ, по своему предивному челоуколюбію, и да изліетъ на насъ елей милосердія своего и явитъ намъ неизслѣдимую пучину благоутробїа своего, и да покажетъ на насъ въ послѣднихъ сихъ временѣхъ божественная своя изрядная чудеса: подастъ намъ, погрязненнымъ въ пучину клятвы, свою безчисленную милость, простретъ намъ дародательную свою десницу и воздвигнетъ насъ отъ такїа презвнѣйшїа клятвы, яко отъ глубины потопленїа; виспослетъ намъ божественное рѣшенїе отъ сихъ заклинательныхъ узъ и отъ преступленїй сего, еже приступихомъ презвнѣвъ, въ немъ же кляхомся; и покрѣетъ насъ пресвѣтлымъ облакомъ огнезарнаго

своего Божества! Да и васъ молитъ наше смиреніе, благородніи князи, и бояре и околичіе, и дворяне, и приказные люди, и діяки, и служивые люди, и гости, и торговые люди, и вси православніи христіане: подвигнетеса трудолюбезно, постомъ и молитвою, и чистотою душевною и тѣлесною, и прочими духовными добродѣтели, и начнемъ вкупѣ со свяцѣмъ усердіемъ молити въ Троицы славимаго Господа Бога, и Пречистую Его Богоматере, и великихъ Чудотворцовъ Московскихъ Петра и Олексія и Ювы, и новоявленнаго страстотѣрца Христова Царевича Димитрея, и всѣхъ Святыхъ, да тѣхъ молитвами подастъ намъ премилостивый Богъ всѣмъ миръ и любовь и радость, и о православной христіанской вѣрѣ и о святыхъ церквахъ и о крестномъ цѣлованіи утвердить въ сердцахъ нашихъ крѣпость и раченіе великое, и Російское государство отъ непотребнаго сего раздѣленія въ прежнее благое соединеніе и мирный союзъ устроить, и подастъ премилостивый Господь Богъ Государю нашему Царю и Великому Князю Василію Ивановичу всеа Русіи на вся враги его побѣдителная, и царство его миромъ оградить, и всякія благодати исполнить! А еже вы, бояре, и околичіе, и дворяне, и приказные люди, и діяки, и столники, и стряпчіе, и весь царскій сиглантъ, и лѣти боярскіе, и гости, и торговые и всякіе служивые и черные люди, и вси православніи христіане, цѣловали честный и животворящій крестъ Царю Борису, и Царицѣ его Марьѣ, и Царевичу Ѳеодору, и Царевнѣ Ксеніи, на томъ, что было намъ всѣмъ имъ служить и прамити и добра хотѣти во всемъ, и мимо ихъ Государей на царство не искати никого, и утверждельную грамоту съ клятвою о томъ написали, и послѣ Царя Бориса цѣловали крестъ Царицѣ Марьѣ, и Царевичу Ѳеодору, и Царевнѣ Ксеніи, и сіе крестное цѣлованіе преступили и потомъ цѣловали крестъ, по злодѣйской ростригинѣ прелести, начаялися Царевичу Дмитрею Ивановичу: и въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и въ преступленіи крестного цѣлованія азъ Ергогенъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и азъ смиренный Іевъ, бывшій Патріархъ царствующаго града Москвы, по даннѣй намъ благодати отъ пресвятого и животворящаго Духа и полагааяся на премилостивыя щедроты

Божія, васъ вкупуъ всѣхъ православныхъ христіанъ прощаемъ и разръшаемъ въ сій вѣкъ и въ будущій, и молимъ Владыку нашего и содѣтеля Христа Бога, да подастъ всѣмъ намъ, и вамъ всѣмъ православнымъ христіаномъ царствующаго града Москвы, и всѣхъ градовъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, иже требуютъ благословенія и прощенія, вамъ и супругамъ и чадамъ вашимъ, въ нынѣшнемъ вѣцѣ, и праведныя десницы своея благословеніе, и мирное сожитіе, и любовь, и радость, и всякія благостыни исполнить васъ; а въ будущемъ вѣцѣ, на страшнѣмъ судѣ, да сподобитъ насъ и васъ Владыко нашъ Христосъ Богъ ликостоянія со Святыми и горнаго Іерусалима наслѣдіе; а вы насъ, Бога ради, также простити въ нашемъ заклинаніи къ вамъ, и что будетъ кому грубость какову показалъ, въ томъ во всемъ простите и милостивнѣ сотворите, да и сами обряцете милость отъ Бога въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Олексія и Іоны, и новоявленнаго страсотѣрнца и мученика Царевича Дмитрія, и всѣхъ Святыхъ молитва, и наша многогрѣшныя руки благословеніе, да есть и будетъ со всѣми вами, православными христіаны, всегда и во вѣки, аминь.

№ VI.

СОБОРНАЯ УКАЗНАЯ ГРАМОТА

ЦАРЯ ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА, О КОНЕЧНОМЪ ЗАПРЕЩЕНИИ
ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ, 1607 ГОДА.

Марта въ 9 день Государь Царь и Великій Князь Василій Іоанновичъ всяя Русіи съ отцомъ своимъ Святѣйшимъ Гермогеномъ Патріархомъ, со всемъ освященнымъ соборомъ и со своимъ Царскимъ сигилитомъ, слушавъ доклада Помѣстной избы отъ Бояръ и Дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинилися великія кромолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было по тому, что крестьяне выходъ имѣли вольный; а Царь Феодоръ Іоанновичъ по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ Бояръ, выходъ крестьяномъ заказалъ, и у кого коликотогда крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того начался многія вражды, кромолы и тяжи. Царь Борисъ Феодоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ, и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что Судьи, не знали, како по тому суды вершити; и нынѣ великія въ томъ учинилися распри и насилія, и многимъ разоренія и убивства смертныя, и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются.

Сего ради приговорили есмы, и уложили по святымъ великимъ соборамъ и по правиламъ святыхъ отецъ.

Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быти за тѣми; за

къмъ писаны; а буде тѣ крестьяне вышли за кого нѣаго, и въ томъ есть на крестьянъ тѣхъ, или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье, и тѣ дѣла не вершены, или кто Сентября по 1 число сего года будетъ битъ челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми ихъ животы тѣмъ, за кѣмъ они писаны, до срока Рождества Христова 116 года безъ пожлаго; а не отдасть кто на тотъ срокъ, ино на немъ брати за примъ и пожлае по саму уложенію; а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день, и Сентября по 1 не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги, за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредъ за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давати, и крестьянъ не вывожити (не возвращати).

А буде которые отнынѣ изъ за кого вышедъ, перейдутъ къ иному кому бы то ни было, и тотъ приметъ противо сего нашего соборнаго уложенія, и у того крестьянина взявъ, перевести ему со всѣми того крестьянина пожитки, откуда онъ перебжалъ; а дворъ, естли крестьянинъ строилъ, заплатити, чего судить, а двора не возити; да съ него же на Царя Государя за то, что принялъ противо уложенія, доправити 10 рублевъ, не принимай чужаго, да съ него же за пожлае тому, чей крестьянинъ, за дворъ на всякой годъ по три рубли, и за холостаго то же на годъ по три рубли.

А придетъ къ кому крестьянинъ нанятися въ работу на лѣто, или на зиму, или на весь годъ, а не семьями, и кто найметъ не далѣе года, о томъ не винити за приѣмъ, и пожлаго не правити по тому, что его Государь свѣдомъ, гдѣ онъ живетъ.

А побѣжитъ жонка, или вдова, или дѣвка въ чужую отчину, и выдетъ замужъ, и того мужика, который женится на чужей жонкѣ, отдати тому, чья жонка, со всѣми его животы и съ дѣтьми, кои отъ той бѣглыя родились; а буде у того мужика дѣти есть отъ первой жены, и до тѣхъ дѣла нѣтъ, съ мачихою не отдавать; а буде они малы, то пустити съ отцомъ, доколѣ кому минеть отъ роду 15 лѣтъ.

А которые люди держатъ рабу до 18 лѣтъ дѣвку, а вдову послѣ мужа болѣе дву лѣтъ, а парня холостаго за 20 лѣтъ,

а не женятъ, и воли имъ не даютъ, и той вдовъ, или дѣвкъ, или парню, итти къ Казначею; а Казначею, опытавъ о томъ, и доведутъ, что имъ тѣ лѣта минули, а Государь ихъ не женить, ино тѣмъ дати отпускныя въ Москвѣ Казначею; а въ иныхъ городахъ Намѣстникомъ и Судьямъ; а будетъ Государь ихъ бити челомъ о кражѣ, или сносѣ, и ему въ томъ отказать, и суда не давати; не держи не женатыхъ надъ законъ Божій и правила святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людѣхъ.

А которые послѣ сего уложенія крестьяне, или холопи, или раба побѣжить отъ своего Государя, и придетъ къ иному, и Государю искати своего холопа, и рабу и крестьянина въ пятнадцать лѣтахъ отъ побѣга; а за пятнадцать лѣтъ не искать.

А въ городахъ Воеводамъ и Дьякамъ и всякимъ приказнымъ людѣмъ навѣдыватися во всемъ ихъ уездѣ чрезъ старость, и сотскихъ и Священниковъ, вѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей вновь; и гдѣ ему скажутъ, оныхъ бриту, и спрашивати накрѣпко: чей онъ, откуда, когда бѣжалъ и гдѣ сколько жилъ, и не подговорилъ ли его кто? и буде скажетъ кто подговорилъ, и доведетъ на него, и того подговорщика казнити торговою казнію, и взять съ него поруку, что ему того бѣлаго отвести къ его Государю, да съ него же въ казну взяти пѣни 10 рублей; а съ пріемщиковъ со всякаго, кто его принималъ, и въ селѣ болѣе 7 дней держалъ, доправити въ казну по 10 рублей за дворъ и за одинакаго мужика; а за бабу и за дѣвку по 3 рубли за пріемъ.

А примутъ чьего холопа, или крестьянина, или рабу въ Царевы и Великаго Князя села, или волости, или въ черныя волости, или въ Патріарши и Святительскія и монастырскія села, ино за пріемъ правити на Волостеляхъ, или на прикащикахъ и на старостѣ, кто ту волость, или село тогда управлялъ, и пришлаго принималъ; а пожилыя и за дворы имати на тѣхъ селахъ и волостяхъ; а въ городахъ на всѣхъ посадскихъ по сему уложенію.

А которой Намѣстникъ, или Судья, или Дьякъ и ивой приказной человекъ о пришлыхъ въ его уездѣ провѣдыватъ, и сы-

скивать и допрашивать не будетъ, и за пріемъ деньги брать не станетъ; а доведутъ на него въ томъ, и съ него тѣ деньги доправити вдвое, и отъ дѣла отбросити, и впредь ему ни у какова Государева дѣла не быти.

№ VII.

ГРАМОТА ВТОРАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ

въ городъ Смоленскъ, отъ ¹⁴/₂₄ Апрѣля 1608 года.

Божию милостию и пречистое Богородицы и по благоволенію всеильного въ Троицы славимого Бога нашего, бысть въ преднихъ лѣтѣхъ отъ начала отъ превысокіе великіе славы искони вѣчнаго великого нашего Царского ступня отъ Августа Кесаря, Тивирея Царя Римского, его Царскому великому Величеству Господь Богъ повелѣлъ быти на земли надо многими Цары превысокимъ Царемъ и Обладателемъ многихъ странъ Восточныхъ и Сѣверныхъ, Южныхъ и Полуденныхъ, и отъ того Царского великого корени отросль въ новой благодати отъ благоплоднаго родства ото Князя Володымера Кіевскаго, и отъ его великого неисходимого корени отросль и азъ нынѣ въ новой благодати Нового Іерусалима, Московскіе области великого Величества Самодержецъ и Вседержитель и великого Царского Скипетра Державецъ Россійского Государства, и инныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель, многихъ странъ Восточныхъ и Сѣверныхъ, Южныхъ и Полуденныхъ, Царь Казаньской и Царь Астраханьской, и инымъ многимъ Царемъ Царь милосердой и щедрой и праведной и грозной и премудрой и храброй, великимъ разумомъ и премудростею равень премудрому Царю Соломону, а храбростию и превысокою великою славою подобенъ Царю Александру Македонскому, прирожденный Московскій Великій Государь Царь и Великій Князь Димитрій Ивановичь

всѣя Русси, Богомъ хранимый и Богомъ избранный и Богомъ почтенный и Богомъ дарованный и Богомъ помазанный, и надо всеми Ордами превознесенъ вторымъ и ислевымъ уподобился, покровеніемъ десницею Вышнего Бога и умиленіемъ пречистее Царицы пречистее Владычицы нашей Богородицы и присно-Дѣвы Марыя, надежы нашей праведной всему православному Хрестіянству, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и ихъ святыми молитвами и благословеніемъ, единый подсолнечный Хрестіянскій Царь, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всея Руси, и отъ Нашего Царскаго Величества великаго въ нашу отчину въ Смоленскъ Богомолцомъ нашимъ, началу и власти: Архіепископу, и Епископу, и Архимандриту, и Игумену, и Протопопомъ, и Пономъ, и Дьякономъ и всему освященному Собору, вашимъ твердымъ ученіемъ и наказаніемъ утверждаетца православная Хрестіянская вѣра и спасается родъ человѣчскій; и притомъ Боярышу нашему и Воеводѣ Михаилу Борисовичу Шеину съ товарищы, и Двораномъ, и Дѣтемъ Боярскимъ, и Головамъ Стрелецкимъ и Казацкимъ, и болшимъ Торговымъ людямъ, и Сотникомъ Стрелецкимъ и Казацкимъ, и Стрелцомъ, и Козакомъ, и Пушкаремъ и Затемщикомъ, и черныхъ слободъ Посацкимъ людямъ, и всякимъ Посацкимъ, Жилецкимъ людямъ города Смоленска и Смоленскаго уѣзду Старостамъ и Цѣловальникомъ и Хрестіянномъ. Вѣдома вамъ учинилося, что грѣхъ ради нашихъ измѣнники наши и холопи наши искони вѣчные изогнали часть отъ Нашего Царскаго прародительскаго Престола: и Божією милостію и пречистые Богородицы и Московскихъ Чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны и великаго Чудотворца Николая и ихъ Святыми молитвами и благословеніемъ, Московское области великаго Величества Самодержца и Вседержителя Россійскому Государству милосердой и праведной и щедрой, азъ пророжонный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Русии, далъ Богъ, здоровъ и Богомъ хранимъ и невредимъ ничымъ бысть, радуясь и веселюся и пребываю въ благодати Божой, хвалю Бога по велицей его милости, а въ своей прародительской Царской искони вѣчной отчизнѣ въ Сѣверскихъ странахъ, азъ милосердый и праведный и щедрый при-

роженный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси упрашиваю и умоляю у Небеснаго Царя и у пречистой Богородицы милости, чтобъ Владыка Небесный Царь отовратилъ отъ насъ свой праведный гнѣвъ и того всего православнаго Христіанскаго роду, и умилосердился бы надъ нами и надо всемъ Христіанскимъ родомъ своимъ неизреченнымъ милосердіемъ и утолилъ бы Христіанскую кровь своими щедротами, а мнѣ бы рабу своему, прироженному Государу вашему, Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Руси Господь Богъ повелѣлъ быти на нашемъ прародительскомъ Царскомъ Престолѣ въ Москвѣ; а вамъ, нашимъ прироженнымъ людямъ всего Московскаго нашего Государства, объявляю свое Царское великое Величество и многолѣтнее здравье. И выбѣ, прироженные люди наши, слышечы про наше Царское великое Величество и многолѣтнее здравье, обще радовались и веселились и сумѣнья бы въ сердцахъ своихъ никакова не держали, не прельщались никакими мѣрами, и былибъ вы надежны на милость Божую и пречистой Богородицы и великаго Чудотворца Николы и на наше Царское великое мое къ вамъ жалованье; а вѣдаете вы и сами, что азъ милосердый и праведный и щедрый, прироженный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси милостивъ и щедрый: хотя бы и подленьный измѣнникъ нашъ Василей Шуйской покорился намъ Великому Государу Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу Всея Руси, намъ добилъ челомъ и вину свою принесъ, и мы бы и той его страдничей винѣ не помстилися и вину бы ему отдали и евобъ бездѣльника пожаловали по своему Царскому милосердому обычаю; потому что всякому неправедному зансже Богъ мститель, а не мы. И вы, прироженные наши люди всего Московскаго нашего Государства, и сами вѣдаете о томъ подлинно, что умысли наши измѣнники, прежь сего восталъ злокозненный врагъ и отступникъ въри Христіаньскіе еретикъ Борисъ Годуновъ и гонитель на нашъ благоплодной Царской корень, и хотѣлъ онъ наше Царское благоплодное родство отъ благоплоднаго корени Равноапостолаго ото Князя Володымера Киевскаго, меня великаго Величество Государя Царя и Великаго Князя Дмитрея Ивановича, всея Руси Самодержца и Все-

держителя Московскіе области великого Величества Россійскому Государству во младенчествѣ извѣстный, умышля оны съ сатанюю со отцомъ своимъ и со аггелы его и съ своими совѣтняки превознести на нашемъ благоплодномъ, послѣдующы нашому благоплодному Царскому корени и превознесъ, на благозданьномъ Престолѣ Божіемъ нимъ свѣтъ сотворенъ, а намъ Господь Богъ нарекъ насъ быти Царями, какъ Апостолъ Павелъ пишетъ въ Петровомъ Посланіи во второй главѣ, а въ зачалѣ въ пятидесять-семомъ сице пишетъ: Бога бойтея, а Царя чтите, сей бо есть слуга Божій; Олексѣй Митрополитъ томуужъ послѣдующы пишетъ, что никако благоплодному корени отъ благоплоднаго родства Князя Володымера Киевскаго и ихъ Богозданьному Престолу Божіему никако прошеніе не будетъ; а нынѣ богоотступники и еретики Олексѣя Митрополита Московскаго Чудотворца ставятъ лживымъ учителемъ и не называютъ его Святымъ, и Пророка Давыда темъ же ставятъ лживымъ Пророкомъ, что тотъ Пророкъ Давыдъ пишетъ во Псалтыре въ четырнадцатой каѳизмѣ, а во псалмѣ во сто четвертомъ: не прикасайтесь помазанію моему и во Пророцехъ моихъ не лукавуйте, за ваше беззаконіе призоветъ гладъ на землю и всяко утверженіе хлѣбное порушйтъ; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ, въ каѳизмѣ 12, а во псалмѣ 88: вознесу рогъ его и положу на мори руку ея и на рѣкахъ десницу его; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ въ каѳизмѣ 16, а во псалмѣ во 109: изъ чрева прежде денницы родихъ тя, клятея Господь и не раскается; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ до нихъ богоотступниковъ и еретиковъ, что они отъ Бога отступаютъ, крестъ цѣлуютъ Богу и потомъ намъ Великимъ Государемъ ино; не ложно написалъ Пророкъ Давыдъ въ каѳизмѣ одинадцатой и во псалмѣ семьдесятъ семомъ, что устами своими хвалите Бога, а языкомъ своимъ лжете ему и искренни его во сердцахъ вашихъ отиудь никако не бывало. И его Борисовы совѣтняки Богданъ Яковлевъ сынъ Бѣльской; да Ондрей Петровъ сынъ Клешнинъ, да Василей Щолкаловъ отрунули отъ себя его злокозненный умыслъ и принесли искреннюю благодать во сердцахъ своихъ, и помни намъ Великимъ Государемъ крестное цѣлованье, какъ блаженное памяти

Ч. II. Прилож.

4

Государу нашему батюшку Великому Государу Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи и намъ крестъ цѣловали, что была имъ никакова злого умыслу въ сердцахъ своихъ на насъ прироженныхъ Царей и не мыслии на отца нашего и на у весь плодъ его: и милосердый всесильный въ трехъ лицахъ славимый Богъ, не хотя его злокозненнаго умыслу и его отца сатаны, извергъ его съ Богозданнаго Престола Божіею, аки сатану съ Небеси. И вы, прироженные наши люди всего Московскаго нашего Государства, и сами вѣдаете о томъ подыменно это для ради его вражьего совѣту злокозненнаго умыслу богоотступника и еретика Бориса Годунова и тогда Хрестіянское неповинныя крови много пролилося на Москвѣ и на Угличѣ и въ иныхъ во многихъ городехъ, что онъ нашъ измѣнникъ богоотступникъ и еретикъ Борисъ Годуновъ невинно многихъ людей побилъ розными муками; и вы, прироженные наши люди, о томъ разумѣйте, за его Борисовы злокозненныя козни? Владыка Небесный Царь праведного своего гнѣву на него за злодѣя не посла ли, и его во мгновеніи око не сокрушы ли и память его злодѣйная съ шумомъ не погибла ли, а наше Царское великое Величество десницею Вышнего Бога покровенно и по ся мѣста отъ его злокозненнаго умыслу. И нынѣ, то мужъ послѣдующы, второй досталъ злокозненный врагъ и отщепенецъ вѣры Хрестіянское, еретикъ Василій Шуйскій; холопъ нашъ искони вѣчное, хотѣлъ онъ благоплодное наше Царское родство отъ благоплоднаго корени Равноапостольного ото Князя Володымера Киевскаго, меня Великому Государу Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу, всея Русіи Самодержца и Вседержителя Московское области великого Величества Россійскаго Государства, извести, умысля онъ холопъ нашъ съ сатаною со отцемъ своимъ и со аггелы и съ своими совѣтники превознести на нашемъ благоплодномъ, послѣдующы нашему благоплодному Царскому корени и произнесся; на Богозданномъ Престолѣ Божіимъ нимъ свѣтъ сотворенъ, а намъ Господь Богъ нарекъ насъ быти Царями. И милосердый всесильный въ трехъ лицахъ славимый Богъ отвратилъ отъ насъ праведный свой гнѣвъ и отъ моего окаянства, уподобися Ангелову благовѣствованію, проглаголаъ мнѣ изъ нихъ совѣту человекъ,

что умышляетъ надо мною Василей Шуйской, хочеть мене злой смерти предати; и мене Господь Богъ десницею своею покрылъ отъ его злокозненнаго умысла, не предавъ Богоотступнику и еретика въ руки, которой не помня на крестное цѣлованіе, какъ намъ Великимъ Государемъ блаженные памяти Государю нашему батюшку Великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, и блаженные памяти брату нашему Великому Государю Царю и Великому Князю Федору Ивановичу всея Русіи, и намъ Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русіи, и нынѣ намъ измѣнилъ: во токмо всемогущему въ трехъ лицахъ славимому Богу, что намъ Великимъ Государемъ крестъ цѣловали, что было имъ надъ нами Государы своими никакоя зла не умышляти, и иного Государя мимо нашего благоплодное родство не избрати и не хотѣти и не мыслити, и Государства нашего полъ нами Господары своими не подыскивати, и насъ Великого Господара Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи милосердый въ Троицы славимый Богъ укрылъ насъ десницею своею отъ его злокозненнаго умыслу, злой смерти не предавъ, а въ наше мѣста убилъ Нѣмчына именемъ Арцькалусъ. И вы, прыроженные наши люди всего Московскаго нашего Господарства, и сами о томъ помянуто вѣдаете, что для ради его вражьего совѣту и злокозненному умыслу богоотступника и еретика Василья Шуйского, что неповинные Хрестіянскіе крови много пролилося и нынѣ безпрестани лется; и вы, прыроженные наши люди, сего ли не разумете его вражьегожъ совѣту, злокозненнаго умыслу, той его воровской еретической прелести, не токмо что онъ нашъ благоплодной Царской корень посегулъ, но и Хрестіянскую вѣрѣ гонитель и губитель сталъ, что онъ на Хрестіянскую кровь накупаеть Аггаренъ Иглсеонъ Евать и Хрестіянъ въ бусурманскую вѣру преводитъ и продаеть Срачынамъ Хрестіянскую родъ, и младенцовъ побиваютъ и вдовиць оскверняютъ и дѣвиць растягъ, и храмы Божіи разоряють и образомъ Божиимъ поругають. Да тотъ же нашъ измѣнникъ богоотступникъ и еретикъ и попатель вѣры Хрестіянское, Василей Шуйской, насъ Великого Господара Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи называеть богоотступни-

комъ и еретикомъ, будто я Грышко Атрепьевъ: и вы, прироженые ваши многіе люди, знали Грышу Атрепьева, каковъ былъ Грышка Атрепьевъ, коль старъ, и колькихъ лѣтъ, и каковъ образомъ, и каковы волосы и какова борода; и вамъ прироженнымъ нашимъ людямъ будетъ Богъ отомститель Саваовъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, какъ Давыдъ Пророкъ пишетъ во Псалтырь въ 13 каѳизмъ, въ девеносто въ третьемъ псалмъ: Богъ отомщеніе Господь, Богъ отомщеніе, и молитъ, да вдовицъ и младенецъ не токма ихъ измѣнниковъ нашихъ порушилъ, но и Небо пропинаетъ и богоотступниковъ на ивнѣный путь приводитъ. И азъ милосердый и праведный и щедрый прироженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Россіи не дивлю на измѣнника своего, на богоотступника и еретика и попутеля вѣры Хрестіанской, на Василья Шуйского; потому что онъ отъ Бога отступилъ, и вѣру Хрестіанскую попралъ, и наше Царское крестное цѣлованье забылъ, и нарекъ онъ себя быти проклятою ехидною, и превознесся онъ, аки сатана, и похотѣлъ онъ пребывать со отцомъ своимъ сатаню во адъ; а вы, прироженные наши люди, стражте въ суете дней вашихъ: а мнѣ дива на васъ вѣтъ, на учителей нашихъ на Архиепископы и Епископы и на у весь освященный Соборъ, и на тебя Боярына нашего и Воеводъ и на Дворанъ и на другихъ Болрскихъ и всего нашего Московского Государства прироженныхъ нашихъ людей, что вы такову измѣннику нашему богоотступнику и еретіку вѣры послѣдствуете и тлѣнному его житію служите. И вы, прироженные наши, о томъ разумѣйте, что азъ не о своемъ Царскомъ великомъ Величествѣ сѣтую и тужу, жалъ мнѣ васъ бѣдныхъ и неразумныхъ нашихъ прироженныхъ людей, что вы за невѣды душамъ своимъ готовите адъ, стражте и служите и угажаете тлѣнному его житію, проклятой ехиднѣ, измѣннику нашему и холопу искони вѣчному Василью Шуйскому, и вѣрите вы его вражему совѣту, злокозненному умыслу и той его воровской еретической прелесной совѣсти и пребываете вы во тмѣ своимъ неразуміемъ: а наше Царское великое Величество будетъ Богомъ права, а не вами, и вся вся возможна отъ Бога, а не отъ человекъ; Богъ что восхоцетъ то и сотворитъ. А азъ

милосердый и праведный и щедрый прыроженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси сходилъ отъ ихъ злокозненъного умыслу въ Литовскую землю, и былъ въ Литовской земли Богохранимъ и здоровъ и пришоаъ зъ Литовскіе земли въ вашу отчину въ Московскую землю въ преславушый градъ Стародубъ во 12 недѣль, и не хотѣлъ я себе воскоре объявить и назвалъ я себя Андреемъ Нагимъ для своихъ измѣнъниковъ Василья Шуйскаго, и его совѣтниковъ и мѣня, Государя вашего прыроженънаго и милосердаго и праведнаго и щедраго и Скипетра Державца, Великого Государя и Великого Царя и Великого Князя Дмитрія Ивановича всея Руси узнали насъ прыроженъные наши люди многихъ городовъ, и добили намъ челомъ и вину свою принесли, что азъ истинной и праведной и щедрой прыроженъный Великій Господарь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Русіи; и азъ милосердой и праведной и щедрой Великой Государь вашъ Царь и Великой Князь Дмитрей Ивановичъ всея Русіи не токма правыхъ людей жалую, но и вивънымъ своимъ прыроженнымъ вину отлаю и жалую ихъ своимъ Царскимъ великимъ жалованьемъ. И вы, прыроженъные наши люди всего Московского нашего Государства, разумъйте, свѣтъ ли лутче, или тьма; намъ ли прыроженному и Великому Государу своему Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Росіи служити, или измѣнънику нашему холопу, а своему вамъ брату Василью Шуйскому; грѣхъ ли лутчее творить, или правду содѣвать; кровь ли Христіанская неповинная проливать, или утолить; и кому будетъ въ той неповинной Христіанской крови отвѣтъ Богу дать и на комъ та неповинная Христіанская кровь възшетца, и суди тому Господь Богъ, хто на нашъ Царской благоплодной корень посегулъ и хто нашему Царскому благоплодному корени говитель и губитель сталъ. Ты, Боярынъ нашъ и Воевода, и Дворане и Дѣти Боярскіе и всего нашего Московскаго Государства, и сами о томъ подлинно вѣдаете, что прежь сего Господь Богъ выдалъ намъ измѣнъника нашего и богоотступника и еретика Василья Шуйскаго за его злокозненъный умыслъ, что онъ на насъ злой совѣтъ совѣщевалъ; и азъ милосердый и праведный и щедрый и

прироженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всея Русіи той его страдничей винѣ не помстился, и вину ему отдати и казнить его не велѣлъ, по своему Царскому милосердому обычаю. И вы, пригоженные наши люди о томъ разумѣйте, что уже измѣннику нашему и богоотступнику и еретику и поспрателю вѣры Хрестіанской Василью Шуйскому тѣльное его житіе скончавается, за множество нечестіе его и за високоуміе великое и за превозношенія и за гордость и за цированья невѣрное и за его лукавые сатанинскіе дѣла гробъ его отверзаетца, и адъ приняти его готовца за его лѣстное къ намъ глаголанья; и выѣ, пригоженные наши люди всего нашего Московского Государства, помня Бога и души свои и наше Царское крестное цѣлованье, отворотилисяѣ вы отъ измѣнника нашего отъ Василья Шуйскаго и отъ его тѣльного прелѣстного житія и обратилисяѣ вы къ Нашему искони вѣчному и пресвѣтлому къ Царскому великому Величеству. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, и выѣ, Богомолцы наши Архіепископъ, и Епископъ, и Архимавдриты, и Игумены, и Протопопы, и Попы, и Діаконы и весь освѣщенный Соборъ, нарицаетесь вы пастыри и учителя и вожви словеснымъ овцамъ, помня Бога и души свои и свое иноческое обѣщанье къ Богу, собравсяѣ вы въ Соборную церковь, и пѣлиѣ молебны съ звонами и молилиѣ Бога о Государыни нашей матушки о Государыни Царицы и Великой Княгини Марьи Федоровной всея Русіи, а во иноцѣхъ инокъ Марфѣ, и о насъ о Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Дмитреѣ Ивановичѣ всея Русіи; а тыѣ, Бояринѣ нашъ и Воевода Михайло Борисовичъ Шениѣ съ товарищи, и Двораны, и Дѣти Боярскіе, и Головы и Сотники Стрелецкіе и Казацкіе, и Стрѣльцы и Казаки, и Пушкари и Затинщики, и всякіе Торговые и черныхъ слободъ Посацкіе, Жилецкіе люди, помня Бога и души свои и наше Царское крестное цѣлованье, и блаженныя памяти брата нашего Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всея Русіи и насъ милосердаго и праведнаго и щедрого Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи къ себѣ великое мое жалованье, и выѣ, пригоженные наши люди, служили намъ и прямили, какъ служили и прямили преже сего блаженныя

памяти Государю нашему батюшку Великому Государу Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русси, и блаженные памяти брату нашему Великому Государу Царю и Великому Князю Федору Ивановичу всея Русии и намъ Великому Государу Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русии; а вѣдаете вы и сами, что азъ истинный и милосердый и праведный и щодрый, прирожденный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Русии, своихъ измѣнниковъ и прежде сево торговою казнию не казнилъ, не токмо что смертью. И выбъ, прирожденные наши люди, надежны были на милость Божию и пречистой Богородицы и великого Чудотворца Николы и на наше Царское великое мое къ вамъ жалованье; а вѣдаете вы, прирожденные наши люди, что ни мать къ дѣтямъ своимъ такъ, какъ я къ прирожденнымъ людямъ. И выбъ, прирожденные наши люди, помня Бога и души свои, крестъ бы намъ вы цѣловали по прежнему, и намъ добили челомъ и вину свою приесли; а какъ вы, прирожденные наши люди, намъ Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русии добьете челомъ и вину свою принесете, и мы васъ покажемъ тѣмъ, чѣво у васъ и на разумъ вѣтъ. Тѣ, которые бездѣлики, вражымъ совѣтомъ и злокозненнымъ умысломъ, вскорѣ намъ прирожденному и милосердому и праведному и щедрому Великому Государу Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русии не добьютъ и вины своее не принесутъ, и на тѣхъ людей Владыка Небесный Царь пошлетъ праведной своей гѣвъ; а отъ Нашего Царского Величества тѣмъ бездѣликомъ милости не будетъ, за ихъ воровство. Да и о томъ, намъ вѣдомо учинилось, что грѣхъ ради нашихъ и всего Московского нашего Государства, что въ Московскомъ нашемъ Государствѣ объявилось еретичество великое: вражымъ совѣтомъ, злокозненнымъ умысломъ многіе называются Царевичами Московскими, прирожденными Царскими семенами. Вы, прирожденные наши люди Московского нашего Государства, и сами вѣдаете о томъ подлинно, сколько блаженные памяти у Государя нашего батюшка Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русии и его благоплодного отросли была насъ: нашъ первый братъ нашъ Царевичъ и Великій Князь Дмитрей

Ивановичъ всея Русіи, да Царевичъ и Великій Князь Иванъ Ивановичъ всея Русіи, да Царевичъ и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи, что былъ Московскіе области великого Величества на Московскомъ Государствѣ Царемъ; и родился они отъ Царицы и Великіе Княгини Настасіи Романовной всея Русіи, а изъ Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Русіи родился отъ Царицы и Великіе Княгини Марьи Ѳеодоровной всея Русіи Нагихъ. И вы, прироженные наши люди, и сами вѣдаете, что большого брата нашего Царевича и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи во младенчествѣ не стало; а у брата нашего Царевича и Великого Князя Ивана Ивановича всея Русіи дѣтей не было; а у брата нашего Московскій области великого Величества Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи, что былъ на Московскомъ Государствѣ Царемъ, одна была дочь Царевна Ѳеодосья и тое дву лѣтъ не стало. А нынѣ объявляютца въ Астарахани и въ Полскихъ юртехъ многіе Царевичи Московского Государства: въ Астарахани Царевичъ Августъ Князь Иванъ, а сказывается Государя нашего батюшка блаженные памяти, Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи сынъ, что была блаженные памяти за батюшкомъ нашимъ за Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Русіи Колтовскихъ, и овъ сказывается отъ тое родился; и вы, прироженные наши люди, и сами вѣдаете, что за Государемъ нашимъ батюшкомъ за Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Русіи была Колтовская. семнадцать недѣль. Да вотъ въ Астараханижъ, сказываютъ, объявился Царевичъ Лаврентей, а называетъ себя брата нашего Царевича и Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси сынъ, а сказываетца родился отъ Царицы и Великой Княгини Елены Ивановной Шереметевыхъ; и вы, прироженные наши люди всего нашего Московского Государства, и сами вѣдаете подлинно, что за братомъ нашимъ за Царевичемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ всея Руси Шереметевыхъ была, а дѣтей у него не было. Да изъ Полскихъ же юртовъ объявился Петръ Царевичъ и иные многіе Царевичи въ Полскихъ юртехъ объявляютца: Царевичъ Ѳеодоръ, Царе-

вичь Клементей, Царевич Савелей, Царевич Семіонъ, Царевич Василей, Царевич Ерошка, Царевич Гаврилка, Царевич Мартинка, а называютъ себя, будто они блаженные памяти брата нашего Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Руси дѣти, а наши племянники; и вы, прироженные наши люди всего Московского нашего Государства, и сами вѣдаете о томъ подлинно, что блаженные памяти брата нашего Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Руси одна была дочь Царевна Ѳеодосья, и тое дву дѣтъ не стало, а болши того у него дѣтей не бывало. И вы, прироженные наши люди всего Московского нашего Государства, той еретической прелести и вражью совѣту не вѣрили и не прелшались никакими мѣрами и сумнѣня бы въ сердцахъ своихъ никакова не держали; а вѣдаете вы, прироженные наши люди, что Московскіе области великого Величества Самодержца Московскому Государству, блаженные памяти Государя нашего батюшка Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, что отъ его благоплодного родства и отъ благоплодного его корени единъ язъ, милосердый и праведный и щедрый и прироженный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси, Богомъ хранимъ и здаровъ. И выбъ, прироженные наши люди, служили намъ и прямили по прежнему: и язъ милосердый и праведный и щедрый прироженный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси послалъ въ Повизовные города и въ Полскіе юрты тѣхъ воровъ сыскивать, которые называются Царевичами; а сыскавъ, велѣлъ бити кнутомъ; а бивъ кнутомъ, велѣлъ ихъ помѣтати въ тюрьму до нашего указу. А какъ мы Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси, по милости Божей, будемъ на прародителей нашихъ престолъ Россійского Государства въ Москвѣ, и мы про тѣ про всѣ воровскіе прелѣсти совѣ и тѣмъ воромъ велимъ свой Царской указъ учинити; а васъ, которые намъ служать и прямать, пожалуемъ тѣмъ, чего у васъ и на разумѣ вѣтъ. Да слухъ насъ дошелъ, что вы, прироженные, хотѣли намъ добити челомъ и вину свою принести, и, который назывался Царевичемъ Петромъ и въ иныхъ

городахъ многихъ нашихъ прирожденныхъ людей побилъ невинно разными муками: и азъ милосердый и праведный и щедрый прироженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ всея Руси и самъ о такомъ великомъ грѣхѣ сътую и тужу, что Крестиянскіе неповинно крови много пролилося. Да слухъ насъ дошолъ, что вы, наши прирожденные люди, блюдетесь нашихъ ратныхъ Литовскихъ людей и Козаковъ и отъ нихъ насилства и убойства и грабежи; и выбъ, прирожденные наши люди, отнюдь сумѣнья въ сердцахъ своихъ никакова не держали, а былибъ вы надежны на милость Божию и пречистый Богородицы и великого Чудотворца Николы и на наше Царское великое мос къ вамъ жалованье. Писанъ Нашего Царского Величества въ нашемъ стану на Орль, лѣта 7116, Апрѣля въ 24 день.

(А припись у сей грамоты) Московскіе облости великого Величества Самодержца и Вседержителя Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Руси,
Dmitr Car.

№ VIII.

ПЕРЕМИРНЫЙ ДОГОВОРЪ,

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ МЕЖДУ РОССИЮ И ПОЛЬШЕЮ, ВЪ МОСКВѢ
ВЪ ІЮЛЬ 1608 ГОДА.

Съ прежними послы вашими съ Николаемъ Олешницкимъ, съ Олешницы Каштеляномъ Малогоскимъ, да съ Александромъ Корвиномъ Госевскимъ старостою Велижскимъ, которые прежде того приѣхали въ наше Московское государство; и мы Великій Государь позволили имъ межъ себя видѣться, и послы и посланники ваши видѣвсь межъ себя объявили нашимъ бояромъ, что по вашему королевскому повелѣнью приказано имъ всѣмъ четверемъ вмѣстѣ посломъ и посланникомъ, Николаю, Александру, Станиславу, Князю Яну, о всякихъ дѣлахъ говорити и ставовити межъ Насъ великого Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русии, и межъ Васъ великого Государя Жигимонта Короля Польского и великого Князя Литовского, и межъ нашихъ великихъ государствъ, и грамоту вашу вѣрющую къ намъ Великому Государю объявили на себя на всѣхъ на четырехъ, и мы Великій Государь посломъ вашимъ Николаю и Александру велѣли быти у насъ на посольствѣ, и выслушавъ Ваше вѣрющіе грамоты на пословъ и на посланниковъ и ихъ посольства, велѣли бояромъ нашимъ съ послы вашими съ Николаемъ Олешницкимъ, Коштеляномъ Малогоскимъ, да съ Александромъ Гасевскимъ старостою Велижскимъ, и съ посланниками вашими Станиславомъ Витовскимъ, да со Княземъ Яномъ Соколийскимъ, о тѣхъ о всѣхъ дѣлахъ говорити, которые учинилися нашимъ великимъ государствамъ съ вашу сторону въ

перемирные дѣла черезъ крестное цѣлованье, многаа кровь пролилась въ нашемъ государствѣ отъ вашихъ людей, отъ воеводы Сендомирского и отъ иныхъ Польскихъ и Литовскихъ людей многіе убытки нашей царской казнѣ, и нашимъ и земскимъ людямъ, и иные многіе обиды починились, и чтобъ вамъ Великому Государю и вашимъ государствомъ въ томъ во всемъ исправленье учинити, и нашу Царскую казну и убытки полатити, и такіебъ дѣла на всякое добро привести; а о прежнемъ перемирѣ, которое учинили ваши великіе послы канцлеръ великого княжества Литовскаго Левъ Ивановичъ Сопега съ товарищи, межъ Великого Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всея Русіи, и васъ Жигимонта короля, и межъ нашими великими государствами, велѣли есмя бояромъ нашимъ съ послы и посланники вашими говорити, чтобъ то прежнее перемирье для покою хрестьянского подкрѣпити; а послы ваши и посланники съ нашими бояры говорили, чтобъ мы Великій Государь людей вашихъ воеводу Сендомирского и его приятелей, и всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые при нихъ, изъ нашего государства велѣли выпустити; да послыжъ ваши и посланники говорили о справедливости людей вашихъ, о которыхъ сказывали, будто побиты на Москвѣ и на городѣ, ихъ животовъ, которые будто въ тупоры отъ нихъ пограблены, и о заплатѣ товаровъ розныхъ людей поторгованые, которые будто до казны Московскіе побраные, и о оныхъ обидахъ, которые будто починились надъ перемирѣ и крестное цѣлованье; а о прежнемъ перемирѣ, которое учинено межъ Великого Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всея Русіи, и межъ васъ Великого Государя Жигимонта короля, и межъ нашими государствами, сказали послы и посланники ваши, что подтверждати имъ не велѣно. А съ обѣихъ сторонъ болре наши и послы и посланники ваши того прежнего перемирья не нарушиваючи, ни утверждаючи, отложили то впередъ на наши государскіе ссылки послы нашими. И мы Великій Государь, Божіею милостію Царь и Великій Князь, Василей Ивановичъ, всея Русіи Самодержецъ, и многихъ государствъ Государь и обладатель, съ вами великимъ государемъ Жигимонтомъ, Божіею милостію королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ,

и великіе наше государство съ коруною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ, взяли перемирие на три годы и на одиннадцатъ мѣсяцъ съ дватцатаго числа Іюля вышшего 116 году, до Іюня по 20 число 120 году, на томъ, что въ тѣ перемирные лѣта о прежнемъ перемирѣ, которое учинено межъ Великого Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳеодоровича всея Русіи, и межъ васъ великого государя Жигимонта Короля, и межъ нашихъ великихъ государствъ Россійскаго царствія и коруны Польскіе и великаго княжства Литовскаго, о подкрѣпленъ, и о вѣчномъ докончанъ, и о всякихъ добрыхъ дѣлахъ намъ великимъ государемъ слати на обе стороны своихъ великихъ пословъ дѣлати и становити; а рать и войнѣ въ тѣ перемирные лѣта межъ Насъ Великого Государя Божіею милостію Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и Васъ великого государя Жигимонта, Божіею милостію Короля Польского и великого князя Литовского, и межъ нашихъ великихъ государствъ, и межъ коруны Польскіе и великого княжства Литовского не быти, и ни чемъ намъ Великому Государю, Божіею милостію Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи самодержцу вашихъ великого Государя Жигимонта Короля Польского и великого Князя Литовского земель не воевати, и не зацепляти, города Кіева съ волостями, города Канева съ волостями, города Чернасъ съ волостями, города Житомяря съ волостями, города Вручя съ волостями, города Любечи съ волостями, города Гамли съ волостями, и селъ Уваровичъ, Телешовичъ, Тереничъ, Кошелева Лѣсу, Морозовичъ, Липяничъ, Полешанъ; города Турова съ волостями, города Мозыря съ волостями, и волостей Отчыча и Брагина, Речицы, Горволя, Стрешина, Чичерска, Пропойска, Могилева, города Мстиславля съ волостями, и волостей Хитславичъ, города Кричева съ волостями, города Дубровны съ волостями и волостей Горъ и Романова, города Орши съ волостями, города Керколма, города Куконоса, города Скровна, города Неневаръ, да города Кросборха, города Икселя, города Радопожа, города Дынемента, города Инеса, трехъ городовъ, Кремона тожь и Тура, Натрейдена, Зевонда, города Сонцела, города Итова, города Юренцъборха, города Нерчея, города Розенбека, города Розеня, города Лемзеля, города Мюна; города Лепея, горо-

да Кеси, города Ерди, города Неврина, города Пиболды, города Шкукна, города Зербени, города Смилтвина, города Борзуна, города Чествина, города Трейката, города Ровного, городища Левдуна, городища Болбина, города Резицы, города Лужи, города Влесха, города Володимерца, города Илисена, города Плетенберха, города Былста, города Векеря, города Векеля, города Новагородка Ливонского, города Керепети, города Говъ и Куслова, города Юрьева, Мукова, Рандега, Рынголя, Конгота, Кавлетя, Лаюса, Борхолма, Пончева, Пайды, Вильяна, Тарваса, Пернова старово, Перново нового. А рубежемъ быти всѣхъ тѣхъ городовъ по старымъ рубежемъ, и въ тѣ города и въ земли не вступатися и не воевати, и городовъ не засѣдати, и новыхъ городовъ не ставити, до того перемирнаго сроку: такъ же и вамъ великому Государю Жигимонту Божіею милостию Королю Польскому и великому Князю Литовскому, и корунъ Польской и великому княжству Литовскому, въ тѣ перемирныя лѣта, нашихъ великого Государя, божіею милостию царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русии самодержца земель не воевати, и не зацепляти ни чѣмъ, Московскіе земли всее, и Нова города великого, и Ноугородскихъ пригородовъ, Ивана города, Ямы, Копорьи, Корелы, и всѣхъ пригородовъ Ноугородскихъ, и Новгородскихъ волостей, и всее Новгородскіе земли, города Пскова, и Псковскихъ пригородовъ Опочки, Красного, Острова, Вельи, Вороноча, Изборска, Гдова, Кобыдья, Врева, Выбора, Дубкова, Вышегорода, Володимерца, города Себежа, и волостей Себежскихъ, и волостей Псковскихъ, и Псковскіе земли всее, города Твери, и Тверскіе земли всее, города Переслава Резанскаго, и Резанскіе земли всее; города Пронска, и Пронскіе земли всее; города Рылска съ волостями, города Путивля съ волостями, города Новагородка Съверскаго съ волостями, города Радгоща съ волостями, города Чернигова съ волостями, города Стародуба съ волостями, города Почепа съ волостями, города Поповы горы съ волостями, и волостей Залъсья, Бабичь, Свѣтиловичь, Голодня, Скарбовичь, Лапичь; города Карачева съ волостями, и волостей Хотимля, Сновска, Харобора, Мглина, Дрокова; города Трубческа съ волостями, города Мосальска съ волостями, города Сер-

пейска съ волостями, и волостей Замошья, Тухачова, Дегны, Фоминичъ, Погостицъ, Мошина, Демевы, Гордечны, Уже, Перепети, Снопота, Ковыли, Шун, Лазорева городица, Ближевичъ, Любуни, Даниловичъ, города Брянска съ увздомъ и съ волостями, и волостей Соловьевичъ, Прикладней, Пацни, Оедоровского, Осовика, Ковыничъ, Сухоря, Всеслава, Волочня, Жерны, города Рослава съ волостями, а рубежъ городу Рословлю со Мстиславлемъ, промежъ Словнева да Шубнева, къ Гневскому доброу рѣчкою на Водоносъ, отъ Водоноса доброужъ рѣчкою въ Остръ черезъ великин боръ въ рѣку Шумячу, къ Стрекуль, къ рубежу къ Кричевскому, а отъ Кричева городу Рословлю рубежъ рѣка Шумяча, а Шумячею въ рѣку въ Немелицу, а изъ Немелицы старымъ рубежемъ къ Заборью въ Ипутъ рѣку, да внизъ Ипутею къ Хмелю: города Смоленска съ путями и съ волостями, что къ нему тянетъ, и волостей Еловца, Болваницъ, Лазоревщины, Пустоселья, Романовского, Хопотновичъ, Молохвы все, что къ ней потягло, и Петровского держанья Кутева, Изъровичъ, Дубровенского Пути, Катны, Каспли, Поречья, Дуры, Щучей; а рубежъ Смоленску и волостямъ Смоленскимъ съ Дубровою, и съ Романовымъ, и съ Горами и со Мстиславлемъ, отъ Дѣвпра ниже. города Смоленска рѣкою Мерсею, въ верхъ межъ Пречистые Взруба, Изверовичъ, въ Иватту рѣку, а изъ Иватты рѣки на Елинскій рубежъ, да въ Городню, а Городнею въ Вехру въ Чорной Мохъ, а изъ Вехры въ Прудилну, а изъ Прудилны въ Железницу, а Железницею подъ Дуенски въ Вехру, а изъ Вехры въ Лютую Воду, а изъ Лютые Воды въ Выпино, а изъ Выпина въ Сожъ, а Сожемъ на нивъ въ Березыню, а Березынею въ верхъ сухомъ промежъ селъ Почина и Глатковичъ по холмомъ, а оттолъ въ Пулневу; а за рѣкою за Дѣвпромъ рубежъ Смоленску внизъ по Дѣвпру рѣкъ, нижъ Клементья святаго пять верстъ; города Мценска съ волостями, и городица Дмитровца, и Новыхъ Городовъ, города Ливенъ, города Воронежа, города Мѣшовска съ волостями, города Опакова съ волостями, и волостей Залидова, Недохова, Бышковичъ, Лычина; города Вязмы, и волостей Вяземскихъ всѣхъ, что къ Вязмъ потягло; города Дорогобужа, и волостей Дорогобужскихъ всѣхъ, что къ нему потягло изстари;

города Бѣлые съ волостями, и Верховья, и Волшева, и Шоптова, и Моневидова слободы; города Лукъ Великихъ и волостей Лутцкихъ до Лыси, Березая, Усвая, Ловца, Весны, Болого; города Холма и волостей Холмскихъ, Велилы и Лопастницы, и Барца; города Заволочья, тожь и Ржевы Пустые и Ржевскихъ волостей, города Невля, города Торопца, и всѣхъ Торопецкихъ волостей, Данковы, Любуты, Дубны, Рожвы, Туры, Бибиревы, Старцовы, Нежелскіе, Плаветцкіе, Жежецкіе, Велижскіе, Озеретцкіе, Казаряновскіе: а рубежемъ быти всѣхъ городовъ по старымъ рубежомъ; а Торопцу и всѣмъ Торопецкимъ волостямъ и Новгородскимъ землямъ и волостямъ, городу Лукамъ Великимъ, городу Невлю, что въ Пуповичахъ, и городу Ржевъ, и городу Острию, и городу Заволочью, и волостямъ Дольси, Березаю, и городу Усваю, Ловцу, Веснѣ, Бологу, и городу Холму и Холмскимъ волостямъ, Велигѣ, и Лопастницамъ, и Буицу, и инымъ волостямъ всей землѣ Ноугородской, съ вашею землею Литовскою и съ Полчаны, и съ Видбляны, землѣ и водѣ рубежи по старымъ рубежемъ. И вамъ великому государю Жигимонту Божіею милостию королю Польскому и великому князю Литовскому, и вашимъ великимъ государствамъ корунъ Польской и великому князству Литовскому, въ тѣ наши Великаго Государя, Божіею милостию Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Росіи самодержца, города, и въ земли, и въ угодыя по томужь не вступатись и не воевати, и ни чемъ не зацепляти, и городовъ и земель не заѣдати, и новыхъ городовъ не ставити до того перемирнаго сроку; а о рубежахъ и о спорныхъ земляхъ, и о порубежныхъ и обидныхъ дѣлахъ во всѣхъ мѣстѣхъ слати намъ великимъ государемъ межъ себя на обѣ стороны судей съ обѣ стороны поровну, по четыре человѣки; а съ ними со всеми людьми съ стороны по пятидесяти человѣкъ; а выслати тѣхъ судей на рубежь въ два мѣста межъ Чернигова и Острия, да межъ Торопца и Велижа, въ четвертомъ году перемирныхъ лѣтъ, сослався и приговора срокъ; и тѣмъ судьямъ съѣхався и сыскавъ старожильцы, вправду съ обѣ стороны учинити рубежь Торопецкимъ землямъ съ Витебскою землею, и съ городомъ Велижемъ, какъ было изстари Витебской землѣ съ Торо-

пецкою землею по старымъ рубежомъ; а межъ Усвята и Усвятцкаго уѣзда, и Сурожай, и Сурожского уѣзда, и Озерницъ и Озерищского уѣзда, съ Лутцимъ уѣздомъ, и съ Невельскимъ, и съ Бельскимъ уѣздомъ, и въ Черниговскомъ и въ Путивльскомъ уѣздѣ, и въ Ноугородцкомъ и во Псковскомъ уѣздѣ, въ рубежахъ и въ обидахъ росправа учинити, а по инымъ по всемъ мѣстамъ, гдѣ будетъ споръ и обиды, съ обѣ стороны выславъ изъ пограничныхъ городовъ судей, и сыскавъ вправду съ обѣ стороны по всемъ по тѣмъ мѣстамъ, и учинити рубежъ во всемъ, какъ было изстари по всемъ мѣстамъ, по старымъ рубежомъ, и въ обидныхъ во всякихъ дѣлахъ росправа учинити вправду; а войны въ тѣ перемирные три годы и одиннадцать мѣсяцъ на обѣ стороны не быти, рати и войны не вчинати, и ни въ чемъ не зацепляти, и съ обѣ стороны мѣстъ ни гдѣ не посѣдати; а городовъ новыхъ не ставити, и въ земли и во всякіе угоды у тѣхъ городовъ и у волостей до того перемирного сроку не вступатись. А въ которыхъ мѣстехъ судьи съ обѣ стороны въ рубежахъ межъ не учинятъ, и намъ обослава посланники и гонцы межъ себя, сослать другихъ судей думныхъ людей, и пановъ радъ, и о тѣхъ о спорныхъ земляхъ по сыску рубежъ учинити, и то дѣло въ рубежахъ довершити, а тѣми дѣлы перемирья не нарушивати и не разрывати. А кто намъ Великому Государю Божіею милостію Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, и нашимъ государствамъ и всемъ землямъ, которые къ государствамъ нашимъ належатъ, недругъ будетъ, и вамъ великому государю Жигимонту Божіею милостію королю Польскому и великому князю Литовскому и корунъ Польской и великому князству Литовскому, и изю всѣхъ земель, которые къ корунъ Польской и къ великому князству Литовскому належатъ, противъ насъ великаго Государя Божіею милостію Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и иныхъ всѣхъ государствъ, всякому нашему недругу въ тѣ перемирные лѣта людьми и казною не вспомогати по сей вашей перемирной грамотѣ; такъ же и вамъ великому государю Жигимонту Божіею милостію королю Польскому и великому князю Литовскому, и корунъ

Польской и великому княжеству Литовскому и всемъ землямъ, которые къ корунъ Польской и къ великому княжеству Литовскому належать, кто недругъ будетъ, и намъ Великому Государю Божию милостию Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси самодержцу, и нашимъ государствамъ противъ васъ великого Государя и противъ коруны Польскіе и великого княжства Литовского, всякому вашему недругу въ тѣ перемирные лѣта по томужъ людьми и казною не вспомогаюти, по сей перемирной грамотѣ: а кого къ намъ Вы великій государь Жигимонтъ король пошлешъ своихъ великихъ пословъ, посланниковъ, или гонцовъ въ тѣ перемирные лѣта, о тѣхъ о всѣхъ о добрыхъ дѣлехъ, и тѣмъ вашимъ великимъ посломъ, и посланникомъ, и гонцомъ приѣхати къ намъ, и отъ насъ отѣхати добровольно безо всякіе зацепки и задержанья: такъ же кого Мы, Великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всея Руси самодержецъ, пошлемъ къ вамъ Жигимонту королю своихъ великихъ пословъ и посланниковъ или гонцовъ, о тѣхъ о всѣхъ о добрыхъ дѣлехъ, и нашимъ великимъ посломъ, посланникомъ, или гонцомъ, и имъ добровольно приѣхати и отѣхати безо всякаго задержанья и зацепки; а купцомъ вашимъ изо всѣхъ вашихъ земель во всѣ наши земли приѣхати со всякимъ товаромъ, и торговати на всякой товаръ, а приѣхати имъ и отѣхати добровольно безо всякихъ зацепокъ; а нашимъ купцомъ изо всѣхъ нашихъ земель во всѣ ваши земли приѣхати со всякимъ товаромъ, и торговати по томужъ на всякой товаръ, а приѣхати имъ и отѣхати добровольно безо всякихъ зацепокъ; такъ же, которые ваши послы и посланники и гонцы, или гости гдѣ ни пойдуть отъ Васъ, или къ Вамъ черезъ наши земли съ какимъ товаромъ ни буди, и намъ у тѣхъ вашихъ пословъ и у посланниковъ, или у гонцовъ, и у гостей товаровъ не отымати, а пропускати Намъ къ вамъ пословъ и гостей со всякимъ товаромъ черезъ свои земли безо всякихъ зацепокъ; такъ же наши послы и посланники или гонцы, и гости, куды ни пойдуть отъ насъ, или къ намъ черезъ ваши земли съ какимъ товаромъ ни буди, и намъ у тѣхъ нашихъ пословъ и у гостей товаровъ не отымати, а пропускати ихъ къ намъ со всякимъ товаромъ черезъ свои

земли безо всякихъ зацепокъ: а которые послы, или посланники, или гонцы отъ иныхъ государей, отъ ково ни буди, пойдутъ къ намъ черезъ ваши земли, или гости съ нами, или опричь пословъ гости пойдутъ къ намъ черезъ ваши земли съ какимъ товаромъ ни буди, и вамъ у тѣхъ пословъ, и у гостей, товаровъ не отымати, а пропускати къ намъ тѣхъ пословъ и гостей со всякимъ товаромъ черезъ свои земли безо всякихъ зацепокъ: а какова обида учинитца въ тѣ перемирные лѣта межъ нашихъ князей и воеводъ и намѣстниковъ, и всланныхъ людей въ земляхъ и въ водахъ, и въ иныхъ въ какихъ обидныхъ дѣлахъ, и наши князи и намѣстники и волостели Украинные сослався, да тѣмъ обиднымъ дѣломъ всякимъ управу учинятъ на обѣ стороны; а въ какихъ обидныхъ дѣлахъ князи и намѣстники, и волостели не учинятъ управы, и намъ о томъ сослати судей, и они съѣхався да тѣмъ обиднымъ дѣломъ всемъ управу учинятъ на обѣ стороны безъ хитрости. А татя, бѣглеца, холопа, робу, должника, по Украинномъ по исправѣ выдавати; а даное, заемное, положеное, поручное отдати; а отойдутъ по симъ перемирнымъ грамотамъ межъ насъ урочныя лѣта, и розмирье межъ насъ учинитца, а въ ту пору которые ваши земли послы и посланники и гонцы, или купцы прилучатца въ нашихъ земляхъ, и намъ тѣхъ вашихъ пословъ и посланниковъ, и гонцовъ, и купцовъ не порубати, и животовъ ихъ у нихъ не отымати, а отпустить намъ ихъ всѣхъ добровольно со всеми ихъ животы; а которые наши послы и посланники и гонцы, или купцы, прилучатца въ ту пору въ вашихъ земляхъ, и вамъ нашихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ, и купцовъ, такъ же не порубати и не имати, и животовъ ихъ у нихъ не отымати, а отпустить ихъ всѣхъ добровольно со всеми ихъ животы. А которые люди ваши панъ Юрьи Мищекъ, воевода Севдомирской съ сыномъ и съ дочерью, и съ иными своими пріятеля, и иные люди ваши Подльскіе и Литовскіе, которые въ томъ дѣлѣ задержаны, изъ нашего Московскаго государства были не отпущены, и намъ Великому Государю тѣхъ всѣхъ людей вашихъ отъ большого и до малого чедовѣка мужскаго и женскаго полу не задерживаючи съ ихъ животами, которые при нихъ, отпустить изъ государ-

ства нашего мѣсяца Сентября до 28 дня 117 году, и кормъ и подводы имъ до рубежа дати и отпровадити вельти; такъ же и вамъ великому государю Жигимонту, Божіею милостию королю Польскому и великому князю Литовскому, нашихъ великого Государя, Божіею милостию Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русіи, людей всякихъ, которые въ вашихъ государствахъ задержаны, изъ вашихъ государствъ со всѣми ихъ людьми и съ животы безо всякаго задержанья отпустить, и до рубежа вельти ихъ провѣдывати; а иные всѣ дѣла на обѣ стороны, о которыхъ говорили бояре наши съ послы и съ посланники вашими, и что говорили съ нашими бояры ваши послы и посланники, а договоръ имъ на Москвѣ не стался, росправа на обѣ стороны учинити по договорнымъ записямъ бояръ нашихъ, и пословъ и посланниковъ вашихъ: а что нынѣ въ нашемъ государствѣ люди ваши Князь Романъ Ружинской, да Князь Адамъ Вишневецкой, и иные паны и ротмистры со многими Польскими и Литовскими людьми, вшодчи въ великіе государства наши, водять съ собою вора, называючи его тѣмъ же именемъ, какъ прежній убитой воръ Розстрига назывался, царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, и сложась тѣ ваши люди съ воры съ нашими изменники, нашу землю пустошатъ, и кровь крестьянскую проливаютъ; а послы и посланники ваши сказывали, что тѣ люди ваши такое злое дѣло дѣлаютъ безъ вашего повелѣнья и вѣдомости, и Вамъ великому Государю Жигимонту Королю, и вашимъ великимъ государствамъ корунъ Польской и великому княжеству Литовскому, тѣхъ людей Князь Романа Ружинского, да и Князь Адама Вишневецкого, и иныхъ пановъ и ротмистровъ, и всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые съ ними и по инымъ мѣстамъ, изъ нашихъ государствъ вывести вскорѣ: да которые будетъ и иные вашихъ государствъ люди пошли въ наши государства воинскимъ и воровскимъ обычаемъ, или которые впередъ похотятъ пойти, и Вамъ великому государю Жигимонту Королю, и вашимъ великимъ государствамъ тѣхъ всѣхъ людей изъ нашихъ государствъ воротити тотъ же часъ, и впередъ въ тѣ перемирные лѣта никакова челоука въ наши государства изъ своихъ государствъ, воинскимъ обычаемъ, и для всякаго воровства, ни которымъ умышленьемъ не

пропускати. А что тотъ воръ, котораго нынѣ называютъ ваши люди и ваши измѣнники государскимъ сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ Углетцкимъ, или впередъ которые будутъ воры въ нашихъ государствахъ, или въ вашихъ государствахъ, умысли воровскимъ обычаемъ учнутъ называться Московскихъ великихъ государей дѣтьми, или братьями, или иное какое воровство учнутъ замышляти ваши люди, или ваши измѣнники, и Вамъ великому Государю Жигимонту Королю, и вашимъ государствамъ корунъ Польской и великому князству Литовскому, тому нынѣшнему вору, и инымъ такимъ воровомъ, и всякимъ нашимъ измѣнникомъ не вѣрять, и за нихъ не вступатись, и людьми, и казною, и инымъ никакимъ вспоможеньемъ не помогати, изъ своихъ государствъ въ наше государство за рубежъ воинскимъ и воровскимъ обычаемъ не пропускати никакова челоуѣка, и воеводъ Сендомирскому Юрью Мнишку и его пріятелемъ, и инымъ ни кому тому вору, котораго водятъ съ собою ваши королевскіе люди, Князь Романъ Ружинской, да Князь Адамъ Вишневецкой, съ товарищи, называючи его прежнимъ именовемъ, какъ убитой Розстрига назывался, царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, и инымъ воровомъ, которые будутъ нынѣ и впередъ учнутъ называться государскими дѣтьми, и нашему всякому измѣннику людьми и казною, и иными ни какими мѣрами ни чѣмъ не помогати, и къ нимъ не приставати, и ни котораго зла на Насъ великого Государя и на наши великіе государства не замышляти. Такъ же тому же воеводъ Сендомирскому и его пріятелемъ, такого челоуѣка, которой нынѣ при вашихъ людехъ при Князехъ Ружинскомъ и Вишневецкомъ есть, и называютъ его Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ; въ убитого вора въ Гришкино мѣсто Отрепьева, которой былъ на Московскомъ государствѣ, зятемъ себѣ не называти, и дочери своей Марины за него не давати, и инымъ всякимъ такимъ же воровомъ нынѣ и впередъ ни въ чѣмъ не вѣрять, и дочери своей Марины государскимъ именовемъ государынею Московскою не называти; такъ же и Намъ великому Государю, Божіею милостию Царю и великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, вашимъ всякимъ измѣнникомъ, которые такиими же мѣрами учнутъ име-

новатися, ни въ чемъ имъ не вѣрять, и помощи ни которой мзрою и умысломъ не чинити: а на томъ на всемъ, какъ въ сей перемирной грамотѣ писано, Мы великій государь, божіею милостію Царь и великій Князь Василей Ивановичъ, всеа Русіи самодержецъ, Владимирскіи, Московскіи, Новгородскіи, Царь Казанскіи, Царь Астороханскіи, Государь Псковскіи, и великіи Князь Смоленскіи, Тверскіи, Югорскіи, Пермскіи, Вятцкіи, Болгарскіи, и иныхъ Государь и великій Князь Новгорода Изювскіе земли, Черниговскіи, Рязанскіи, Ростовскіи, Ярославскіи, Белоозерскіи, Удорскіи, Обдорскіи, Кондинскіи, и всея Сибирскіи земли и Сѣверныя страны повелитель и Государь, Иверскіе земли Грузинскихъ царей и Кабардинскіе земля, Черкасскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель, цѣловали есмя крестъ Вамъ великому Государю Жигмонту, божіею милостію Королю Польскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемонтицкому, Мазовецкому и иныхъ, на томъ, что намъ и государствамъ нашимъ по сей перемирной грамотѣ до тѣхъ урочныхъ лѣтъ тотъ миръ держати крѣпко по тому, какъ въ сей перемирной грамотѣ писано. Писашъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія миру 7116-го Юля Мѣсяца Индикта шестаго, царствія нашего и царствъ третьяго.

№ IX.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА

ВТОРАГО ЛЕДИМИТРІЯ ЮРЬЮ МНИШКЪ, ВОЕВОДЪ СЕНДОМИРСКОМУ, $\frac{4}{14}$ Октября 1608 года.

Димитрій Ивановичь, Божією милостію Царь всея Россіи, Князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и проч., и проч., и иныхъ многихъ Государствъ и Татарскихъ Ордъ, Московской Монархіи подвластныхъ, Государь и дѣдичь.

Объявляемъ, что мы будучи благодарны яспевельможному господину Юрью изъ Великихъ Концищъ Мнишкѣ, воеводу Сендомирскому, нашему искреннолюбезнѣйшему отцу, за его къ намъ благосклонность, коея вѣчный залогъ имѣя при себѣ и многократно чрезвычайную ощущая отеческую его къ намъ милость, разсудили равнымъ образомъ и съ своей стороны изъяснить ему таковоежъ искреннее усердіе. А дабы онъ не токмо изъ вышереченныхъ словъ, но особливо изъ щедроподатной нашей Царской руки былъ увѣренъ, общаемся, какъ скоро Господь Богъ поможетъ намъ прибыть въ столицу нашу, повелѣть ему немедленно изъ казны нашей выдать триста тысячъ рублей. Для вящаго же удостовѣренія сихъ словъ нашихъ, прилагаемъ нашу печать при собственноручномъ подписаніи. Дана въ лагерьъ подъ столичнымъ городомъ Москвою во владѣніяхъ нашихъ, 14 Октября, 1608 года.

Димитрій Царь.

№ X.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА

ВТОРАГО ДМИТРИЯ ЮРЬЮ МИНШКЪ, ВОКВОДЪ СЕНДО-
МИРСКОМУ, НА ВЛАДНІЕ ГОРОДАМИ СЪВЕРСКАГО КНЯЖЕ-
СТВА.

ДМИТРИЙ ІВАНОВИЧЪ, БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ ЦАРЬ ВСЕЯ РОССІИ,
КНЯЗЬ ДМИТРОВСКІЙ, УГЛИЦКІЙ, ГОРОДЕЦКІЙ И ПРОЧ., И ПРОЧ.,
И ИНЫХЪ МНОГИХЪ ГОСУДАРСТВЪ И ТАТАРСКИХЪ ОРДЪ,
МОСКОВСКОЙ МОНАРХІИ ПОДВЛАСТНЫХЪ, ГОСУДАРЬ И ДѢДИЧЬ.

Роспись городамъ Сѣверскаго Княжества:

Черниговъ.
Смоленскъ.
Брянскъ.
Стародубъ.
Путивль.
Новгородокъ.
Курскъ.
Рыльскъ.
Карачевъ.
Почепъ.
Трубчевскъ.
Комарскъ.
Рославль.
Моравскъ.

Таковая роспись городамъ Сѣверскимъ со всеми волостями
надлежать имѣеть къ привилегіи, отъ насъ данной ясневель-
можному господину Юрью изъ Великихъ Кончицъ Мнишкѣ,
воеводѣ Сендомирскому и проч., государю отцу нашему, намъ
усердно и вѣрно любезному.

Димитрій Царь.

№ XI.

ГРАМОТЫ

отъ 29 Сентября 1608 года, 1-ая Гетмана Пана Сапѣги къ Троицкимъ Воеводамъ Князю Долгорукову и Голохвастову; 2-ая отъ него же Сапѣги къ Архимандриту Юасафу и 3-я Отвѣтная на двѣ первыя отъ Троицкихъ людей.

1-ая.

Отъ великаго гетмана Петра Павловича Сапѣги маршалка, и секретаря Кирепецкаго, и Третисвятскаго, и старосты Киевскаго, да пана Александра Ивановича Лисовскаго, во градъ Троицкой Сергіевъ монастырь воеводамъ, Князю Григорью Борисовичу Долгорукову, да Алексѣю Ивановичю Голохвастову, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и слугамъ монастырскимъ, и стрельцомъ, и казакомъ, и всѣмъ осаднымъ людямъ, и множеству народа, пишемъ къ вамъ милуючи и жалуючи васъ, покоритесь великому Государю вашему Царю Дмитрею Ивановичю, сдайте намъ градъ, зѣло пожаловани будете отъ Государя Царя Дмитрея Ивановича: аще ли не сдадите, да вѣсте, яко на то есмь пришли, не взявъ града прочь не отыти: но и пачежь сами вѣсте, колицы гради Царя вашего Московскаго взяхомъ, и столица ваша Москва и Царь вашъ сѣдитъ во осадѣ, мы же пишемъ къ вамъ снабдяще благородіе ваше, помилюте сами себе, покоритесь великому имени, Царю нашему и вашему: да аще учините тако, будетъ милость и ласка къ вамъ Государя Царя Дмитрея, яко ни единъ великихъ васъ у вашего Царя Василья Шуйскаго пожалованъ есть. Пощадите благородство свое, соблюдите свой разумъ, не предайте себе лютой и безвременной

смерти, соблюдайте себе, и пакы соблюдайте сами себе и прочихъ: аще же за сею ласкою увидите лице наше, а мы вамъ пишемъ Царскимъ словомъ, и со всѣми избранными нами заступаемъ, яко не токмо во градъ Троицкомъ намѣстники будете отъ Государя нашего и вашего прироженнаго, но и многіе грады и села въ вотчину вамъ подасть, аще сдадите градъ Троицкой монастырь: аще ли же и сему не покоритесь милости нашей и ласки, и не сдадите намъ града, а дастъ Богъ, возьмемъ его, то ни единъ отъ васъ во градъ, милости отъ насъ не узритъ, но умретъ злѣ.

2-ая.

И ты святче Божій, старѣйшино мнихомъ, Архимандритъ Іоасафъ, попомните жалованіе Царя и великаго Князя Ивана Васильевича всея Русси, какову милость и ласку стяжалъ къ Троицкому Сергіеву монастырю, и къ вамъ мнихомъ великое жалованіе, а вы беззаконники все то презрѣли, забыли есте сына его Государя Царя Дмитрея Ивановича, а Князю Василью Шуйскому добротствуете, и учите во градъ Троицкомъ воинство, и народъ весь сопротивъ стояти Государя Царя Дмитрея Ивановича, и его позорити и псовати не-полобно, и Царицу Марину Юрьевну, такоже и насъ. И мы тебѣ святче Архимандритъ Іоасафъ засвидѣтельствуемъ, и пишемъ словомъ Царскимъ, запрети попомъ и прочимъ мнихомъ, да не учать воинства не покаяться Царю Дмитрею, но молити за него Бога, и за Царицу Марину, и намъ градъ отворите безъ всякія крови. Аще ли не покоритесь, и града не здадите, и мы за разъ взявъ замокъ вашъ, и васъ беззаконниковъ всѣхъ порубаемъ.

3-я.

Да вѣсть ваше темное державство, гордіи начальницы, Сапега и Лисовской, и прочая ваша дружина, вскую насъ прельщаете Христово стадо православныхъ Христіанъ. Богоборцы, мерзость запустѣнія, да вѣсте, яко и десяти лѣтъ Христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевъ монастырь посмѣется вашему безумному совѣту, а о нихъ же есте къ намъ писасте, мы сія

пріемше оплевахомъ. Какъ бо польза чловѣку возлюбити тьму паче свѣта, и преложити лжу на истину, и честь на безчестіе, и свободу на горькую работу, како же вѣчную оставити намъ святую истинную свою православную Христіанскую вѣру Греческаго закона, и покоритися новымъ еретическимъ закономъ отпадшимъ Христіанскія вѣры, иже прокляти быша отъ четырехъ вселенскихъ Патріархъ? Или кое пріобрѣтеніе и почестіе, еже оставити намъ своего православнаго Государя Царя, и покоритися ложному врагу, и вамъ Латынь иновѣрнымъ, и быти намъ яко жидомъ, или горши сихъ? Они бо жидове не познавши Господа своего распяша, намъ же знающимъ своего православнаго Государя, подъ ихъ же Царскою Христіанскою властію отъ прародителей нашихъ родихомся въ виноградѣ истиннаго пастыря Христа, како оставити намъ повелѣваетъ Христіанскаго Царя, и ложною ласкою и тщетною лестію, и суетнымъ богатствомъ прельстити насъ хочете? Но ни всего міра не хотимъ богатства противу своего крестнаго цѣлованія.

№ XII.

ОБОЮДНЫЯ ДОГОВОРНЫЯ ЗАПИСИ,

ЗАКЛЮЧЕННЫЯ 28 ФЕВРАЛЯ 1609 ГОДА, МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ И ШВЕДСКИМИ ПОЛНОМОЧЕННЫМИ, О ВЗАИМНОМЪ ВСПОМОЖЕНІИ ПРОТИВЪ ОБЩИХЪ ВРАГОВЪ.

1-ая.

Великого Государя Царя и великого Князя Василья Ивановича всеа Руссии Самодержца, Владимирского, Московского, Ноугородского, Царя Казанского, Царя Астороханского, Царя Сибирского, Государя Псковскаго, великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорского, Пермскаго, Вятцкаго, Болгарскаго, и иныхъ Государя и великого князя Новагорода низовскіе земли, Черниговскаго, Рязанскаго, Полотцкаго, Ярославскаго, Белоозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондинскаго, и всея Сѣверныя страны государя и повелителя, Иверскія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли Черкасскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государя и обладателя, его царскаго Величества стольникъ и воевода Семенъ Васильевичъ Головинъ, да дѣикъ Сыдавной Васильевъ сынъ Зиновьевъ: по приказу царскаго Величества боярина и воеводы и ближнево приятеля князя Михайла Васильевича Шуйскаго, договорились вельможѣйшаго, высокороженнаго князя и государя, Карла девятаго Свитцкаго, Готцкаго, Вендинскаго, Каинскаго, Ли-лянскаго, и иныхъ Короля, съ думными съ полномочными воеводами, съ Юрьемъ Боемъ, да съ Денисомъ Юрьевымъ да съ Арьвемъ Тѣисовымъ, да со Толчемеромъ

Фармеріеромъ, да съ дьякомъ съ Ирикомъ Илвесомъ, на томъ итти съ нами вельможѣйшаго короля Карла воеводамъ Аксвлякурку, да Моршалку Кристерсуму, да Ондарю Бою, да Евотгорну, да съ ними за наемъ конныхъ збруйнымъ двѣ тысячи человекъ, да пѣшимъ добрымъ оружникомъ три тысячи человекъ, ко Государю Царю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, на помочь къ Москвѣ, по прежнему договору, да сверхъ наемныхъ пяти тысячъ человекъ, сколько вельможный король Карло пуститъ, оказуючи ко Государю и ко всему Россійскому государству любовь, и за тое королевскую ко Государю нашему дружбу и пріятельство Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу, всея Росіи самодержцу, и ево государевымъ дѣтѣмъ и наследникамъ, и всему Россійскому государству, съ Свѣйскимъ королемъ съ Карломъ и съ ево дѣтми и съ наследниками и со всемъ Свѣйскимъ государствомъ мирного постановленья, которое учинено межъ Россійскимъ и Свейскимъ государствомъ во 103 году, ни чемъ не рушити, и держати навѣки крѣпко по тому, какъ въ прежнихъ мирныхъ записяхъ написано; и въ Лифлянскую землю государю вашему и ево дѣтемъ и наследникомъ, не вступатца; такъ же Государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, ево государевымъ дѣтемъ и наследникомъ, и всему Россійскому государству съ Свѣйскимъ Карломъ королемъ и съ ево дѣтми и съ наследники и со всемъ Свейскимъ государствомъ быти въ одинокствѣ на нынѣшняго владыющаго Жигимонта короля Польского, и на ево дѣти, и наследники, и на все княжество Литовское стоять за одно; и государю нашему и всему Россійскому государству безъ вѣдома Карла короля и всего Свѣйскаго государства, съ Литовскимъ королемъ и со всею Литовскою землею не миритись; а Карлу королю безъ государева вѣдома и всего Россійского государства, съ Литовскимъ королемъ и со всемъ Литовскимъ государствомъ, такъ же не миритись: а лучитца государю нашему и всему Россійскому государству съ Литовскимъ королемъ и со всемъ Литовскимъ государствомъ помиритца, и государю нашему замирить Карло короля Свѣйскаго и все Свѣйское государство; а учнетъ миритца съ Литовскимъ королемъ и со всемъ Ли-

товскимъ государствомъ Карло король и все Свѣйское государство, и ему замирить Государя нашего цря и великого князя Василья Ивановича всея Руси самодержца, и Московское государство, и другъ друга въ мирномъ постановлень не выговаривать.

Такъ же, коли нужда иметь Карла короля, понадобится ему воинскіе люди; и государю нашему царскому Величеству дати ему ратныхъ людей столько же, сколько король Карло Государю нашему на помощь нынѣ людей дастъ, и противъ Жигимонта короля Польскаго и его наследниковъ Государю нашему своимъ ратьми также помогать, какъ нынѣ вельможный король Государю нашему царскому Величеству помогаетъ; а Карлу королю и всему Свѣйскому Государству тѣмъ Государя нашего людямъ наемные деньги дати тожь число, что и его ратнымъ людямъ Государь нашъ царское Величество дастъ, и корми имъ изготовить, и повольность имъ учинить прияти въ Свѣйскую землю, и поитить изъ нее на Русь безо всякаго задержанья и зацепки, и безъ шкоты. А сколько вельможнѣйшія король Государю нашему царскому Величеству пошлетъ сверхъ пяти тысячъ человекъ безденежно, своихъ ратныхъ людей, и какъ Свѣйскому королю понадобится Государя нашего ратные люди, и Государь нашъ царское Величество противъ того столько же отпустить къ Свѣйскому королю на помощь своихъ ратныхъ людей безденежно; а что Свѣйского короля Карла ратные люди ко Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси на помощь къ Москвѣ пойдутъ, и тѣмъ ратнымъ людямъ дати Государю нашему наемные деньги по договору боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйскова, какъ онъ договорился въ Новгородѣ съ королевскимъ дякомъ съ Мюншею Мартиновымъ, и по росписи, какову роспись далъ боярину и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу Шуйскому Мюнща за Графовой рукою, двѣ тысячи человекомъ коннымъ сбруйнымъ, да тремъ тысячемъ человекомъ пѣшимъ добрымъ, съ того числа, какъ онъ поидутъ Государя нашего землю съ рубежа, и которые доидутъ до Москвы, и тѣмъ дати на Москвѣ противъ росписи въ двое. А ково судомъ Божиимъ убьютъ, лучитца королевскимъ людямъ взять въ государевыхъ

измѣнниковъ на дѣлѣ въ языцехъ, которые учнутъ противъ Государя стоять, и тѣхъ языковъ у нихъ не отнимать, а велѣти ихъ имать на окупъ по договору, на чомъ уговоритца тотъ, кто языка взялъ. А будетъ ково возмутъ на дѣлѣхъ, и въ подѣздѣхъ, и въ загонѣхъ, Литовскихъ людей, и тѣхъ Литовскихъ людей волно имъ побивать, и въ полонъ въ свою землю имать; а Рускихъ людей крестьянъ въ загонѣхъ и нигдѣ въ полонъ не имать Рускихъ служилыхъ людей на дѣлехъ, и давать на окупъ; и королевскимъ ратнымъ людямъ людцкой и конской кормъ продавать по торговой по прямой цѣнѣ, какъ въ которомъ городѣ и мѣстѣ тутошніе люди межъ себя купятъ и продаютъ, а лишнихъ денегъ за людцкой и конной кормъ на нихъ Государь имать не велѣти ни которыми дѣлы, и о томъ государевъ указъ и боярской приговоръ во всѣхъ городѣхъ будетъ крѣпко, что за людской и за конской кормъ лишка передъ Рускими людьми не возмутъ; а кто лишекъ возьметъ, и тому отъ Государя быть въ великой опалѣ, и въ продажѣ Свѣйскимъ серебрянымъ деньгамъ сѣнкамъ, и мѣлкимъ серебрянымъ деньгамъ, на всякіе покупки ходить.

А какъ воинскіе пѣшіе люди сварядомъ будутъ на рубежъ, и намъ подъ нихъ и подъ нарядъ велѣти собрати въ Орѣховскомъ и въ Корельскомъ уѣздѣ подводы, сколько мочно собрати, а иные подводы збирати идучи къ Нову городу, и давати имъ тѣ подводы подъ люди и подъ наряды безцѣнно и безденежно на Русь идучи, и съ Руси идучи назадъ; а чего подводъ за какими журами дорогою не зберетца, и достальные подводы подъ пѣшихъ людей будутъ въ Новѣ городѣ готовы; а у которыхъ конныхъ людей лошадей не будетъ, или у кого лошадь падетъ, или убьютъ на дѣлѣ, и подъ тѣ люди намъ лошадьми до Нова города промышлять, сколько помочь сяжетъ, и дать въ цѣнуужъ, и зачитать тѣ лошади въ наемные деньги по цѣнѣ; а въ Новѣ городѣ, и изъ Нова города идучи къ Москвѣ также лошадьми промышлять, и давать подъ нарядъ и подъ пѣшихъ людей лошади безденежно, а коннымъ людямъ въ цѣну, и зачитать въ наемъ.

Такжъ, коли будетъ Свѣйского государства людей имѣть такая нужда отъ недруговъ, какъ учнутъ имъ въ Лиолянтахъ

досаждать, и для того, что зимою ратнымъ людямъ въ Лифлянтъ черезъ море ѣхать не мочно, и Свѣйскаго государства ратнымъ людямъ тысяча, или двумъ тысячамъ человекомъ, изъ Ругодива въ Лифлянтъ Государя нашего землею итти вольно, обослався Государя нашего съ воеводами и съ приказными людьми, которые будутъ въ тѣ поры воеводы въ Иванѣ городѣ, и въ Ямѣ, и въ Копорьѣ. А кормы имъ людскія и конскіе идучи Государя нашего землею покупать, а насильствомъ кормовъ и подводъ идучи не вмасть, и Государя нашего людямъ тѣсноты и насильства никакова не учинитъ ни которыми дѣлы.

А что писалъ Государя нашего Царскаго Величества бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской въ Свею, что послалъ съ нами ратнымъ людямъ пять тысячъ рублевъ, и съ нами изъ Нова города пошло четыре тысячи восемь сотъ рублевъ, и противъ княжъ Михайлова писма Васильевича въ тѣхъ деньгахъ нѣгъ дву сотъ рублевъ, и мы въ Выборъ королевскимъ воеводамъ четыре тысячи восемь сотъ рублевъ отдали, и у нихъ въ томъ отписъ взяли за ихъ руками; а достальные дѣльги двѣсти рублевъ отдать намъ королевскимъ воеводамъ Акселкурку съ товарищи въ Новѣ городѣ; а въ наемъ тѣхъ всѣхъ пяти тысячъ не зачитать.

И на томъ на всемъ, какъ въ сей записи писано, вмѣсто Государя своего Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца и всего Россійскаго государства, а Царскаго Величества стольникъ и воевода Семень Васильевичъ Головинъ, да я дѣлякъ Сыдавной Васильевъ крестъ цѣлуемъ, и запись даемъ за своими руками и за печатями, что сей нашъ договоръ Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, и его государевымъ дѣтемъ и наследникомъ, и всему Россійскому государству держати крѣпко и нерушимо, и на томъ устоять навѣки неподвижно; и князю Михайлу Васильевичу въ Новѣгородѣ противъ сего листа дать утвержденная грамота; а какъ будутъ на Москвѣ, и Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу дать на сей договоръ своя государева грамота за своею царскою печатью; а сей договоръ написавъ

Ч. II. Прилож.

6

одинъ порускїи, а другой пошеметцкїи слово въ слово, даемъ королевскимъ полномочнымъ Юрю Бою съ товарищи.

А Свидцкіе полномочныи Юрьи Бой съ товарищи, съ нами съ Семеномъ Васильевичемъ Головиннымъ, да съ діакомъ Сьдавнымъ Васильевымъ договорились, и святымъ Евангелиемъ руками и устами съ клятвою утвердились по своей вѣрѣ, какъ они вѣрятца въ крестного целованья мѣсто, и писмо за своими руками и за печатями намъ дали, на томъ: будучи королевскимъ воеводамъ со всѣми ратными людьми Государя нашего въ землѣ воевать тѣ мѣста, которые Государю не добили челомъ, а ратнымъ людямъ велѣти заказъ учинить крѣпкой, чтобъ они святыхъ божїихъ церквей и монастырей не жгли и не разорали, и поруганья надъ иконами не дѣлали, и крестьянъ не побивали, и въ половъ не имали; а тѣхъ мѣстъ, которые Государю служатъ, или при нихъ Государю добьютчеломъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ не воевати, и государевыхъ городовъ не засѣсти; а которые города нынѣ въ измѣнѣ, и лучитца гдѣ которой городъ взяти, или которой городъ здастся безъ взятья, и тѣхъ городовъ не засѣстижъ, и къ воромъ не пристати, и Государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русїи самодержцу не измѣнити, и надъ бобринцомъ и воеводою надъ княземъ Михайломъ Васильевичемъ Шуйскимъ, и надъ государевыми людьми хитрости и израдъ никакіе не учинити, и у князя Михаила Васильевича быть въ послушань и въ совѣтъ, а самоволствомъ ничево недѣлати, и съ послы имъ итти на Русь вмѣстѣ, и пословъ воромъ не выдати. Писана въ королевскомъ городѣ въ Выборѣ лѣта 7113-го, Февраля.

2-ая.

Пресвѣтѣйшаго, велеможнѣйшаго, высокороженного князя и Государя, Государя Карла, королевства Свитцкогo, Готцкогo, Вединскогo, Финскогo, Корелскогo, Лопарей въ полунощной сторонѣ, Кааянскогo, Эстерскогo, Чухонскогo, въ Лиелантахъ короля, подданные слуги полномочные великіе послы, мы по семъ написанные Свитцкогo королевства думные Юрьи Бой,

Тенисъ Юрьевъ, Арвей Тенисовъ, Атоль Гелмеръ Фармернеръ, да дьякъ Ирикъ Илвесонъ, объявляемъ симъ и исповѣдуемъ, что мы въ имени и вмѣсто нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя, и всей коруны Свитцкой, здѣсь въ Выборъ въ мѣсяцѣ Февралѣ лѣта 1609 году, великого Государя царя и великого князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, Владимирского, Московского, Повгородцкогo, царя Казанскаго, царя Астроханскаго, царя Сибирскаго, Государя Псковскаго, великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятцкаго Болгарскаго, и иныхъ Государя, и великого князя Нова города Низовскіе земли, Черниговскаго, Рязанскаго, Полотцкаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Бѣлозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондинскаго и всея сѣверныя страны Государя и повелителя Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ Государя и обладателя, его царскаго Величества посланными и полномочными послы съ Семеновъ Васильевичемъ Головинымъ, да съ дьякомъ Сыдавшимъ Васильевымъ сыномъ Зивовьевымъ, о великихъ дѣлахъ межъ обихъ великихъ государствъ дѣтей и наслѣдниковъ, и ихъ обонихъ царствъ и государствъ и земель, межъ себя договорилися, соединились, и утвердились съ обихъ сторонъ, какъ то все по семъ написанное разумно словесно о себѣ объявляеть, которой договоръ соединеніе и утверженіе, и что въ себѣ всякая стоять имѣеть, и объявляеть, и то съ обихъ сторонъ мы во имя и вмѣсто нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя, и всего королевства Свитцкаго, съ своей стороны своими клятвами о святомъ Евангеліе, и усты, и руками, и печатми утвердили; и противъ того Рускіе послы вмѣсто ихъ Царя и великого Князя и всего Россійскаго государства съ своей стороны крестнымъ цѣлованьемъ при насъ все своими руками подписали, и печатми запечатали и утвердили, и что межъ нашихъ великихъ Гбсуларей, нашего велеможнѣйшаго короля и Государя Карла девятаго, Свитцкаго, Готцкаго, Вендинскаго, Финскѣго, Корельскаго, Лопарскаго, Калнскаго, Чюховскаго, въ Лифлянтахъ короля и иныхъ, Царя и великого князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца и ихъ съ обихъ сторонъ дѣтей и кз-

слѣдниковъ, королевства Свитцкога королемъ и владѣтелемъ, какъ и Царемъ и великимъ Княземъ Россійскаго государства, и ихъ обонхъ земель и царствъ, Свитцкой и Руской земли, и ихъ подданныхъ людемъ недвижимо, и непревратно въ вѣки на вѣки, крѣпко и твердо держати, и съ нее есть договорныя статьи, которые посемъ написаны; первое, мы вмѣсто нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя Карла девятаго, и по его милостивому приказу и вельнью Рускимъ посломъ Семену Васильевичу Головину, да дьяку Сыдавному Василью сыну Зиновьеву, вмѣсто ихъ Царя и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, къ прежнему договору, которой ихъ Царя и великаго Князя ближней пріятель, бояринъ и воевода Князь Михайло Васильевичъ Шуйской, съ нашего велеможнѣйшаго и милостиваго короля и Государя большова ратново воеводы графа Иахима Фредрихова Мансвилскаго и Шлеготнаго, государя въ Гендругахъ посланшею Моншею Мартиньевымъ въ великомъ Новѣ городѣ сполна учинили и общались, и на томъ утвердились, что намъ ихъ Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, нашего велеможнѣйшаго Короля государя ратми противъ его недруговъ двѣма тысячи збруйними конными людьми, и тремя тысячи добрыми пѣшими людьми помогать, которые пять тысячь человекъ нынѣ уже здѣся, и не во многихъ дняхъ нашего велеможнѣйшаго Короля и государя большимъ воеводою Акселкуркомъ, до большой маршалокъ Крестерсумъ, да двѣма инымъ воевода Ондрий Бой, да Эвертъ Горня, и нашего милостиваго Короля и Государя нарядомъ пушки, и зелье, и ядра, и что къ тому пристойтъ, за рубежъ на Русь ихъ недругомъ на побѣду итти: противъ того Рускіе послы Семень Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ сынъ Зиновьевъ, вмѣсто ихъ Царя и великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, общались и на томъ утвердились, что какъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратные люди за рубежъ въ ихъ Царя и великаго Князя землю придуть, и про нихъ всякіе кормы, ѣсти и пити, готовы будутъ, и наемныя деньги имъ дадутъ по договору князя Михайла Васильевича и по росписи, какову роспись князь Михайло Васильевичъ Шуйской самъ сво-

ею рукою писалъ и подписалъ, Моншѣ Мартинову далъ, и по той росписи и смѣтѣ, которую смѣту Монша Мартиновъ далъ отъ графа Мансвелского князю Михайлу Васильевичу Шуйскому въ великой Новѣ городѣ привезчи, и князь Михайло Васильевичъ Шуйской тое сметную росписи за полно принялъ, которой договоръ и отпускъ словесно объявляетъ. А тѣ деньги по смѣтѣ, которые Рускіе послы отъ князь Михайла Васильевича съ собою привезли нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ, обѣ нихъ учинити, и тѣ деньги нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя большому ратному воеводѣ Акселкурку, да воеводѣ Андрею Бою отдать, и тѣ имъ деньги ратнымъ людемъ роздати, чтобъ межъ ратными людьми прямо учинити; и кой часъ нашего велеможнѣйшаго милостиваго Короля и Государя ратные люди за рубежъ пойдутъ, и съ того числа имъ наемъ считать; а тѣ четыре тысячи восемь сотъ рублей Рускихъ денегъ, которые Рускіе послы здѣсь отдали, и тѣ деньги ратнымъ людемъ въ наемъ не зачитати; а тѣ двѣсти рублей, которыхъ въ тѣхъ пяти тысячахъ нѣтъ, и тѣ имъ деньги впередъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя большому воеводѣ Акселкурку, да воеводѣ Андрею Бою отдать; и тѣхъ денегъ у ратныхъ людей изъ найму не вычитати, и все, что въ прежнемъ договорѣ именовано и договорено о найму, о ѣжѣ и о питъѣ, или записъ; такожъ и о вольномъ выѣздѣ и въѣздѣ въ землю и изъ земли; такожъ о вольности гонцовъ на Русь и съ Руси, изъ Выбора, или изъ Ругодива, или въ Выборъ или въ Ругодивъ посылати, и на томъ на всемъ, о чемъ съ нами Рускіе послы крестнымъ цѣлованіемъ общались и утвердились, безо всякіе льсти, твердо и недвижимо устояти. Да Рускіежъ послы общались и на томъ утвердились, что всѣ, которые нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ, доколѣ они въ Руской землѣ будутъ, кормы или запасы дадутца, и чтобы имъ не дорогою цѣною зачитати, какъ межъ Русскихъ людей, и въ тѣхъ уѣздѣхъ, гдѣ имъ лучитца игти, прямая цѣна идетъ, и имъ продавати, или зачитати по тому же, а о томъ крѣпкой заказъ учинити, что ни которому Рускому челоуѣку, по ихъ Царя и Великаго Князя

опалы и казни, нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя за свой запасъ, или за конской кормъ, лишка черезъ цѣну не имати ни которыми дѣлы; и какъ нынѣ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратные люди на рубежъ пѣши придуть, и Рускимъ посломъ подъ тѣ люди елико можно подводами промыслити, а чего недостасть, и имъ идучи на дорогѣ, куды они пойдуть, подъ нихъ добывати, да на Русскомъ рубежѣ готовымъ быти подводамъ, на чомъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя нарядъ, которой съ ними, на Русь и съ Руси назадъ везти; и у которыхъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя конныхъ людей идучи лошади падутъ, или конимъ обычаемъ отбудеть, и имъ на Руси иные лошади безо всякаго задержанья дати, и въ ихъ наемъ по прямой праведно цѣнѣ зачитати. Да оныя намъ обѣщались, что нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя денгамъ золотымъ и ефимкомъ, мѣлкимъ серебрянымъ деньгамъ, на покупку ходити, и что нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ, и что имъ надобъ, на тѣ на денги покупати, и никому ихъ Царя и Великаго Князя подданнымъ людемъ тѣми нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя деньгамъ не поругатися, ни охулити, по ихъ Царя и Великаго Князя спалы. Да Рускіежъ послы вмѣсто своего Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и всего Россійскаго государства, намъ обѣщались, что какъ притчею нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя которому городу въ Лифлянтахъ въ зимнюю пору шныѣ, или впередъ, отъ недруговъ которая тѣснота учинитца, а нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ отселъ изъ Финской земли для непостоянной зимы, что черезъ ледъ, или для иныхъ помѣшекъ, и тѣмъ, которые въ Лифлянтахъ, черезъ море на помочъ пельзе итти; и имъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя и коруны Свѣтцкой ратныхъ людей съ три тысячи человекъ, или болѣе, какова нужда иметь, ихъ Царя и Великаго Князя земско, Копорскимъ, и Ямскимъ, и Ивановгородскимъ уѣздомъ, въ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя городъ Ругодивъ пропускати и не задержати; а до того приходу нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя воеводамъ, которымъ воеводамъ

вселятъ итти съ ратными людьми черезъ Рускую землю, и имъ съ Рускими воеводами, которые въ Копорьѣ, и въ Ямѣ городѣ, и въ Иванѣ городѣ, напередъ обсыдаться, и имъ объявити; и Рускимъ воеводамъ ихъ Царя и Великого Князя подданнымъ людямъ не запрещати, ѣсти и пити, и всякой запасъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людямъ продавати прямою цѣною, какъ ихъ Царя и Великого Князя подданные люди межъ себя купятъ. А противъ того мы вмѣсто своего велеможнѣйшаго Короля и Государя Карла девятаго обѣщались и утвердились, что нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людямъ, которые пшнѣ къ ихъ Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи противъ того недруга на Русь на помощь идуть, ихъ церкви и монастыри не разоряти, ни грабити, и ихъ иконамъ и образомъ не поругатися, и ихъ Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русіи подданныхъ людей, которые люди прямятъ, или добромъ здадутся, не побивати и не полонити; а которые ихъ Царю и Великому Князю добромъ не здадутся, и тѣхъ яко прамыхъ вразей гонити; а которые языки возмутца прироженныхъ служимыхъ людей, опричь крестьянства, на дѣлѣ, или на стравкѣ, или въ подѣздѣ, или въ загонѣхъ, или гдѣ индѣ можетъ быть, и ихъ Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи не добьютъ челомъ, и тѣхъ языковъ Рускимъ воеводамъ у нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратныхъ людей насильствомъ не отымати ни которыми дѣлы, развѣ выкупати у того, кто его возметъ, или какъ межъ себя договорятца съ тѣмъ, кто его выкупастъ, или съ тѣмъ полоненикомъ договора; а котораго языка наши возмутъ отъ недруговъ одиово, или больши въ подѣздѣ, или гдѣ, и имъ напередъ Царя и Великого Князя къ воеводамъ тѣхъ полонениковъ для всякихъ вѣстей приводити, а послѣ того томуужъ, которой ево взялъ, отдать, или у него того выкупити, какъ съ нимъ стоворятъ. А которымъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя Божією милостию и помощію Литовскихъ людей, или Поляковъ полонятъ, и тѣхъ имъ на окупъ Рускимъ людямъ не давати, до нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людямъ тѣхъ Литвы и полонениковъ съ Русіи на нашу сторо-

ну вывозити безо всякой приваски поволити и пропушати: да нашимъ же къ Царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи къ измѣнникомъ и недругомъ не приставати, и ни въ какомъ совѣтѣ съ ними не быти, и Царю и великому Князю не измѣнити по смертной казни, и надъ княземъ Михайломъ Васильевичемъ измѣною, или злохитрымъ нцымъ умышленьемъ, не подыскивати, и шкеты ни которые не учинити по смертной казни; а быти имъ у него въ послушаньѣ и въ совѣтѣ, поколѣ они въ ихъ земли будутъ; а итти имъ съ Рускими послы съ стольникомъ и воеводою съ Семеномъ Васильевичемъ Головиннымъ, да съ дьякомъ съ Сыдавнымъ Васильевымъ сыномъ Зиновьевымъ на Русь вмѣстѣ, и отъ воровъ имъ ихъ оберегати, которые притчею на дорогѣ встрѣтятца, и воровъ ихъ не выдавати ни которыми дѣлы; но за нихъ стояти должнымъ быть; и гдѣ лучитца, которой городъ на Руси Государю Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи добромъ не здается, нашего велеможнѣйшаго Короля и государя ратные люди силою возмутъ, и то учинити ихъ Царю и великому Князю на пользу безо всякія хитрости, а злымъ умышленьемъ не засѣсти, и отъ Московского государства не отвратити ни которыми дѣлы. А какъ впередъ нашего велеможнѣйшаго Короля и государя ратные люди черезъ Рускую землю въ Ругодивъ проидуть, и имъ такожъ по смертной казни въ Копорскомъ, и въ Ямскомъ, и въ Ивангородскомъ уѣздѣ сильно ни што не отымати, Царя и великого Князя подданнымъ людемъ насильства ни которымъ не учинити; а илучи имъ всякіе кормы покупати на свои деньги по прямой цѣнѣ: Мы вмѣсто своего велеможнѣйшаго Короля и государя и его Королевскаго величества дѣтей и наследниковъ, будущихъ Свитцкихъ Королей и всѣхъ подданныхъ, своею клятвою о святомъ евангелии общались; а противъ того Рускіе послы вмѣсто своего Царя и великого Князя и всего Россійского государства крестнымъ цѣлованьемъ общались и утвердился, что тому мирному постановленью, которое лѣта 1595 году межъ королевства Свитцкаго и Рускіе земли поставлено, никогда и въ вѣки на вѣки не превратити и не розрывать, во всегда межъ обѣихъ государей и ихъ дѣтей и наследниковъ

королевъ и владѣтелемъ Свѣтлиціе земли, и Царемъ и великимъ княземъ Россійскаго государства, и ихъ обвѣхъ сторонъ земель и государствъ подданнымъ симъ обновити, и укрѣпити, и утвердити, и въ вѣки на вѣки безо всякіе хитрости верушимо, твердо держати, и на томъ устояти, и чтобъ ихъ Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи и его дѣтемъ и наследникомъ, и будущимъ Царемъ и Государемъ Рускіе земли и всего Россійскаго государства, и съ ихъ подданными того вступанья, которое ихъ Царского величества Россійскаго государства чають имѣти въ Лифлянтахъ, безо всякаго спору поступитися, и не вступатися въ города, въ посады, и въ села, и въ деревни, или въ меньшую деревню, или въ выть земли, ни что не выгораживая, въ которомъ мѣстѣ ни будь, въ Юрьевскомъ ли уездѣ, или въ Перновскомъ уездѣ, и во Алентони, въ Верлявты, Ярфанъ, въ Гарьсенъ, и Вѣкъ, и не причитатися ни которымъ дѣлы. Мы съ Рускими послы соединилися и утвердилися, что межъ нашимъ и велеможнѣйшимъ Королемъ и государемъ и его королевскимъ дѣтемъ и наследникомъ, и будущимъ Свѣйскимъ Королемъ и всего Свѣйскаго королевства, и межъ Государя Царя и великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и его Царского Величества дѣтей и наследниковъ и будущихъ великихъ Царей и Государей, и всего Московскаго государства сему вѣковѣчному и верушиму соединенію противъ Короля Жигимонта, нынѣшняго Короля Польскаго и Литовскаго, и его дѣтей и наследниковъ, и будущихъ королей, и всего Польскаго и Литовскаго государства быти, что нашему велеможнѣйшему Королю и государю, и всему Свѣйскому королевству, и Царю и великому Князю и всему царству Московскому, противъ Жигимонта Польскаго и Литовскаго короля, и всего Польскаго и Литовскаго государства за одну сторону; и что нашему велеможнѣйшему Королю и государю и всей корунѣ Свѣйскаго мирново постановленья съ тѣмъ Королемъ Польскимъ, и со всемъ его государствомъ не учинити, и не поставити, развѣ съ вѣдома и хотѣнья Царя и великаго князя и всего царства Московскаго; такъжъ Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи, и всему Россійскому царству безъ нашего велеможнѣйшаго Короля и государя хо-

тѣмъ и вѣдома съ тѣмъ Польскимъ и Литовскимъ королемъ, и ево государствомъ мирново постановленья не учинити, развѣ такожь нашего велеможнѣйшаго Короля и государя и всей Свинской коруны и государства съ вѣдома и хотѣнья; и аще бы такъ учинилось, что нашъ велеможнѣйшій Король и государь и королевство Свитцкое съ Польскимъ и съ Литовскимъ королемъ и ево государствомъ мирново постановленья учинити, и Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи и всему Россійскому государству, въ такомъ мирномъ утвержденъ и въ совокупленъ быти такъ; коли Царь и великій Князь и ево государство съ Польскимъ и съ Литовскимъ королемъ и съ его государствомъ мирное постановленья учинятъ, и нашему велеможнѣйшему Королю и ево дѣтемъ и наследникомъ и всей корунъ Свинской, въ томъ мирномъ утвержденъ такъ быти совокуплену; Рускіе послы Семень Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, сынъ Зиновьевъ, вмѣсто Государя своего Царя и великого князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и его Царского величества дѣтей и наследниковъ, намъ вмѣсто велеможнѣйшаго Короля и государя и ево дѣтей и наследниковъ Свинскихъ королей, и всего королевства Свинского, твердо обѣщались и укрепились на томъ, какъ нашему велеможнѣйшему Королю и государю и его величества дѣтемъ и наследникомъ, и будущимъ Свейскимъ королемъ, которая помощь противъ ихъ недруговъ понадобится, и Царю и великому Князю и его дѣтемъ и наследникомъ, и всему царству Россійскому какъ отъ нихъ помощи воспросятъ, нашему велеможнѣйшему Королю и государю и ево дѣтемъ и наследникомъ, и будущимъ Свинскимъ королемъ и владѣтелемъ, столькимижъ людьми помогати, какъ нашъ велеможнѣйшій Король и государь имъ нынѣ помогаетъ, только за такойжъ платежъ, и что имъ пити и ѣсти и всякому запасу нашего велеможнѣйшаго Короля и государя въ землѣ готову быти, что имъ вольно притхати и отѣхати, и государя нашего велеможнѣйшаго короля и государя земли, и сіе все въ предписанное мы обѣихъ сторонъ добровольно, мы во имя и вмѣсто нашего велеможнѣйшаго Короля и государя Карла короля девятаго, и его величества дѣтей и наследниковъ Свитцкихъ

королей и владѣтелей, и всего Свитцкаго государства Рускіе послы и вмѣсто ихъ Царя и великаго Князя и его царскаго величества дѣтей и наслѣдниковъ, и всего Россійскаго государства, сполна договорились, что сему всему вѣковому неразрѣшному мирному постановленью и соединенью быти межъ великихъ государей нашего велеможнѣйшаго короля и государя Карла девятаго, и Царя и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и ихъ обѣихъ величества дѣтей и наслѣдшихъ королей, и Царемъ и государемъ, и ихъ обѣихъ государствъ землямъ Свейской и Руской неподвижно и непремѣнно въ вѣчное время держати на томъ, вмѣсто своего велеможнѣйшаго короля и государя, государя Карла девятаго, и его королевскаго величества дѣтей и наслѣдниковъ, о святомъ евангеліи своєю клятвой училили, и се соединенье и мирное утверждение своими руками подписали, и своими прирочѣнными печатями запечатали. Такжъ и Рускіе послы свое крестное пѣлопанье училили, что сія вся не токмо неподвижно и непремѣнно держати, но и ихъ Царя и великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и его Царскаго величества боярина воеводу князя Михайла Васильевича Шуйскаго полное утверждение за своими и всего Російскаго царства печатями поставить, что то все держати на вѣки неподвижно, на томъ бы, какъ прежь объявлено обѣихъ сторонѣ съ клятвами утвердился, и своими руками подписали, и своими печатями прирочѣнными запечатали. Писанъ въ Выборѣ Февраля въ 28 день лѣта 1609 года.

№ XIII.

ЗАПИСЬ,

данная Россійскими Полномоченными въ Выборгѣ
о уступкѣ Швеции города Корелы съ уѣздомъ, въ Фе-
враль 1609.

Великого Государя Царя и великого князя Василя Ивановича, всея Русіи самодержца, Владимерского, Московского, Новгородского, Царя Казанского, Царя Астраханского, Царя Сибирского, Государя Псковскаго и великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятцкаго, Болгарскаго и иныхъ, Государя и Великого Князя Нова города низовскіе земли, Черниговскаго, Рязанскаго, Полотцкаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Белоозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондинскаго и всея сѣверныя страны Государя и повелителя Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли Черкасскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государя и обладателя; его царскаго величества стольникъ и воевода Семень Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ сынъ Зиновьевъ, по приказу царскаго величества боярина и воеводы и ближнево пріятеля князя Михайла Васильевича Шуйскаго, договорились велеможнова и высокорожденново князя и государя Карла девятаго, Свитцкаго, Готцкаго, Вендинскаго, Каянскаго, Лилянскаго, и иныхъ короли съ думными и съ полномочными съ воеводами, съ Юрьемъ Боемъ, да Станесемъ Юрьевымъ, да съ Арвеемъ Тенисовымъ, да съ Отолгемеромъ Фармернеромъ, да съ дьякомъ съ Ирикомъ Илевсомъ на томъ: итить королевскимъ воеводамъ Акселкурку, да Моршалку Хрестерсуму,

Андрею Бою, Эветгорну, да съ ними ратнымъ наемнымъ людемъ, коннымъ збруйнымъ и пѣшнымъ, добрымъ оружникомъ, по прежнему договору пяти тысячъ человекъ, да сверхъ наемныхъ пяти тысячъ человекъ, сколько велможны Король пошлетъ ко Государю нашему царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи на помощь къ Москвѣ; и какъ придемъ за рубежъ государя нашего въ землю, и королевскимъ воеводамъ Акселкурку съ товарищи, съ тѣми со всеми ратными людьми видѣ не мѣшкать, итти въ Новъ городъ на спѣхъ, или гдѣ мы имъ велимъ итти государя нашего царского величества по указу; и послѣ того, какъ онѣ съ рубежа съ нами поидутъ, спустя три недѣли, доставить намъ до королевскихъ воеводъ царского величества боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйского крѣпость за государевою за Новгородскою печатью, и за князя Михайла Васильевича рукою, на городъ на Корелу съ уѣздомъ; а послѣ тѣхъ трехъ недѣль спустя два мѣсяца боярину и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу доставить до нихъ государя нашего царского величества крѣпости на городъ на Корелу съ уѣздомъ, за его государскою печатью, и поступитися Государю нашему царскому величеству, государю ихъ Карлу королю противъ его любви и дружбы города Корелы съ уѣздомъ по старинѣ, какъ былъ городъ Корела съ уѣздомъ по старинѣ напередъ сего блаженные памяти за прежними Государями, и за великимъ Государемъ нашимъ царемъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Русіи самодержцемъ. А королевскимъ воеводамъ съ тѣми ратными, съ наемными людьми съ пятью тысячами человекъ, съ конными и съ пѣшными, и съ тѣми людьми, что сверхъ найму будутъ ко Государю нашему царскому величеству на помощь итти, и Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу служить, и къ воромъ не пристать, и городовъ, которые за государемъ, и которые нынѣ въ измѣнѣ, не засѣсть, и государю нашему царскому величеству не измѣнить, и надъ бояры и надъ государевыми людьми измѣны никакіе не учинить, и быть у государевыхъ бояръ и воеводъ въ послушанъ. А по томъ государю нашему, царскому Величеству, съ тѣхъ мѣсть, какъ они пошедъ съ рубежа, учнутъ ему го-

сударю служить, спустя одиннадцать недѣль, городъ Корела очистить, и отдать Свитцкому королю, и быти городу Корель съ уѣздомъ по старинѣ, какъ было напередъ сего, за Свитцкимъ королемъ, и за его наслѣдники, и Свитцкой коруны за правители, въ вѣковѣчной вотчинѣ по старымъ межамъ и гранемъ, какъ были напередъ сего. А изъ Корелы и изъ Корелского уѣзда, изъ церквей божіе милосердіе, образы и всякое церковное строеніе, и изъ города нарядъ, пищали и зелье, и ядра которой привезенъ въ Корелу послѣ того, какъ у Свитцкіе коруны Корела взята, и Рускихъ людей и Корелянъ со всеми ихъ животы, которы похотятъ итти на Русь, Государю нашему царскому Величеству вывезти; а которые похотятъ жити въ Корель и въ Корелскомъ уѣздѣ, и тѣхъ не возити; а нарядъ, пищали, и зелье, и ядра, что взято у Свитцкого Короля, Государю нашему царскому Величеству оставить въ Корель по описи Дмитрея Вельямина со товарищи сполна; и удержать Государю нашему царю и великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи самодержцу, и его наслѣдникомъ и правителемъ, тотъ договоръ о Король въ вѣки непремѣнно, и на томъ устоять, что городъ Корела съ уѣздомъ корунъ Свитцкой въ вѣковѣчную вотчину совокупить, и соединить, и отдать Государю нашему царскому Величеству городъ Корела Свитцкому Королю, послѣ того какъ Нѣмецкіе воеводы съ ратными людьми пойдутъ съ рубежа, спустя одиннадцать недѣль, а больши того государю нашему царскому Величеству города Корелы за собою не держати. На томъ царского Величества столникъ и воевода Семень Васильевичъ Головинъ, да дякъ Сыдавной Васильевъ, по приказу боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйского, въ государя своего Царя и великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи самодержца мѣсто, крестъ пѣлуемъ, и се писаніе велеможного короля думнымъ воеводамъ Юрью Бою съ товарищи даемъ за своими руками и за печатями: писанъ въ Выборгъ лѣта 7117-го Февраля въ день.

№ XIV.

ГРАМОТЫ

КНЯЗЯ МИХАЙЛА ВАСИЛЬЕВИЧА СКОПИНА - ШУЙСКАГО,
ПОДВЕРДИТЕЛЬНЫИ 1-АЯ ВЫБОРГСКАГО ДОГОВОРА О ВСПОМО-
ГАТЕЛЬНОМЪ ВОЙСКЪ, 2-АЯ ЗАПИСИ О УСТУПКЪ ШВЕДИИ
ГОРОДА КОРЕЛЫ СЪ УЪЗДОМЪ.

1-ая.

Божією милостію, великого Государя царя и великого князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, Владимирского, Московского, Новгородского, царя Казанского, царя Астороханского, царя Сибирского, Государя Псковского, и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского, и иныхъ государя, и великого князя Нова города Низовскіе земли, Черниговского, Рязанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея сѣверныя страны государя и повелителя, Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли Черкасскихъ и Горскихъ Князей; и многихъ государствъ Государя и обладателя его царского Величества бояринъ и воевода Князь Михайла Васильевичъ Шуйской, далъ сю утверженную грамоту велеможного и высокороженного князя и государя Карла девятаго, Свитцкого, Готского, Вендинского, Финского, Каянского и Устерского, въ Лифлянтахъ и иныхъ короля, большому ратному воеводу Якову Пунтусовичю Далегарду, да Аскелкурку, да Кристелсуму, да Андрею Бою, да Эветгорну, которые пришли, по королевскому велѣнью и прежнему договору, къ великому Государю нашему царю и великому князю Василью

Ивановичю всея Русіи самодержцу къ его царскому Величеству на помочь, государя своего съ воинскими людьми, на томъ, что договорился Государя нашего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и его царского Величества столникъ и воевода Семенъ Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, по моему приказу, какъ я имъ далъ полную мочь, велеможного Карла короля съ думными и съ полномочными воеводами въ Выборъ, съ Юрьемъ Боемъ съ Тенесомъ Юрьевымъ, да съ Арвсемъ Тенесовымъ, да съ Отлгемеромъ Фермерперомъ, да съ дьякомъ съ Прикомъ Илвесомъ, и крестнымъ цѣлованьемъ межъ себя крѣпилися, и записыми розмѣнялися, что королевскимъ воеводамъ государя своего по королевскому указу итти на помочь къ великому Государю нашему Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, съ двумя тысячами конными збруйнными, да съ тремя тысячами пѣшими, добрыми оруженники; и великому государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, и его царскимъ наследникомъ, и всему Россійскому государству, тотъ договоръ, что договорился столникъ и воевода Семенъ Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, всѣ тѣ статьи что въ записи писаны, держати крѣпко, и ничемъ не нарушивать, и стояти въ томъ на вѣки неподвижно. А я царского величества бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской, даю имъ на тотъ договоръ сию утвержденную грамоту Новгородцкого государства за печатью, и за своею приписью; а великому Государю нашему Царю и великому Князю Василью Ивановичу, всея Русіи самодержцу, велеможного Карла короля воеводамъ Якову Пунтосову съ товарищи, или инымъ королевскимъ полномочнымъ, какъ придуть, дать своя царская грамота за своею царскою печатью, на срокъ съ тѣхъ мѣсть, какъ они съ рубежа пошли, и учнуть государю служить, спустя одиннадцатъ недѣль. Къ сей грамотѣ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской, Новгородцкого государства государеву печать приложилъ, лета 7117-го, Апрѣля въ 13 день.

2-ая.

Божією милостію, великого Государя Царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, Владимирского, Московского, Новгородского, царя Казанскаго, царя Астероханскаго, царя Сибирскаго, Государя Псковскаго, великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Белоземскаго, Болгарскаго, и иныхъ государя, Царя и великого князя Новагорода низовіеи земли, Черниговскаго, Рязанскаго, Полотскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Бѣлгородскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондинскаго, и всея сѣверныя страны Государя и повелителя, Вверкіе земли Карталинскіихъ и Грузинскіихъ царей, и Кабардинскіихъ Черкасскіихъ и Горскіихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ Государя и обладателя; его царскаго Величества боярина и воеводу, и ближней пригаль, князь Махайло Васильевичъ Шуфской, даю сію укрѣпленную грамоту, Новгородскаго государства за печатью и за своею рукою, велеможного и высококороженнаго князя и государя Карла Десятого, Свѣтскаго, Готскаго, Бранденбургскаго, Пфальцскаго, Баварскаго, и иныхъ короли, большому ратному воеводѣ Якову Пуптосовичу Далегарде съ товарищи, на томъ: договорились по сему приказу стольникъ и воевода Семенъ Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, въ Выборѣ съ королевскими съ думными и полномочными пяслы, съ Юрьемъ Боемъ, да съ Тенисомъ Юрьевымъ, да съ Арвеемъ Тепиковымъ, да съ Отолгемеромъ Фохмершеромъ, да съ дѣломъ съ Прикомъ Пявесомъ, и межъ себя крестнымъ цѣлованьемъ и Евангеліемъ, и записми укрѣпились, что по королевскому указу и по прежнему договору, королевскимъ ратнымъ воеводамъ, да съ ними наемнымъ коннымъ збруйнымъ и пѣшимъ добрымъ оруженникомъ пяти тысячъ человекъ, да сверхъ наемныхъ пяти тысячъ, сколько велеможный Король, онаяючи ко Государю нашему и ко всему Россійскому государству любовь, пришлетъ, итти ко государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи на помощь къ Москвѣ; и какъ королевские воеводы Яковъ Пуптосовичъ Далегардъ съ товарищи, съ теми ратными людьми пойдутъ со мною изъ Новгорода ко государю на по-

Ч. II. Прилож.

7

мочь къ Москвѣ, и учнутъ государю служить, и мнѣ боярину и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу доставить до воеводъ до Якова Пунтосовича съ товарищи на городъ Корелу государя нашего царскаго Величества грамота, за ево государевою печатью, спустя съ тѣхъ мѣсть, какъ онѣ со мною изъ Новгорода поидутъ ко государю на помочь, два мѣсяца, что государю нашему царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, поступитись государю ихъ Карлу королю, для ево любви и дружбы, города Корелы съ уѣздомъ по старинѣ, какъ былъ городъ Корела съ уѣздомъ напередъ сего блаженныя памяти за прежними государи, и за великимъ государемъ нашимъ царемъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Русіи самодержцемъ; а королевскимъ воеводамъ съ тѣми ратными съ наемными людьми съ пятью тысячью человекъ съ конными и съ пѣшими добрыми оружники, и съ тѣми людьми, что сверхъ найму будутъ, ко государю нашему царскому Величеству къ Москвѣ на помочь итти, и государю нашему Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу служить, и къ воромъ не приставати, и городовъ, которые за государемъ, и которые нынѣ въ измѣнѣ, не застыти, и государю нашему Царскому Величеству не измѣнити, и надъ бояры, и надъ государевыми всякими людьми израды никакой не учинити, и быти имъ у меня и у иныхъ государевыхъ бояръ и воеводъ въ послушаньѣ. А по томъ государю нашему царскому Величеству, съ тѣхъ мѣсть, какъ они пошли съ рубежа и учнутъ государю служить, спустя одиннадцатъ недѣль, городъ Корела очистити и отдать Свитцкому королю, и быти городу Корелѣ съ уѣздомъ по старинѣ, какъ было напередъ сего за Свитцкимъ королемъ, и за его наследники, и Свитцкой коруны за правители, въ вѣковѣчной вотчинѣ, по статымъ межамъ и гравемъ. А изъ Корелы, и изъ Корелскаго уѣзда, изъ церквей божіе милосердіе образы и всякое церковное строенье, и изъ города нарядъ, пищаи, и зелье, и ядра, и всякой нарядъ что къ тому пристонитъ, которой привезенъ въ Корелу послѣ того, какъ у Свитцкіе коруны Корела взята; и архіепискупа, и воеводъ, и всякихъ Рускихъ людей, и Корелянъ со всѣми ихъ животы, которые похотятъ

итти на Русь, государю нашему царскому Величеству вывезти а которые похотятъ жить въ Корелѣ, и въ Корелскомъ уездѣ, и тѣхъ не возити; а нарядъ же, пищали и зелье, и ядра, что взято у Свитцкого короля, государю нашему царскому Величеству оставити въ Корелѣ, по описи Дмитрея Вельяминова съ товарищи, весь сполна; да держати государю нашему Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русии самодержцу, и ево наслѣдникомъ, и правителемъ, тотъ договоръ въ вѣки непремѣнно, и на томъ устояти, что городъ Корела съ уездомъ корунѣ Свитцкой въ вѣковѣчную вотчину совокупить и соединить, и отдать государю нашему царскому Величеству городъ Корела Свитцкому королю, послѣ того, какъ Нѣмецкіе воеводы съ ратными людьми пошедъ съ рубежа и учнутъ государю служить, спустя одиннатцать недѣль; а болши того за собою государю нашему царскому Величеству города Корелы не держати. Къ сей утвержденной грамотѣ я бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской, государеву печать Новгородского государства приложилъ, и руку свою у сей грамоты приписалъ: писавъ въ государевѣ отчинѣ въ великомъ Новгороде, лѣта 7117-го, Апрѣля въ 5 день.

№ XV.

ДОГОВОРЪ,

заклученный 21 Августа 1609 въ Колязинѣ, между
Княземъ Михайломъ Васильевичемъ Скопиннымъ-
Шуйскимъ и Шведскимъ Генераломъ Сомме.

Божиею милостию, Великого Государя Царя і Великого Князя
Василья Ивановича всея Русіи Самодержца, и многихъ Госу-
дарствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества
бояринъ і воевода Князь Михаилъ Васильевичъ Шуйской дого-
ворился велеможнейшаго і высокорожденного Князя и Государя
Государя Карла Свитцкого с ратнымъ моршалкомъ съ Крестеръ
Сумомъ: что ему послати Королевскихъ дворянъ х Королев-
скимъ воеводамъ къ Якову Пунтусову с товарищи и ко всемъ
ратнымъ людямъ в Торжокъ, і велѣти имъ Якову со всеми
людми итти и Торшку ко мнѣ в Колязинъ, не мешкавъ;
а бояринъ і воевода Князь Михаилъ Васильевичъ Шуйской, по
его моршалкову прошенью и по договору, послалъ Государя
своего Царского Величества дворянина Федора Даниловича
Чюлкова к Неметцкимъ воеводамъ къ Якову Пунтусову с
товарищи. И которой часть Королевской воевода Яковъ Пун-
тусовъ, или которые иные Неметцкие воеводы со всеми ихъ
ратными людьми ис Торшку ко мнѣ в Колязинъ поидутъ, и
Федору и Королевскимъ дворяномъ, ково Яковъ Пунтусовъ
пришлетъ, ѣхати на Великіи Новгородъ, а изъ Новгорода ѣхати
тотъ часть, не мешкая, с ними дьяку Еёму Телепневу в
Корьму; и приѣхавъ, городъ Корьма очистити и отдати со всемъ
уездомъ Карла Короля Свитцкого полномочнымъ, которые бы-

ДУТЬ О ТОМЪ ПРАВЕ, со всемъ потому, какъ въ прежней договорной записи писано, которой договоръ в Выборе межъ Государя нашего Царя і Великого Князя Василя Ивановича всеа Русіи и межъ Карла Короля Свитцкого обѣихъ Государствъ полномочные послы учинили. И на томъ язъ Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичъ Шуйской крестомъ животворящимъ знаменовався, и сю крѣпость, за своею рукою и за печатью, далъ Королевского Величества ратному моршалуку Крестеръ Суму: что мнѣ велѣти городъ Корыа со всеми уѣзды очистити и отдати Королевского Величества полномочнымъ безо всякого отговору и прекословия, по прежней договорной записи тотъ часъ, и тотъ договоръ, что договорился столникъ і воевода Семенъ Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ с полномочными послы съ Юрьемъ Боемъ с товарищи, держати крѣпко, неподвижно и непремѣнно въ вѣчные вѣки; а Крестеръ Сумъ обещался мнѣ по своей вѣре, своимъ крѣпкимъ обещаньемъ: что ему со всеми людьми отъ меня не отстать нигда некоторыми дѣлы, да и темъ воеводамъ Ябову Пуятосову со всеми людьми ко мнѣ быть, и писмо мнѣ на себя в томъ Крестеръ Сумъ далъ. К сему договору бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичъ Шуйской печать свою приложилъ, лѣта 7117, Августа въ 21 день.

№ XVI.

ВЗАИМНЫЯ ДОГОВОРНЫЯ ЗАПИСИ,

**ЗАКЛЮЧЕННЫЯ 27 АВГУСТА 1609 ВЪ КОЛЯЗНИВЪ, МЕЖДУ
КНЯЗЕМЪ МИХАЙЛОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ СКОПИНЫМЪ-
ШУЙСКИМЪ И ШВЕДСКИМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ ОЛУСОНОМЪ.**

1-ая.

Божнею милостию, Великого Государя Царя і Великого Князя Василья Ивановича всеа Русі Самодержца, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михайло Васильевичъ Шунской объявляю симъ, что азъ договорился велеможного і высокорожденного Князя и Государя Государя Карла девятого, Свитцкого, Готцкого и иныхъ Короля посланнымъ з діякомъ с Карлусомъ Олусуномъ на томъ: что послати мнѣ ныне с нимъ діякомъ с Карлусомъ Олусуномъ своихъ полномочныхъ, і велѣти имъ ѣхати с нимъ діякомъ с Карломъ Олосоновымъ въ Его Царского Величества порубежной городъ въ Корьму, і велѣти имъ Его Царского Величества городъ Корьма с узды очистити и отдати Королевского Величества діяку Карласу Олусону, или полномочнымъ, которые о томъ отъ Его Королевского Величества будутъ присланы, по прежнему договору, которой договоръ учинили в Выборе Царского Величества столникъ і воевода Семень Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, а Королевского Величества полномочные Юрии Бон с товарищи. И азъ Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михайло Васильевичъ Шун-

скою по тому договору послать Федора Чюлкова, и далъ ему полную мочь во всемъ, и велѣлъ ему и ѡхати ис Колязинъ с Королевскимъ дѣнкомъ с Карломъ Улусовымъ х Королевскимъ воеводамъ к Якову Пунтосову съ товарищи; да с нимиж я послалъ ратнымъ людемъ наемъ три тысячи рублевъ денегъ, а напередъ сего послано к воеводе к Иванису Олодурову тысяча рублевъ денегъ, да изъ Новагорода привезутъ две тысячи рублевъ денегъ, да на пять тысячъ рублевъ соболей, и всего послалъ соболей и денегъ и с теми денгами, которые напередъ сего посланы к воеводе к Иванису Олодурову, ратнымъ людемъ на наемъ, на одиннатцать тысячъ рублевъ, и велѣлъ Федору Чюлкову ѡхати с Королевскимъ дѣнкомъ с Карломъ Олусупомъ х Королевскимъ воеводамъ къ Якову Пунтосову с товарищи, и роздати тѣ денги ратнымъ людемъ. И противъ того Королевского Величества дѣкъ Карлъ Олусонъ мнѣ по своей вѣре обещался и на томъ мнѣ, за своєю рукою и печатью, крѣпость далъ: что Якову Пунтосову со всеми людьми итти, которые с нимъ, опричь боляхъ и раненыхъ, ко мнѣ боярину и воеводе ко Князю Михаилу Васильевичу Шуйскому въ Колязинъ тотъ часъ, не мешкая нигдѣ, и надъ воры промышляти Государевымъ дѣломъ со мною заодно, и къ Его Царскому Величеству на помочъ итти со мною вмѣсте, и самоволствомъ ничего не чинити. А которого часу Королевские воеводы Яковъ Пунтосовъ с товарищи со всеми ратными людьми поидеть ставу ко мнѣ в Колязинъ, и Федору с Королевскимъ дѣнкомъ с Карлусомъ Олусовомъ и ѡхати на Новгородъ в Корѣлу, да изъ Новагорода ѡхати с нимиж дѣку Еюиму Телепневу въ Корѣлу, и тотъ Его Царского Величества городъ Корѣла с уѣзды Королевского Величества дѣку Карлу Улусону, или полномочнымъ, которые о томъ будутъ присланы, очистить и отдати безо всякого мешканья и прекословия тотъ часъ, по прежнему договору, которой учиненъ в Выборе, и по договорной записи. А для вѣрнаго утвержденья, изъ Царского Величества бояринъ и воевода Князь Михаилу Васильевичу Шуйскому обѣщаясь и клятвъ себя предаю, что мнѣ то все, что в сси договорной записи писано, держати и исполнити безо всякые лсти и омаву, и сю договорную запись далъ за

своею рукою и за печатью. Писана в Колязине, лѣта 7117,
Августа.

2-ая.

Пресвѣтѣйшаго, велеможного і высокороженного Князя и
Государя Государя Карла девятого, Свѣтцкаго, Готцкаго, Вен-
денскаго, Финскаго, Корѣлскаго, Лопскаго, в Сѣверной странѣ
Калевскаго и Чюхонскаго, в Ливелантахъ Короля подданныхъ слуга
и дьякъ изъ Карль Олессонъ объявляю сему, что договорился
Великаго Государя Царя і Великаго Князя Василья Ивановича
всѣа Русніи Самодержца близкнн прѣтель боярчнхъ і воевода
Князь Михаилъ Васильевичъ Шунскон, вмѣсто Царскаго Вели-
чества, по моему прошенью, которое изъ учинилъ отъ моего
велеможнѣйшаго Короля и Государя: что король Корѣла по
прежнему договору, которон учинилъ в Выборѣ межъ обнхъ
Государей воеводъ Юрья Бон, Тениса Юрьева, Арвея Тенисова,
Отто Геммера, Фармертра и дѣака Илдеака, и Семена Василье-
вичъ Головина, да дѣака Сылавпова Васильева, и по прежнему
обещанью и послушанью и отдати; и на томъ Царскаго Вели-
чества боярчнхъ і воевода Князь Михаилъ Васильевичъ Шунскон обе-
щанъ клити своею, какъ его мнѣ даная записъ оказуеть, что
тотъ городъ Корѣла с узды по прежнему договору безъ вся-
каго моташья, прекословня и оману поступитца, и моему
велеможнѣйшему Королю коруль Сандзон очистити и отдати
велѣти. И по тому стовру Царскаго Величества боярчнхъ і
воевода Князь Михаилъ Васильевичъ Шунскон велѣтъ своему
полномочному воеводе Федору Давидовичю Чилкову вхать со
мною в Великнн Новгородъ, а изъ Новгорода вхать с намижъ
дѣаку Еемму Телешеву в Корѣлу; и какъ прѣидутъ Царскаго
Величества боярина і воеводу Князя Михаила Васильевича Шун-
скова полномочныя Федоръ Чилковъ, да Ееммъ Телешевъ в Кор-
ѣлу, и имъ городъ Корѣлу с узды отдати и очистити мнѣ и мо-
его велеможнѣйшаго Короля полномочнымъ посломъ не мотчая,
какъ напредъ объявлено по прежнему договору, и то исполнати
Царскаго Величества боярчнхъ і воевода Князь Михаилъ Василье-
вичъ Шунскон обещанъ, какъ его мнѣ даная записъ оказуеть.

И на томъ мы Царского Величества з бояриномъ і воеводою со Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Шунскимъ договорились: что Королевского Величества воеводе Якову Пуптосову де ла Гарди со всеми ратными людьми, опричь равныхъ и болныхъ, которые с нимъ, какъ додуть сму тѣ денги и соболи, которые с нимъ со Княземъ Яковомъ Петровичемъ Борятинскимъ присланы будутъ ратнымъ людемъ на наемъ, и Королевскому воеводе Якову Пуптосову, роздавъ тѣ денги ратнымъ людемъ, итти со всеми ратными людьми, которые с нимъ, к Царского Величества боярину і воеводе ко Князю Михаилу Васильевичу Шунскому в Колязинъ безо всякого мешканья, и с нимъ противъ Его Царского Величества недруговъ стоять за одинъ человекъ, и Царскому Величеству помочь уничтожить вмѣстѣ; а который часть моего велеможнѣшаго Короля и Государя ратной воевода Яковъ Пуптосовъ со всеми ратными людьми, которые с нимъ, к боярину і воеводе ко Князю Михаилу Васильевичу Шунскому придуть, и тогожь часу бярина і воеводы Князя Михаила Васильевича Шунского полномочнымъ Федору Чойкову, да Еному Телепневу и трети со мною в Корьлу, и отдать городъ Корьлу мнѣ и моего велеможного Короля и Государя полномочнымъ посломъ тотъ часъ. А на томъ язъ Карль Олосонъ, по своей вѣре, совести и правде, обещался, что моего велеможнѣшаго Короля и Государя воеводе Якову Пуптосову де ла Гарди, по прежнѣму Королевскому обещанью, взявъ тѣ денги, роздавъ ратнымъ людемъ, итти со всеми ратными людьми к боярину і воеводе ко Князю Михаилу Васильевичу Шунскому в Колязинъ тотъ часъ, не мекшавъ, безо всякого стчашья и невѣрня, и что то все здержати безо всякой лести, и язъ се письмо своею рукою подписалъ и печатью своею запечаталъ. Писано в Колязине, Августа въ 27 день, лѣта 7117.

Роспись противъ Неметцкого пшема, что наиму Неметцкимъ воеводамъ, и ротмистромъ, і головамъ и ратнымъ людемъ, коннымъ и пѣшимъ, и по чему на мѣсяць въ одинъ рядъ:

На 2,000 коней на мѣсяць по 25 ефимковъ, всѣхъ 50,000 ефимокъ.

На 3,000 человекъ пѣшихъ по 12 ефимокъ на мѣсяць, всѣхъ 36,000 ефимокъ.

На болшова воеводу на Грава на мѣсяць 5,000 сѣнмокъ.

2 воеводамъ, одинъ у конныхъ, другом у пѣшихъ, на мѣсяць 4,000 сѣнмокъ.

Ротмистромъ, головамъ и приказнымъ людемъ 5,000 сѣнмокъ.

И всего воеводамъ, и ротмистромъ, головамъ и ратнымъ людемъ, коннымъ и пѣшимъ, на одинъ мѣсяць найму 10,000 сѣнмокъ.

А по договору, дать имъ наемъ на Москвѣ противъ вдвое.

№ XVII.

ПИСЬМО

ШВЕДСКАГО ГЕНЕРАЛА ЯКОВА ДЕЛАГАРДІЯ КЪ ЦАРЮ
ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ, ОТЪ 2 АВГУСТА 1609.

Того велеможнѣйшаго, высокорожденнаго Князя и государя, государя Карлуса девятаго, Божією милостію государства Свейскаго, Готскаго, и Венденскаго, Финскаго, Корелскаго, Лопскаго, въ Нордлантъ Каянскаго и Чуди, въ Лифлянтахъ короля, уставленные надъ всею войскою воевода, въ нынѣшнемъ Рускомъ походѣ изъ Яковъ Делагардіе даю вѣдати тому велеможнѣйшему, высокорожденному Князю и Государю, государю Василью Ивановичу, Царю и великому Князю, всея Русіи самодержцу, Владимирскому, Московскому, Ноугородскому, царю Казанскому, царю Астраханскому, царю Сибирскому, государю Псковскому, и великому князю Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иныхъ, государю и великому Князю Нова города низовскіе земли, Черниговскому, Рязанскому, Полотцкому, Ростовскому, Ярославскому, Белоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому, и всея севѣрныя страны государю и повелителю, въ Иверской землѣ тѣхъ Карталнскихъ и Грузинскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ Государю и обладателю: милостію и помощію божією мы твоихъ враговъ подо Тверью низложили, и ихъ поблби, и розгоняли, и помыслилъ былъ изъ съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Шуйскимъ, съ обнихъ сторонъ воинскими людьми ближе къ Москвѣ податись, и какъ мы нѣсколько милей ото Твери отошли, и цоразумѣли отъ подъездшиковъ,

что тѣ Поляки и казаки во Твери въ городѣ сидѣли въ осадѣ, изъ города Твери выбѣгли, и послѣ нашего отходу свои большіе полки подъ Москву пошли; и я для того назадъ воротился, и городъ зашелъ, и хочу тотъ городъ ото всѣхъ враговъ утѣсненія твоему царскому величесу въ вѣрною рукою оборонити; и стали есми съ своими полки подъ тѣмъ городомъ, и могу ево отъ твоего царскаго Величества недруговъ оборонити, гдѣ будетъ твоего учинится; и пасадилъ есми въ городѣ своихъ дѣшнихъ людей на голове для ради всякия мѣры, по тому, что о городѣ томъ многое наложить, и тотъ бы городъ подъ твоей царской мочью былъ для ради розныя причины, которое ваше Царское Величество самъ лучи можетъ разумѣти, нежли изъ могу писати. И учинили то твоему царскому Величеству вѣдома, какъ изъ и тѣ головы, которые со мною, и наши люди, милостию и помоганиемъ всемогущаго Бога тѣхъ твоихъ враговъ низложили, побили и потоптали, и трожды къ городомъ приступали, пока мѣста изъ суда въ землю пришло, что отъ того люди и лошади истомны стали, и какъ ся выпочинуть и люди храбрѣе учинятся, твоихъ враговъ поиска-ти, и слико мѣбъ возможно въ землю впередъ податвсь, и изъ въ томъ не измѣшкаю. А по ихъ всѣхъ опчему прощенію, и для ради потребныхъ причинъ, есми нѣскольکو день имъ далъ опочинуть, пока мѣста больши помочи получу отъ нашихъ воинскихъ людей, которые на пути есть, и всѣ готовы сюда въ землю вошли, и о томъ мѣбъ прямая вѣсть есть; и для того есми за 14 дни послалъ нѣскольکو имянитыхъ, и далъ сирѣчь дворянскимъ встрѣчу, которымъ ихъ до меня проводить; и какъ есми послѣдние къ Твоему Царскому Величеству писалъ: да хочу есми утре къ Князю Михайлу Васильевичу Шуйскому отъ себя на помочъ отпустить воеводу именемъ Эвертгорнъ, а съ нимъ двѣ тысящи воинскихъ людей, для того, чтобъ ево люди храбрѣе стали, а врагомъ бы страхъ и ужестъ была, и столь скоро, какъ Богъ похочетъ, и помочъ получу свѣжихъ людей, которыхъ изъ со дни на день ожидаю, хочу и изъ не мѣшкавъ со всею силою за ними итти, и пойду твоему царскому величеству на помочъ противъ твоего Величества враговъ, не чтобъ всемогущи Богъ твое царское Величество

отъ такового утѣшенія избавилъ: да чтобъ твое царское Величество на то прямо надеженъ былъ, послалъ есми. царскому Величеству. написанныхъ; а даль имяны Яковъ Буръ ииъ Керонель, да Анцу Францбека, съ иными ихъ четырма товарищи, посланнымъ съ пими къ Москвѣ ѣхати, которые твоему Царскому Величеству подлинно по моему изустному приказу объявятъ всѣ обстоянія дѣль: и какъ есми вышлн по моего велеможѣйшаго Короля приказу совершати и твоему царскому Величеству впредь помогати, какъ есми прежь сего расшѣемъ и хотѣшемъ дѣлать; и твоебъ царское Величество тѣбѣ вѣривъ, что онъ твоему царскому Величеству учить товарищи и инии обстоянія дѣль объявятъ; а вопиєіе люди жалобу имѣють и о томъ скорбятъ, что онъ твоему Царскому Величеству здѣся въ землѣ нѣсколько свою вѣрную службу показали, и за то мало заплаты получили, и онъ у меця о томъ просили, чтобъ мнѣ къ твоему царскому Величеству о томъ писати, и того у тебя просити, чтобъ твоему царскому Величеству тою досталью, которая имъ доведется дати, попомогати: и какъ язъ отъ Князя Михайла по ево писанью пр разумѣлъ, что двѣ дороги просты къ Москвѣ и безъ помѣщи къ твоему Царскому Величеству и назадъ мочно ѣхати, и для того прошу у твоего Царского Величества, какъ мои посланные назадъ побѣдутъ, чтобъ твое Царское Величество тѣ деньги смѣливъ, Князю Михайлу прислалъ, чтобъ ему тѣ деньги моимъ вопиєіимъ людемъ раздѣлити, чтобъ онъ охотнѣ былн и показалобъ твоему Царскому Величеству впередъ свою вѣрную службу, чему онъ безъ сумнѣнія ради дѣлати, какъ онъ досталь заплаты получать, которую онъ заслужилн; и какъ твое Царское Величество изъ моего прежняго писма проразумѣлъ. царскому Величеству стороны. даю сво. своего велеможѣйшаго Короля вѣдати, а съ своей стороны своею парсуюю прошу того, чтобъ ваше Царское Величество мнѣ въ своемъ писанъ опасносъ то учинилъ во всемъ томъ, что князь Михайла Васильевичъ Шуйской отъ твоего Царского Величества моему велеможѣйшему Королю за помощь, что его королевское Величество твоему Царскому Величеству учинилъ, и

ещо впередь учеть чинити, по ево князя Михайлова крѣпкому и твердому писавію, и печатью, и обѣщанію, укрѣпили и совершили, и число было поставлено Маія въ 27 день, и то давно прошло; и твоемубъ Царскому Величеству о томъ указати, все что и азъ занося и обѣщанося, чтобъ то вскорѣ совершенно было, для того, чтобъ мой велеможнѣйшій Король тѣмъ подвижнѣе учинился твоему Царскому Величеству, но и паче того помоганіе чинити и больши того пріятельство показати, и азъ такожь со воинскими людьми, которые со мною есть, и которыхъ вскорѣ къ себѣ начуюсь быти, подвижнѣе и хотнѣя бы обрѣлся, и твоему Царскому Величеству бы и всей Руской землѣ вѣрную службу показали; и о томъ бы Ваше Царское Величество ни которое сумнѣніе не имѣли, но прямую надежу имѣль; такожь бы ваше Царское Величество съ твоими Царскаго Величества вѣрными подданными, духовными и мирскими, великими и малыми чины, которые при твоемъ Царскомъ Велиествѣ пребываютъ и вѣрно служатъ, и добрую мысль имѣли и ожидали бы достовѣрную прямую помощь, и далибъ твое Царское Величество мнѣ вѣдати, какъ обстоитъ о недрузехъ твоихъ, чтобъ мнѣ вѣдомо было, какъ мнѣ имѣтись въ своихъ дѣлѣхъ. Да дошли до меня радостные вѣсти, что къ твоему Царскому Величеству на помощь идутъ люди изъ Татарскихъ и иныхъ странъ, свѣжіе люди, какъ есми проразумѣль, и твоего царского величества писаніе, которое къ Князю Михайлу писаво, и то всемогущій Богъ къ особливому помоганію устроилъ, такожь и намъ всемогущій Богъ свою божественную силу твоему Царскому Величеству и намъ обчяа вѣмъ, по тому, что прямое дѣло имѣемъ, покажетъ; и поручаю твое Царское Величество Богу всемогущему, чтобъ твоему Царскому Величеству въ добрѣ пребывати и твоему Царскому Величеству преодолювіе имѣти надъ вѣсми своими враги и супостаты. Писано въ полкѣхъ подо Тверью 2-го числа Августа, лѣта по Христвъ 1509-го году.

№ XVIII.

Г Р А М О Т А

ЦАРЯ ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА КЪ ШВЕДСКОМУ ГЕНЕРАЛУ
ДЕЛАГАРДИЮ, ПОСЛАННАЯ 22 АВГУСТА 1609 ГОДА.

Божією милостію отъ великаго Государя, Царя и великаго Князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, и многихъ государствъ Государя и обладателя, любительнаго Государя Карлуса Короля Свейскаго, Готцкаго, Венденскаго, воеводъ Якову Пунтусову Делагарду, вольному господину въ Екголму, въ Колкѣ и Руиціе: прислалъ еси къ нашему Царскому Величеству дворянъ Якова Буръина съ товарищи, съ грамотою; и мы великій Государь дворяномъ Якову съ товарищи велѣли видѣти наши Царскіе очи незамъшкавъ, и грамоту твою велѣли у нихъ принять и рѣчи, что ты къ нашему Царскому Величеству съ Яковомъ приказывалъ, выслушали любительно; а въ грамотѣ своей къ нашему Царскому Величеству писалъ еси, и Яковъ Буръинъ рѣчью говорилъ, что милостію и помощью Божією вы нашихъ враговъ подъ Тверью низложили и ихъ побили и разгоняли, и помыслили были есте съ ближнимъ нашимъ бояриномъ и воеводою со княземъ Михайломъ Васильевичемъ Шуйскимъ съ обоихъ сторонъ воинскими людьми податись ближе къ Москвѣ и увѣдали отъ подъѣзчиковъ, что Поляки и казаки, которые во Твери въ городѣ сидѣли въ осадѣ, изо Твери выбѣгли въ воровскіе таборы, и ты воротился назадъ и сталъ съ своими полки подо Тверью, а въ городѣ посадилъ пѣшихъ людей, и хочешь тотъ городъ ото всѣхъ враговъ утѣсненія нашему цар-

скому Величеству оборонити для того, что о томъ городъ многіе мѣры надежатъ и тотъ бы городъ былъ подѣ нашею мочью; а какъ ты и головы которые съ тобою, и люди, милостію и помощью всемогущаго Бога тѣхъ нашихъ враговъ низложили, побили и потоптали, и трѣжды къ городѣмъ приступали и отъ того люди и лошади истомны стали, и ты по ихъ всѣхъ вопчему прошенью и для ради потребныхъ причинъ далъ еси имъ нѣсколько день опочинути, пока мѣста большіе помочи получить отъ вашихъ воинскихъ людей, которые ужъ на пути и съ нашу землю пришли, о томъ тебѣ пріятная вѣсть; и для того ты за 14 день послалъ именитыхъ дворянъ къ нимъ въ стрѣчу, которымъ ихъ до тебя доставити. А какъ ты послѣднее нашему царскому Величеству писалъ, и ты позавгрее того хотѣлъ отнестити отъ себя къ ближнему нашему боярину и воеводѣ ко Князю Михайлу Васильевичу Шуйскому воеводу Плетгорна, а съ нимъ двѣ тысячи воинскихъ людей, чтобъ врагомъ было страшно, а ты съ дне на день ожидаешь прибывшихъ людей, а ожидая тотъ часъ побѣдѣ къ нашему царскому Величеству на помощь противъ нашихъ враговъ, и божью помощью хочешь всю нашу землю отъ нашихъ враговъ избавити и очистити; а для того, что нашему царскому Величеству на то прямо надежду быти, послалъ еси къ нашему царскому Величеству дворянъ Якова Бурлина Керевла, да Анцу Францибека и съ ними товарищи, и про то имъ велѣнь объявити, какъ ты мысляшь по повелѣнію своего Карлуса Короля приказу совершити и нашему царскому Величеству впередъ помогати: и мы Великій Государь Царь и великій Князь Василей Ивановичъ всея Русіи, и все люди нашего государства слыша такіе побѣды на враги воздаемъ о томъ хвалу всемогущему Богу, и ваше дородство и хребросъ похваляемъ, и желаемъ того, чтобъ милосердїей Богъ къ намъ и ко всему нашему государству любительного государя Карлуса Короля такую сердечную дружбу и любовь, а вашу пріятную службу и радѣнье совершилъ: а ближней намъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ писалъ къ намъ, что передовые Швецкіе люди отъ васъ къ нему подѣ Колзвинъ монастырь пришли, а ты Яковъ съ товарищи со всею ратью ещо къ нему

не бывали; а наши ратные люди изъ Ярославля, изъ Костромы и Поморскіе и изъ иныхъ изъ многихъ городовъ ратные люди къ боярину ко князю Михайлу Васильевичу сошлись, и вида отъ тѣхъ враговъ отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей нашей святой Христіанской вѣръ такое злое поруганье, а нашему государству многое разоренье и хрестыанское невинное кроворазлитье, и прося у милосердаго Бога милости хотятъ на тѣхъ враговъ итти всѣ головами своими и промышляти надъ ними, сколько милосердый Богъ помочи подасть; а нынѣ тѣ всѣ ратные люди стоятъ на одномъ мѣстѣ, а на воровъ походъ ихъ позамѣшкался за вами; а воры Польскіе и Литовскіе люди увѣдавъ то, что вы позамѣшкали во Твери, наше государство воюютъ и пустошатъ и разоряютъ злѣе прежнего, и кровь Христіанскую проливаютъ, и полонъ многой безпрестани изъ нашего государства отсылаютъкъ себѣ въ Польшу и въ Литву; и мы великій Государь и всѣ люди нашего государства о томъ злѣю оскорбляемся, что такое зло отъ нихъ нашему государству чинитца, а вашъ походъ на нихъ позамѣшкался: и тыбъ воевода Яковъ, какъ началъ намъ великому Государю служить и радѣти, такъ бы еси храбрство свое и дородство совершалъ, шолъ бы еси въ ходѣ со всѣми людьми къ боярину нашему и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу не мѣшкая, не ожидая прибылыхъ Нѣметцкихъ людей, и прося у милосердаго Бога милости, съ бояриномъ нашимъ со княземъ Михайломъ Васильевичемъ промышляли надо врагами нашими надъ Польскими и Литовскими людьми и надъ нашими измѣнниками, сколько вамъ милосердый Богъ подасть; а которые прибыльные свѣжіе люди идутъ къ вамъ на помочь, и тыбъ къ тѣмъ еще послалъ отъ себя дворянъ, чтобъ они шли къ намъ не мѣшкая; а самъ бы еси за ними во Твери не мѣшкалъ. А что писалъ еси къ нашему Царскому Величеству. говорилъ, что воинскіе. и рѣчью яко. люди имѣютъ жалобу и о томъ. что они нашему Царскому величеству несколько свою вѣрную службу показали, и за то мало заплаты получили, и тебя о томъ просили, чтобъ намъ та досталъ, которая имъ доведетца дати, попомановати: а уразумѣлъ ты отъ бояривна нашего отъ князя Михайла Васильевича, что къ Москвѣ

шросты двѣ дороги, и мочно ими ѣзати безъ помѣшки, и для того просишь у нашего Царского Величества, какъ твои посланные назадъ поѣдутъ, и намъ бы тѣ деньги смѣтивъ, къ боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу прислати, а емубъ тѣ деньги нашимъ воинскимъ людемъ роздѣлити, чтобъ они хотѣе были; да и тѣхъ бы воинскихъ людей, которые нынѣ на пути и вскорѣ ихъ къ себѣ на помощь ожидаешь, такъ же потѣшити, мѣсячную заплату дати, чтобъ они вмѣстѣ нашему Царскому Величеству впередъ свою вѣрную службу показали; и мы Великій Государь всегда того хотѣли и о томъ радѣли и промышляли, чтобъ Карлуса Короля къ вамъ воеводамъ и ко всемъ ратнымъ людемъ съ нашимъ жалованьемъ и казну на наемъ ратнымъ людемъ послати; да ни какими обычай послати было не мочно: воры Польскіе и Литовскіе люди и наши измѣн. того стерегутъ накрѣпко, не токмо что сказано мочно проѣзати, и съ грамотами нашими проходили отъ насъ къ боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому съ великою нужею, а на нашихъ гонцовъ изъ ставицы, которые посланы были къ боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу и къ вамъ воеводамъ, и которыхъ посылали къ намъ, и тѣхъ многихъ воры Польскіе и Литовскіе люди перенимали: а нынѣ хотя нѣкоторые дороги стороніе отъ воровъ и поочистились, только проѣзжаютъ ими скорымъ обычаемъ станичнымъ легкимъ ѣздомъ, а казны ни которыми мѣрами съ Москвы послати не лзя, по тому, что воры стоятъ блиско Москвы и подъ дороги приходятъ украдомъ, а утаятся отъ нихъ такой посылкѣ ни какъ не возможно. И мы нынѣ писали къ ближнему нашему боярину и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу, что будетъ у него есть нашіе казны въ собранъѣ, и онъ бы тое все казну давалъ вамъ на ратныхъ людей тотъ часъ не мѣшкая, и на прибылыхъ людей велѣли есмя наемные деньги готовить, а въ поморскіе и въ понизовые во всѣхъ городахъ велѣли есмя по казну послати наскорожъ; а что отколѣ привезутъ, и то велѣли есмя вамъ же отдавати, и кормы всякіе велѣли есмя на васъ готовить, чтобъ вамъ будучи на нашей службѣ снудости въ томъ. а чево будетъ наемныхъ денегъ у боярина наше-

го у князя Михайла Васильевича ратнымъ Нѣмецкимъ людемъ не достанеть, и какъ милосердый Богъ поадеетъ на враговъ помочь, и будетъ у нашего Царского Величества на Москвѣ, и мы тѣ достальные наемные денги ратнымъ людемъ по договору велимъ на Москвѣ давати не мѣшкая ни одного дни, томубъ есте нашему царскому слову вѣрили. А что писалъ еси къ нашему Царскому Величеству и рѣчью Яковъ Буръинъ говорилъ, чтобъ наше Царское Величество тебѣ опасность учинилъ во всемъ томъ, что ближней нашъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйской съ Государемъ вашимъ Карлусомъ Королемъ приговорилъ и твердымъ писмомъ и печатью утвердилъ и закрѣпилъ, а быти было тому Маія въ 27 день, и то давно прошло, и нашемубъ Царскому Величеству о томъ указать, что... и обѣшанаго, и то совершенно будетъ ли... что Государь вашъ Карлусъ Король... учинилъ съ нашему Царскому Величеству помочь чинити и большое пріятельство показати, и тебѣ съ воинскими людьми, которые топеръ съ тобою, и которыхъ вскорѣ къ себѣ ожидаешъ, подвижнѣе и охотнѣе нашему Царскому Величеству и всему нашему государству службу свою показати: и мы Великій Государь даемъ тебѣ о томъ вѣдать, о которыхъ дѣлахъ ближней нашъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ съ Государемъ вашимъ съ Карлусомъ Королемъ договоръ учинилъ и утвердилъ писмомъ своимъ и печатью, и мы Великій Государь по тому утверженью хотимъ держати крѣпко и стоятельно и неподвижно, и къ боярину нашему князю Михайлу Васильевичу наше царское повелѣнѣе послали, чтобъ онъ то дѣло по своему договору и укрѣпленью совершилъ немѣшкая; а выбъ такъже промышляли и радыли, чтобъ вамъ по договору и по утверженью Государя своего Карлуса Короля и по своему государству наше отъ враговъ нашихъ очистити не мѣшкая, чтобъ то утверженье на обѣ стороны было крѣпко и неподвижно. А что писалъ еси къ нашему Царскому Величеству и рѣчью Яковъ Буръинъ говорилъ, что вш... Величеству съ нашими подданными помыслити, и тебѣ о томъ вѣдомо учинити, какъ обстоитъ о недрузехъ нашихъ, чтобъ и тебѣ вѣдомо было, какъ и тебѣ имѣтися въ своихъ дѣлахъ; и мы Ве-

ликій Государь о томъ тебѣ даемъ вѣдати: Вору Польскіе и Литовскіе люди съ тѣмъ воромъ, которого называютъ государскимъ именемъ въ прежнево въ убитого вора мѣсто, стоятъ отъ Москвы за пятнадцать верстъ въ обозѣ, а кольцо обозу, выкопая у нихъ ровъ невеликой, а въ иныхъ мѣстѣхъ острогомъ заставлено съ того обычья, какъ бываетъ обозъ въ дорогѣ у всякихъ ратныхъ людей; а сколько съ воромъ въ обозѣ людей, и сколько тѣхъ воровъ пошло противъ васъ, и то вамъ самимъ подлинно вѣдомо отъ ихъ воровскихъ языковъ; а у вора и у всѣхъ Польскихъ людей вся надежда на тѣхъ людей, которые пошли противъ васъ, и токмо милосердый Богъ подастъ вамъ помочь и побѣду на тѣхъ людей, которые пошли противъ васъ, и мы чаемъ милости божьи, что воръ со всѣми людьми подъ Москвою не устоитъ; и вамъ бы прося у Бога милости, спедчися съ ближнимъ нашимъ бояриномъ и воеводою съ Княземъ Михайломъ Васильевичемъ, пойти на тѣхъ воровъ, которые пошли противъ васъ, не мѣшкая, и иттибъ прямо къ намъ къ Москвѣ; а мы безпрестани съ Москвы посылаемъ нашихъ ратныхъ людей подъ тотъ воровской обозъ чинити имъ тѣсноту, чтобъ имъ воровскимъ людямъ, которые пошли противъ васъ, было страшнѣе и мысль бы ихъ воровская тѣмъ разронити. А какъ милосерднй Богъ боярину нашему Князю Михайлу Васильевичу и вамъ надъ тѣми вора побѣду подастъ и подойдете блиско Москвы, и мы великій государь, смотря по здѣшнему дѣлу и розвѣдавъ воровской умыслъ, тотъ часъ къ боярину нашему ко Князю Михайлу Васильевичу и къ вамъ наше царское повелѣнне о томъ пришлемъ, какъ на нихъ нашъ походъ будетъ, и какъ вамъ на тѣхъ воровъ приходити, и съ которые стороны; а нынѣ вамъ однолично служба своя совершенная къ намъ показати, шибъ есте къ боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу не мѣшкая; а къ тѣмъ людямъ, которые еще къ намъ идутъ на помощь, послалъ бы еси отъ себя наскоро, чтобъ они шли къ вамъ не мѣшкая, а тыбъ за тѣмъ во Твери не мѣшкалъ: а которая понизовая рать была съ бояриномъ нашимъ и воеводами съ Федоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ съ товарищи, и бояринъ нашъ и воевода Федоръ Ивано-

вичь съ товарищи съ понизовою со мною ратью идучи изъ Мурома ходили на нашихъ измѣнниковъ подъ Касимовъ, и божьею милостию тотъ городъ взяли, и Касимовского Царя, жонъ и дѣтей и лутчихъ людей всѣхъ поимали, а пушихъ воровъ всѣхъ побили, а посадцкихъ людей и весь Касимовской уѣздъ и многіе города и мѣста и волости къ намъ обратили и Татаръ всѣхъ къ шерти привели: а которые Касимовскіе Татаровъ быи у вора въ обозъ съ Касимовскимъ Царемъ, и тѣ всѣ свѣдали про Касимовъ, побѣжали въ Касимовъ и шертовали намъ великому Государю, и мы вынѣ послали къ боярину нашему и воеводамъ къ Федору Ивановичу съ товарищи наше повелѣнье, а велѣли имъ со всѣми понизовыми людьми и съ Татары изъ Касимова итти въ Вололимеръ не мѣшка, а изъ Володимера велѣли есмь имъ сходитися съ бояриномъ нашимъ и воеводою со Княземъ Михайломъ Васильевичемъ и съ вами ближъ Москвы, гдѣ будетъ пригожь: а что пишешъ къ нашему Царскому Величеству, что ожидаешъ во Твери прибылыхъ свѣжихъ людей; и только тѣхъ людей учнешъ ждати, и въ нашемъ мѣшканьѣ ратнымъ людямъ, нашимъ и вашимъ, въ долгомъ стояньѣ будетъ истомно: и вамъ бы одволично ни за чемъ во Твери не мѣшкати, чтобъ нашему дѣлу въ томъ порухи не было, и службу свою и раденье къ намъ великому Государю какъ начали, такъ бы есте и совершали: а какъ божіею милостию, а государя вашего любительнаго Карлуса Короля вспоможеньемъ и сердечною его къ намъ любовью и дружбою, а вашимъ храбствомъ и дородствомъ, служба ваша къ намъ великому Государю и ко всему нашему государству совершитца, и мы великіи Государь любительному государю Карлусу Королю будемъ воздавати противъ его сердечные дружбы и любви нашею царскою великою сердечною любовью и дружбою, и по укрѣпленью боярина нашего Князя Михайла Васильевича все совершимъ, и въ передъ такую его сердечную любовь и дружбу хотимъ незабытно держати; а васъ за вашу храбрость и дородство, и къ намъ и ко государству нашему за такую прямую службу и раденье пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ. Писанъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7117-го года.

№ XIX.

ГРАМОТА

ЦАРЯ ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА КЪ КНЯЗЮ МИХАЙЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СКОПИНУ-ШУЙСКОМУ, ОТЬ 22 АВГУСТА 1609.

Отъ Царя и великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, боярину нашему и воеводѣ Князю Михайлу Васильевичу Шуйскому: прислалъ къ намъ Свейского Карлуса Короля воевода Яковъ Пунтусовъ Делегардъ Нѣмецъ, Якова Бурьина Керонела съ товарищи трехъ человекъ съ грамотою; а рѣчью передъ нами Яковъ Бурьинъ говорилъ о тѣхъ же дѣлѣхъ, о чомъ въ грамотѣ писано, и письмо рѣчемъ своимъ далъ; и мы тѣхъ Нѣмецъ Якова Керонела съ товарищи пожаловавъ нашимъ жалованьемъ назадъ съ Елизарьемъ Безобразовымъ отпустили; а съ ними послали къ воеводѣ Делегарду о всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ, о чомъ онъ къ намъ писалъ, и что рѣчью Яковъ Керонель говорилъ, нашу грамоту: а какову къ намъ грамоту прислалъ воевода Яковъ Делегардъ, каково и письмо рѣчемъ своимъ далъ Яковъ Бурьинъ, и какова наша грамота послана отъ насъ съ нами къ воеводѣ къ Якову Делегарду, и мы съ того со всего списка слово въ слово послали есмь къ тебѣ съ Елизарьемъ Безобразовымъ, чтобъ тебѣ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, о чемъ къ намъ писалъ и приказывалъ Яковъ Делегардъ, и что отъ насъ къ нему писано, вѣдати подлинно: и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а воевода будетъ Яковъ Пунтусовъ съ Нѣметцкими людьми изо Твери къ тебѣ ещо не пришолъ, и тыбъ къ нему писалъ и приказывалъ, и

промышляял нашимъ дѣломъ, какъ тебѣ писали въ нашей грамотѣ противъ Васинныхъ рѣчей Архипова, и какъ тебя Богъ вразумить, чтобъ онъ шолъ къ тебѣ не мѣшка; а Нѣмецъ Якова Бурѣина съ товарищи отнустилъ бы еси къ нему съ Елизарьемъ же, или съ кѣмъ пригоже, и съ ними къ Якову Пунтосову приказалъжъ накрѣпко, чтобъ онъ шолъ къ тебѣ не мѣшка со всѣми людьми: а будетъ въ передъ учнетъ къ тебѣ писати, или приказывати воевода Яковъ Пунтосовъ о тѣхъ же дѣлахъ, о которыхъ нынѣ къ намъ писалъ къ Яковомъ Бурѣинимъ, и тыбъ къ нему писалъ и приказывалъ о тѣхъ дѣлахъ и промышляял тѣми дѣлы противъ наше грамоты, какъ къ нему отъ насъ писано, и противъ тое наше грамоты, какъ мы писали противъ Васкиныхъ рѣчей Архипова, и смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ вразумить: а будетъ Яковъ Пунтосовъ уврямитца, до прибылыхъ людей изъ Твери не пойдетъ, а прибылыхъ будетъ людей вскорѣ не чаяти; и тыбъ писалъ къ нему и приказывалъ, чтобъ онъ службу свою совершенную къ намъ показалъ, шолъ бы къ тебѣ въ сходъ не мѣшка, не дожидаяся прибылыхъ людей; да будетъ надобно, и тыбъ о томъ къ нему приказалъ или отписалъ, только онъ учнетъ мѣшкати во Твери, а надъ нашимъ государствомъ отъ воровъ за его мѣшканьемъ учинитца только которое лихо; и тогда чемъ тому пособити: а прибылыхъ людей будетъ надобно ждати, и вамъ мочно и сподчися поговоря о томъ тѣхъ прибылыхъ людей подождати, и онъ бы шолъ къ тебѣ не мѣшка; а будетъ воевода Яковъ Делегардъ учнетъ отговариватца тѣмъ, что Тверь замокъ всѣмъ городомъ, и смубъ съ своими полки тутъ подъ Тверью стояти, и отъ воровъ Твери оберегати, чтобъ инымъ городамъ, которые за Тверью, отъ воровъ зла не было: и тыбъ къ нему приказывалъ, что ты во Твери въ осадѣ велишь устроити Рускихъ людей, а онъ бы одиночно шолъ со всѣми Нѣмецкими людьми къ тебѣ въ сходъ не мѣшка; и промышляял бы о томъ накрѣпко, какъ тебя Богъ вразумить, чтобъ воевода Яковъ Делегардъ шолъ къ тебѣ всходъ не мѣшка: да будетъ Яковъ на ту мѣру, и тыбъ во Тверь послалъ воеводъ дву добрыхъ, а съ ними конныхъ и пѣшихъ людей, сколько

будеть пригожъ, какъ бы имъ мочно было сидѣти отъ воровъ безстрашно, и какъ лутче, такъ бы еси учились. А что воевода Яковъ Делегардъ писалъ въ своей грамотѣ, и Яковъ Буръинъ въ рѣчехъ своихъ написалъ о найму Нѣметцкимъ ратнымъ людемъ, и мы указали послати къ тебѣ съ Елизаремъ Безобразовымъ изъ Володимера двенадцать тысячь ефимковъ, и тыбъ тѣ ефимки, и что будетъ у тебя есми въ зборѣ нашей казны, давалъ на наемъ Нѣметцкимъ ратнымъ людемъ; а къ тому велѣлъ бы еси збирати съ нашихъ городовъ и съ волостей, съ которыхъ мочно что взяти; а что къ тебѣ откуды нашей казны привезуть, и тыбъ повелѣлъ давати на наемъ Нѣметцкимъ людемъ, а ефимки тебѣ давати. . . . по большей цѣнѣ, какъ бы прибыльнѣе было: а будетъ Нѣмцы заслуженыхъ мѣсяцовъ учнутъ сполна у тебя просити, и тыбъ воеводамъ и ратнымъ Нѣметцкимъ людемъ говорилъ противъ нашей грамоты, какъ о томъ въ нашей грамотѣ къ воеводѣ къ Якову Делегарду писано, что у тебя было, и что отколѣ собравъ привезуть, и ты имъ дашъ не перемѣшкавъ ни часу; а во всѣ города збирати послано, и кой часъ что отколѣ привезуть, тотъ часъ велишь имъ дати; а будетъ чево нынѣ неостанеть, и мы велимъ имъ тотъ наемъ додати на Москвѣ, не мѣшкая ни одного дни, томубъ они вѣрили безо всякого сумнѣнiя, и инако наше царское слово не будетъ; и промышлялъ бы еси нашимъ и земскимъ дѣломъ по нашему указу, и смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ вразумить, чтобъ Нѣметцкихъ ратныхъ людей не прогнѣвити и отъ насъ бы они не отстали; да какъ у тебя наше дѣло учнетъ дѣлатися, и тыбъ о томъ къ намъ отписывалъ. Писавъ на Москвѣ лѣта 7117-го году, Августа въ 22 день.

№ XX.

ГРАМОТА

ЦАРЯ ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА ВЪ КОРЬЛУ КЪ ЕПИСКОПУ,
КЪ ВОЕВОДЪ И КО ВСЕМЪ ЖИТЕЛЯМЪ, ОТЪ 30 АВГУСТА
1609.

Отъ Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русні, въ Корьлу богомолцу нашему Епископу Селивестру, да воеводе нашему Князю Данилу Тимоѣевичю Мышетцкому, да Василью Тихановичю Аврамову, и Игуменомъ, и протопопу и попомъ, и главамъ, и дворяномъ, и детемъ боярскимъ, и стрелцомъ, и пушкаремъ, и посадскимъ людемъ, и Корвьсково уѣзду всякимъ людемъ. Въ прошломъ во 116 году, какъ с воровомъ Полские и Литовские люди пришли подъ Москву, и Московному Государству учало быти отъ нихъ утесненье, а православной нашей Христьянской вѣре ругателство великое; и мы послали въ Великіи Новгородъ боярина нашего і воеводу Князя Михаила Васильевича Шуйскаго, а велѣли ему Великому Новгорода и Ноугородскихъ пригородовъ і всеѣ Новгородские земли отъ воровъ оберегати, сколько милосердын Богъ помочи подастъ. Да емужъ велѣли есмя писати и приказывати къ Свѣтскому х Карлусу Королю, чтобъ Карлусъ Король дружбу свою и любовь к намъ и ко всему нашему Росніскому Государству показалъ, далъ бы намъ на помощь ратныхъ людей, с кѣмъ бы намъ мочно стояти противъ Литвы и Поляковъ, которые хотятъ святую нашу Хрестьянскую вѣру і все Росніское Государство разорити и сами завладѣти; и о томъ бояринъ нашъ Князь Михаилъ Васильевичъ ссылаяся с Карлусомъ Королемъ и съ его воеводами многое время, сами о томъ вѣдаете,

и за многими ссылками и за прошенемъ, Карлузь Король на то споль, воеводъ своихъ Якова Пунтусова с товарищи со многою ратью к намъ и ко всему нашему Государству в помощь послалъ. А договоръ з бояриномъ нашимъ со Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Карлузь Король учинилъ, и тѣхъ ратныхъ своихъ людей на помощь послалъ, на томъ: что ему и всему Свѣискому Королевству всѣми своими ратьми и силами намъ помогати, и Росиіское Государство ото враговъ нашихъ очистити и ихъ изъ нашего Государства выгнати; а намъ за то ему городъ Коръла дати. І после того укрепленья, Карлуса Короля воеводы со многою с Неметцкою ратью многое намъ і всему Росиіскому Государству вспоможенъ учинили, Новгородское Государство и иные города с Ноугородские стороны по Москву отъ воровъ очистили, и на многихъ боѣхъ с Полскими и с Литовскими людьми бились и ихъ побивали. А ныне они з бояриномъ нашимъ со Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ блиско Москвы, и присылали к намъ ротмистровъ и лутчихъ людей говорити, что они, по своему договору, все совершаютъ: многие города и мѣста отъ воровъ очистили, і воровъ во многихъ мѣстехъ побивали, і впередъ на своемъ слове стоятъ крѣпко; а Государь де ихъ Карлузь Король и они всѣ на томъ крѣпко стали, что имъ, прося у Бога милости, по своему договору, Московское Государство отъ воровъ очистити, хотя будетъ имъ вѣсѣмъ помереть и горѣлы всѣ Свѣиского Государства позакладать, а Московское Государство отъ воровъ отъ Литвы и отъ Поляковъ очистити, і впередъ де тотъ договоръ съ ихъ стороны будетъ неподвиженъ; а с нашей де и стороны, по договору боярина нашего Князя Михаила Васильевича, не совершено, посламѣста городъ Коръла Карлусу Королю не отдавъ. И Государь де ихъ Карлузь Король и они о томъ в великомъ сумнѣнье, что они по договору все совершаютъ, а с нашей стороны по договору ничего не зѣлано; и намъ бы, по договору боярина нашего Князя Михаила Васильевича, городъ Коръла Карлусу Королю отдать, а людей бы всѣхъ и казну и нарядъ ис Корълы со всѣмъ вывести: а толко не велимъ ему отдать Корълы, и они хотять воротитца в свою землю, и впередъ намъ помогати не хотять. И мы говорили о томъ с от-

цомъ нашимъ и з богомолцомъ с святѣишимъ Гермогеномъ Патриархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и з бояры, и з дворяны, и со всѣми ратными и з земскими людьми, что Росніского Государства люди ныне учинились в великомъ изнеможене и безъ помочи, безъ Неметцкихъ людей противъ Литвы и Поляковъ стояти невозможно, и жалѣя о томъ, чтобъ вѣра Хрестыянская и Росніское Государство от враговъ от Литвы и от Поляковъ не разорилось, и святыебъ церкви в пограніи і в поруганіи не были, приговорили есмя городъ Корѣлу отдать Карлусу Королю на томъ: что ему и всему Свѣтскому Королевству всѣми своими ратными и всякими мѣрами намъ і всему Московскому Государству на воровъ на Полскихъ и на Литовскихъ людей и на Русскихъ воровъ помогати, и наше Государство от нихъ очистить, и ихъ изъ нашего Государства выбити, а Божье милосердые образы, і всякое церковное строенье, и колокола, и васъ всѣхъ, и нашу казну, и нарядъ и зелье, и всякие пушечные и хлѣбные і всякие запасы велѣли есмя вывести. И для того велѣли есмя послати боярину нашему Князю Михаилу Васильевичю с сею нашею грамотою к вамъ в Корѣлу дворянъ добрыхъ, которымъ васъ с церковнымъ строеньемъ, и с казною и с нарядомъ, и со всякими запасы, и со всѣми животы ис Корѣлы вывести; а Неметцкие воеводы послали от себя дворянъ же которымъ Корѣла взята. И какъ к вамъ ся наша грамота придетъ, и бояринъ нашъ Князь Михаилъ Васильевичъ пришлетъ к вамъ которыхъ дворянъ с сею нашею грамотою, а велитъ вамъ Корѣлу очистить Неметцкимъ людямъ; и тыбъ, богомолецъ нашъ, и с тобою воеводы, и головы, и Игумены, и протопопъ, и попы, и дьяконы і весь освященный соборъ, и дворяне, и дѣти боярские, и земцы, и стрелцы, и пушкари, и посадские і всякие люди, памятуя православную Хрестыянскую вѣру и собрався со всѣмъ, ѣхали ис Корѣлы въ Великий Новгородъ, или в Орѣшекъ, или гдѣ кому любо; а Божье милосердые образы ис Корѣлы и изъ монастырей изо всѣхъ храмовъ, и колокола і всякое церковное строенье и казну всякую, и хлѣбъ і всякие запасы, и нарядъ всякой, и зелье, и ядра і всякие пушечные запасы взялибъ есте с собою в Великий Новгородъ, а в Корѣле і в монастырехъ не оставили ничего, а городъ Корѣлу отдалибъ

есте Немецкимъ воеводамъ, не мѣшкая. А какъ ис Корѣлы поѣдете, і в которомъ числѣ Немецкимъ людемъ Корѣлу отдадите, і выбѣ о томъ тотъ часъ к намъ отписали и подлинныя росписи людемъ, которые с вами будутъ, и казнь, і наряду, і всякимъ пушечнымъ и хлѣбнымъ запасомъ к намъ прислали, не замѣшкавъ; да и о томъ бы есте к намъ челобитные прислали, не замѣшдавъ, гдѣ хто похочетъ жити: и мы по тому тотъ часъ васъ всѣхъ пожалуемъ, ружниковъ, и оброчниковъ, и стрелцовъ и пушкарей велимъ устроить нашимъ жалованьемъ, ругою и оброкомъ в тѣхъ городѣхъ, гдѣ хто похочетъ; а посадскихъ і всякихъ жилетцкихъ люден и пашенныхъ также велимъ устроить, по ихъ воле, гдѣ хто похочетъ, и льготы имъ велимъ дати и на нашубъ есте милость в томъ были надежны. Писана на Москвѣ, лѣта 7117, Августа въ 30 день.

ПРИМЪЧАНІЕ

КЪ ПЛАНУ ОСАДЫ ТРОИЦКО-СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ.

=

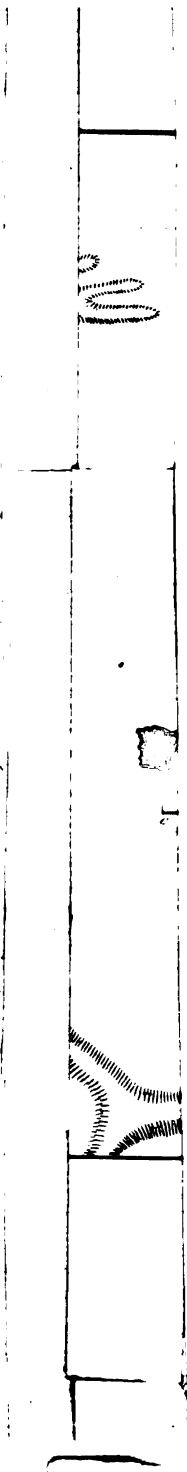
На прилагаемомъ планѣ Красная Гора означена на Западъ отъ Монастыря, согласно съ показаніемъ *Путешествія по Святымъ мѣстамъ Русскимъ*, хотя почтенный Авторъ сего путешествія, въ новѣйшемъ сочиненіи своемъ (*Воспоминанія о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ*) полагаетъ Красную Гору на Востокъ отъ обители, ссылаясь впрочемъ на мнѣніе во всѣхъ отношеніяхъ знаменитой особы. Но первое извѣстіе болѣе согласуется съ повѣствованіемъ современника Келаря Аврамія Палицына. Келарь въ тридцатой главѣ своего сочиненія, разказывая подробности достопамятной битвы 9 Ноября 1608, говоритъ: *Нифонтъ съ Троицкими Героями поидоша съ пивнаго двора на вылазку, и прешедшее прудовую ручевину взыдоша на Красную гору.....* Когда же Троицкіе люди стали приступать къ турамъ, устроеннымъ на Красной Горѣ, то непріатели *начаша стрѣляти изъ многихъ пушекъ съ Волкуши горы поперегъ Троицкаго воинства и въ тылъ съ Терентьевской рощи.... Градстіи же людѣ совѣтовавшѣ отзидоша во враги въ Благовѣщенской, да въ Косой, да въ Глиняной врагъ... Градстіи же людѣ утаившеся во врагъхъ Благовѣщенскомъ и въ*

Косомъ и въ Глиняномъ, отъ нихъ же Иванъ Ходыревъ, да Троицкіе слуги Анаія Селевинъ съ немногими людьми встѣше на кони устремишася полемъ позади туровъ... Въ тридцать второй главъ Палицынъ также пишетъ: ... Литовець потопташа по Красной горѣ вдоль и до Клементьевскаго пруда.... Сапего прииде на Красную гору на Троицкихъ людей по всему Клементьевскому полю....

Изъ словъ сихъ явствуетъ: 1-е) что Монастырь отъ Красной горы отдѣлялся ручьемъ, котораго на Восточной сторонѣ вовсе нѣтъ, какъ напротивъ того на Западѣ дѣйствительно таковой протекаетъ между обителью и противулежащею высотой; 2-е) что непріятель съ горы Волкуши стрѣлялъ во флангъ, а съ Терентьевской роши въ тылъ войску сражающемуся на Красной горѣ, чего не могло быть, если бы Красная гора находилась на Востокъ, ибо тогда дѣйствіе Литовскихъ орудій было бы на оборотъ, то есть съ Терентьевской роши во флангъ, а съ Волкуши горы въ тылъ; 3-е) что изъ Благовѣщенскаго оврага, въ настоящемъ положеніи коего не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія по причинѣ при ономъ донынѣ лежащаго села Благовѣщенскаго, нельзя бы Ходыреву и Селевину устремиться позади туровъ, на Красной горѣ устроенныхъ, если бы гора сія находилась не на Западѣ, а на Востокъ отъ Монастыря, и наконецъ 4-е) что Красная гора прилежала къ Клементьевскому пруду, который и теперь сохраняя свое названіе, находится противъ Юго-Западнаго угла Обители.

Столь положительныя извѣстія, сообразныя древнимъ преданіямъ, сохранившимся въ Лаврѣ, ясно опредѣляютъ мѣстность Красной горы точно такъ какъ она назначена на планѣ.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
И. ИЛОЧКОВА

